А·Хамруш

Революция 23 июля 1952 г. в ЕГИПТЕ

А·Хамруш

Революция 23 июля 1952 г. в ЕГИПТЕ

Очерки истории

أحمد حمروش

قصة ثورة ٢٣ يوليو

المؤسسة العربية للدراسات والنشر
بيروت – لبنان

А·Хамруш

Революция 23 июля 1952 г. в ЕГИПТЕ

●

Очерки истории

Сокращенный перевод с арабского
В. И. Соловьева

Предисловие, редакция
и комментарии кандидата
исторических наук
Б. Г. Сейраняна

МОСКВА
ПРОГРЕСС 1984

Книга известного египетского публициста, журналиста, общественного и политического деятеля Ахмеда Хамруша посвящена наиболее важному событию в новейшей истории Египта — революции 23 июля 1952 г.

Особую ценность в книге представляют те главы, в которых автор — активный участник этого события — вводит в научный оборот многие неизвестные или малоизвестные исторические факты, раскрывает значение социально-экономических мероприятий египетского правительства, политическое и идеологическое воздействие революционного Египта на освободительное движение во всем арабском регионе.

$X\frac{0506000000-528}{006(01)-84}-2-84$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга известного египетского публициста, журналиста, общественного и политического деятеля левого направления Ахмеда Хамруша посвящена наиболее важному событию в новейшей истории Египта — революции 23 июля 1952 г.

Июльская революция, открыв эпоху независимого развития, явилась поворотным пунктом в исторических судьбах египетского народа и вместе с тем оказала огромное революционизирующее воздействие на ход событий во всем арабском мире.

Историческое значение не только для Египта, но для всего Арабского Востока и Африканского континента имели аграрные реформы, политика индустриализации, национализация Суэцкого канала, а вслед за ним собственности иностранного монополистического капитала, отражение тройственной империалистической агрессии и борьба против экономической блокады, навязанной империалистическими державами, и др.

Социально-экономические мероприятия, проведенные в 1961—1965 гг. египетским правительством, вышли за рамки буржуазно-демократических преобразований и ознаменовали новый, более высокий этап развития революции, наиболее существенной чертой которого явилось дальнейшее развитие антиимпериалистической и антифеодальной революции, переход к антикапиталистическим реформам, ограничению частнокапиталистического сектора в городе.

Египет в 1950—1960-е годы превратился в ведущую державу Арабского Востока, которая оказывала огромное

политическое и идеологическое воздействие на освободительное движение и революционный процесс во всем регионе. Важную роль сыграла помощь, оказанная Египтом алжирской революции, делу защиты йеменской революции, укрепления революционных сил в Сирии, Судане, Иордании и других странах.

Насеровский Египет сыграл большую роль в срыве попыток империалистических государств навязать арабским странам различные военные пакты и блоки, в сплочении народов Арабского Востока в борьбе против империалистических и неоколониалистских сил. В результате сложной борьбы к началу 1955 г. выкристаллизовалась программа позитивного нейтралитета и неучастия в военных союзах, а Гамаль Абдель Насер стал одним из выдающихся афроазиатских политических деятелей, внесших наибольший вклад в основание движения неприсоединения.

Важным достижением национально-демократического руководства во главе с Г. А. Насером явилось установление дружественных отношений с СССР и другими странами социалистического содружества, что способствовало развитию и укреплению прогрессивных и революционно-демократических сил в Египте и во всем арабском мире.

Поэтому отнюдь не случаен большой и неослабный интерес к проблемам египетской революции как в самом Египте, так и во всем мире. По этой тематике создана уже весьма обширная литература, в том числе ряд капитальных трудов египетских и арабских исследователей, как прогрессивных левых, так и буржуазных. И хотя в нашем распоряжении нет точных данных, можно с небольшой степенью риска утверждать, что ни одна тема новой и новейшей истории арабских стран не получила такого широкого и всестороннего освещения, как революция 23 июля 1952 г. Буржуазная западная историография вплоть до 60-х годов уделяла мало внимания проблемам национально-освободительного движения арабских народов. Однако в течение последних двух десятилетий были предприняты энергичные усилия, чтобы восполнить имеющийся пробел. В эти годы в странах Западной Европы и США был опубликован ряд содержащих богатый фактический материал серьезных работ, освещающих ход революционных событий в долине Нила в 50—60-е годы преимущественно с буржуазно-объективистских позиций.

В противоположность буржуазной науке проблемы освободительной борьбы в Египте всегда были в центре вни-

мания историков-марксистов. Советские ученые создали серию работ, посвященных истории национально-освободительной борьбы египетского народа, начиная с самых ранних истоков и вплоть до ее бурного разлива в 50—60-е годы в период крушения колониальной системы.

Ограничимся упоминанием лишь отдельных, в которых всесторонне рассматривается история и характер египетской революции 23 июля 1952 г., анализируются ее своеобразные и наиболее важные черты *.

Однако, несмотря на наличие большой научной и мемуарной (включая книги бывших президентов Гамаля Абдель Насера, Мухаммеда Нагиба и других видных участников революции) литературы, монументальный пятитомный труд Хамруша — «Революция 23 июля 1952 г. в Египте» занимает особое место в историографии египетской революции. По обширности и уникальности материалов, собранных в нем источников, а также разнообразию и многочисленности поставленных проблем он существенно отличается от всех предшествующих книг, посвященных этой теме.

Труд А. Хамруша вносит столь большой вклад в изучение истории египетской революции, что без его использования и учета дальнейшие исследования в этой области были бы обедненными.

* * *

Ахмед Хамруш относится к первому поколению египетских офицеров — выходцев из средних слоев, которым после заключения англо-египетского договора 1936 г. и отмены режима капитуляций было разрешено в нарушение установившихся традиций поступить в военный колледж, избрав карьеру офицера. Уже в юношеские годы он вместе со многими своими сверстниками-офицерами решил посвятить жизнь делу освобождения своей родины от колониального гнета. Он входил в ту немногочисленную группу офицеров, в которых рано пробудился обостренный интерес к

---

* См.: Ф. А. Ротштейн. Захват и закабаление Египта. М., 1925 (1-е изд.); М., 1959 (2-е изд.); В. Б. Луцкий. Июльская революция 1952 г. в Египте. — «Советское востоковедение», 1957, № 2; И. П. Беляев, Е. М. Примаков. Египет: время президента Насера. М., 1974 (1-е изд.); М., 1981 (2-е изд.).

общественно-политическим проблемам. Уже в те годы он придавал большое значение вопросам идеологической подготовки революции, сплочению патриотически настроенных офицеров армии на принципах египетского и арабского патриотизма. Он одним из первых среди офицеров египетской армии вступил в организацию «Свободные офицеры», созданную Гамалем Абдель Насером, под руководством которого он вместе с такими видными деятелями организации, как Халед Мохи ад-Дин, Салах Салем, Хамди Убейд, Ахмед Фуад и Абдель Рахман Аннан, принимал самое деятельное участие в написании, печатании и распространении листовок «Свободных офицеров», ставших важнейшим средством пропаганды идей подпольной организации офицеров как в армии, так и среди гражданского населения. Эти листовки имели большой резонанс в стране и сыграли большую роль в идеологической подготовке революции. Ахмед Хамруш — активный участник июльской революции 1952 г.; ему, капитану египетской армии, было поручено выполнение весьма ответственной миссии. Накануне выступления армии он был вызван в Каир для встречи с Насером и получения от него инструкций относительно действий александрийского гарнизона, представителем которого он являлся. Значение Александрии, летней столицы, определялось в то время тем, что в ней находились король со своей гвардией, главнокомандующий вооруженными силами и правительство.

После победы революции А. Хамруш всецело посвятил себя публицистической, научной и журналистской деятельности. Уже в первые месяцы после победы революции молодые руководители Египта со всей остротой осознали необходимость основания печатных органов, которые выражали бы взгляды революционного руководства, с тем чтобы развернуть борьбу против засилья в области общественно-политической мысли буржуазно-помещичьих партий старого Египта, в первую очередь против большой прессы партии Вафд, которая продолжала пользоваться значительным влиянием.

Первым шагом на этом пути явилось основание вскоре после ликвидации монархии и провозглашения республики ежедневной газеты «Аль-Гумхурия» («Республика») и журнала «Ат-Тахрир» («Освобождение»). В становлении этих важных органов печати Хамрушу принадлежит выдающаяся роль. Ему было поручено издание и руководство редакционной коллегией первого печатного органа рево-

люционной армии — журнала «Ат-Тахрир», который начал издаваться в сентябре 1952 г. Благодаря своей идейной убежденности и преданности принципам революции, прогрессивным взглядам, широкому кругозору и журналистскому дарованию он оказал заметное влияние на развитие революционной египетской и арабской журналистики.

В последующие годы, несмотря на превратности судьбы, он возглавлял правления и являлся главным редактором таких журналов, как «Аль-Катиб» («Писатель»), «Аль-Хадаф» («Цель») и, наконец, с 1964 г. в течение десятилетия — популярного на Арабском Востоке журнала «Роз аль-Юсеф» (псевдоним актрисы Фатимы аль-Юсеф), который выступал в поддержку прогрессивного внутриполитического курса президента Насера, социально-экономических реформ первой половины 60-х годов, постоянно разоблачал происки реакции против некапиталистического пути развития.

В этот период «Роз аль-Юсеф» превратился в один из важнейших печатных органов прогрессивных и демократических сил, выступавших с критикой политики «открытых дверей», провозглашенной президентом Садатом в середине 70-х годов. За свои смелые выступления против антинасеровского, антипатриотического и антиарабского курса в период так называемого «демократического эксперимента» Садата А. Хамруш был отстранен от руководства журналом и в числе нескольких десятков виднейших представителей египетской культуры включен в «черный список» граждан, лишенных права на творческий труд и свободу выражения мнений. Много сил отдавал А. Хамруш и публицистической деятельности. Достаточно отметить, что им опубликовано более 15 книг и брошюр, посвященных проблемам современной египетской литературы и театра, вопросам культуры, политическим и социальным вопросам Египта и арабских стран, путевые очерки и др. Свою научную и публицистическую работу А. Хамруш сочетает с большой общественной деятельностью, являясь генеральным секретарем Египетского комитета солидарности народов стран Азии и Африки.

Наиболее значительное произведение Хамруша — фундаментальная пятитомная работа «Революция 23 июля 1952 г. в Египте», где автор выступает прежде всего как ученый-историк, тщательно изучивший различные уникальные документы организации «Свободные офицеры» и других политических сил дореволюционного Египта, различ-

ные официальные документы, проштудировавший материалы, опубликованные в египетской прессе (за многие годы): официальной, официозной, партийной (различных направлений) и подпольной.

Широко использовал автор и имеющуюся литературу по исследуемой теме: это научные исследования, популярные книги и брошюры египетских и иностранных ученых и общественно-политических деятелей. Наконец, следует отметить, что А. Хамруш знаком с трудами классиков марксизма-ленинизма по национально-колониальному вопросу, владеет научной методикой анализа соотношения политических и социально-классовых сил. Среди работ советских исследователей наиболее широко автор использует известную работу В. Б. Луцкого по новой истории арабских стран *.

Однако работу А. Хамруша нельзя отнести к чисто академическим произведениям, созданным в кабинетной тиши. Читатель попадает в своеобразную атмосферу революционной действительности, перед ним встают живые и яркие зарисовки важнейших событий послевоенной египетской истории, оживает целая галерея ведущих политических деятелей дореволюционного и послереволюционного Египта.

Особый интерес представляет личность Насера, которому посвящены многие страницы книги. И хотя о Насере существует большая литература, А. Хамрушу удалось и здесь найти много новых интересных штрихов, обогащающих и углубляющих политический портрет руководителя «Свободных офицеров». «Среди своих коллег, — отмечает автор, — Гамаль Абдель Насер был наиболее цельной личностью: он меньше всех говорил, лучше всех слушал, с заметным тактическим искусством разрешал возникавшие проблемы. Насколько его тактика была гибкой, видно из того, как она менялась в зависимости от обстановки» (с. 244). Данная работа А. Хамруша в известном смысле может быть отнесена и к произведениям мемуарного жанра, как воспоминания и свидетельства активного участника революции, который находился в самой гуще событий, хорошо был знаком с ее наиболее видными деятелями.

Однако и этим далеко не исчерпывается значение пяти-

---

* См.: В. Б. Луцкий. Новая история арабских стран. М., 1965.

томного исследования А. Хамруша. Сам автор считает, что наиболее ценным и важным источником его работы является огромный и уникальный материал, который удалось собрать в процессе бесед-опросов с коллегами-офицерами, творцами революции. Поэтому определить жанр труда А. Хамруша дело далеко не простое. Он сочетает в себе научность и документальность историко-социологического произведения с публицистичностью.

А. Хамруш приступил к написанию своего фундаментального труда уже в первые послереволюционные годы. Однако работа многократно откладывалась по объективным и субъективным причинам, прежде всего из-за потребности автора откликаться на животрепещущие повседневные проблемы послереволюционного Египта. Она была завершена и опубликована лишь в середине 70-х годов в Бейруте ливанским издательством «Арабский центр исследований и публикаций» в 1975—1977 гг. и за короткий срок выдержала два издания (второе издание 1977—1978 гг.).

Несколько позже одно из каирских издательств опубликовало работу А. Хамруша в десяти выпусках без указания года издания.

1-й том монографии — «Египет и военные» — посвящен роли, которую играли военные, в первую очередь офицерство, в новой и новейшей истории страны, начиная с создания национальной египетской армии Мухаммедом Али в первой половине XIX века и вплоть до конца 60-х годов. В нем показана роль вооруженных сил и особенно офицерства, в национально-освободительной борьбе египетского народа, прослеживаются связи военных и воздействие на их мировоззрение и общественно-политические взгляды различных политических партий и идейных течений Египта XIX—XX веков. Одна из особенностей первого тома работы Хамруша состоит в том, что на все проблемы истории и освободительного движения Египта автор смотрит как бы под углом зрения армии, с точки зрения военных. Этот ракурс, который не затушевывается и в последующих томах, представляется весьма интересным. Вторая часть первого тома посвящена зарождению и становлению организации «Свободные офицеры», подготовке и осуществлению выступления армии в ночь на 23 июля, а также первому периоду пребывания военных у власти.

2-й том — «Общество Гамаля Абдель Насера» — посвящен важнейшим политическим проблемам египетского общества в период после победы революции 1952 г. В нем

исследуется внутриполитическое развитие, показывается сложное, противоречивое и неустойчивое соотношение политических сил, сложившееся в первые послереволюционные годы, а также ход и исход той поистине напряженной борьбы с силами внутренней и внешней реакции, приведшей к победе антиимпериалистического, прогрессивного курса, к известным социально-экономическим реформам первой половины 60-х годов, вступлению страны на некапиталистический путь развития.

3-й том — «Гамаль Абель Насер и арабы» — посвящен арабской политике революционного Египта. Автор анализирует процесс превращения Египта в 50—60-е годы в центр революционного движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке, показывает огромное влияние революционного Египта на процесс освободительного движения в арабском мире.

Значительное место в этом томе уделяется борьбе правительства Насера против попыток империалистических держав навязать странам арабского мира военные пакты и союзы.

4-й том — «Свидетели июльской революции» — своеобразное приложение к исследованию. Здесь читатель вводится в лабораторию ученого. В том включены результаты анкетирования, стенографические записи бесед со многими видными политическими, государственными и военными деятелями, проведенные в соответствии со специально разработанными автором вопросниками по самым различным проблемам революции. Справочный том для автора крайне важен, так как в нем собран большой материал, на основании которого писалась книга.

Этот том представляет и самостоятельный интерес как ценный первоисточник по истории революции. По-видимому, именно поэтому автор счел необходимым его опубликовать.

5-й том — «Осень президента» — посвящен последнему периоду жизни и деятельности Г. А. Насера (он был получен после того, как работа над предлагаемым читателю изданием уже была завершена).

В силу большого объема работы А. Хамруша (не менее 150 а. л.), ее многоплановости и разнохарактерности, а в ряде случаев и излишней детализации, а также наличия неизбежных повторов было сочтено целесообразным издать в русском переводе с согласия автора сокращенный вариант «Революции 23 июля 1952 г. в Египте», в одной книге.

Перед составителями стояла нелегкая задача собрать и сконцентрировать наиболее важные и представляющие интерес неизвестные и малоизвестные материалы, документы и факты, сократив в первую очередь те разделы и главы работы, в которых содержатся сведения, достаточно хорошо разработанные и известные в советской научной литературе, по возможности не нанося ущерба общей композиции и логике изложения автора. При подготовке настоящего издания в основном были использованы первые два тома, посвященные непосредственно проблемам внутренней истории Египта. В первом томе сокращены разделы, посвященные истории египетской армии в XIX веке. Из третьего тома частично использована глава, посвященная египетско-суданским отношениям. Третий и четвертый тома привлекались преимущественно для уточнения некоторых неясных вопросов, а также устранения отдельных противоречий и расхождений, которые были обнаружены в первых двух томах. Они были неизбежны в силу особого характера источников книги: ведь одно и то же историческое событие может восприниматься и запоминаться отдельными его свидетелями по-разному.

* * *

Одним из важных достоинств книги А. Хамруша является то, что в ней не смягчаются те сложные и глубинные процессы, которые переживал Египет в один из самых переломных периодов своей истории. Напротив, события излагаются в диалектическом взаимодействии, взаимообусловленности и противоречивости. Большой интерес представляют и заслуживают пристального внимания главы работы, посвященные истории формирования и становления организации «Свободные офицеры».

Несмотря на бесспорность важности изучения этого вопроса, до сих пор еще не создана научная история «Свободных офицеров». Книга А. Хамруша вносит важный вклад в решение этой значительной проблемы. Не меньшее значение имеет исследование связей и взаимодействия основных политических партий дореволюционного Египта с движением «Свободных офицеров». Автор с большим знанием дела детально анализирует непосредственную реакцию главных политических сил Египта (партия Вафд, ассоциация «Братья-мусульмане», коммунистические группы) на революционное выступление в ночь на 23 июля 1952 г.

Каждая из трех указанных сил — буржуазно-либераль-

ная, религиозно-консервативная и марксистская — имела своих сторонников и оказывала влияние на офицеров — членов тайной организации «Свободные офицеры», которая в конце концов не примкнула ни к одному из вышеупомянутых течений, а создала собственную, весьма замкнутую организацию на основе лишь небольшого набора принципов и лозунгов и позже в процессе острой борьбы с вышеупомянутыми силами приступила к выработке собственной идеологии. Вместе с тем автор отмечает, что «Свободные офицеры» своими корнями уходят в мусульманские ассоциации и группы, превращение которых в серьезную силу было вызвано в том числе глубоким кризисом партийно-парламентской системы западного типа в той одиозной форме, в какой она существовала в монархическом Египте, а также разочарованием египетской интеллигенции в буржуазно-либеральных концепциях египетских политических деятелей, которые управляли страной в период между двумя мировыми войнами.

Тем не менее «Свободные офицеры» сперва отказались от сотрудничества с ассоциацией «Братья-мусульмане», а затем повели решительную борьбу против нее.

Изучение всего этого комплекса проблем имеет не только научное и познавательное значение, но и актуально в политическом отношении, ибо все эти движения в несколько видоизмененной форме продолжают существовать и действовать и в настоящее время. С неослабным вниманием читаются страницы, посвященные событиям 23—26 июля, связанные с революционным выступлением и изгнанием из страны короля Фарука. Здесь интерес представляют не только описание важнейших событий, но и деталей, связанных, например, с церемонией официальных «проводов» короля (опоздание Нагиба, слезы на глазах Али Махира и многое другое). Книга А. Хамруша вносит ясность во многие спорные, неизвестные или малоизвестные факты египетской истории, опровергает некоторые укоренившиеся неверные представления.

Так, например, автор утверждает, что известные шесть принципов египетской революции, провозглашенные президентом Насером в марте 1955 г. важнейшим программным документом египетской революции, были сформулированы еще до революции в одной из прокламаций «Свободных офицеров», написанных офицерами-патриотами Ахмедом Фуадом и Халедом Мохи ад-Дином (с. 113).

Заметный вклад книга Хамруша вносит и в изучение

такого малоисследованного вопроса, как история наиболее крупной коммунистической организации Египта — ХАДЕТУ, которой принадлежит достойное место в освободительной борьбе египетского народа, в пропаганде и распространении научных представлений о развитии общества, в организационной и идеологической подготовке революции.

С большой убедительностью в книге показана и роль таких видных деятелей египетской революции, как покойный Юсеф Сыддык и ныне здравствующий Халед Мохи ад-Дин (впоследствии член ЦК и Генерального секретариата АСС, генеральный секретарь Национального совета сторонников мира и член Всемирного Совета Мира, лауреат Международной Ленинской премии мира). Х. Мохи ад-Дин — один из крупнейших политических деятелей современного Египта, лидер Национально-прогрессивной (левой) партии.

Отмеченные достоинства книги Хамруша не исключают наличия в ней некоторых ошибочных оценок, формулировок и терминов.

Так, трудно согласиться, когда автор пытается оправдать деятельность партии Вафд в период вооруженной борьбы в зоне Суэцкого канала в октябре 1951 г. — январе 1952 г. (с. 273), ссылаясь на тот факт, что ее правительство «позволило развязать народную инициативу в вооруженной борьбе в зоне канала и поддержало эту борьбу», что «делает ей честь».

Но прежде всего следует вспомнить политическую обстановку в стране. В условиях бурного подъема национального движения вафдисты денонсировали договор 1936 г. и действительно «развязали народную инициативу», как отмечает автор. Но до определенного предела. Она нужна была лидерам партии лишь в политических целях для оказания нажима на Великобританию и получения у нее уступок. Когда же движение по своему размаху вышло далеко за пределы намеченного Вафдом, лидеры испугались широкого народного движения и приняли меры для его свертывания. Английский «Экономист» в те дни отмечал, что Наххас и Сираг ад-Дин «теперь серьезно пытаются надеть узду на страсти, которые они сами вызвали на прошлой неделе» *. Именно нерешительность партии привела к краху ее политики в тот период. Автор в ряде случаев

* "The Economist", 20.X.1951.

употребляет термины, заимствованные в буржуазной литературе (например, «средний класс» вместо «средние слои») и т. д.

В «Революции 23 июля 1952 г. в Египте» не нашли достаточно всестороннего освещения социально-экономические проблемы, работа А. Хамруша не лишена и некоторых субъективных авторских оценок. Но не следует забывать и время, когда писалась и готовилась к печати книга.

Эти замечания, разумеется, ни в коей мере не умаляют общей высокой оценки книги А. Хамруша, вносящей существенный вклад в изучение новейшей истории Египта, в наиболее кардинальные и принципиальные проблемы национально-освободительного движения и революции. Все это дает основание считать, что книга будет встречена с большим интересом советским читателем, всегда относящимся с искренней симпатией к героической борьбе народа Египта и народов других арабских стран за свою свободу и независимость.

Б. Г. Сейранян

Глава 1

ОТ РОЖДЕНИЯ ЕГИПЕТСКОЙ АРМИИ ДО ВОССТАНИЯ ОРАБИ

Говорить о военных в истории Египта — это значит говорить не о каком-то классе общества. Ведь египетская армия состоит из представителей разных классов — рабочих и крестьян, мелкой и крупной буржуазии. А до недавнего времени в ней были и феодалы.

Говорить о военных в истории Египта — значит говорить об истории их борьбы. Едва египетский феллах при Мухаммеде Али надел солдатский мундир, как внутри армии между солдатами и младшими офицерами — сыновьями феллахов и занимающими высшие командные должности турками и черкесами — возник классовый антагонизм, который постоянно рос. С началом английской оккупации Египта борьба египтян внутри армии приобрела национально-патриотический характер и своим острием была обращена против сил оккупантов. Не утихавшая с начала XIX в., эта борьба в своих различных формах и проявлениях составляет неотъемлемую часть борьбы египетского народа за независимость.

Египетская армия нового времени своими корнями не уходит в глубокое прошлое и не имеет преемственной связи с войском эпохи фараонов. На протяжении столетий, когда в стране правили мамлюкские[1] династии, египтяне не выступали на военном поприще: иноземные правители боялись дать оружие в руки феллахов. Турки, завоевавшие Египет в 1517 г., унаследовали от мамлюкских султанов обычай создавать свою гвардию из мамлюков. Это были белые рабы, привезенные из стран Черноморского побережья, насильно обращенные в ислам и специально подготовлен-

[1] См. Комментарии, с. 330.

ные к военной профессии. Турецкие правители назначали их на важные государственные должности, жаловали им обширные поместья. К концу XVIII в. среди феодалов мамлюки составляли господствующий слой, в их владении находилось $^2/_3$ обрабатываемых земель. Феллахи же изнывали от непосильного гнета, подневольного труда, грабежа помещиков. Мамлюкские и турецкие правители не рекрутировали феллахов, так как они принесли бы с собой в армию дух ненависти и бунтарства.

Наполеону, вторгшемуся в Египет в 1798 г., пришлось иметь дело не только с мамлюкским войском, но и с египетским народом, который вел партизанскую войну ради защиты своей земли от иноземных захватчиков. После крестовых походов это была его первая конфронтация с захватчиками-немусульманами. В ходе трехлетней борьбы против французской оккупации египтяне приобрели большой боевой опыт, пригодившийся им в грядущих битвах за независимость.

Когда к власти в Египте пришел Мухаммед Али (1805 г.), он провел военную реформу, заключавшуюся, во-первых, в египтизации армии и, во-вторых, в создании военной промышленности.

Осуществление плана египтизации армии он начал с создания учебного лагеря в Асуане, где тысячи египтян и суданцев проходили военную подготовку под руководством французских и итальянских инструкторов. Наиболее видным из них был французский офицер Жозеф Сэв, который по прибытии в Египет в 1819 г. принял ислам и стал известен под именем Сулейман-паши. Набор феллахов в армию оказался делом нелегким: задавленные многовековым гнетом, они всячески уклонялись от солдатчины. Мухаммед Али потребовал от шейха Аль-Азхара, чтобы мусульманское духовенство провело разъяснительную работу среди феллахов, а наборщикам рекрутов разослал циркуляр, в котором предписывал не принуждать феллахов к военной службе силой, а «постепенно растолковывать им, что это дело благое и никак не повинность».

Мухаммед Али и его сын Ибрагим высоко ценили египетского солдата и не давали его в обиду офицерам — туркам и мамлюкам. Рассказывают, например, что, когда во время торжественной встречи одного из полков в Дамьетте начальник тамошней скотобойни, турок, язвительно заметил: «Слепые феллахи стали аскерами», Мухаммед Али велел наказать его сотней ударов плетью.

Для подготовки офицерских кадров из египтян Мухаммед Али открыл военные школы — пехотную, кавалерийскую и артиллерийскую, а в 1826 г. — Академию генерального штаба. На арабский язык были переведены французские военные уставы — египетская армия организовывалась по образцу армии Наполеона.

Так Мухаммед Али осуществил первую свою цель, и история зафиксировала рождение армии из египетских феллахов, положившее начало национально-освободительному движению египетского народа.

Что касается его второй цели — создания военной промышленности, то для нужд армии Мухаммед Али построил чугунолитейный и пороховой заводы, текстильные фабрики, фабрики по производству парусины, канатов, маслобойные, мыловаренные и другие заводы. В 1829 г., после гибели египетского флота в Наваринском сражении, Мухаммед Али заложил Александрийскую судоверфь, и в 1831 г. был спущен на воду первый стопушечный корабль.

В Египте появился промышленный пролетариат. Всего на предприятиях было занято до 40 тыс. рабочих. Рабочие подчинялись военной дисциплине и были разбиты на взводы, роты и батальоны. Они жили в казармах и получали ничтожную заработную плату.

Наряду с промышленностью получило развитие и сельское хозяйство. Положение феллахов несколько улучшилось [2]. Египет стал экспортером хлопка и риса. Сооружались оросительные и дренажные каналы. Благодаря этому посевные площади страны увеличились с 2 млн. федданов * в 1821 г. до 3,1 млн. федданов в 1833 г.

Была проведена реорганизация государственного аппарата, созданы министерства. Для нужд армии и нового государственного аппарата требовалось большое число образованных людей. С этой целью Мухаммед Али, сам научившийся читать и писать в сорокапятилетнем возрасте, направил несколько групп молодых египтян в Европу для изучения военных наук, инженерного дела, медицины, иностранных языков и юриспруденции. О том, что все это делалось главным образом в интересах развития армии, свидетельствует хотя бы пример Рифаа-бея ат-Тахтави [3]. Начав свою деятельность в 1824 г. в качестве полкового имама [4], ат-Тахтави в составе первой группы египтян в 1826 г. был послан на учебу в Париж, а по возвращении

* 1 феддан равен 0,42 га. — *Ред.*

преподавал сначала в Медицинской школе, затем в Артиллерийской школе и Школе языков. Четкого разграничения между гражданскими и военными учебными заведениями в то время не существовало. Тот же ат-Тахтави имел офицерский чин, еще будучи имамом; учась в Париже, он уже был капитаном, а к концу жизни дослужился до бригадира. Иначе говоря, подобно тому как рабочие набирались на фабрики и заводы в порядке воинской повинности, так и некоторые интеллигенты считались состоящими на военной службе и имели воинские звания.

В 1833 г. численность египетской регулярной армии составляла около 180 тыс. солдат, иррегулярных войск — около 40 тыс., во флоте служило 15 тыс. моряков. Таким образом, почти четверть миллиона человек из общего числа египтян, составлявшего в то время 3 млн. [5], были мобилизованы в армию.

Несмотря на это, до конца правления Мухаммеда Али египтяне не могли подняться выше младших офицерских чинов. В то же время офицеры-иностранцы имели в египетской армии высокие чины. В том же 1833 г. в ней служило более 70 человек итальянцев, столько же французов — бывших офицеров наполеоновской армии, 12 испанцев и несколько англичан. В их обязанность входило передавать Египту знания и опыт, накопленные в области военного дела в Европе.

Однако в офицерском корпусе офицеров-иностранцев было сравнительно не так уж много. Самую значительную прослойку в нем составляли турки, затем шли мамлюки, прошедшие военную выучку под руководством Мухаммеда Али уже после его известной расправы над ними [6]. На службу в египетскую армию турецких офицеров и других офицеров-иностранцев Мухаммед Али привлекал более высоким жалованьем. В то же время солдаты и унтерофицеры в египетской армии получали значительно меньше, чем в армии турецкого султана. Например, бригадир (миралай) в турецкой армии получал в 60 раз, а в египетской армии в 533 раза больше, чем рядовой.

Кроме высоких окладов, офицеры египетской армии получали бесплатное питание и табак. Высшим офицерам Мухаммед Али жаловал земельные владения. Особенно щедро он награждал французских офицеров, которые получали до 36 тыс. франков в год, не считая других благ.

Земли, которые Мухаммед Али превратил в государственную собственность, он снова стал раздавать в частное

владение своим родственникам, членам своей свиты и высшим офицерам. В результате в армии возникли резкие классовые различия между офицерами и солдатами, между неегиптянами и египтянами. Появился своего рода военный феодализм, что не увязывалось с прогрессивными тенденциями в деятельности Мухаммеда Али. В итоге египетский солдат-феллах по-прежнему был лишен возможности выражать волю крестьянских масс и подчинялся приказам начальников, которых с Египтом не связывало ничто, кроме материального интереса.

Несмотря на это, египтяне участвовали во всех военных экспедициях Мухаммеда Али. Особой популярностью как полководец среди солдат пользовался Ибрагим-паша. Абу-Халиль, как его звали в армии, обладал необыкновенной способностью поднимать боевой дух войск.

Еще в 1811 г. в ответ на обращение Порты подавить движение ваххабитов Мухаммед Али начал войну в Аравии. К концу 1818 г. египетская армия под командованием Ибрагим-паши разгромила государство ваххабитов, и Мухаммед Али подчинил себе большую часть Аравийского полуострова.

В 1820 г. под предлогом преследования остатков мамлюков, укрывавшихся в Донголе, он послал в Судан 5-тысячный отряд во главе с другим своим сыном, Исмаил-пашой. Не знавшие огнестрельного оружия, суданцы не оказали серьезного сопротивления египетской армии, которая имела на вооружении артиллерию. К 1822 г. эта кампания завершилась захватом Восточного Судана. Хартум, ставший центром египетских владений в Судане, быстро превратился в крупный торговый город. Разделив Судан на семь провинций, Мухаммед Али во главе их поставил пашей из числа приближенных к нему турок: египтяне, несмотря на свои военные заслуги, на должности правителей завоеванных областей не назначались.

В результате суданской кампании русло Нила почти на всем протяжении оказалось под контролем Мухаммеда Али, что еще больше укрепило его власть в Египте. В его голове уже зрел план создания независимого арабского государства. Когда позднее соратники Ибрагим-паши по сирийскому походу во время осады Акки спросили Ибрагим-пашу, как далеко он намерен дойти в своих завоеваниях, он ответил так: «До пределов стран, где люди не объясняются между собой по-арабски». В глубине души Мухаммед Али надеялся в случае успешного осуществления своей

политики заставить подчиненные ему народы признать его халифом.

В различных концах Османской империи народы один за другим поднимались на борьбу против турецкого ига. В 1821 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание в Греции. Греческим борцам за свободу сочувствовали все европейские народы. В их рядах сражалось немало передовых людей Европы, в том числе английский поэт лорд Байрон. По совету канцлера Австрии Меттерниха султан Махмуд II снова решил прибегнуть к помощи Мухаммеда Али. При этом он преследовал двоякую цель: подавить греческое восстание руками Мухаммеда Али и одновременно ослабить его самого в этой борьбе. Мухаммед Али, конечно, понимал намерения султана, но предложение его принял, увидев в нем удобный случай для осуществления своих честолюбивых замыслов.

В награду за услуги султан объявил Мухаммеда Али правителем острова Крит и назначил его главнокомандующим вооруженными силами Османской империи в Морее. На подавление восстания Мухаммед Али направил в Грецию во главе с Ибрагимом 30-тысячную армию, а также флот в составе 56 крупных военных кораблей и 250 транспортных судов. Таким образом, Мухаммед Али не только не выступил в поддержку национально-освободительных движений, развернувшихся внутри Османской империи, но и помогал подавлять их, хотя его собственная попытка добиться независимости Египта представляла собой важную составную часть этого процесса.

После прибытия египетской армии ход военных действий в Греции резко изменился. Ибрагим-паша одерживал одну победу за другой. 5 июня его армия вступила в Афины.

Победы Мухаммеда Али привлекли к нему внимание европейских держав. Они увидели в нем опасность, угрожавшую Европе. 20 октября 1827 г. турецко-египетский флот был полностью уничтожен объединенным флотом Англии, Франции и России в Наваринской бухте. Ибрагим-паши на месте сражения не было, он в это время находился в Морее.

Проявив политическую мудрость, Мухаммед Али принял требование европейских держав и эвакуировал остатки своих войск из Греции. При передаче позиций французскому генералу Мэзону, заявившему, что он прибыл для того, чтобы утвердить независимость Греции, Ибрагим-па-

ша с сарказмом заметил ему: «Если это так и если Франция печется о независимости народов, тогда почему она порабощает испанцев и посылает свои войска на подавление их освободительного движения? Разве у испанцев меньше права быть свободными, чем у греков?»

Гибель флота в Наваринском сражении не привела Мухаммеда Али в отчаяние. Он с новой энергией принялся за осуществление своего плана в отношении Сирии и Палестины и создания обширного арабского государства. Отношения между ним и султаном резко обострились. Мухаммед-Али отказался участвовать вместе с султаном в русско-турецкой войне и в выплате наложенной на султана контрибуции.

Воспользовавшись конфликтом с правителем Акки Абдаллах-пашой, который отверг его требование возвратить Египту 6 тыс. беглых солдат (многие египетские солдаты бежали от непосильных тягот военной службы в заграничных походах), в 1831 г. Мухаммед Али развернул военные действия в Сирии и Палестине. Египетская армия под командованием Ибрагим-паши стремительно овладела Газой, Яффой и Хайфой. После длительной осады была взята Акка. За нею пали Дамаск, Хомс и Алеппо. Вступив на территорию Анатолии и разгромив турецкие войска, армия Ибрагима открыла себе путь на Стамбул.

28 декабря 1832 г. Ибрагим-паша писал своему отцу: «Я считаю, что наши проблемы должны быть урегулированы не где-нибудь, а в Стамбуле. Там мы должны продиктовать свою волю и осуществить наши цели. Не следует забывать, что турки заключили мир с Россией лишь после того, как армии царя подошли к воротам Стамбула. Нам надо быстрее продвинуться хотя бы к Брусе и оккупировать побережье Мраморного моря, чтобы с морских баз наладить снабжение нашей армии. Когда мы войдем в эту область, нам будет легко распространить там слухи, которые приведут к свержению султана. Если же нам не удастся его низложить, мы все равно сможем продиктовать ему свои условия мира».

Однако у Мухаммеда Али на этот счет было иное мнение. Его он высказал русскому консулу в Александрии, когда увидел, какой ужас его молниеносные победы вызывают у европейских держав. «Я не стремлюсь воссесть на престол султана, хотя знаю, что творится в Стамбуле, и мне известны истинные возможности Высокой Порты. — заявил он. — Я мог бы низвергнуть султана с его трона

удачной атакой моего флота, но не хотел бы покушаться на права его сыновей, ибо они — преемники пророка. Это не значит, что я страшусь армий султана. Султан обвиняет меня в мятеже, забывая, что я овладел Египтом моим собственным мечом, и никто не может изгнать меня отсюда, кроме как мечом. Я завишу от султана, но в Египте я нахожусь по праву завоевателя, и если мне будет суждено остаться в Сирии, я по-прежнему останусь его вассалом и опорой его трона».

Как показали события, Мухаммед Али был более дальновидным. Вскоре султан Махмуд II обратился за помощью к России, которая ввела свой флот в Босфор и высадила 20-тысячный корпус. Англия и Франция, боясь проникновения русского влияния, поспешили примирить Мухаммеда Али с султаном. 4 мая 1833 г. султан издал фирман [7], в котором подтвердил права Мухаммеда Али на Египет, Аравийский полуостров, Судан и Крит и назначил его правителем Палестины и Сирии.

Ибрагим-паша, управлявший Сирией, провел там ряд реформ, подобных тем, которые осуществил Мухаммед Али в Египте. Он ограничил произвол феодалов, создал централизованную административную систему, повсеместно открыл начальные школы, а в крупных городах — школы второй ступени, приказав прививать учащимся арабское национальное самосознание. В Ливане Ибрагим-паша основал первую типографию. Чуждый, как и его отец, религиозного фанатизма, он снял ограничения в правах, наложенные турецкими пашами на христиан.

Однако в 1834 г. против власти Ибрагим-паши в Сирии вспыхнуло несколько восстаний, так как феодалы были недовольны тем, что их влияние подорвано, а крестьяне — что на них распространились законы о воинской повинности. Воспользовавшись этим случаем, султан попытался удалить Мухаммеда Али из Сирии, но это ему оказалось не под силу. Тогда, почувствовав поддержку со стороны России, Англии, Франции и Пруссии, он стал лихорадочно готовиться к войне против Мухаммеда Али, для чего мобилизовал 100-тысячную армию. 21 апреля 1839 г., форсировав Евфрат, турки атаковали войска Мухаммеда Али, но 24 июня в битве при Незибе Ибрагим-паша нанес турецкой армии сокрушительное поражение, хотя ею руководил известный немецкий генерал фон Мольтке, впоследствии начальник генштаба прусской армии при Бисмарке.

Ибрагим-паше вновь был открыт путь на Стамбул. Через шесть дней после поражения турецкой армии султан Махмуд II скончался. На престол взошел его сын Абдул Меджид. Весь османский флот под командованием адмирала Ахмеда Фавзи перешел на сторону Мухаммеда Али. Несмотря на это, Ибрагим-паша не пошел на Стамбул, так как Мухаммед Али избегал любых действий, могущих спровоцировать русских.

Почти целый год европейские державы вели переговоры, решая судьбу Турции и Египта. В мае 1840 г. при посредничестве Франции между Египтом и Турцией было достигнуто соглашение, по которому султан признавал Мухаммеда Али наследственным правителем Египта и Сирии. Однако Англия, Австрия, Пруссия и Россия добивались срыва этого соглашения. В Ливане англичане инспирировали восстание против Ибрагим-паши, а когда оно потерпело неудачу, попытались склонить к мятежу турецкий флот, находившийся в Александрии.

19 августа 1840 г. Англия, Пруссия, Австрия и Россия предъявили Мухаммеду Али ультиматум, в котором потребовали от него остаться наследственным правителем Египта и пожизненным — Палестины, а все остальные владения вернуть султану; в случае непринятия предложенных условий в течение 10 дней, говорилось в ультиматуме, он сохранит за собой один лишь Египет, а в случае непринятия их в течение 20 дней — будет смещен совместными усилиями союзников.

Мухаммед Али отклонил этот ультиматум. Тогда англоавстрийская эскадра блокировала побережье Ливана и Сирии. Английский флот угрожал бомбардировкой Александрии. Под дулами британских орудий Мухаммед Али был вынужден отдать приказ об эвакуации своих войск из Сирии и Палестины. Отводить свою армию в Египет Ибрагим-паше пришлось в неимоверно трудных условиях — через степи и пустыни Иордании. Из 60 тыс. египетских солдат в живых осталось лишь 24 тыс., остальные погибли от голода и жажды, от холода, болезней и набегов бедуинов *.

1 июня 1841 г. султан издал фирман, согласно которому Мухаммед Али оставался наследственным правителем только Египта и Судана. Египетская армия сокращалась всего до 18 тыс. человек. Мухаммед Али лишался права строить военные корабли.

* См.: В. Б. Луцкий. Новая история арабских стран, с. 102—104.

Так окончился почти сорокалетний период деятельности Мухаммеда Али, во время которого раскрылись потенции египетского народа в самых различных областях.

Советский историк-арабист В. Б. Луцкий, давая общую характеристику реформ Мухаммеда Али *, приводит интересное высказывание К. Маркса, который высоко ценил реформаторскую деятельность Мухаммеда Али. Он характеризовал его как «единственного человека», который мог бы «добиться того, чтобы «парадный тюрбан» (т. е. средневековую Турцию) заменила настоящая голова» **.

Капитуляция подорвала жизненные силы Мухаммеда Али, которому в то время был уже 71 год. Из-за прогрессировавшей болезни он все больше отходил от выполнения своих обязанностей, и в 40-е годы страной фактически правил его сын Ибрагим. В августе 1848 г. Ибрагим-паша стал официальным правителем Египта, но всего лишь через три месяца после этого, 10 ноября, он умер. Ненамного пережив своего сына, 20 августа 1849 г. умер и Мухаммед Али.

24 декабря 1848 г., еще при жизни Мухаммеда Али, правителем Египта стал Аббас-паша. Ретроград, человек, чуждый европейской цивилизации и склонный поддерживать султанат, он отрицательно относился к реформам своего деда, закрыл многие промышленные предприятия и школы. В своей власти он опирался на феодалов, появившихся при Мухаммеде Али, и сам был крупнейшим землевладельцем Египта.

При Аббасе усилилось английское проникновение в страну. Он предоставил англичанам концессию на строительство железной дороги Александрия — Каир — Суэц. Англия стала крупнейшим торговым партнером Египта.

Реакционная политика Аббаса особенно пагубно сказалась на армии, численность которой при нем упала до 5 тыс. солдат и которую он, как при мамлюках, превратил в личную гвардию. Тем не менее он был убит солдатами своей же собственной гвардии (в июле 1854 г.), хотя в официальном сообщении говорилось, что он умер от разрыва сердца.

При всей своей реакционности Аббас не мог, конечно, возродить в Египте старые турецкие порядки, так как к

* См.: В. Б. Луцкий. Новая история арабских стран. М., 1965, с. 54.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 202.

этому времени в стране уже получили развитие новые производительные силы, появилась буржуазия, возникли капиталистические отношения и связи с мировым рынком.

14 июля 1854 г. к власти в Египте пришел Саид-паша, один из младших сыновей Мухаммеда Али. Хотя Саид слыл либералом и несмотря на то, что в отличие от многих аристократов турко-египтян считал себя египтянином, именно он предоставил Фердинанду де Лессепсу концессию на строительство Суэцкого канала. На строительстве канала в принудительном порядке постоянно трудились от 25 до 40 тыс. феллахов. От нечеловеческих условий 20 тыс. из них погибли. Таким образом, это величайшее сооружение XIX в., предпринятое в интересах европейской буржуазии, было возведено кровью и потом египетского народа.

Саид-паша провел в стране ряд реформ. Он запретил работорговлю, освободил рабов, а феллахам дал право владеть землей и свободно продавать свой урожай, что создало благоприятные условия для развития капиталистических отношений в деревне. Торговцы и богатые феллахи получили возможность скупать землю. В результате этого значительные земельные площади перешли в руки ростовщиков и капиталистов-иностранцев.

При всей своей противоречивости и слабостях Саид-паша глубоко любил Египет. При нем арабский язык стал в Египте единственным официальным языком. Пристрастие Саида ко всему египетскому отразилось и на армии, которой он вновь придал ее национальный характер. Ему удалось добиться отмены ряда ограничений, наложенных на армию в 1841 г. В 1856 г. он заручился согласием Порты на увеличение численности египетской армии с 18 до 30 тыс. человек. Большую часть времени Саид проводил в войсках, он хорошо кормил и одевал солдат и поощрял поступление египтян в военные школы, которые снова открыл. Как упоминает в своих мемуарах Ахмед Ораби, преподнося ему в подарок бейрутское издание «Истории Наполеона» на арабском языке, Саид выразил негодование по поводу того, что французы в свое время смогли одолеть Египет.

Саид ввел новый порядок, согласно которому египетские унтер-офицеры и младшие офицеры могли быть произведены в старшие офицеры, тем самым окончательно сломав преграду, закрывавшую египтянам доступ к руководству солдатами и проложив путь к подлинной революции в египетском обществе. Двое египтян — Ахмед Ораби и

Абд аль-Аль Хильми — при нем стали подполковниками, впервые среди офицеров появились копты [8].

Ахмед Ораби родился в 1841 г. в деревне Хария-Рузна, провинция Шаркия, в семье шейха селения. Выучившись грамоте и арифметике у коптского менялы, он поступил в Аль-Азхар, затем вступил в армию. В 1858 г. был произведен в лейтенанты, а в 1860 г. стал подполковником и был назначен адъютантом Саида.

Однако быстрое продвижение Ораби по службе прекратилось с приходом к власти в 1863 г. Исмаила, который на важные командные должности назначал албанцев и черкесов, а на второстепенные — египтян. Это вызвало конфликт между патриотически настроенными демократическими элементами, которые называли себя «феллахами», и теми, кого они именовали «черкесами». Антагонизм в армии еще больше усилился, когда Исмаил роздал по 500 федданов каждому генерал-майору, по 200 федданов каждому бригадиру и по 150 федданов каждому полковнику. Египтяне же таких «пожалований» были лишены.

И все же период правления хедива [9] Исмаила не был периодом спада в развитии армии. Напротив, фирманы, которых он добился от Порты, дали возможность осуществить дальнейшее развитие армии, да и общества в целом. В 70-е годы численность египетских вооруженных сил была доведена до 80 тыс. человек (15 дивизий хедив отправил на подавление восстаний в Молдавии и на Крите в помощь Османской армии). Подобно тому как после поражения Наполеона в египетской армии стали служить французские офицеры, после окончания Гражданской войны 1861—1865 гг. из США в Египет прибыла группа американских офицеров. Англия и Франция заявили протест против использования их в египетской армии, но Исмаил отнесся к этому протесту иронически и не придал ему значения.

Американских офицеров Исмаил предпочитал другим потому, что США в то время были далеки от колониалистских вожделений. В период 1870—1879 гг. на службе в египетской армии находилось 54 американских офицера, один — в чине генерал-майора и двое — в чине бригадира. Американские офицеры назначались не на командные, а на штабные должности. Несколько американцев составили военные карты истоков Нила, районов Западного Судана и Чада. В 1879 г. в связи с тяжелым финансовым кризисом все они были уволены из армии, за исключением генерал-

майора Стоун-паши, который с 1870 по 1882 г. занимал пост начальника генерального штаба.

В результате увеличения численности египетской армии и введения порядка, при котором на офицерские должности назначались лишь выпускники военных школ, число египтян среди офицеров увеличилось, они стали составлять в армии большинство, но командовало ими по-прежнему «черкесское» меньшинство *. Солдат стали обучать грамоте.

В 1876 г. в египетской армии возникло первое в ее истории тайное общество во главе с Али ар-Руби. Оно называлось «Молодой Египет» («Мыср аль-Фатат») и ставило своей целью защиту интересов офицеров-египтян. Деятельность этого общества особенно активизировалась в 1877 г., когда в него вступил участник Эфиопской войны Ахмед Ораби. Благодаря своей смелости и красноречию Ораби стал фактическим руководителем общества.

В 70-е годы началось усиленное закабаление Египта англо-французским капиталом. В 1875 г., попав в долговую кабалу к европейским банкирам, хедив Исмаил продал египетскую часть акций компании Суэцкого канала английскому правительству. В 1876 г. из представителей европейских держав была создана комиссия хедивского долга, а в 1878 г. англо-французские финансовые контролеры потребовали сформировать кабинет, составленный главным образом из европейских чиновников.

Вскоре произошли события, испытавшие силу офицеров-патриотов перед лицом правительства. Поводом для этого послужило то, что в течение почти 15 месяцев офицерам не выплачивали жалованье, потом распространился слух, что премьер-министр армянин Нубар-паша и министр финансов английский чиновник Риверс Вильсон намерены уволить из армии 2500 египетских офицеров, а остальным снизить жалованье наполовину. 18 февраля 1879 г. офицеры-египтяне под руководством начальника военной школы Латыфа Селима организовали первую в истории Египта демонстрацию: они вывели войска на улицу, окружили Нубара и Вильсона перед зданием министерства финансов и избили их. Явившийся на выручку Нубара и Вильсона хедив Исмаил, который и сам их недолюбливал, не пред-

* Ахмед Ораби, дослужившийся при Саиде до чина подполковника, получил чин бригадира лишь через 19 лет, в 1879 г. при хедиве Тевфике (1879—1892 гг.).

принял каких-либо мер против офицеров. Однако Ахмед Ораби, Али ар-Руби и Мухаммед ан-Нади были отданы под суд по обвинению в организации бунта, но военный трибунал ограничился вынесением им порицания. Тот факт, что наиболее влиятельные офицеры были отданы под суд, хотя они в демонстрации не участвовали, свидетельствует о том, что о существовании тайной организации было известно властям. Событие 18 февраля натолкнуло Ахмеда Ораби на мысль о создании общества с целью свержения хедива Исмаила, который для выплаты офицерам задержанного жалованья взял взаймы 400 тыс. фунтов у Ротшильдов [10]. 9 марта хедив удалил в отставку Нубар-пашу и назначил премьер-министром своего сына Тевфика. Эти события показали офицерам-«феллахам», что они представляют собой силу, способную бороться с европейскими угнетателями. Имена Ахмеда Ораби, Али ар-Руби, Абд аль-Аля Хильми, Али Фахми, Махмуда Фахми и других офицеров-патриотов были у всех на устах.

Движение офицеров не было изолировано от масс, оно было самым тесным образом связано с ними. Ахмед Ораби считал себя последователем Джамаль ад-Дина аль-Афгани [11], в 1871 г. обосновавшегося в Египте и высланного за пределы страны в 1879 г., а также таких идеологов движения, как Мухаммед Абдо [12], сирийский писатель и журналист Адиб Исхак, в 1876 г. перенесший свою деятельность в Египет, Абдалла Надим, Селим Наккаш и других.

Оппозиционные настроения проникли и в Совещательный совет *, состоявший из представителей землевладельцев и духовенства. Его очередная сессия еще в январе 1879 г. превратилась в трибуну для выступлений против «европейского кабинета».

Борьба против «европейского кабинета» стала общей платформой национального движения внутри и вне армии. В этот период здравомыслящие элементы из числа «черкесов» и представителей буржуазно-помещичьих кругов создали Национальную партию (аль-Хизб аль-Ватани), у руководства которой стоял Мухаммед Шериф-паша. Хотя общество «Молодой Египет» было более прогрессивным, чем эта партия, которая в силу характера своего классового состава была неспособна понять всю глубину раздиравших армию противоречий и осознать, к чему они могут привести, оно солидаризовалось и слилось с ней.

* Совещательный орган при хедиве, назначавшийся самим монархом и не пользовавшийся особым влиянием. — *Ред.*

По всей стране открыто проводились собрания, на которых звучали слова осуждения в адрес «европейского кабинета». Петиции с требованием его отставки поступали к хедиву и от гражданских лиц и от военных. Так, корреспондент газеты «Таймс» сообщал о петиции, которую подписали 70 представителей духовенства во главе с шейх-уль-исламом, коптским патриархом и главным раввином еврейской общины, 60 пашей, столько же беев [13], 40 представителей местной знати — всего 230 человек, а также большое число офицеров *.

Общая обстановка в стране способствовала росту политического сознания офицеров, увязке их экономических требований с политическими, сближению их с патриотически настроенными элементами вне армии.

7 апреля 1879 г. хедив Исмаил объявил об отставке «европейского кабинета».

Новое правительство было сформировано из египтян во главе с Шериф-пашой. Это вызвало ярость у европейских держав, и 25 июня 1879 г. Исмаил получил от султана телеграмму с уведомлением о его низложении и назначении хедивом Египта его сына Тевфика.

Хедив Исмаил был пионером капиталистического развития Египта. При нем значительного прогресса достигли такие отрасли промышленности, как текстильная, сахарная, а также военная промышленность и судостроение. Египетский торговый флот в техническом отношении превосходил французский. Если в египетском флоте того времени было 60% судов с паровым двигателем и 40% парусных, то в английском флоте процент пароходов составлял 25%, а во французском всего 15% от общего количества судов. В строительстве железных дорог Египет также обогнал некоторые развитые капиталистические страны: в 1876 г. во Франции на 1 тыс. км^2 территории приходилось 37,5 км железнодорожных линий, а в Египте — 55 км. При Исмаиле количество школ увеличилось с 185 до 4685 с числом учащихся около 100 тыс. человек. При нем были открыты Театр оперы, Египетская национальная библиоте-

* Ар-Рафии приводит другое число подписавших — 327 человек, из них 60 членов Совещательного совета, 60 религиозных деятелей, 42 представителя местной знати и купцов, 72 чиновника, 93 офицера. Согласно другим источникам, петицию подписали 200 человек: 62 религиозных деятеля, 41 представитель крупных землевладельцев и купцов, 60 членов Совещательного совета и 37 офицеров.

ка, Музей исламского искусства, основаны научные общества, дальнейшее развитие получила пресса.

Экономическая политика хедива Исмаила явилась главной причиной того, что он попал в долговую кабалу к капиталистическим державам, которые и низложили его.

Политика, которую Исмаил проводил в армии, вызывала неприязнь к нему со стороны офицеров-египтян. Офицеры поняли, что хедив их не поддерживает по-настоящему, а лишь использует в своих интересах. Например, сердар[14] египетской армии в Судане Джафар Мазхар советовал Исмаилу послать во главе экспедиции в Экваториальную Африку египетских офицеров, но он направил туда группу английских офицеров во главе с Сэмюэлем Бейкером. После февральской демонстрации 1879 г. Исмаил приказал попавшего в опалу Ахмеда Ораби перевести в Александрию. Это возмутило офицеров. Как пишет сам Ораби, офицеры дважды собирались и обдумывали вопрос о том, как свергнуть Исмаила, избавиться от династии Мухаммеда Али и провозгласить республику. Среди офицеров-патриотов эта идея возникла в основном под влиянием поражения в Эфиопской войне (1876 г.). На войну с Эфиопией Исмаил отправил 20-тысячную армию. Командующим ее он назначил турка Ратиб-пашу, а начальником штаба — американца Лоринга. Разногласия между этими двумя генералами обернулись жестоким поражением египетских войск, что обошлось казне более чем в 1 млн. фунтов и вызвало всеобщее недовольство в стране. Эта война была последней в ряду кампаний, которые египетская армия провела на протяжении почти 80 лет за пределами Долины Нила (Египта и Судана) и в которых она не раз одерживала крупные победы, а египетский феллах доказал, что он храбрый и выносливый воин.

Достигнув командных должностей в армии, располагая большинством в офицерском корпусе и имея единомышленников среди ватанистов[15] вне армии, египетские офицеры могли уже смелее и решительнее выступить против хедива Тевфика, который, став преемником своего отца, начал с того, что пошел на уступки западным державам. Он отказался подписать проект конституции, подготовленный Шериф-пашой, восстановил двойственный финансовый контроль, а потом удалил в отставку кабинет Шериф-паши, заменив его английским ставленником Рийад-пашой. Функции правительства в стране фактически выполняли

иностранные контролеры и члены комиссии хедивского долга.

Трения между офицерами и хедивом начали практически проявляться после того, как был отменен фирман 1873 г., которого добился Исмаил, и Египет был лишен возможности заключать внешние займы без согласия Порты. Численность египетской армии была снова сокращена до 18 тыс. человек. Большое число офицеров, уволенных в запас, оказались в крайне тяжелом материальном положении. Офицерам снова неоднократно задерживали выплату жалованья.

Первое столкновение между армией и правительством произошло в связи с тем, что военный министр в кабинете Рийад-паши Осман Рифки подготовил проект закона о сокращении срока действительной службы до 4 лет, что лишало солдат возможности выбиться в офицеры, вернее, лишало этой возможности египтян. Такой срок службы был недостаточным для того, чтобы солдат, не имеющий военных знаний, мог стать офицером. Предполагалось, что офицерами должны были назначаться лишь те, кто получил военное образование в военных школах. Но этот аргумент был шатким, так как военные школы в то время находились на весьма заурядном уровне и не давали солидной подготовки, не говоря уже о том, что египтянам поступить туда было нелегко. Истинная цель этого закона состояла в том, чтобы полностью лишить египтян возможности достигать командных должностей в армии.

Командир 4-го пехотного полка Ахмед Ораби и командир 1-го пехотного полка Али Фахми подали премьер-министру петицию, в которой потребовали провести расследование последних повышений по службе и сместить военного министра Османа Рифки за незаконное увольнение ряда офицеров.

30 января 1881 г. совет министров на своем заседании под председательством хедива вынес постановление об аресте Ахмеда Ораби, Али Фахми и Абд аль-Аля Хильми и отдаче их под суд, при этом Осман Рифки назвал их движение «выступлением феллахов, взявшихся за серпы». 1 февраля трое офицеров были вызваны в военное министерство, где все было подготовлено для судебной расправы над ними, вплоть до заранее вынесенных приговоров. Однако решение совета министров не было тайной для этих офицеров; они приняли меры предосторожности, договорившись со своими полками, что, если не вернутся в войска

через два часа, эти полки вместе с другим пехотным полком, расквартированным в Турре, придут им на выручку. Едва началась комедия суда, как части египетской пехоты окружили министерство. Осман Рифки бежал через окно. Солдаты ворвались в помещение суда и вынесли своих командиров на руках, а затем направились ко дворцу хедива с требованием немедленно сместить Османа Рифки и установить равноправие в армии *.

Растерявшийся хедив немедленно сместил военного министра и вместо него назначил Махмуда Сами аль-Баруди — поэта, патриота и демократа, члена Национальной партии. По распоряжению хедива была образована специальная комиссия для расследования повышений, произведенных Османом Рифки.

Это была вторая военная демонстрация после выступления офицеров против Нубар-паши, но и на этот раз они ограничились узкопрофессиональными требованиями, не выдвинув требований общенационального характера. Это объяснялось тем, что демонстрация не была подготовлена заранее, а явилась непосредственной реакцией на действия властей, а также тем, что Национальная партия, куда входили и военные, и гражданские, в организационном отношении тогда еще окончательно не оформилась и не имела четкой программы.

На армию хедив Тевфик смотрел лишь как на защитницу интересов господствующего класса. Эту мысль он высказал на торжественной встрече, устроенной вскоре после штурма [16] военного министерства 1 февраля 1881 г., на которой присутствовали все высшие и старшие офицеры армии. Выразив сожаление по поводу случившегося и объявив о своем помиловании, хедив пытался внушить офицерам, что «впредь им не следует заниматься чем-либо, выходящим за рамки их обязанностей», что «у солдат нет иной обязанности, кроме как соблюдать уставы, стремиться выполнить свой долг и повиноваться своему повелителю». Вторя ему, тогдашний премьер-министр Рийад-паша увещевал офицеров: «Вы — воплощение дисциплины, вы — сила правителя, его исполнительный инструмент. Если он первым обратил к вам взор милосердия и сострадания, то ваше дело ответить на это послушанием своему повелителю и нашему величайшему благодетелю, вы всегда долж-

* См.: В. Б. Луцкий. Новая история арабских стран, с. 184.

ны быть готовы выполнить его приказы и блюсти его справедливые законы».

Что касается мнения офицеров армии, то его выразил Ораби в своем ответе на речь Рийада, в котором он решительно заявил, что он и его товарищи «хотят реформ и утверждения справедливости на принципах свободы, братства и равенства».

В беседе с Блантом [17] Ораби говорил: «Армия — это сила, стоящая сейчас между Египтом и его турецкими правителями, которые не преминут восстановить тиранию времен Исмаила в любой момент, как только им представится случай... Армия добилась для египтян права говорить в палате депутатов, и мы оказываем им, то есть депутатам, поддержку, дабы их не обманули и не оказывали бы на них давление силой. Когда наш парламент будет знать, как говорить, наша — солдат — задача будет выполнена. Мы полны решимости защитить народ и оградить его от тех, кто пытается заставить замолчать его голос».

Об этом говорилось и в программе Национальной партии. В статье IV программы указывалось, что ватанисты «сделали офицеров армии своими уполномоченными и поручили им отстаивать их требования, зная, что военные — это единственная сила в стране и они защищают начавшие пробиваться ростки свободы. Они не собираются сохранять такое положение: когда нация получит свои права, они откажутся от политики, которой следуют теперь. Военные оставят вмешательство в политику, когда откроется палата, сейчас же они выступают в качестве стражей нации, у которой нет оружия». Исходя из такого представления о роли армии как революционной власти, охраняющей «права нации», революционные силы начали практически осуществлять свою концепцию.

Едва волнение улеглось, хедив Тевфик сместил Махмуда Сами аль-Баруди с поста военного министра. Созвав высших офицеров, он объявил им, что полностью доверяет премьер-министру Рийад-паше. При этом хедив пошел на ряд уступок: он увеличил содержание офицерам, уволенным в запас, и заявил, что «в будущем все офицеры — будь то турки, черкесы или египтяне — будут пользоваться одинаковыми правами». В 1881 г. хедив пытался привлечь на свою сторону войска Александрийского гарнизона, а также Али Фахми и хедивскую гвардию, но Али Фахми лишь сделал вид, что его поддерживает. Вместе с

тем хедив запретил офицерам проводить собрания в частных домах и жилых кварталах. Однако все эти шаги не ослабили напряженности отношений между двумя сторонами. Офицеры продолжали устраивать свои тайные собрания и открыто проводить контакты с ватанистами и интеллигентами.

9 сентября 1881 г. хедив издал приказ о переводе полков Ахмеда Ораби и Али Фахми в провинцию. Будучи уверены в том, что таким образом от них хотят избавиться, офицеры-ватанисты решили не выполнять этот приказ. К тому же у них было подозрение, что готовится заговор с целью покушения на их жизнь.

В тот же день египетская армия устроила свою третью демонстрацию. Около двух с половиной тысяч офицеров и солдат под командованием Ахмеда Ораби построились в каре на площади Абдинского дворца. Когда хедив Тевфик, безуспешно пытавшийся поднять «верные ему» части, в сопровождении английского консула появился на площади, к нему верхом на коне подъехал Ораби и предъявил следующие три требования:

1) отстранить кабинет Рийад-паши;

2) объявить конституцию и образовать палату депутатов по европейскому образцу;

3) увеличить численность армии.

— Все эти требования вы предъявлять не вправе: я унаследовал эту страну от моих отцов и дедов, а вы — всего лишь рабы наших милостей, — проговорил хедив в замешательстве.

— Аллах создал нас свободными, и отныне мы больше не рабы! — твердо сказал Ораби.

Перепуганному хедиву английский консул посоветовал вернуться во дворец. В ходе переговоров с Ораби хедив и английский консул согласились удовлетворить первое требование и назначить премьер-министром Шериф-пашу, а два других предложили передать на решение Порты. Ораби принял компромисс.

Снова выступление военных не вполне достигло своей цели, хотя оно выражало волю масс, и Ораби заявил английскому консулу: «Я выдвинул эти требования только потому, что народ уполномочил меня добиться их осуществления с помощью своих братьев и сыновей — вот этих солдат». Победа и на этот раз была частичной, поскольку, как и демонстрации 1879 г. и 1 февраля 1881 г., эта третья демонстрация явилась непосредственной реакцией офице-

ров, а не была спланирована заранее, что поставило бы их в положение не обороняющихся, а атакующих.

Между революционными офицерами — сыновьями феллахов — и аристократами-помещиками не было и не могло быть такого взаимопонимания, которое обеспечило бы полное национальное единство. Когда Шериф-паше предложили возглавить кабинет, он заявил, что не хочет быть ставленником «мятежной армии». 13 сентября Ахмед Ораби собрал Совещательный совет и, желая заручиться его поддержкой, проинформировал его о результатах своих контактов с Шерифом, настаивавшим на выводе из Каира мятежных полков в места, которые он сам выберет в случае, если станет во главе кабинета. В этот момент Ахмед Ораби не понимал всей глубины классовых противоречий между феллахами, которых он с гордостью представлял, и знатью, которую представлял Шериф. Крупные землевладельцы испытывали страх перед лицом развернувшегося народного движения. К тому же гражданские боялись, что будет создано правительство, целиком состоящее из военных. Поэтому члены Совещательного совета, встав на сторону Шерифа, уговорили его возглавить кабинет при условии, что армия будет подчинена этому кабинету. Так был достигнут компромисс: Ораби согласился на вывод мятежных войск из Каира, а Шериф согласился занять пост премьер-министра, назначить Махмуда Сами аль-Баруди военным министром и довести численность армии до 18 тыс. человек.

Несмотря на это, восстание 9 сентября 1881 г. явилось важным переломным моментом в истории египетского национального движения, так как оно впервые объединило народ и армию в совместной борьбе. Ахмед Ораби уже не был лишь руководителем офицеров, он стал народным вождем и фактическим председателем Национальной партии, а армия стала единственной организацией, к которой народные массы с надеждой обращали свой взор как на выразительницу их чаяний и защитницу их свобод. Позиция ватанистов упрочилась. Ахмеда Ораби они уполномочили представлять народ по всем вопросам национальной политики.

Став премьер-министром, Шериф-паша показал свое истинное классовое лицо и занял позицию, враждебную армии. Он потребовал от хедива сохранить двойственный европейский контроль над правительством и приступил к выводу из Каира мятежных полков. В октябре 1881 г. полк

Ораби был отведен в Телль-эль-Кебир, а полк Абд аль-Аля Хильми — в Дамьетту. Перевод этих полков в провинцию послужил поводом для народных демонстраций против правительства Шерифа. Провожать Ораби и его солдат вышли тысячи жителей Каира, и это еще больше скрепило узы, связывающие народ и армию. Шаг, предпринятый правительством Шериф-паши, не помог ему сбить революционную волну. Войска Каирского гарнизона продолжали поддерживать Ораби, который под предлогом расстройства здоровья своей жены возвратился в Каир и вступил в открытую борьбу с хедивом.

В лице Ораби появился сильный человек, который угрожал иностранным интересам в Египте. Это заставило Англию и Францию выработать совместный план действий, а Шериф-паша, чтобы лишить армию возможности выполнять свой патриотический долг, решил созвать Совещательный совет и заявил, что он станет тем органом, на который хедив и его правительство будут опираться в своей борьбе против «засилья военных». А для того, чтобы сохранить ограниченные функции Совещательного совета, Шериф отказался утвердить конституцию, которую сам же подготовил два года назад.

Вновь избранный Совещательный совет собрался в декабре 1881 г. под председательством Султан-паши. Заявив о своей поддержке хедива, совет, однако, настаивал на своем праве вотировать египетский бюджет. В связи с этим правительства Англии и Франции направили Египту ноту, которая вызвала всеобщее возмущение в стране, а Совещательный совет заявил, что его право вотировать бюджет не может быть предметом обсуждения с иностранными государствами. Тогда Шериф-паша, принявший ноту и предложивший провести переговоры с Англией и Францией, 5 февраля 1882 г. подал в отставку. Новый кабинет возглавил Махмуд Сами аль-Баруди, а военным министром был назначен Ахмед Ораби. Это было победой ватанистского движения, победой армии, один из солдат которой поднялся на самый высокий в ней пост.

Правительство Махмуда Сами — Ораби осуществило ряд важных мероприятий. Ораби издал приказы о повышении в звании 400 офицеров, о производстве 150 унтер-офицеров в офицеры и об увольнении в отставку под предлогом достижения пенсионного возраста 300 офицеров, в большинстве своем «черкесов» и турок. Он также повысил жалованье военнослужащим: лейтенанту — с 350 до 600, капи-

тану — с 500 до 950, подполковнику — с 2500 до 3500 пиастров (в месяц) и т. д. В произведенных им надбавках к жалованью просматривается социальный подход: процент надбавки для младших чинов был выше, чем для старших. Соотношение ставок значительно сократилось: если, согласно ранее действовавшему положению, соотношение ставок лейтенанта и генерал-лейтенанта составляло 1 : 37, то, согласно новому положению, оно стало составлять 1 : 13. Среди унтер-офицеров (от капрала до прапорщика) соотношение ставок по старому положению составляло 1 : 4, по новому положению оно увеличилось до 1 : 6 в результате повышения жалованья прапорщика на 200%. После же чина прапорщика произошло большое сближение ставок. Что касается рядового, то его жалованье увеличилось на 113%. В целом между низшим (рядовой) и высшим (генерал-лейтенант) чинами соотношение, ранее составлявшее 1 : 375, сократилось до 1 : 266, что в условиях того времени было значительным прогрессом.

Таким образом, положение египетских офицеров изменилось. Если раньше они пребывали в постоянном страхе, что будут уволены в запас, то теперь они испытывали чувство уверенности и получили надбавки к жалованью (как до этого ее получили гражданские чиновники).

Мероприятия правительства не ограничились сферой армии. Новый кабинет ликвидировал двойственный контроль, опубликовал Органический закон, гарантирующий права Совещательного совета, подготовил новый, более демократический избирательный закон, а также ряд прогрессивных законопроектов об уничтожении барщины, об учреждении сельскохозяйственного банка, о запрещении применения плетки сборщиками налогов. Был опубликован утвержденный Совещательным советом закон о всеобщем обучении, согласно которому в каждой деревне должна быть открыта школа и в течение 10 лет ликвидирована неграмотность.

Все новые и новые социальные мероприятия правительства пробудили народ. В деревнях крестьяне нападали на помещичьи усадьбы. Во время посещения провинции один высокопоставленный офицер объявил, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. В качестве одного из лозунгов армии был выдвинут лозунг «Египет — для египтян». Трое лидеров военного движения прибавили к своим именам почетный эпитет «аль-Мысри» («Египетский»). Возникла идея об окончательном отделении от

халифата, а также идея о провозглашении республики или арабского государства.

Представители имущих классов почувствовали угрожающую им опасность. Часть членов Совещательного совета отступила от своей позиции. Его председатель Султан-паша заявил английскому консулу, что отставка Шериф-паши была вызвана давлением военных во главе с Ахмедом Ораби. Так начала создаваться реакционная группировка, куда входил хедив, «черкесское» офицерство и часть помещиков. Был раскрыт заговор с целью убить Ораби. 48 «черкесов» и среди них Осман Рифки предстали перед военным судом: 40 человек были разжалованы и приговорены к ссылке в Судан. Однако по совету французского и английского консулов хедив смягчил приговор суда и заменил ссылку в Судан высылкой из Каира в провинцию.

Тем самым хедив бросил вызов армии. Выступив в Совещательном совете, Ахмед Ораби потребовал низложить хедива, но члены совета это требование не поддержали: одни из них сочувствовали хедиву, а другие боялись попасть под власть военных. Хедив объявил созыв Совещательного совета незаконным и потребовал его роспуска. Тогда Махмуд Сами аль-Баруди подал в отставку, но министры-ватанисты заявили, что не уйдут в отставку, пока решение об этом не примет Совещательный совет. Из пособников хедива никто не соглашался возглавить кабинет, пока у руководства армией стояли ватанисты.

В создавшейся ситуации хедив был вынужден оставить Махмуда Сами аль-Баруди на посту премьер-министра, решив вместе с Англией и Францией осуществить другой план. 20 мая 1882 г. в Александрию прибыли английские и французские военные корабли, а через пять дней обе державы в известной ноте от 25 мая официально потребовали от хедива выслать Ораби из Египта, удалить из армии и выслать в провинцию Али Фахми и Абд аль-Аля Хильми и сместить правительство Махмуда Сами аль-Баруди.

Хедив принял эти требования и объявил о смещении правительства, после того как оно само 26 мая подало в отставку в знак протеста против принятия хедивом ультиматума. Однако силы армии пришли в движение. 27 мая офицеры Александрийского гарнизона направили хедиву телеграмму, в которой заявили, что они отвергают ультиматум и дают ему 12 часов на размышление.

Ораби не считал, что с отставкой кабинета революци-

онная сила перестала существовать и что ее влияние пошло на убыль. На собрании, состоявшемся в Абдинских казармах 27 мая, он заявил, что «ушел с поста военного министра, но не ушел с поста председателя Национальной партии». Ту же мысль он подчеркнул в телеграммах, которые направил в местные гарнизоны.

В Каире состоялись многочисленные митинги и собрания офицеров армии и полиции, на которых они обсуждали создавшуюся ситуацию в свете возможной европейской интервенции. Военные руководители собрались в Абдинских казармах, где дали обет защищать Отечество и поклялись в этом на Коране и мече. На этом собрании присутствовали Ораби, Абд аль-Аль, Талабе Исмет, Якуб Сами, Али ар-Руби, Али Фахми, Мухаммед Убейд, Абд аль-Гаффар, Хасан Гадд, Али Юсеф, Махмуд Фахми, аль-Баруди, а также Омар Рахми и командир корпуса Ибрагим Фавзи (по некоторым данным, на собрании присутствовал и начальник полиции Абд аль-Ваххаб). Присутствовавшие повторяли за шейхом Мухаммедом Абдо слова «Клятвы», в которой говорилось: «Клянусь великим Аллахом, повелителем небес и земли, что я, такой-то, не изменю моему Отечеству и не изменю самому себе, не обману никого из народа моей страны, буду оберегать свою честь, свою веру и честь народа моей страны, пока буду на это способен, что я буду соблюдать дисциплину и воинский устав; если же я нарушу свою клятву, то пусть мне отсекут голову и разверзнут грудь, и да буду я недостоин звания человека». Как указывалось в донесениях охранки, в «Клятве» говорилось также о том, что «офицеры должны действовать заодно, держаться вместе и не слушать ничьих приказов, кроме тех, что одобрены сообща».

Охваченный ужасом, хедив прибегнул к содействию Султан-паши, который в тот же день попытался уговорить ватанистов повиноваться, но в ответ услышал требование низложить хедива как агента иностранных держав. По словам Кромера [18], один полковник говорил, что «офицеры разорвали бы Ораби на куски, если бы он от них отошел». Это свидетельствовало о том, насколько глубоко ватанистское движение пустило свои корни в армии и народе. Повсюду устраивались митинги и демонстрации с требованием низложить хедива и поставить у власти Ораби и ватанистских министров.

Хедив был вынужден вернуть Ораби на его пост, и он стал единственным министром, так как кабинет министров

сформирован не был. После того хедив обратился за помощью к Порте, которая направила в Египет специальную миссию в составе Дервиш-паши и шейха Саида. Подкупленные хедивом посланцы Порты предложили Ораби выехать в Стамбул, где обещали ему высокий пост, но Ораби отверг это предложение, заявив: «Я не стремлюсь к власти. Власть, которой я располагаю сейчас, не узурпирована мною. Меня облек ею народ, и я обязан быть с народом и прислушиваться к его жалобам».

После провала этой миссии англичанами и хедивом были спровоцированы беспорядки в Александрии, но Ораби сумел их прекратить и тем самым сорвать план интервенции.

Эти события разделили общество на две части: на одной стороне стояли хедив и крупные помещики, на другой — военные и гражданские ватанисты.

Вместе с такими махровыми реакционерами, как Нубар-паша и Рийад-паша, к которым присоединились также Шериф-паша и Султан-паша, хедив перебрался в Александрию. Там он сформировал послушный ему кабинет во главе с Рагиб-пашой. Каир находился в руках ватанистов.

В это время был разработан новый план иностранной интервенции. После прибытия в Александрийский порт английского и французского флотов Ахмед Ораби решил осуществить ремонт береговых укреплений. Порта потребовала ремонт прекратить. Воспользовавшись случаем, английский адмирал Сеймур 6 июля направил начальнику Александрийского гарнизона ультиматум, в котором предложил прекратить фортификационные работы. Несмотря на то что в своем ответе Ораби указал, что речь идет лишь о ремонте, а не о строительстве новых укреплений, 10 июля Сеймур предъявил второй ультиматум, потребовав сдать береговые укрепления в 24 часа. Ораби категорически отверг это требование. Тогда 11 июля Сеймур подверг Александрию бомбардировке из орудий английской эскадры и превратил ее в груды развалин.

Ораби отдал войскам гарнизона приказ выйти из горящего города. Вместе с войсками Александрию покинули тысячи жителей. Через четыре дня англичане заняли покинутый город. Оккупация Александрии явилась началом англо-египетской войны.

Хедив потребовал от Ораби прекратить военные действия против англичан, но Ораби отказался выполнить его приказ. В обращении к народу он заявил, что между егип-

тянами и англичанами идет непримиримая война, и строго предупредил изменников. Тогда хедив, окопавшийся в Александрии под защитой захватчиков, 23 июля объявил о смещении Ораби с поста военного министра как мятежника. В ответ на это в своем обращении к народу 25 июля 1882 г. Ораби заявил: «Хедив близок к англичанам, и все, что он говорит, направлено на пользу англичан. Хедив жертвует интересами страны и народа... Что же касается нас, то мы не оставим народа, пока в нас бьется сердце».

Войну против иноземных захватчиков Ораби превратил в народную. Тысячи феллахов записывались добровольцами в армию, на пожертвования горожан закупалось оружие. Эта народная война явилась продолжением вооруженной борьбы египетского народа против английской оккупации Александрии и Розетты в 1807 г. Только на этот раз у египетского народа были свои, египетские военачальники и регулярные войска, состоящие из рабочих и феллахов.

В Каире был образован Чрезвычайный совет из улемов, шейхов и представителей знати, а также Военный совет из офицеров-ватанистов. Египетское командование детально разработало план обороны Египта с севера, что сорвало попытку англичан продвинуться в глубь страны через район Кафр-ад-Даввара. Начальник генерального штаба египетской армии Махмуд Фахми разработал также план обороны с востока. Он предложил вывести из строя Суэцкий канал и закрыть пресноводный канал Исмаилия, однако Фердинанд де Лессепс, боявшийся за свои прибыли и находившийся в заговоре с захватчиками, дал Ораби честное слово, что не допустит высадки английских войск в зоне канала. Ораби ему поверил, и это была его первая военно-политическая ошибка.

2 августа 1882 г. англичане заняли Суэц, а 20 августа, вопреки обещанию де Лессепса, высадили десант в Порт-Саиде и Исмаилии и начали готовиться к решающему сражению. 13 сентября 1882 г. у Телль-эль-Кебира англичане неожиданно атаковали, разбив и обратив в бегство недисциплинированные бедуинские отряды, отдельные вожди которых к тому же были ими подкуплены. Попытки Ораби собрать ополчение кочевников и организовать сопротивление не дали результатов.

Немедленно возвратившись в Каир, Ораби собрал Чрезвычайный совет. Он настаивал на продолжении борьбы, для чего предлагал построить вокруг столицы укрепления

и затопить долину вокруг Каира водами Нила. Его поддержали Абд аль-Аль Хильми, Абдалла Надим и Махмуд Сами аль-Баруди. Однако представители помещиков и знати голосовали за капитуляцию, и Ораби подчинился этому решению, хотя египетская армия, сосредоточенная на севере страны, была цела.

Это была вторая и последняя ошибка Ораби. 14 сентября 1882 г. на подступах к Каиру Ораби был вынужден сдаться англичанам.

Так закончилась эта славная эпопея в истории борьбы египетского народа в результате разбойничьего нападения Великобритании. Это произошло через 42 года после объединенного натиска держав на Мухаммеда Али.

Мухаммед Али не был египтянином, хотя его сын Ибрагим говорил: «Нас изменило и переплавило солнце Египта». Он опирался лишь на аристократию, на ту, что существовала до него, и ту, которую он создал сам путем раздачи земель мамлюкам и албанцам. Заимствовав у Европы ее достижения в области наук и промышленности, он не воспринял у нее никаких демократических идей, никакой политической мысли. Его завоевательные походы лишь вызвали ненависть к нему у народов побежденных стран и подготовили почву для заговоров колониальных держав, усмотревших в его лице опасность, угрожающую им с Востока.

Ахмед Ораби был коренным египтянином. В истории Египта нового времени не найти другого такого лидера, который был бы так близок сердцу феллахов, как он. Это был первый командующий целой армией из египтян и первый египетский революционер, вокруг которого сплачивались массы и военных, и гражданских. В своей деятельности он вдохновлялся демократическими идеями Великой французской революции и пытался объединить народ и армию. Конечно, Ораби не понял глубоких социальных противоречий, возникших в обществе с появлением египетской буржуазии и породивших классовых врагов его движения, которые боялись проявления воли крестьянства, мелкой буржуазии и формировавшегося пролетариата.

Выйдя за рамки антагонизма между офицерами египтянами и неегиптянами, восстание Ораби охватило народные массы, и в этом нашли свое выражение классовые противоречия между задавленным социальным гнетом крестьянством и его эксплуататорами — помещиками и ростовщиками.

Глава 11

ЕГИПЕТСКАЯ АРМИЯ В УСЛОВИЯХ АНГЛИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ

19 сентября 1882 г. хедив Тевфик издал указ. В нем была всего одна фраза: «Египетскую армию распустить». Все офицеры, от капитана и ниже, участвовавшие в восстании Ораби, были разжалованы и лишены пенсий, а старшие офицеры отданы под суд. Было арестовано 30 тыс. человек. Оккупанты наложили на египетский народ контрибуцию в размере 9 млн. ф. ст.

В декабре 1882 г. Ораби и его сподвижники были приговорены к смертной казни, замененной затем вечной ссылкой на Цейлон.

Англичанину В. Бейкеру хедив Тевфик доверил организацию новой египетской армии, а генерала оккупационной армии Э. Вуда назначил главнокомандующим египетской армией, численность которой должна была составлять всего 6 тыс. солдат. Все военные школы, за исключением одной, а также морская школа и арсеналы были закрыты, судоверфь заброшена, военные суда проданы.

К началу 1883 г. на ответственных командных должностях в египетской армии находилось уже 25 английских офицеров. Средних и младших офицеров подбирали из семей, верных хедиву и поддерживавших англичан.

В 1886 г. оккупационные власти ввели систему, допускавшую освобождение от призыва на военную службу за выкуп, вследствие чего в армию попадали одни бедняки. От воинской повинности освобождались также сыновья офицеров, служителей культа, правительственных чиновников, учащиеся религиозных учебных заведений. В результате классовые различия между солдатами и офицерами усилились, военная служба стала непопулярной в народе.

В момент оккупации Египта часть египетской армии находилась в Судане, где разразилось махдистское восстание [1]. Вначале оккупационные власти лишили египетскую армию в Судане возможности получать подкрепления из Египта, а потом по просьбе премьер-министра Шерифа ее командующим вместо Абдель Кадер-паши Хильми был назначен английский генерал Хикс. Оккупационные власти решили воспользоваться махдистским восстанием, чтобы избавиться от египетских солдат и офицеров, участвовавших в восстании Ораби. С этой целью они собрали остатки распущенной армии Ораби в учебном лагере в Канатыр-эль-Хейрия и отправили солдат в Хартум. Как писал в своем отчете полковник Стюарт, посланный английским правительством для изучения обстановки в Судане, солдаты, отправленные в Судан, испытывали чувство глубокой горечи оттого, что их родина оккупирована и что их послали для того, чтобы избавиться от них.

Катастрофа, запланированная оккупантами, произошла, когда генерал Хикс-паша в ходе своей злополучной кампании в Кордофане достиг джунглей Шикана, где был неожиданно окружен дервишами. Его измотанные походами и измученные голодом и жаждой солдаты почти все были перебиты. От более чем 10-тысячной армии в живых осталось два офицера в чине лейтенанта и около 800 солдат, в большинстве своем раненных.

Эти события усилили сомнения египтян относительно истинных намерений британского правительства, которое сначала заявляло о своем невмешательстве в суданские дела, а потом санкционировало поход Хикс-паши в Кордофан. Английский план получил свое завершение, когда после гибели тысяч египетских солдат британское правительство «посоветовало» Египту эвакуировать Судан. Шериф-паша не внял этому «совету». Тогда в январе 1884 г. министр колоний Гренвиль направил ему телеграмму, в которой говорилось, что тот, кто не желает следовать советам оккупационных властей, «должен отказаться от своего поста». 7 января 1884 г. Шериф-паша подал в отставку, заметив при этом: «Если мы оставим Судан, то Судан нас не оставит». 10 января был сформирован кабинет Нубар-паши, послушный английским оккупантам. Он дал соответствующие указания об эвакуации Судана.

Осуществить эвакуацию египетских войск, а также египетских чиновников из Судана Гордону [2] не удалось: посланная ему на выручку 7-тысячная египетская армия под

командованием завоевателя Египта генерала Уолсли до Хартума не дошла. 23 января 1885 г. осажденный Хартум прекратил сопротивление. Махдистские повстанцы, овладев городом, убили Гордона и находившихся с ним англичан. Египетские гарнизоны в других суданских городах были брошены на произвол судьбы. В результате политики английского правительства в период 1884—1885 гг. во время осады и падения Хартума, а также в Кассале, Сеннаре и в различных суданских городах погибло более 33 тыс. египетских солдат. Так был осуществлен колониалистский план уничтожения египетской армии в Египте и Судане и разгрома зародившегося в ней ватанистского движения.

Британский империализм начал маневры по превращению временной оккупации в постоянную. Политика оттяжек продолжалась до тех пор, пока 8 апреля 1904 г. не было заключено англо-французское соглашение, предоставившее Англии свободу рук в Египте и Франции — в Марокко, и Англия заявила, что не намерена изменять статус Египта.

В 80-е годы XIX в., после ликвидации армии и расправы над участниками восстания Ораби, организованного патриотического движения в стране не существовало, ватанисты были рассеяны либо продолжали действовать в подполье.

В начале 90-х годов, после смерти хедива Тевфика и прихода к власти его 18-летнего сына Аббаса II Хильми, в Египте развернулась деятельность национальной буржуазной интеллигенции. Наиболее видными ее представителями были шейх Мухаммед Абдо, стремившийся привести шариат в соответствие с требованиями эпохи; уроженец Алеппо Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, который в своих произведениях обличал деспотизм, осуждал религиозный фанатизм, призывал к созданию арабского государства и ставил родину выше религии; Мустафа Кямиль, выступавший с памфлетами, в которых требовал изгнать англичан из Египта.

В этот период египетская буржуазная интеллигенция, находясь под впечатлением спада, вызванного оккупацией, не верила в возможность массового народного движения и надеялась добиться национального освобождения путем использования противоречий между империалистическими государствами, в частности между Англией и Францией. Мустафа Кямиль, разделявший такие надежды, другим

средством борьбы за независимость Египта считал просвещение и пропаганду национальных идей, особенно после того, как его тактика использования межимпериалистических противоречий оказалась недейственной *.

У хедива Аббаса II была своя точка зрения на этот счет: он возлагал надежды на армию. «Это единственный инструмент, могущий обеспечить национальные свободы», — говорил он. Поэтому Аббас II уделял большое внимание армии. Он носил военную форму, постоянно бывал в частях, присутствовал на учениях, заботился о солдатах и офицерах, что, в противоположность его отцу, снискало ему популярность в войсках.

Воспользовавшись тем, что английский генеральный консул лорд Кромер находился в Англии, хедив назначил Мухаммеда Махир-пашу заместителем военного министра. Махир-паша стал ограничивать власть сердара Китченера.

Китченер подал в отставку. Тогда Кромер настоятельно потребовал, чтобы хедив перевел Мухаммеда Махир-пашу куда-нибудь из военного министерства, угрожая, что в противном случае египетская армия будет непосредственно подчинена британскому правительству. Хедив Аббас подчинился ультиматуму. Мухаммед Махир-паша был переведен на должность губернатора Порт-Саида.

Этот инцидент стал переломным моментом в истории армии. Если хедив Тевфик занимал враждебную позицию по отношению к своим собственным деятелям и бросался в объятия к англичанам, то хедив Аббас пытался занять враждебную позицию по отношению к англичанам и рассчитывал на армию. Но когда он подчинился ультиматуму Кромера, это ослабило рост патриотического движения в армии, но не свело его на нет: в рядах армии образовалось «Тайное общество приязни», куда входили офицеры, сочувствовавшие хедиву и снабжавшие его информацией. Англичане же стали еще более требовательно подходить к назначениям и производству офицеров, начав с того, что назначили заместителем военного министра Эдварда Зурабпашу, преданность которого англичанам, по выражению Мильнера [3], «не подлежала обсуждению».

Погубив значительную часть египетской армии в Судане и вынудив египтян уйти оттуда, английские колонизаторы рассчитывали изолировать его от Египта, ослабить тесные связи между обоими народами, а потом самим

---

* См.: В. Б. Луцкий. Новая история арабских стран, с. 212.

вторгнуться в Судан с юга, со стороны Кении и Уганды и, оккупировав его своими войсками, полностью превратить в свою колонию, не имеющую никакого отношения к Египту. Однако развернувшиеся события спутали эти расчеты. Империалистические государства, желая поживиться за счет слабого правительства халифа Абдаллаха, старались отторгнуть от Судана его окраинные области и проникнуть в глубь страны. Поскольку Судан с 1885 г. считался независимым государством, Франция, осуществлявшая колониальные захваты в Западной Африке, решила оккупировать его. В 1898 г. границ Судана достигла французская военная экспедиция Маршана.

Англия была вынуждена изменить свои планы и для вторжения в Судан использовать египетскую армию. Для этого было две причины: во-первых, вторжение в Судан с юга затруднялось отсутствием коммуникаций, а во-вторых, использование египетской армии позволяло изобразить дело так, будто в Судан возвращаются не англичане, а египтяне.

Командующим экспедицией был назначен сердар египетской армии генерал-майор Китченер. Кампания началась в марте 1896 г. К этому времени численность египетской армии составляла уже 18 тыс. солдат. Для обеспечения операции от Вади-Хальфа на юг была проложена железнодорожная линия. Во время похода разразилась эпидемия холеры, от которой за один только месяц умерло более 1 тыс. солдат.

В сентябре 1898 г. Китченер подошел к столице махдистского государства — Омдурману. Здесь произошло генеральное сражение, в котором Китченер применил новое тогда оружие — пулеметы. Один полковник, помощник Китченера, так описал эту битву: «Под свинцовым дождем махдисты шли только вперед навстречу неминуемой смерти. После сражения, в котором мы одержали победу, поле боя было покрыто трупами их солдат в белых одеждах, будто снегом».

Потеряв 20 тыс. человек убитыми, махдисты отступили в Кордофан. Китченер не стал их преследовать, а устремился к Фашоде, где англичане лицом к лицу встретились с французами. Произошел знаменитый фашодский кризис, когда, как писал В. И. Ленин, Англия была «на волосок от войны с Францией» *. Дело кончилось тем, что француз-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, с. 668.

4 Зак. № 1876

ское правительство отдало Маршану приказ отступить от Фашоды, а в 1899 г. между Англией и Францией было заключено соглашение о разделе сфер влияния в Африке.

19 января 1899 г. было подписано англо-египетское соглашение о кондоминиуме над Суданом, которое египтяне назвали зловещим. Согласно этому соглашению, хедив назначал английского генерал-губернатора Судана, который мог быть смещен лишь с согласия правительства Великобритании. Генерал-губернатор издавал приказы, имеющие силу закона, египетские же законы на территории Судана не действовали.

После захвата Судана британский империализм столкнулся с проблемой: куда девать египетскую армию, в рядах которой снова распространялись ватанистские идеи. Чтобы ликвидировать ее, как в начале оккупации, подходящего повода не нашлось. Поэтому большую часть египетской армии, численность которой к началу XX в. составляла 20—25 тыс. человек, англичане держали в Судане. Это давало им возможность изолировать египетскую армию, вновь поверившую в себя, от ее, как говорил Кромер, «массовой базы», сохранять безраздельный контроль со стороны английской оккупационной армии над Египтом и обеспечивать свою безопасность в Судане.

По отношению к египетской армии в Судане британские власти проводили определенную политику. Вице-генерал-губернатор Максуэлл приступил к разоружению египетских офицеров, египетских и суданских солдат. Это вызвало бунт в ряде частей. Офицеры, обвиненные в подстрекательстве, были отданы под суд, семеро из них были изгнаны из армии, один уволен в отставку и один — в запас. Решив использовать этот инцидент для дискредитации хедива в глазах сочувствовавших ему военных, Кромер потребовал от него лично сделать соответствующее внушение наказанным офицерам, что тот и сделал, объявив при этом о своей поддержке сердара Уингейт-паши [4].

Англичане сократили количество чисто египетских частей в составе армии за счет увеличения в ней суданских частей. Число египетских офицеров в суданских частях было сокращено в 10 раз. Египетская армия в Судане была разбросана по мелким гарнизонам отдаленных городов, тогда как английские войска были сосредоточены в Хартуме.

Наконец, английские оккупационные власти широко использовали египетских солдат на строительных работах,

Так как в Судане ощущалась острая нехватка квалифицированных рабочих, лорд Кромер добился у хедива издания приказа о наборе в армию жителей Каира и Александрии, чего в начальный период оккупации не делалось во избежание проникновения в армию передовых идей. В результате число квалифицированных рабочих в Судане увеличилось в несколько раз.

Египетская армия в Судане занималась прокладкой железных дорог, возведением дамб и т. д. По свидетельству лорда Кромера, за 14 месяцев египетские войска проложили железнодорожную линию протяженностью 325 миль. Как выразился один египетский офицер, «каждая пядь этой железной дороги стала могилой для одного египетского солдата». Египетские войска построили в Судане казармы, которые были названы именами Саида, Исмаила, Тевфика и Аббаса, вновь отстроили дворец генерал-губернатора, возвели различные административные и другие здания.

Бывший президент Египта генерал-майор Мухаммед Нагиб рассказывал, что, когда он в свое время выразил желание поступить в военную школу, Ибрагим Ораби — сын Ахмеда Ораби, который жил в Судане и был другом его отца, желая отговорить его от этого намерения, сказал ему: «Эх, сынок! Ведь офицер в оккупированной стране — это все равно что подрядчик или старший артели землекопов». И действительно, едва Мухаммед Нагиб после окончания военной школы прибыл к месту службы в Судане, их батальон был послан на строительство железной дороги.

В 1902 г., когда с точки зрения британских интересов нужда в египетской армии отпала, был издан закон, согласно которому от воинской повинности освобождались сыновья сельских старост, шейхов племен, правительственных чиновников, улемов, студенты Аль-Азхара и других высших учебных заведений, сыновья и родные братья офицеров, то есть представители той части молодежи, среди которой в основном были распространены патриотические, антиимпериалистические настроения. Этот закон действовал в течение 45 лет вплоть до 1947 г., что, конечно, отрицательно сказалось на общем уровне армии.

В начале века в египетских общественных кругах господствовало мнение, что для борьбы против британской оккупации следует использовать противоречия между европейскими державами с учетом того факта, что Египет формально продолжал находиться под суверенитетом Османской империи.

В 1911 г. вспыхнула итало-турецкая война. Италия блокировала ливийское побережье и оккупировала Триполи, Дерну, Тобрук, Бенгази. В связи с этим Турция думала перебросить свои войска в Ливию через египетскую территорию, а также прибегнуть к помощи египетской армии. Египетское общественное мнение выступило в поддержку Турции, патриотические элементы требовали пропустить турецкую армию через египетскую территорию, не запрашивая согласия английского министерства иностранных дел. Однако во избежание столкновения с Италией Англия поспешила объявить о нейтралитете Египта в этой войне. Со своей стороны Турция не сделала попытки послать свои войска через Египет. Когда же группа египетских патриотов обратилась к лорду Китченеру с требованием послать в помощь Турции египетские войска, он ответил, что это означало бы увеличение численности оккупационных войск. Тогда некоторые офицеры выразили желание участвовать в этой войне в качестве добровольцев. Китченер дал согласие на это при условии, что по возвращении они будут уволены в запас. Это не помешало группе египтян принять участие в войне в качестве добровольцев на свой страх и риск. Среди них были Абдель Рахман Аззам, впоследствии генеральный секретарь Лиги арабских государств, Салех Харб, возглавивший затем Ассоциацию мусульманской молодежи (оба стали министрами в первом кабинете Али Махира), Азиз аль-Масри, который активно участвовал в боевых операциях и был назначен командующим района Бенгази (он занял пост начальника генштаба при Али Махире) и многие другие. Через Западную пустыню в Ливию патриоты переправляли партии оружия, но, чтобы положить этому конец, английские оккупационные власти заменили египетских начальников пограничных районов англичанами. Таким образом, англичане не дали египетской армии возможности участвовать в боевых действиях, к чему ее призывало общественное мнение страны. Недаром Юсеф Нагиб, офицер египетской армии, который умер в Судане и там же похоронен, говорил своему сыну Мухаммеду, советуя ему избрать себе профессию адвоката: «Армия — это вспомогательная сила, получающая приказы от англичан».

Англичане стали вводить в армии новые порядки. В частях, сформированных из суданцев, приказы вообще отдавались на английском языке. Некоторые учебные команды комплектовались из одних суданцев и бедуинов. Египтя-

нин не мог подняться выше чина бригадира, а суданец — выше майора, тогда как англичане имели чины, начиная с капитана и кончая высшими генеральскими званиями.

В армии резко обозначились классовые различия. Чтобы феллахи и бедняки не могли достигнуть командных должностей, подобно Ахмеду Ораби, англичане прекратили практику производства унтер-офицеров в офицеры. В военную школу попадали сыновья офицеров да недоросли из богатых семейств, не осилившие программу школы второй ступени (лишь с 1928 г. туда стали принимать лиц с законченным средним образованием). В солдатах служили выходцы из беднейших слоев.

В этот период армия была не только малочисленной, плохо вооруженной и имела низкий уровень боевой подготовки, но и слабо связанной с национальным движением. К отбору офицеров англичане подходили со своей меркой, старались приобщить их к своему образу жизни, привить им свои традиции, что изолировало их от египетского общества.

Когда разразилась первая мировая война и Турция еще сохраняла нейтралитет, британское правительство оказало давление на египетское правительство с целью воспрепятствовать принятию им решения о нейтралитете. 5 августа 1914 г. Египту было запрещено иметь деловые сношения с Германией и ее подданными, а египетским судам — заходить в германские порты.

2 ноября 1914 г. Египет был объявлен на военном положении, и верховная власть в стране перешла в руки командующего английскими силами в Египте генерала Максуэлла. Тысячи патриотов — представителей буржуазной интеллигенции были арестованы, печатные органы ватанистов запрещены, введена строгая цензура. Когда в войну вступила Турция, Англия 18 декабря 1914 г. ликвидировала суверенитет Османской империи над Египтом и объявила его своим протекторатом. На следующий день, 19 декабря, англичане низложили хедива Аббаса II Хильми, находившегося в то время в Стамбуле, и возвели на его место принца Хусейна Кямиля, «пожаловав» ему титул султана.

В военных действиях против турок на египетскую армию англичане почти не рассчитывали, лишь несколько египетских подразделений они привлекли к участию в обороне Суэцкого канала. Как писал подполковник Керзи, к концу 1914 г. в Египте было 22 тыс. египетских и судан-

ских солдат, тогда как индийских, австралийских, новозеландских и английских солдат насчитывалось 70 тыс. В ходе войны их численность возросла до 275 тыс. Свои собственные войска англичане также не все отправили на фронт: боясь народных выступлений, они держали большие гарнизоны в Каире и Александрии.

С вступлением в войну Турции антианглийские настроения среди национальных сил Египта еще больше усилились, хотя к тому времени уже родилась и окрепла идея национального освобождения и создания независимого Египта и от Англии, и от Турции. Когда командующий египетскими войсками в районе Западной пустыни полковник Сесиль Сноу после боя с сенуситами [5] отступил от Эс-Саллума в район Мерса-Матрух, не заботясь о судьбе египетских пограничных войск в Сиди-Баррани и Букбуке, египетский капитан Мухаммед Салех Харб (впоследствии — паша) воспользовался этим и вместе с восемью другими офицерами и более чем 120 солдатами присоединился к сенуситам и выступил против англичан.

Во время первой мировой войны основное участие в военных действиях египетская армия принимала в Судане, где 10 февраля 1916 г. султан Дарфура Али Динар под влиянием турок и сенуситов поднял восстание против колониального правительства Судана (в 1900 г. он признал свою вассальную зависимость от него). Командовал экспедицией английский подполковник Кейли, все офицеры и солдаты были египтяне и суданцы. Экспедиция закончилась в мае 1916 г. вступлением в столицу Дарфура Эль-Фашер. Султан был убит в бою в западном районе Дарфура в ноябре 1916 г. По случаю вступления в Эль-Фашер король Георг V прислал поздравительную телеграмму, а генерал-губернатор Судана на торжестве, устроенном в клубе египетских офицеров в день праздника хиджры, произнес пышную речь, где говорил о том, что «великая заслуга египетской армии и ее доблестных офицеров останется легендой, вписанной золотыми буквами в историю армии».

Очевидно, что участие египетской армии в первой мировой войне было ограничено небольшими операциями или действиями вспомогательных войск. Англичане не пытались создавать и вводить в сражения крупные египетские формирования, подобно индийским войскам, так как отдавали себе отчет в том, что патриотические настроения в египетском народе столь сильны, что это было бы чревато для них опасностью.

29 января 1916 г. в Каире состоялась демонстрация призванных в армию резервистов. Выкрикивая лозунги протеста против призыва их после отбытия 6-летнего срока обязательной службы, от казарм в Гелиополисе они дошли до Абдинского дворца. Не добившись своего, резервисты устроили демонстрацию на следующий день, но были рассеяны полицией. Несколько демонстрантов было ранено.

В ноябре 1916 г. на пост английского верховного комиссара вместо Мак-Магона был назначен генерал-губернатор Судана Реджинальд Уингейт, который ввел новый метод эксплуатации египтян: формирование так называемых египетских трудовых корпусов. Сначала набор в корпус формально проводился на добровольной основе, однако люди всеми средствами пытались избежать его, несмотря на то что британские власти объявили, что тот, кто прослужит в корпусе 1 год, будет освобожден от военной службы. С 1917 г. набор стал принудительным. Рабочих и феллахов, согнанных в корпуса, заставляли выполнять самую тяжелую работу в районах военных действий: рыть окопы и колодцы, возводить укрепления, прокладывать железные дороги и водопроводные линии через пустыню, переносить тяжести, убирать нечистоты. Нередко работать приходилось под огнем противника. Феллахи бежали из деревень, скрываясь от властей, чтобы не попасть «добровольцами» в корпус.

Набор в трудовые корпуса проводился 3—4 раза в год, каждый раз набирали примерно по 135 тыс. человек. Срок пребывания в корпусах составлял 6 месяцев. Всего в эти корпуса был призван 1 млн. человек, 30 тыс. из них нашли свою смерть на границах Египта, во Франции, в Дарданеллах, в Палестине.

В стране росло недовольство. Резко усилились националистические настроения среди интеллигенции и мелкой буржуазии, сплотившейся вокруг Национальной партии [6]. Крупная буржуазия, наживавшаяся на войне, сотрудничала с оккупантами. Однако в условиях строгого военного режима рост ватанистского движения приостановился. Это толкнуло часть ватанистов на путь индивидуального террора. В апреле и мае 1915 г. они совершили две попытки покушения на султана Хусейна Кямиля, а в сентябре 1915 г. — попытку покушения на премьер-министра Хусейна Рушди-пашу.

Эти террористические акты привели к тому, что окку-

пационные власти усилили репрессии против патриотов. Популярность Национальной партии, которая достигла своей вершины при Мустафе Кямиле, уменьшилась.

В свое время, когда Мустафа Кямиль выступил со своим знаменитым обращением к французскому парламенту, 32 офицера Суакинского гарнизона, где служил его родной брат Али Фахми Кямиль, послали ему телеграмму. «Твое правдивое перо острее наших сабель, твои неопровержимые доводы разят сильнее наших пуль», — писали они.

Но Мустафа Кямиль, окруженный узким кругом интеллигентов, которые не могли организовать массовое движение, стремился добиться независимости страны, главным образом посредством создания общественного мнения в Европе в пользу Египта, а также попытками использовать противоречия между Англией и Францией для решения национальной проблемы. Он был весьма далек от того, чтобы стать вторым Ораби или устанавливать связи с армией. Поэтому в своем ответе офицерам он писал: «Мы поступим мудро, не обнаружив себя врагу. Я не хотел бы, чтобы офицеры армии открыто участвовали в нашем движении. Это принесло бы огромный вред делу: оккупанты найдут основания для обвинений египтян в революции».

Таким образом, Мустафа Кямиль старался не вызвать к себе подозрения явными связями с армией, да и вряд ли ватанистские лидеры, выдвинувшиеся после Ахмеда Ораби, могли этого желать в условиях, когда в стране хозяйничали английские оккупанты, ибо не хотели повторения трагедии восстания Ораби, тем более что силы армии в то время были распылены и истреблялись в соответствии с планами империалистов.

Едва окончилась война, как египетский народ выступил с выражением национальных требований. 11 ноября 1918 г. избранный вице-президент распущенного в начале войны Законодательного собрания Саад Заглул и два члена собрания — Али Шаарави-паша и Абд аль-Азиз Фахми-бей — потребовали встречи с английским верховным комиссаром Уингейтом для того, чтобы выразить ему мнение египетского народа и получить у него разрешение на выезд в Лондон для представления египетских требований британскому правительству. Встреча состоялась 13 ноября, и этот день вплоть до революции 23 июля 1952 г. в Египте ежегодно отмечался как официальный праздник — День борьбы.

В 1919 г. в Египте вспыхнуло восстание. В нем активно участвовали самые различные социальные слои: студенты, рабочие, крестьяне. Бастовали ремесленники и чиновники, выходили на демонстрацию женщины. Но армия в событиях 1919 г. не сыграла позитивной роли. За годы, прошедшие со времени восстания Ораби, оккупанты сделали все, чтобы изолировать армию от национального движения и насадить в ней «особый сорт» офицеров, которые в социальном и идейном отношении были далеки от революции.

Солдаты — сыновья и братья рабочих и феллахов — отказывались стрелять по демонстрантам. Так было, например, в Эль-Минье, где подполковник Шахин, когда его солдаты отказались выполнить его приказ, сам открыл огонь по демонстрантам и убил восемь человек.

Некоторые армейские офицеры перешли на службу к оккупантам и без колебаний выполняли их приказы. Особенно жестокими массовыми расправами с демонстрантами прославились упомянутый подполковник Шахин и ставший впоследствии главнокомандующим вооруженными силами Мухаммед Хайдар.

Но часть офицеров сочувствовала восстанию и даже участвовала в нем. К числу таких офицеров относится, например, Абдель Рахман Фахми — один из руководителей и организаторов подпольной диверсионной и террористической деятельности, проводившейся во время восстания.

Напуганная восстанием, Англия 28 февраля 1922 г. опубликовала декларацию об отмене английского протектората над Египтом, а 15 марта была провозглашена формальная независимость Египта. Восстание 1919 г. вынудило колонизаторов и дворцовые круги провозгласить конституцию 1923 г., на защиту которой в дальнейшем не раз вставал народ, находя в ней выражение своей воли, несмотря на ее недостаточно демократический характер (предоставление королю права роспуска парламента, отсрочки его созыва и издания декретов в его отсутствие).

Под воздействием революционных событий в Египте патриотическое движение среди офицеров — египтян и суданцев — развернулось в Судане. Выдающимся деятелем этого движения был суданец, офицер 9-го пехотного батальона старший лейтенант Али Абд аль-Латыф, выступивший с требованием эвакуации англичан из Судана и объединения его с Египтом. Свои взгляды он изложил в статье «Требования суданской нации», которую послал в каирскую газету «Аль-Ахбар», возглавлявшуюся Амином

ар-Рафии. После опубликования этой статьи в мае 1922 г. Али Абд аль-Латыф был уволен из армии и приговорен к одному году тюрьмы. По выходе из заключения Али Абд аль-Латыф создал тайную организацию Лига Белого знамени (решение о ее создании было принято на общем собрании, на котором египтяне не присутствовали; это свидетельствует о том, что стремление к единству с Египтом исходило от самих суданцев). Лига имела свой флаг. Он представлял собой белое полотнище с изображением карты Нила и в углу ее зеленого египетского флага. На белом фоне полотнища был начертан призыв «Вперед!».

Совместная борьба египтян и суданцев против английской оккупации приняла открытый характер. В ряде городов Судана состоялись антианглийские демонстрации. 9 августа 1924 г. в Хартуме вышли на демонстрацию курсанты военной школы, вооруженные винтовками. Направившись к дому Али Абд аль-Латыфа, они выкрикивали лозунги «Долой англичан!», «Долой генерал-губернатора!».

В демонстрациях принял участие железнодорожный батальон египетской армии. Против него англичане бросили кавалерию. Пять солдат было убито, а остальных удалили в Асуан.

После этих событий руководитель Лиги Белого знамени Али Абд аль-Латыф был снова схвачен и приговорен к трем годам тюремного заключения *.

15 августа 1924 г. правительство Саада Заглула направило английскому правительству послание. В нем говорилось, что оно с большой печалью и сожалением следит за событиями, происходящими в Судане, которые оно рассматривает как естественный результат метода, применяемого британскими чиновниками в Судане. В ответ английское правительство сообщало, что оно «приняло меры по усилению британского гарнизона и разрешило правительству Судана немедленно удалить из Судана железнодорожный батальон и любую другую единицу египетской армии, которая проявит нелояльность».

Когда в Судане начали закладываться революционные основы внутри и вне армии, на одной из улиц Замалека,

---

* В тюрьме с Али Абд аль-Латыфом произошла большая трагедия: один из заключенных нанес ему удар по голове. Али Абд аль-Латыф получил сотрясение мозга, что вызвало у него умственное расстройство. Скорее всего, это нападение было не что иное, как заранее подготовленная расправа.

в Каире, 19 ноября 1924 г. был смертельно ранен сердар египетской армии и генерал-губернатор Судана Ли Стэк. Воспользовавшись этим, 22 ноября английское правительство направило египетскому правительству ультиматум. Чтобы предъявить его Сааду Заглулу, лорд Алленби[7] явился в совет министров в сопровождении 600 английских кавалеристов. В ультиматуме, в частности, содержалось требование, чтобы египетское правительство в течение 24 часов распорядилось об отозвании из Судана египетской армии и передаче суданских войсковых единиц из состава египетской армии в исключительное подчинение правительству Судана. Саад Заглул отверг этот ультиматум и 24 ноября 1924 г. подал в отставку.

Английское правительство немедленно приступило к осуществлению своего плана. В Хартуме английские войска блокировали египетские части. 3-й батальон отказался следовать в Египет, не имея на то приказа египетского военного министра. Восстал также 11-й суданский батальон, который пытался соединиться с египетскими частями в Северном Хартуме. Против него были брошены английские войска. Завязался бой, который прекратился лишь около полуночи, когда у суданцев кончились патроны и был убит их командир Абд аль-Фадл Алмаз.

Оккупационные власти казнили трех офицеров: Хасана Фадла аль-Холи, Сулеймана Мухаммеда и Сабита Абд ар-Рахима (четвертому офицеру, приговоренному к смертной казни, Али аль-Банна удалось спастись). 17 офицеров колонизаторы уволили из армии за отказ принести присягу генерал-губернатору, и они бежали в Египет. В Египет также прибыла группа курсантов военной школы, находившихся в заключении в тюрьме Купера в Северном Хартуме. Все они потом служили в египетской армии или полиции.

Таким образом, английские колонизаторы осуществили свой план отделения Судана от Египта и вывода оттуда египетской армии подобно тому, как это они сделали в 1885 г.

После подавления выступлений 1924 г. волна политической активности внутри армии спала, тайные общества прекратили свое существование под ударами судебных расправ и разнузданного террора. Но оставались офицеры, в груди которых по-прежнему пылал огонь патриотизма. Доказательством этого может служить следующий пример. Когда король Фуад в 1929 г. распустил парламент, где

Вафд располагал подавляющим большинством, Мухаммед Нагиб тайно пришел домой к председателю Вафда Мустафе Наххас-паше, чтобы заявить ему, что армия готова оказать сопротивление антиконституционным мерам короля. На этой встрече случайно присутствовали секретарь Вафда Макрам Убейд и член руководства Вафда Махмуд Фахми Нукраши. В ответ на заявление Мухаммеда Нагиба Мустафа Наххас сказал, что он предпочитает, чтобы армия находилась вне политики, а нация была источником власти, хотя и желает, чтобы офицеры были верны Отечеству и народу больше, нежели персоне короля.

Конечно, это всего лишь единичный эпизод, но он показывает, что Вафд, выражавший волю народа, не ответил на призыв офицеров армии, которые проявляли готовность к действию. Очевидно, Вафд, во-первых, представлял себе всю опасность столкновения с оккупационными войсками, когда условия для этого еще не созрели, и, во-вторых, сомневался в возможности серьезного сотрудничества с армией, которая на протяжении долгих лет находилась под контролем оккупационных войск. Ведь начиная с 1882 г. все высшее командование армии состояло из англичан.

Когда в 1928 г. египетский парламент хотел увеличить число частей египетской армии, оснастить ее более современным оружием и снаряжением, усовершенствовать подготовку офицеров, установив прием в военную школу лиц с законченным средним образованием, и ограничить власть английского генерального инспектора, Англия заявила египетскому правительству протест, и оно было вынуждено отступить и продлить полномочия генерального инспектора Спэнкс-паши, произведя его в чин генерал-лейтенанта.

Египетская армия не только не увеличивалась, а еще больше сокращалась, и ее подчинение англичанам и двору все усиливалось. Об этом свидетельствовало использование ее для вмешательства в выборы, которые Исмаил Сидки провел после того, как против воли народа отменил конституцию 1923 г. и провозгласил новую конституцию 1930 г.

Глава III

ПОСЛЕ АНГЛО-ЕГИПЕТСКОГО ДОГОВОРА 1936 г.

После заключения договора 1936 г. положение египетской армии, которая к тому времени насчитывала всего 15 тыс. человек, была изолирована от общества и полностью подчинена оккупационным властям и двору, во многом изменилось.

Обстановка, в которой был заключен договор 1936 г., для английских оккупантов была сложной как никогда. В Германии к власти пришли нацисты. Италия вела захватническую войну в Эфиопии. Противоречия мирового империализма все усиливались, приближалась мировая война.

Наххас-паша охарактеризовал договор 1936 г. как «документ чести и независимости». Конечно, это было не так, хотя при всех отрицательных сторонах договора в нем были и положительные моменты.

Договор устанавливал своего рода союз наподобие того, который после аннулирования мандата в октябре 1932 г. был установлен между Англией и Ираком. Признавая суверенитет Египта над своей территорией и его свободу действий во внутренних делах, договор в то же время обязывал Египет не проводить внешнюю политику, противоречащую союзу, предусматривал привилегированное положение британского посла по сравнению со всеми другими иностранными дипломатами. Согласно договору, Англия сохраняла за собой военно-морские базы в Египте и имела право на льготы для своих войск, которые должны были быть отведены в зону Суэцкого канала через 8 лет. Англия признала суверенитет Египта над Суэцким каналом, а Египет признал, что канал является международным средством сооб-

щений и жизненно важным путем сообщения между различными частями Британской империи. Договор предусматривал, что английские войска будут оставаться в зоне канала до тех пор, пока Египет не будет в состоянии своими собственными силами обеспечить его защиту, и что английская армия имеет право возвратиться на египетскую территорию в случае войны или угрозы войны. Договор также предоставлял Англии право требовать введения чрезвычайного положения и объявления военного положения в случае возникновения войны.

Как заявил английский министр иностранных дел Иден в палате общин 24 ноября 1936 г., английское правительство сочло возможным отказаться от оккупации Каира и Александрии и ограничиться зоной Суэцкого канала в связи с тем, что, став механизированными, английские войска в случае необходимости могут быть легко переброшены по шоссейным дорогам. Поэтому в приложениях к договору предусматривалось, что египетское правительство берет на себя строительство казарм для британских войск в указанных ими местах, а также сети отвечающих специальным требованиям дорог между Каиром, Александрией, Порт-Саидом, Исмаилией, Суэцом и другими пунктами, ставших известными как «договорные».

Курьезно, что, предоставив британским военно-воздушным силам право совершать полеты в воздушном пространстве Египта, договор предоставлял египетским ВВС аналогичное право в отношении воздушного пространства Великобритании.

Договор 1936 г. не осуществил целей восстания 1919 г. И все же это были не одни лишь оковы, в договоре содержались и некоторые позитивные положения. Так, был отменен режим капитуляций, упразднены смешанные суды. В мае 1937 г. Египет стал членом Лиги наций. Формальная независимость, провозглашенная в февральской декларации 1922 г., приблизилась к тому, чтобы стать более реальной, хотя влияние и власть оккупационных войск сохранялись.

Египетские войска вернулись в Судан, после того как были выведены оттуда в 1924 г., и их встретили там с большим радушием.

Договор устанавливал 20-летний срок пребывания британских войск в Египте, что связывалось со способностью Египта самому осуществлять защиту канала. Это послужило стимулом к развитию египетской армии, к тому, что-

бы вывести ее из состояния косности и изоляции. Вместо Спэнкс-паши, который вместе со всеми английскими офицерами был отозван из египетской армии, командующим египетской армией стал генерал-майор Махмуд Шукри-паша.

Договор предусматривал также, что англичане возьмут на себя обучение египетской армии и оснащение ее оружием. С этой целью в Египет прибыла английская военная миссия, и английские офицеры, входившие в ее состав, появились во всех родах войск. Некоторые из них в английской армии были унтер-офицерами, но при своем назначении в египетскую армию получили чин не ниже капитана.

Высший совет обороны приступил к разработке новой политики, направленной на увеличение численности армии. Военная школа, после договора преобразованная в колледж, стала каждый год, и особенно в преддверии второй мировой войны, набирать по нескольку сот слушателей, тогда как прежде ежегодный набор в школу не превышал 20—30 человек.

Прием в военный колледж такого большого числа слушателей ограничил возможность допуска в него лишь людей «особого сорта», хотя специальная комиссия отбирала поступающих туда не только по социальному признаку, но и на основании того, из какой конкретно семьи каждый из них происходит. В результате в офицерский корпус стали проникать новые элементы — выходцы из растущего среднего класса. Во всяком случае, принятые в военный колледж относились к числу тех, кто был в состоянии оплатить расходы, связанные с пребыванием в нем, в размере 60 фунтов в год, что составляло внушительную сумму на фоне общего среднего дохода и по сравнению с зарплатой выпускника университета, не превышавшей 8 ег. фунтов в месяц и лишь впоследствии увеличенной до 12 фунтов. Однако, поскольку государство могло предоставить работу с таким окладом далеко не всем выпускникам университета, это породило среди образованных людей безработицу и они были выпуждены идти на менее оплачиваемую работу. Поэтому многие выпускники средних школ, чтобы обеспечить себе в будущем должность и сравнительно хорошее жалованье, стремились попасть в военный колледж.

В 1938 г. Высший совет обороны подготовил план развития и вооружения армии на сумму в пределах 200 млн. долл., но этот план не был осуществлен, так как, согласно

условиям договора, Египет мог приобретать оружие лишь у Англии, а последняя сама нуждалась в оружии в связи с надвигавшейся угрозой второй мировой войны. Таким образом, египетская армия осталась без вооружения.

Едва вафдистский кабинет, пришедший к власти в результате выборов, начал проводить в жизнь свою политику, как 29 декабря 1937 г. он был отставлен. Вступивший 29 июля в свои конституционные полномочия в связи с достижением 18-летнего возраста король Фарук, надругавшись над волей народа и над духом конституции, назначил премьер-министром лидера партии либералов-конституционалистов[1] Мухаммеда Махмуда. Начался период пребывания у власти кабинетов партий «меньшинства», к которым добавилась новая, отколовшаяся в 1937—1938 гг. от Вафда партия Саад (по имени Саада Заглула) во главе с Ахмедом Махир-пашой и Махмудом Нукраши-пашой *.

Для фальсификации выборов, проводившихся после отставки вафдистского кабинета, была открыто использована армия, так как Вафд, несмотря ни на что, представлял собой популярную политическую силу, способную на свободных, демократических выборах получить большинство голосов, а следовательно, и мест в парламенте. Армейские части были распределены по провинциям и находились в распоряжении местной администрации, которая в случае нужды прибегала к их помощи, как это произошло, например, в Саманнуде, родном городе Мустафы Наххаса[2], где он баллотировался и где для того, чтобы закрыть избирателям доступ к избирательным участкам, развели мост. Наутро, когда вмешательство армии в избирательную кампанию раскрылось, кандидаты-вафдисты обратились в прокуратуру, которая тут же допросила офицеров. Младшие офицеры не колеблясь заявили, что вмешательство в пользу противников Вафда действительно имело место, но несмотря на это, следствие окончилось ничем.

Вафд был отстранен от власти после того, как выполнил роль, отведенную ему оккупационными властями, а именно создать национальный фронт, который санкционировал бы договор, обеспечивающий хотя бы минимум стабилизации в условиях приближающейся опасности второй мировой войны.

* Эта партия сослужила большую службу египетским капиталистам, а сам Ахмед Махир возглавил административный совет Каирской компании ткацких фабрик, тогда как занимать административные должности в компаниях было не в традициях Вафда.

Отстранение Вафда от власти означало и лишение его возможности влиять на армию. Поскольку приемная комиссия в военном колледже состояла из высокопоставленных военных, всецело подчиненных влиянию двора, Вафд не мог провести в ряды армии сыновей своих многочисленных сторонников в столице и в провинциях. К тому же в армии к Вафду относились с предубеждением как к организации, куда входят массы «людей с улицы», чуждые порядку и дисциплине, которая господствовала в армии и за которую высшие офицеры, прошедшие в армию сквозь фильтр оккупационного режима, держались как за единственное проявление своего могущества и власти.

Застой, который армия переживала на протяжении предшествующих лет, наложил на нее свой отпечаток, изолировав ее от масс и патриотического движения. Это особенно сказалось на высшем командовании. В то же время часть молодых офицеров — выпускников военного колледжа наборов 1937, 1938 и 1939 гг. — принесла с собой сперва в колледж, а затем и в армию идеи учащейся молодежи, выходившей на демонстрации с требованием восстановления конституции 1923 г. и с антиимпериалистическими лозунгами.

Когда в сентябре 1939 г. началась вторая мировая война, Али Махир, возглавивший кабинет в августе после отставки Мухаммеда Махмуда, поспешил во исполнение положений договора 1936 г. ввести законы военного времени, которые предусматривали суровое наказание каждого, кто совершит не только преступление против безопасности государства, но и действие, наносящее ущерб стране, являющейся союзником или партнером Египта. Как ни странно, но у Али Махира, пришедшего на пост премьер-министра, не было ни своей партии, ни одного представителя в парламенте.

Грубое нарушение конституции, выразившееся в смещении вафдистского правительства, явилось лишь прелюдией к целой серии последующих нарушений конституции и отставок кабинетов. Этой участи не избежал и сам Али Махир: за волокиту с решением вопроса об итальянских подданных после вступления Италии в войну (10 июня 1940 г.) он был вынужден 28 июня подать в отставку. Его преемник Хасан-паша Сабри возглавил кабинет, состоявший из либералов-конституционалистов, саадистов и ватанистов (последние вошли в состав правительства впервые, так как Национальная партия всегда отвергала уча-

стие в правительстве до полной эвакуации английских войск).

Египет не объявлял войны державам «оси», его армия не входила в состав сил союзников, и Великобритания не прибегла к ее помощи в военных действиях за пределами Египта, как это было в отношении армий Индии, Судана, Ливии и некоторых других африканских стран. Так, например, в рядах союзных войск насчитывалось около 70 тыс. суданских солдат, из которых примерно 60 тыс. принимали участие в боевых операциях в Ливии и Западной пустыне.

Несмотря на малочисленность египетской армии и низкий уровень ее вооружения, британское командование вначале пыталось включить ее в состав своих сил и использовать в боевых операциях, но затем отказалось от этой идеи, поняв опасность подобного шага в условиях, когда египетский народ отнюдь не испытывал удовлетворения по поводу присутствия в своей стране оккупационных войск.

Под тем предлогом, что Египет не объявлял войны Германии, тогдашний начальник генштаба Азиз аль-Масри отверг предложение британского командования привлечь египетскую истребительную авиацию к осуществлению британского плана обороны и отказался направить египетский контингент в оазис Сива для участия в операциях в Западной пустыне.

Позднее среди документов итальянского штаба генерал Генри Вильсон обнаружил британский план обороны Западной пустыни, который за несколько месяцев до этого он направил Азизу аль-Масри. Англичане потребовали смещения Азиза аль-Масри, и Али Махир был вынужден удалить его в бессрочный отпуск.

После этого, как свидетельствует подполковник ВВС Египта Абдель Латыф аль-Багдади, впоследствии член Совета революционного командования, египетские истребители, базировавшиеся на Хелуанском аэродроме, участвовали вместе с британскими эскадрильями в обороне Каира, но всего лишь в течение нескольких месяцев, так как англичане вскоре потеряли уверенность в возможность сотрудничества с египетской армией.

После своего удаления из армии Азиз аль-Масри начал устанавливать тайные контакты с германским командованием вместе с рядом офицеров, которые, не разобравшись в истинном характере нацистской идеологии, основанной на расизме, видели в связях с немцами шанс на освобож-

дение Египта от британских войск. В 1939 г. в египетских военно-воздушных силах, где возможность для установления подобных контактов была шире, образовалась группа офицеров, куда входили Абдель Латыф аль-Багдади, Хасан Ибрагим, Хусейн Зульфикар Сабри, Абдель Монейм Абдель Рауф, Вагих Абаза, Ахмед Сауди и Хасан Иззет; позднее к ним присоединился офицер связи Анвар Садат. Введенные в заблуждение нацистской пропагандой и ослепленные первыми победами гитлеровской Германии, они не сумели в полной мере осознать угрозу, которую несло фашистское нашествие арабским народам.

Когда Роммель[3] стремительно продвигался к Александрии, упомянутая группа решила направить майора ВВС Ахмеда Сауди своим делегатом к Роммелю, чтобы изложить ему свою точку зрения на сотрудничество против Великобритании. Для Сауди приготовили чемодан с документами, куда на всякий случай было помещено взрывное устройство; Хасану Ибрагиму, впоследствии члену Совета революционного командования, было поручено доставить чемодан к самолету, а Вагиху Абазе — подготовить маршрутную карту полета. Но до немцев самолет Ахмеда Сауди не долетел. Германское радио сообщило, что в районе Мерса-Матрух сбит британский военный самолет. Хасан Ибрагим, как дежурный офицер, был предан суду и переведен на интендантскую должность.

После неудачи Сауди попытки установить контакт с немцами не прекратились. Подобным же образом к ним был направлен прапорщик Мухаммед Радван, который действительно перелетел к немцам и сотрудничал с ними, а после победы союзников был арестован в Берлине *.

Вскоре после переворота, совершенного Рашидом Али аль-Гайлани в Ираке, попытку перелететь к немцам дважды предпринимал Азиз аль-Масри. В первый раз он собирался бежать на германском самолете, который должен был подобрать его в условленном месте в районе северных оазисов, но до этого места он не добрался вследствие неисправности автомашины. Во второй раз он пытался перелететь в расположение германских войск на египетском самолете, который пилотировали Хусейн Зульфикар Сабри

---

* Военным трибуналом Мухаммед Радван был приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет и штрафу в размере 8 тыс. фунтов; после революции в Египте он был освобожден и затем служил в общем отделе военного министерства.

и Абдель Монейм Абдель Рауф. Но едва самолет поднялся в воздух, как пришлось идти на вынужденную посадку в районе Кальюба. Мамур[4] тамошнего уезда оказался бывшим учеником Азиза аль-Масри по полицейской школе. Не подозревая об истинной цели неудачного полета, он предоставил в распоряжение Азиза аль-Масри и его спутников свою автомашину, которая и доставила их в Каир, на площадь Оперы. В Каире беглецы попытались найти убежище в доме одного учителя, проживавшего в Эмбабе и бывшего членом партии «Молодой Египет». Этот учитель находился под наблюдением полиции, которая в то время разыскивала руководителя партии «Молодой Египет» Ахмеда Хусейна, скрывавшегося в Танте под видом дервиша. Поэтому Азиз аль-Масри, Хусейн Зульфикар Сабри и Абдель Монейм Абдель Рауф сразу же были арестованы и находились в заключении около года. В марте 1942 г. они были освобождены вафдистским кабинетом и возвращены в армию, причем Хусейн Зульфикар был переведен в Судан, а Абдель Монейм Абдель Рауф — в интендантство и больше в авиацию не возвращался. После их ареста 23 офицера из авиации были переведены в другие рода войск.

Деятельность группы офицеров ВВС прекратилась, прекратились и связи между ними, которые не носили организационного характера в известном смысле этого слова, а были основаны на личных отношениях и единстве «патриотической» цели.

Между немцами и офицерами египетской армии осуществлялась связь также через Анвара Садата и Хасана Иззета, установивших контакт с двумя германскими разведчиками. Дело окончилось арестом всех четверых в августе 1942 г., когда немецкие шпионы были схвачены на одном из «поплавков» на Ниле вместе с танцовщицей Хикмет Фахми.

Анвара Садата и Хасана Иззета едва не отдали под суд военного трибунала. Но Мухаммед Нагиб, бывший тогда помощником главного военного прокурора, опротестовал формулировку обвинения, и дело кончилось тем, что 8 октября 1942 г. они были отправлены в тюрьму, а затем в ссылку, где находились до конца войны.

Египетские офицеры сорвали осуществление английского плана по разоружению египетской армии, принятого на случай, если она окажет им противодействие. Так, когда англичане пытались изъять египетские танки под предлогом их закупки после Дюнкеркской операции, офицеры

Манкабадского гарнизона отказались передать им свое вооружение. В Западной пустыне египетские части отказались передать свою боевую технику британским войскам, которые должны были занять их позиции, и в целости и сохранности доставили эту технику в Каир.

В то время политически неблагонадежных офицеров отправляли, как в ссылку, в Западную пустыню. Туда в 1942 г. был отправлен и попавший под подозрение Анвар Садат. Вскоре там образовалась группа, в которую входил один из «свободных офицеров», будущий основатель провинции «Ат-Тахрир»[5] Магди Хасанейн. Своей целью эта группа ставила уничтожение имущества и снаряжения британской армии. Установив контакт с офицерами 4-й индийской дивизии, члены группы пытались настроить их против англичан (и действительно, в Фуке четверо индийцев были отданы под суд и расстреляны за отказ выполнить боевой приказ).

Кстати, тогда же Магди Хасанейн, назначенный начальником автоколонны, отправленной с провиантом в Сиву, на обратном пути наткнулся на 6 грузовиков, брошенных бойцами «Свободной Франции». На них он обнаружил 6 ящиков с ручными гранатами. Он забрал их и передал лейтенанту ВВС Хасану Иззету. Эти гранаты после окончания второй мировой войны использовались для совершения террористических актов в Каире.

Чем дольше шла война, тем больше в стране усиливались антибританские настроения. Партии «меньшинства» в деле руководства государством потерпели провал. Продовольственный кризис достиг таких размеров, что это вызывало тревогу и недовольство. На улицах Каира состоялись демонстрации. В этой обстановке британское правительство было вынуждено снять свой запрет на приход к власти Вафда.

Британский империализм опасался народной революции у себя в тылу, в Египте. Поэтому, когда на горизонте появилась опасность нацистского наступления, англичане решили вернуть Вафд к власти и тем самым удержать египетский народ под своим господством, тем более что король и часть его окружения были вполне готовы сотрудничать с фашистскими и нацистскими захватчиками.

Поскольку король Фарук не спешил выполнить волю британского правительства, войдя во вкус власти при слабых, зависимых от него правительствах, и в надежде, что ход войны изменится в пользу держав «оси», 4 февраля

1942 г. британский посол предъявил ему ультиматум, после того как 2 февраля кабинет Хусейна Сирри подал в отставку.

В ультиматуме, предъявленном британским послом королю, говорилось: «Если до 6 часов вечера мне не станет известно, что Наххас-паша приглашен для сформирования кабинета, то ответственность за последствия будет нести король Фарук». Так как на ультиматум немедленного ответа не последовало, в 9 часов вечера английские танки окружили Абдинский дворец, и посол вместе с главнокомандующим британскими силами, предшествуемые восемью офицерами с револьверами в руках, вступили во дворец. Посол вошел в кабинет Фарука, в котором вместе с Фаруком находился начальник королевской канцелярии Ахмед Хасанейн, и предоставил королю выбор: либо отречься, либо сформировать вафдистский кабинет. Король немедленно выбрал второе.

Военная демонстрация посла и антивафдистская пропаганда со стороны партий «меньшинства» привели к дискредитации Вафда; события 4 февраля ставил в укор Вафду не только каждый его противник, но и всякий, кто не понял действительной роли двора, по существу сотрудничавшего с колонизаторами, или, будучи настроен патриотически, но не разобравшись в сущности фашистских идей, подпал под их влияние.

Инцидент 4 февраля имел далеко идущие последствия в армии. Генерал-майор Мухаммед Нагиб подал было в отставку, но его отговорил от этого его адъютант, суданец по происхождению, Абдалла ан-Нуджуми. Офицеры ВВС решили расписаться в Почетной книге Абдинского дворца (резиденция короля) [7]. Абдель Латыф аль-Багдади и Абдель Хамид ад-Дугейди явились к Ахмеду Хасанейну на предмет выяснения позиции Мустафы Наххаса («Если он предатель, то будет убит», — как они выразились), но Ахмед Хасанейн заявил им, что передаст этот вопрос «на мудрое решение своего государя». В знак протеста против насилия англичан над королем лейтенант Магди Хасанейн сорвал концерт с участием певца Галяля Харба и танцовщицы Бибы Изеддин, устроенный в офицерском клубе в Александрии через неделю после этого события, 11 февраля 1942 г., по случаю дня рождения короля.

Подполковник Мухаммед Кямиль ар-Рахмани развернул в армии кампанию в поддержку короля, в результате чего образовалась группа, сочувствующая королю (членом

ее состоял и автор этих строк), которая поставила своей целью не дать англичанам в случае их отхода под натиском немцев разрушить важные в военном отношении сооружения (мосты, дамбы и др.). Дело кончилось арестом ар-Рахмани, а также бригадного генерала Фуада Садека, впоследствии командовавшего египетской армией в Палестинской войне.

Это были не единственные акты противодействия и протеста. В связи с событиями 4 февраля большинство офицеров египетской армии испытывало прилив патриотических чувств. Эти события повлияли на политическую ориентацию офицеров, большинство которых разочаровалось и перестало сочувствовать Вафду. Король не преминул этим воспользоваться и зачастил в Офицерский клуб в Замалеке. Именно в это время среди офицеров начали появляться тайные движения после длительного застоя со времени суданских событий 1924 г. и вывода египетской армии из Судана.

Антивафдистские настроения в армии достигли такой степени, что однажды офицер управления береговой охраны Шаббана запустил в премьер-министра Мустафу Наххаса, выходившего из мечети, ботинком. Когда же его попытались привлечь к ответу, несколько офицеров добровольно вызвались свидетельствовать в его пользу, хотя на месте события и не присутствовали (среди них были капитан Иззеддин Зульфикар, впоследствии известный кинорежиссер, и лейтенант Магди Хасанейн).

До этого времени ориентацию офицеров определяла главным образом надежда на победу немцев и поражение англичан. Поражение итало-немецких войск под командованием Роммеля у Эль-Аламейна вызвало перелом в умонастроениях офицеров. Видя, как германские войска, которые пропаганда изображала непобедимыми, терпят одно поражение за другим, они перестали ориентироваться на немцев и оказались на перепутье. Однако офицеры находились не в изоляции и действовали не в вакууме — у них имелись связи с политическими силами вне армии.

Вместе с тем существование и развитие оппозиционных настроений внутри египетской армии не мешали осуществлению конкретных задач британского оборонительного плана. Особенно заметной была, несомненно, роль зенитной артиллерии и прожектористов в Каире, Александрии и зоне Суэцкого канала (хотя египтянам доступ на Синай был запрещен, и даже офицеры могли попасть туда только

по специальному разрешению, так как там был установлен контроль оккупационных властей и английского губернатора). Черчилль заявил, что Египет выполнил важную, весомую роль, которая делает ему честь, не только в деле самообороны, но и во всемирной борьбе. «Помощь, которую оказала нам египетская армия, — отмечал главнокомандующий британскими войсками, — огромна: она охраняла внутренние объекты, вела наблюдение и осуществляла противовоздушную оборону и тем самым значительно облегчила бремя, которое легло на наши войска».

В 1943 г. один из руководителей Вафда, Макрам Убейд, сблизившийся с дворцовыми кругами, основал Вафдистский блок, ставший одной из партий «меньшинства». Сам Вафд тогда подвергался резкой критике за политику покровительства в отношении своих сторонников, которую он проводил после более чем пятилетнего отстранения от власти.

За время своего пребывания у власти вафдистский кабинет сумел осуществить мероприятия, которые имели важное общественное и социальное значение. Было введено бесплатное начальное обучение, открыт Александрийский университет, установлен обязательный порядок ведения деловой корреспонденции и документации компаний на арабском языке, приняты законы о независимости судей, об индивидуальных трудовых соглашениях, о рабочих профсоюзах, снижен налог с мелких землевладельцев.

После того как вафдистский кабинет выполнил роль умиротворителя народных масс, колонизаторы отказались от его услуг, и король поспешил издать указ о его отставке (8 октября 1944 г., т. е. на другой день после подписания Александрийского протокола о создании Лиги арабских государств, как будто он только и ждал, когда этот кабинет завершит свою миссию образованием Лиги, создание которой благословил Антони Иден).

Глава IV

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРИЛИВ

После отставки вафдистского кабинета к власти опять пришли партии «меньшинства», в том числе новая партия — Вафдистский блок, образовавшие кабинет во главе с лидером саадистов Ахмедом Махиром, который распустил парламент и провел новые выборы. Вафд эти выборы бойкотировал. Вновь избранный парламент собрался 18 января 1945 г. Но 24 февраля Ахмед Махир был убит, когда он выходил из здания парламента, где зачитал декларацию об участии Египта в войне против держав «оси» *. После этого был образован кабинет Махмуда Фахми Нукраши.

Окончание войны и отмена цензуры печати (9 июня), а затем и военного положения (14 октября) явились началом нового этапа национально-освободительной борьбы народа Египта против ига колониализма.

Под давлением общественного мнения, на формирование которого большое влияние оказала вафдистская печать, и особенно меморандум Наххас-паши английскому послу с требованием полной эвакуации из Египта и единства Египта и Судана, 20 декабря 1945 г. Махмуд Фахми Нукраши направил правительству Великобритании ноту, в которой потребовал вывода английских войск в мирное время, указав при этом, что отношения Египта и Великобритании останутся на союзнической основе.

Ответ правительства Великобритании пришел лишь через месяц. В нем говорилось, что основные принципы, за-

* Его убийца Махмуд аль-Исави служил адвокатом-практикантом в конторе известного писателя-историка, члена Национальной партии Абд ар-Рахмана ар-Рафии.

ложенные в договоре 1936 г., по существу правильны и что «политика правительства его величества состоит в том, чтобы поддерживать в духе откровенности и сердечности тесное сотрудничество, которое Египет и Британское содружество наций осуществляли во время войны».

Этот ответ вызвал бурную реакцию со стороны народных масс. Начались волнения среди учащейся молодежи. Главный исполнительный комитет учащихся и Союз выпускников университета выступили с заявлениями протеста. В университете и других учебных заведениях решено было провести массовые митинги.

9 февраля 1946 г. в Каирском университете состоялся митинг студентов, на котором присутствовало несколько тысяч человек. Затем студенты устроили массовую демонстрацию, которая направилась к Абдинскому дворцу с лозунгом «Никаких переговоров до эвакуации!». На мосту Аббаса полиция учинила жестокую расправу над демонстрантами. Спасаясь от пуль полицейских, многие студенты бросались в Нил. Во время этой расправы, вошедшей в историю как «бойня на мосту Аббаса», было убито 60 студентов, 150 демонстрантов были арестованы.

По всей стране прокатилась волна демонстраций, газеты наполнились заявлениями протеста. Правительство конфисковало номера газет, поместивших на своих страницах снимки демонстраций, состоявшихся 11 февраля (в день рождения короля Фарука). Студенты топтали ногами и сжигали портреты короля, скандировали лозунги, направленные против колонизаторов и дворцовой клики. 12 февраля состоялось безмолвное траурное шествие, а студенты Аль-Азхара устроили молитву по убиенным.

Проявив явное бессилие перед англичанами и жестокость по отношению к студенческим демонстрациям, в обстановке все нараставшего подъема народного сопротивления, когда не только учащаяся молодежь, но и представители других слоев народа вышли на демонстрации, кабинет Нукраши 15 февраля 1946 г. подал в отставку. Новый кабинет возглавил Исмаил Сидки, бывший лидер Народной партии, человек, провозгласивший конституцию 1930 г., член административного совета компании Суэцкого канала и председатель Египетской федерации промышленности. Англичане облегчили задачу Исмаила Сидки, отозвав из Египта своего посла лорда Киллерна, имя которого было связано с инцидентом 4 февраля 1942 г., и назначив на его место сэра Рональда Кэмпбелла.

Вначале Сидки действовал «мягкими» методами. Убедив либералов и саадистов в опасности возвращения к власти Вафда, он обеспечил себе поддержку со стороны парламента. Он на несколько дней разрешил студенческие демонстрации и заявил студентам о своей готовности сотрудничать с Мустафой Наххасом, однако Наххас-паша объявил, что не пойдет ни на какое сотрудничество, кроме как на основе новых парламентских выборов, что означало бы конец союза партий «меньшинства», согласившихся, за исключением Вафдистского блока, участвовать в кабинете.

Но демонстрации не прекращались. Народные массы, хорошо знавшие, что собой представляет Исмаил Сидки, не верили его заявлениям. 18 февраля на площади перед Абдинским дворцом состоялась демонстрация, в которой приняло участие около 40 тыс. человек, 15 тыс. человек собрались во дворе Каирского университета.

В эти бурные дни состоялась встреча представителей учащейся молодежи и рабочих, в результате которой был создан Национальный комитет рабочих и учащихся. Свою историческую роль комитет начал выполнять с объявления о том, что рабочие профсоюзы, студенты университетов, Аль-Азхара и других высших учебных заведений, а также учащиеся специальных и средних школ решили провести 21 февраля 1946 г. День эвакуации и всеобщую забастовку.

Жизнь в Каире замерла. На площади Оперы состоялся массовый митинг, участники которого потребовали прекратить тайные переговоры, которые правительство Сидки вело с Великобританией, отменить договор 1936 г., соглашение 1899 г. и передать англо-египетский спор на рассмотрение Совета Безопасности. Затем демонстранты направились на площадь Каср ан-Нил (ныне ат-Тахрир — площадь Освобождения), где в их ряды, давя людей, врезались английские броневики. Демонстранты забросали камнями английские казармы. Из-за стен, ограждавших казармы, английские войска ответили огнем, в результате чего было убито 20 демонстрантов. Возмущенные толпы народа разгромили несколько магазинов, принадлежавших иностранцам, напали на лагерь африканских солдат, расположенный за зданием Смешанного суда, и на Английский клуб авиации. Демонстрации на улицах Каира продолжались до полуночи, перед Абдинским дворцом демонстранты размахивали платками, обагренными кровью убитых.

Волна массовых демонстраций прокатилась и по другим городам страны. 4 марта было объявлено днем всеобщего

траура. В этот день не вышли газеты, были закрыты фабрики и школы. Грандиозная народная демонстрация состоялась в Александрии. Когда демонстранты попытались сорвать британский флаг, развевавшийся над гостиницей, где проживал персонал британских военно-морских сил, английская военная полиция открыла по ним огонь. Произошло столкновение, во время которого было убито 28 демонстрантов и двое британских солдат, 342 человека было ранено.

Несмотря на свою поддержку Исмаила Сидки, правительство Великобритании поставило ему в упрек непринятие решительных мер для подавления демонстраций, которые могли перерасти в народное восстание против оккупационных войск, и направило ноту протеста королю. Сидки решил умолчать о протесте, но английский министр по делам доминионов объявил об этом в палате лордов, а агентство Рейтер передало соответствующее сообщение египетской прессе. Сидки попал в щекотливое положение и полностью разоблачил себя, объявив о запрещении демонстраций.

7 марта 1946 г. Исмаил Сидки образовал официальную делегацию для ведения переговоров с англичанами, в состав которой, кроме него, входили: Мухаммед Шериф Сабри, Али Махир, Мухаммед Хусейн Хейкал, Абдель Фаттах Яхья, Хусейн Сирри, Махмуд Фахми Нукраши, Ахмед Лютфи ас-Сейид, Али аш-Шамси, Макрам Убейд, Хафез Афифи и Ибрагим Абдель Хади. Все это были известные политические деятели Египта. Большинство их верило в то, что союз с Великобританией диктуется необходимостью и интересами страны. Что касается Вафда, то он отказался войти в состав делегации, не имея в ней поста председателя или большинства. В связи с отказом Вафда от участия в делегации на переговорах английская пресса высказывала сомнение в том, что ее состав верно отражает египетскую реальность.

Создавшаяся ситуация привела к резкому ухудшению отношений между Сидки и Вафдом. Правительство конфисковало органы вафдистской печати, солдаты блокировали их издательства. 2 апреля Сидки выступил с заявлением, в котором обвинил Вафд в том, что он создает препятствия на пути переговоров и толкает студентов и рабочих на демонстрации и забастовки.

Убедившись в жесткости позиции Сидки, лейбористское правительство сформировало делегацию для переговоров

с Египтом во главе с министром иностранных дел Бевином и министром авиации лордом Стейнсгейтом. 7 мая оно сделало заявление, в котором определялись следующие основы для вывода всех британских войск из Египта:

1) укрепление союза с Египтом на основе равенства двух наций, объединенных общими интересами;

2) путем переговоров должны быть определены этапы и сроки проведения эвакуации;

3) стороны должны достигнуть соглашения о мерах по осуществлению сотрудничества в случае войны или угрозы войны.

Идея о союзе вызвала в Египте взрыв негодования. 11 мая в Каире произошло столкновение с полицией, во время которого было ранено 30 демонстрантов и 10 полицейских. Вафд и Национальная партия выступили с резкой критикой заявления английского правительства.

Когда в ходе переговоров египетская сторона согласилась с идеей образования «совета совместной обороны» в составе египетских и британских военных, патриотические организации устроили митинги и демонстрации, а Национальный комитет рабочих и учащихся опубликовал воззвание, в котором призвал провести 11 июля 1946 г. — в день годовщины бомбардировки Александрии в 1882 г. — День национального траура и возобновить священную борьбу за независимость.

И здесь Сидки показал свое истинное лицо. Накануне всеобщей забастовки он арестовал около 200 патриотов — писателей, журналистов, руководителей Национального комитета, рабочих профсоюзов и студенческих организаций. Были закрыты многие издательства и новые прогрессивные общества и ассоциации, такие, как Дом научных исследований, Комиссия по популяризации современной культуры, издательство «Двадцатый век», Союз выпускников университета и Омдурманского университета, Конгресс профсоюзов рабочих Египта, клуб «Шаркийя», Лига экспедиций университета и институтов, запрещены такие газеты и журналы, как «Аль-Фагр аль-гадид», «Аль-Габха», «Омдурман», «Аль-Ирак», «Аль-Яраа», «Ад-Дамир», «Аль-Вафд аль-мысри», на несколько дней конфискованы газеты «Аль-Мысри», «Аль-Кутля» и «Мыср аль-Фатат». Было запрещено также проведение Дня 11 июля. Эта кампания получила наименование: «дело о подрывных принципах». Арестованным Саляме Муса, д-ру Мухаммеду Мандуру, Мухаммеду Заки Абдель Кадеру и другим было

предъявлено обвинение в «коммунизме» *. Несмотря на отмену лицензии на издание газеты «Аль-Вафд аль-мысри», оппозиция Вафда в отношении упомянутых мер не была достаточно сильной. Вафд пожертвовал своей газетой, потребовав взамен разрешения на издание другого печатного органа — газеты «Саут аль-умма».

Насколько кампания репрессий Сидки-паши была воспринята с удовлетворением в империалистических кругах, дворцовой кликой и египетской реакцией, настолько же она вызвала отпор со стороны египетской интеллигенции, рабочих и студенчества. 15 июля в Александрии забастовали рабочие Национальной прядильной компании, 17 июля в здание одного из английских клубов было брошено пять бомб.

После своего «крестового похода» Сидки постарался сделать все, чтобы добиться соглашения с англичанами. 15 октября он отправился в Лондон. В Лондоне вместе с Бевином Сидки парафировал договор, а по возвращении заявил, будто вопрос о единстве Египта и Судана решен окончательно. Однако английский премьер-министр Эттли опроверг это заявление, что ослабило позицию Сидки, столкнувшегося внутри страны с резкой оппозицией, особенно со стороны студенчества. Еще в день его отъезда в Лондон студенты устроили конференцию, на которой присутствовали студенты вафдисты, ватанисты, члены марксистских организаций, Вафдистского блока и Лиги египетских студентов. В принятой резолюции они потребовали отменить договор 1936 г., немедленно прекратить переговоры и обратиться в Совет Безопасности, но Сидки отложил рассмотрение этого вопроса до 17 ноября.

Едва университет снова открыл свои двери, как опять начались непрерывные студенческие демонстрации. Движение перекинулось на другие высшие и средние учебные заведения. Ежедневно происходили столкновения с полицией, среди демонстрантов были раненые. В День национальной борьбы за независимость (13 ноября) Мустафа Наххас произнес речь, в которой резко осудил проект Сидки — Бевина и попытку Великобритании навязать Египту союзный договор и возложил на Сидки ответственность за кровавые столкновения.

* Начиная с кампании Сидки обвинение в «коммунизме» стало излюбленным методом властей, которые сделали его дамокловым мечом, нависшим над каждым, кто выступал против привязывания Египта к колеснице империализма.

Под давлением борьбы народных масс семь членов делегации на переговорах опубликовали заявление. В нем они объявили о своем несогласии с проектом договора, к которому пришел Сидки, что заставило последнего 26 ноября распустить делегацию. Увидев, что Сидки оказался в полной изоляции, англичане решили отказаться от его услуг. Перед лицом единства масс, политических и профессиональных организаций 6 декабря 1946 г. Сидки был вынужден подать в отставку.

Так победила воля народа. Договор Сидки—Бевина провалился, а вместе с ним рухнула и власть Сидки, просуществовав всего лишь 10 месяцев. 8 декабря 1946 г. премьер-министром снова стал Махмуд Фахми Нукраши.

Период со времени окончания второй мировой войны до провала договора Сидки—Бевина был одним из самых насыщенных и бурных периодов политической борьбы, оставивших глубокий след в жизни египетского общества. В это время армия не стояла в стороне от событий. Когда по всему Египту прокатилась волна демонстраций, кабинет Исмаила Сидки возложил на армию полицейские функции, введя в стране чрезвычайное положение *. Войска, брошенные на разгон демонстраций, были сосредоточены в местах скопления рабочих и студентов — в парке Аль-Аврамап (рядом с Каирским университетом), в Шубра эль-Хайме, Махалла эль-Кубре, в Александрии. Офицеры и солдаты обсуждали создавшуюся политическую ситуацию, пытаясь понять ее смысл. В парке Аль-Аврамап многие студенты устанавливали контакты с офицерами. В результате в ряде воинских частей молодые офицеры самых различных политических направлений — «братья-мусульмане», коммунисты, члены других политических организаций — решили ни при каких обстоятельствах не открывать огонь по демонстрациям учащихся и рабочих.

Стремление Исмаила Сидки использовать армию как главное средство террора не учитывало те изменения, которые произошли в армии после договора 1936 г. Армия уже не была столь малочисленной и полностью подчинен-

* В условиях чрезвычайного положения в армии была установлена надбавка к жалованью. Рядовому составу полагалась надбавка в размере 10 пиастров в день (при месячном жалованье в 54 пиастра), младшие офицеры получали надбавку в размере 40 пиастров в день (тогда как месячное жалованье лейтенанта составляло 12 ег. фунтов) и так по восходящей вплоть до генерал-майора, надбавка которого равнялась 2 ег. фунтам в день.

ной «особому сорту» офицеров от самых высших до самых низших чинов, а следовательно, перестала быть тем послушным орудием в руках власти, каким она являлась во время кабинета Сидки в начале 30-х годов, когда он использовал ее для фальсификации выборов. При всей своей проницательности Исмаил Сидки не понял, какую эволюцию за это время проделали страна и армия. Среди офицеров наблюдалось сближение взглядов. Их отказ выполнять порученную им роль полицейских нашел свое выражение в виде многочисленных листовок, которые в этот период распространялись офицерами, состоявшими в ассоциации «Братья-мусульмане» и в левых организациях.

У молодых офицеров армии и сознательных унтер-офицеров родилось новое, пока еще подспудное чувство, что они служат феодальному классу, к которому сами не принадлежат, а поэтому они отказывались стрелять в студентов и рабочих.

Несмотря на такую позицию, офицеры не пошли за противником партий «меньшинства» Вафдом, который за всю свою историю не выпустил ни одной пули по демонстрантам и чьи печатные органы в то время были наполнены пламенными статьями, принадлежавшими перу левых вафдистов — д-ра Мухаммеда Мандура, д-ра Азиза Фахми и других.

Это объяснялось рядом причин.

Во-первых, возможности для проникновения в армию путем внедрения в ее ряды своих сторонников у Вафда были весьма ограниченны вследствие того, что по сравнению с партиями «меньшинства» Вафд слишком мало времени находился у власти.

Во-вторых, вафдистское руководство, всегда придерживавшееся теории «разделения властей» и принципа изоляции армии от политики, проводило этот принцип и в указанный период, отдавая себе отчет в том, что армия приводится в действие приказами двора, подчиненного влиянию английского империализма — традиционного врага Вафда. Поэтому и не было связей или попыток установить связи между Вафдом и военными.

В-третьих, антивафдистская пропаганда в связи с инцидентом 4 февраля велась столь интенсивно, что это повлияло на репутацию Вафда в глазах армии, поскольку эта пропаганда изображала Вафд как партию, сотрудничающую с англичанами, тогда как связь с нацистами преподносилась как яркое проявление патриотизма.

В-четвертых, появились новые политические организации с различной идейной и социальной ориентацией — «Молодой Египет» [1], «Братья-мусульмане», Новая национальная партия, коммунистические группы. Руководители этих организаций по своему возрасту и социальному происхождению стояли ближе к молодым офицерам армии, а их деятельность, основанная на более строгой дисциплине, чем у Вафда, который полагался на свой авторитет лидера, на то, что его цели отвечают настроениям масс, и на свои финансовые возможности, для людей, привыкших к дисциплине, какими являются офицеры, была более привлекательной.

В-пятых, вафдистское руководство по своему социальному составу сильно отличалось от классовой природы поддерживающих его масс: в большинстве своем это были феодалы, тогда как массы в основном составляли рабочие, крестьяне и интеллигенция. Поэтому офицеры не находили в составе вафдистского руководства ничего, что привлекало бы их как выходцев из среднего класса, в рядах которых зародились патриотические и революционные идеи, выраженные со свойственными военным прямолинейностью и стремлением действовать оперативно.

Внутри армии в тот период можно выделить три основных направления:

1) террористы, первоначально ставившие своей целью физическое уничтожение военнослужащих оккупационной армии и затем перешедшие к террористическим актам против некоторых египетских политических деятелей;

2) «братья-мусульмане» как новая политическая сила, появление которой на политической арене сопровождалось усиленной пропагандой и было откровенно поддержано правительством Исмаила Сидки;

3) левые организации, выросшие в глубоком подполье, использующие революционный прилив, а также ясную позицию социалистических государств в поддержку нашего дела.

Что касается остальных политических сил и партий, то у них возможности для работы внутри армии были ограниченными, почти отсутствовали. Партии «Молодой Египет» во время второй мировой войны не удалось наладить работу с офицерами, в частности с теми из них, кто еще в стенах средней школы подпал под влияние их идей, так как эта партия преследовалась властями из-за ее тогдашней профашистской ориентации. Партии же «меньшинства»

не могли влиять на молодых офицеров в силу своей реакционности и консерватизма.

Террористическое направление возникло раньше народного движения, развернувшегося в 1946 г. Своими корнями оно восходит к идеям Национальной партии, члены которой уверовали в терроризм еще в тот период, когда Вафд подавил их своей массовостью и популярностью. Действительно, офицеры ВВС находились в контакте кое с кем из тех, кто вел борьбу с англичанами во время и после восстания 1919 г. в составе террористической группы «Черная рука», вроде Абдель Азиза Али, члена Национальной партии, ставшего министром в кабинете Мухаммеда Нагиба.

Несколько офицеров и молодых членов Национальной партии создали террористическую группу, совершившую после инцидента 4 февраля покушение на Мустафу Наххаса. В этой неудавшейся акции участвовали Анвар Садат, Хусейн Тевфик, Саад Кямиль (племянник Фатхи Радвана), впоследствии член Высшего исполнительного комитета Новой национальной партии, и Мухаммед Кямиль (после революции 1952 г. — посол). Затем эта группа совершила убийство Амина Османа, и члены ее были арестованы и судимы. Убийца Амина Османа Хусейн Тевфик был приговорен к пожизненной каторге, но друзьям удалось организовать его побег и долгое время его скрывать.

В армии образовалась другая группа, связанная с Саадом Кямилем, в которую входили офицеры Мустафа Камаль Сидки, Хасан Фахми Абдель Магид и Абдель Рауф Нур ад-Дин. Она предприняла несколько попыток совершить террористические акты с применением ручных гранат.

Внутри армии возникло недовольство начальником генерального штаба генерал-майором Ибрагимом Аталлой, действия которого носили весьма неконструктивный характер и тормозили развитие армии. Единственное новшество, которое он ввел по своем возвращении из поездки в Соединенные Штаты, где находился вместе с группой высокопоставленных военных, состояло в том, что все чины ниже генерал-майора во время нахождения в лагерях должны были носить шорты. (Ну и смеялись же над теми, кто отрастил себе животик!) Лицемеря перед двором, он издал приказ, чтобы в годовщину смерти короля Фуада все офицеры армии надели черные галстуки, однако многие молодые офицеры этот приказ демонстративно не выполнили. Офицерам артиллерии он «подсказал мысль» со-

брать деньги на маршальский жезл, чтобы преподнести его в подарок королю Фаруку в день его посещения их офицерского собрания, но часть офицеров отказалась участвовать в этой затее. Во время посещения Фаруком — в первый и последний раз — офицерского собрания в штабе артиллерии в Эль-Мазе офицеры были возмущены роскошью, сопровождавшей это торжество. Столы ломились от яств. На сооруженной по этому случаю открытой эстраде выступала труппа ар-Рейхани, а также прибывшая прямо с самолета иностранная балетная труппа. Потом устроили бал, но он не удался: большинство офицеров не пожелали прийти со своими женами на вечер, где присутствует король. Между прочим, на том вечере произошел такой эпизод. Майору Абдель Монейму Рийяду (впоследствии генерал-лейтенант, погибший в 1969 г.), который был без фески, главный церемониймейстер сделал замечание. Майор вспылил. На следующий день его вызвали во дворец и уладили дело, почувствовав, что военные возмущены тем, что какой-то штатский позволил себе разговаривать подобным образом с офицером.

Группа офицеров замыслила убить Ибрагима Аталлу. Мустафа Камаль Сидки, служивший офицером разведки при генштабе, подготовил соответствующие листовки, что привело к раскрытию группы. 23 офицера были арестованы, в том числе подполковник Рашад Механна, капитаны Абдель Рауф Нур ад-Дин, Хасан Фахми Абдель Магид и Мамдух Джубба, подполковник Ахмед Юсеф Хабиб, майор Осман Нури, капитаны Атеф Саад и Мухаммед Ахмед Хасан, лейтенант Абдель Кадер Таха и Ахмед Фуад.

Однако офицеров, арестованных по этому делу, король решил не предавать суду военного трибунала; их выпустили на свободу, и они вернулись к исполнению своих обязанностей. Ибрагим Аталла был освобожден от должности, и на его место назначен генерал-майор Осман аль-Махди, а военным министром — Мухаммед Хайдар. Это последнее назначение явилось для армии неожиданностью, так как Мухаммед Хайдар, офицер тюремного управления, был известен своими расправами с демонстрантами во время восстания 1919 г. Многие офицеры армии восприняли это как оскорбление для себя и унизительный намек на то, что никто из них не способен стоять у руководства армией.

Назначение ставленника двора, адъютанта короля Мухаммеда Хайдара означало шаг на пути к дальнейшему усилению контроля над армией. Другим шагом в этом на-

правлении было создание особой организации под названием «Железная гвардия» с целью защиты короля и двора, куда были завербованы (не все) офицеры, арестованные по делу попытки покушения на Ибрагима Аталлу.

Эта тайная организация не была подчинена ни королевской гвардии, ни армии, а существовала отдельно и была связана с двором через нового адъютанта короля, военно-морского врача Юсефа Рашада. Из числа армейских офицеров в нее входили: Ахмед Юсеф Хабиб, Мустафа Камаль Сидки, Сейид Гадд, Абдель Рауф Нур ад-Дин, Халед Фавзи* и Хасан Фахми Абдель Магид.

«Железная гвардия» сразу же приступила к террористическим актам. Абдель Рауф Нур ад-Дин, вместе с которым находился Анвар Садат, 5 апреля 1948 г. из автомашины, взятой из пожарного депо королевского дворца капитаном Абдаллой Садеком и управляемой Хасаном Фахми Абдель Магидом, выстрелил в Мустафу Наххаса почти в упор, но промахнулся. После этого, 25 апреля Мустафа Камаль Сидки и Абдель Рауф Нур ад-Дин пытались взорвать дом Мустафы Наххаса, подогнав к нему автомобиль, нагруженный большим количеством взрывчатки. Упомянутые акты были совершены в ответ на упорную позицию, которую Мустафа Наххас занимал по национальной проблеме, и его противодействие всем попыткам правящей коалиции сблизиться с Вафдом без проведения новых выборов.

Организация «Железная гвардия», продолжая совершать террористические акты, одновременно собирала информацию об офицерах и передавала ее двору. Короля она пыталась окружить ложным ореолом и убедить людей, будто через него можно осуществить необходимые реформы. «Железную гвардию» поддерживали военный министр Мухаммед Хайдар и директор департамента по делам Палестины, муж принцессы Фавзии Исмаил Ширин. Таким образом, метод индивидуального террора, к которому после поражения нацизма обратилась группа офицеров и с ними некоторые интеллигенты как к средству борьбы с оккупационными войсками, стал средством в руках дворцовой клики для избавления от ее врагов и одновременно от врагов империализма.

---

* Халед Фавзи отрицает, что имел отношение к «Железной гвардии». Безусловно, из перечисленных людей он был единственным, кто вступил в организацию «Свободные офицеры», и сыграл позитивную роль в подготовке выступления армии.

Внутри армии метод индивидуального террора не утвердился, так как на нее оказал свое влияние подъем политической борьбы. Конечно, он не исчез окончательно, но практиковался почти исключительно «Железной гвардией» и некоторыми офицерами, преданными двору. Лишь в моменты отчаяния, движимые страстным желанием перемен и слабо веря в силу организации, офицеры-патриоты возвращались к мысли о терроре, а иногда даже пытались осуществить ее на практике.

Связи офицеров с «братьями-мусульманами» возникли еще в годы второй мировой войны, но как главное политическое течение в армии эти связи дали о себе знать лишь в послевоенный период.

Вероятно, будет полезным прежде всего коснуться истории самой этой ассоциации [2].

В период пребывания у власти Вафда в 1936—1937 гг. ассоциация «Братья-мусульмане» в своей деятельности не выходила за пределы религиозного проповедничества. На политической арене она открыто выступила лишь после отставки вафдистского кабинета, когда в 1938 г. стала издавать свой журнал «Ан-Назир». Верховный наставник «братьев» Хасан аль-Банна, человек весьма проницательный и прекрасный оратор, окружив себя ореолом таинственности, установил в ассоциации свое абсолютное и безраздельное личное лидерство.

После отставки вафдистского кабинета 8 октября 1944 г. «братья-мусульмане» развернули активную деятельность. В конце 1945 г. кабинет Махмуда Фахми Нукраши разрешил им проводить массовые собрания и митинги, тогда как всем остальным организациям это было запрещено. Хасан аль-Банна стремился встретиться с королем и установить между «братьями» и двором тесное сотрудничество. По свидетельству Анвара Садата, он прибегнул к его посредничеству, чтобы тот через своего друга д-ра Юсефа Рашада устроил ему встречу с королем.

В этой ассоциации, отличной от политических партий, действующих открыто и легально, многие офицеры нашли для себя центр притяжения. У «братьев-мусульман» была своя пирамидальная организационная структура, на вершине которой стоял верховный наставник. Они располагали и особой военизированной организацией, не допускавшей смешения гражданских и военных. Контролировать ее верховному наставнику помогал бывший египетский офицер, одно время находившийся в эмиграции в Германии,

майор Махмуд Лябиб. Большинство офицеров были завербованы в ассоциацию через него. Кроме того, у «братьев-мусульман» был тайный аппарат, куда допускались лишь самые надежные: им руководил Абдель Рахман ас-Синди.

В годы второй мировой войны, когда ассоциация «Братья-мусульмане», так же как и «Мусульманская молодежь», была субсидируемой организацией, «братья» старались выступать в религиозном обличье. Свыше пятисот отделений ассоциации занимались социальными проектами и в связи с этим получали финансовую помощь от государства. В феврале 1942 г. Мустафа Наххас, пригласив Хасана аль-Банну к себе в Мена-хауз, где он проживал какое-то время, предостерег его от политической деятельности и потребовал не выходить за рамки религиозного проповедничества. С отставкой вафдистского правительства «братья-мусульмане» выступили не только против Вафда, но и против всех коммунистических и демократических организаций и групп социалистических направлений.

Наибольшей поддержкой со стороны правительства «братья-мусульмане» пользовались в период, когда после «бойни на мосту Аббаса» премьер-министром стал Исмаил Сидки. Возглавив правительство, Сидки немедленно посетил Руководящий центр ассоциации и согласовал с «братьями-мусульманами» свою политику, после чего они стали вести агитацию за него и выступать в защиту проводимого им курса. В самый разгар патриотической борьбы, когда Каирский университет представлял собой бурлящий котел, лидер университетской организации «братьев-мусульман» Мустафа Мумин в своей речи прокомментировал лживые обещания Исмаила Сидки следующим стихом из Корана: «И вспомни в книге Исмаила: поистине он был правдив в обещанном и был посланником, пророком» *.

Когда образовался Главный исполнительный комитет студентов, «братья-мусульмане» создали Высший исполнительный комитет студентов.

В противовес Национальному комитету рабочих и учащихся, руководившему демонстрациями 21 февраля, «братья» образовали Националистический комитет, куда вошли также представители «Молодого Египта», Национальной партии, Социалистической крестьянской партии и

---

* См.: Коран. Сура 19, Марйам. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 242. — *Ред.*

«Фронта Египта» (две последние организации существовали формально и представляли собой лишь вывески). Правительство поддержало этот комитет, и была достигнута договоренность, что представителем правительства в нем будет министр просвещения Мухаммед Хасан аль-Ашмави. «Братья-мусульмане» не долго оставались членами Националистического комитета. Сразу же после 4 марта 1946 г. — Дня всеобщего траура — они объявили, что считают, что комитет был создан «для выражения чувства нации», и этим его задача исчерпана. Однако остальные члены комитета настаивали на его сохранении до тех пор, пока не будут осуществлены национальные требования — эвакуация и единство.

Несмотря на эти политические выверты, «братьям-мусульманам» удалось установить широкие связи с офицерами. В контакте с ними находились офицеры ВВС. Как уже упоминалось, Анвар Садат был лично связан с Хасаном аль-Банной, который и познакомил его с Азизом аль-Масри, о чем он сам пишет в своей книге «Тайны египетской революции». Подполковник ВВС Абдель Монейм Абдель Рауф, который в свое время вместе с Азизом аль-Масри пытался перелететь к немцам, занимался вербовкой офицеров в «братство» даже после 23 июля 1952 г.

Халед Мохи ад-Дин, впоследствии член Совета революционного командования, рассказывал, что он был связан с «братьями-мусульманами» и входил в группу, включенную в их тайный аппарат, которая состояла из Гамаля Абдель Насера, Камаль ад-Дин Хусейна и его, и что они предварительно дали клятву на Коране и револьвере. Обращает на себя внимание, что группы офицеров, присоединившихся к «братству», занимались спиритизмом. По словам Сарвата Окаши, впоследствии министра культуры, группа, в которую входили он, Гамаль Абдель Насер, Абдель Хаким Амер и Халед Мохи ад-Дин, каждую неделю устраивала спиритические сеансы под руководством шейха Абдель Рахима аль-Кенави. Магди Хасанейн вспоминал, что вместе с Г. А. Насером, А. Х. Амером и генерал-майором медицинской службы Хусейном Рийадом он присутствовал на спиритических сеансах под руководством другого медиума, д-ра Иззета Хайри.

Таким образом, в «Мусульманское братство» входило известное число офицеров, которые организовывались в группы, и среди них насаждались:

1) враждебность к партийной системе, независимо от идеологии и социальной природы партий, что наложило на взгляды офицеров налет антидемократизма *;

2) мистицизм с целью окутать их сознание идеологическим туманом и помешать видению новых горизонтов борьбы;

3) абсолютное подчинение личности «верховного наставника», стоявшего во главе как гражданской, так и военной организации «братства».

Возможности для вербовки офицеров у «братьев-мусульман» были шире, нежели у других организаций. Чтобы заняться индивидуальным террором, нужны были смелость, отвага, умение действовать в условиях конспирации. Прием в левые организации осуществлялся в глубоком подполье, ибо было достаточно произнести одно слово «социализм», чтобы попасть под подозрение, а то и оказаться в концлагере. Однако, как это стало ясно в ходе дальнейшей политической борьбы, многие из офицеров, которые были связаны с «братьями-мусульманами», так и не услышали от них убедительного ответа на волновавшие их вопросы, не нашли в их организации того, что удовлетворило бы их патриотические устремления.

После разгрома Компартии Египта в 1924 г. левые организации возобновили свою деятельность в стране лишь в годы второй мировой войны [3], в условиях политической разрядки, наступившей в результате установления союзнических отношений Советского Союза с Великобританией и США в совместной борьбе против держав «оси».

Возникло несколько левых организаций: «Искра», «Авангард рабочих и крестьян», «Египетское движение за национальное освобождение».

Легальным фасадом «Искры» был «Дом научных исследований». Авангард рабочих, действовавший в подполье, издавал журнал «Аль-Фагр аль-Гадид» («Новая заря») и проводил работу среди студентов и рабочих. У него было два издательства: «Двадцатый век» и «Комиссия по популяризации современной культуры». Эта организация была тесно связана с вафдистской молодежью. Египетское движение за национальное освобождение стояло на наи-

---

* Основываясь на своем лозунге «Пророк — наш вождь» («Ар-Расуль за'имуна»), «братья-мусульмане» полностью отвергали руководство народными массами со стороны существующих политических организаций.

более реалистической платформе и вело наиболее активную работу в массовых организациях. Его легальным органом являлась газета «Омдурман».

В 1947 г. «Искра» и Египетское движение за национальное освобождение слились в единую подпольную организацию — Демократическое движение за национальное освобождение, или ХАДЕТУ.

Левые идеи, которые эти организации распространяли среди рабочих, учащейся молодежи и интеллигенции, начали заметно привлекать к себе внимание некоторых офицеров, даже тех из них, кто до поражения держав «оси» был ослеплен идеями нацизма. Так, Абдель Латыф аль-Багдади с группой офицеров ВВС в ходе своих многочисленных контактов с различными организациями вступил в Общество спорта и досуга, основанное бывшим членом прежней Компартии Египта Хосни аль-Ораби [4], где было организовано чтение лекций по марксизму. Однако связь офицеров с упомянутым обществом продолжалась недолго, поскольку оно не удовлетворяло их желание действовать. Та же группа установила контакт и с авиамеханиками, среди которых начали распространяться марксистские идеи, но в силу различий в чинах, классовой принадлежности и умонастроениях (одни были офицеры, а другие — унтер-офицеры) организационного слияния между ними не произошло.

Египетское движение за национальное освобождение установило связь с унтер-офицерами — выпускниками школы авиамехаников *. К политической борьбе курсанты и выпускники этой школы пришли через экономические требования. Началось с того, что авиамеханики потребовали, чтобы им была дана возможность производства из унтер-офицеров в чин пилота (лейтенанта), но это встретило сильное противодействие со стороны старых пилотов. Когда это требование было удовлетворено, но лишь в отношении пятого выпуска, унтер-офицеры предыдущих выпусков стали добиваться уравнения их в правах с пятым выпуском. Руководители этой деятельности были членами Египетского движения за национальное освобождение. Из авиамехаников и курсантов они создали тайную организацию в составе 42 человек (но 2 представителя от каждой

* Она была открыта как новая школа после договора 1936 г. со сроком обучения 5 лет. Первый набор составил 90 человек, из числа лиц, окончивших средние школы и технические училища.

эскадрильи и учебной группы) и исполнительный комитет в составе 11 членов, главное влияние в котором принадлежало коммунистам. Деятельность этой организации распространилась также на военно-ремонтные мастерские, а затем на гражданскую авиацию. Когда требования авиамехаников были удовлетворены, это подняло моральный дух среди персонала военно-ремонтной службы. Унтер-офицеры военно-ремонтных мастерских направились к Абдинскому дворцу, чтобы изложить свои требования; после данных им обещаний несколько человек из них были арестованы. Затем с аналогичными требованиями выступили выпускники школы военных писарей и музыкантов.

Левые идеи в Египте начали особенно распространяться после поражения Роммеля у Эль-Аламейна и появления Советского Союза на мировой арене как великой военной и политической силы. Причем можно заметить, что деятельность «братьев-мусульман» была сосредоточена на работе среди молодых офицеров, а деятельность коммунистов — на работе среди механиков и унтер-офицеров (среди офицерского состава в тот период они еще не работали); что же касается дворцовых кругов, то они по-прежнему опирались на высших офицеров, полностью утративших чувство патриотизма и подчинившихся двору и колонизаторам.

Параллельно с начавшимся движением в рядах египетской армии происходило движение в греческой армии, расквартированной в Египте. Стены домов на улицах Каира и Александрии покрылись лозунгами ЭАМ и ЭЛАС на греческом и арабском языках, в частях греческой армии вспыхнули восстания. Левые в рядах египетской армии — члены Египетского движения за национальное освобождение — находились в контакте с греческими патриотами, оказывали им помощь и брали у них материал для ведения агитации против англичан, не допуская при этом, конечно, выступлений в поддержку нацистов. Непосредственно после окончания войны в левые подпольные организации, действовавшие в армии, вступило несколько офицеров, и они начали вести работу среди офицерского состава.

Вербовка офицеров в левые организации была делом весьма сложным и крайне опасным, так как реакционные силы были настороже и пытались пресечь всякую прогрессивную деятельность, тем более внутри армии.

И все же неспособность «братьев-мусульман» дать удовлетворительный ответ на волновавшие патриотически

настроенных офицеров вопросы, революционная волна, захлестнувшая учащуюся молодежь и другие слои египетского народа, что нашло свое выражение в росте забастовочного движения и непрекращающихся демонстрациях, осуждение здравомыслящими патриотами метода индивидуального террора, наконец, победа Советского Союза во второй мировой войне, твердая поддержка со стороны социалистических государств нашей национальной проблемы внутри и вне ООН — все эти факторы, вместе взятые, делали вербовку офицеров в левые организации задачей хотя и трудной, но возможной.

В этот период в рядах армии удалось создать ядро из унтер-офицеров и офицеров, которые выпускали листовки на злобу дня за подписью: «Армейцы» («Ригаль альгейш»). Не было случая, чтобы эти организации были раскрыты властями и подверглись репрессиям. Лишь когда авиамеханики выступили со своими экономическими требованиями, за которыми просматривалась определенная политическая позиция, 40 унтер-офицеров были сосланы в Сиву.

Когда англо-египетские переговоры были прерваны, и после отставки Исмаила Сидки кабинет возглавил Махмуд Фахми Нукраши, политические события начали принимать новый оборот.

Воспользовавшись решением англичан об отводе своих войск в зону Суэцкого канала с целью успокоить общественное мнение и избежать столкновения с египтянами, правительство устроило торжественные церемонии поднятия египетского флага над Каирской цитаделью, казармами Каср ан-Нил и другими объектами. Однако демонстрации и забастовки не прекращались: разоблачив уловку с «частичной эвакуацией», патриоты требовали от правительства отмены договора 1936 г., соглашения 1899 г. и передачи египетского вопроса в Совет Безопасности ООН.

13 июля 1947 г. правительство обратилось в Совет Безопасности с просьбой разрешить египетский вопрос, а 22 июля Нукраши выехал в Нью-Йорк. Обрушившись на его требование: «Пираты, вон из нашей страны!», английская газета «Таймс» писала: «Нукраши направляет свой корабль парусом оппозиции».

В Совете Безопасности Египет поддержали только представители Сирии, Советского Союза и Польши. Франция, боясь вспышки национально-освободительного движения в Северной Африке, выступила против Египта, что же каса-

ется правительства США, то, характеризуя его позицию, газета «Нью-Йорк таймс» писала, что оно «не готово ни поддержать требования Египта и эвакуацию оттуда англичан, ни голосовать против: в его интересах отсрочить решение конфликта».

Обсуждение египетского вопроса в Совете Безопасности раскрыло египтянам глаза на истинную политику великих держав. В Египте стали раздаваться голоса с требованием установить отношения дружбы с Советским Союзом, который встал на сторону Египта.

В начале 1947 г. ее лидер партии «Молодой Египет» Ахмед Хусейн посетил Соединенные Штаты, где выступил с заявлениями в поддержку «доктрины Трумэна».

В телеграмме из тысячи слов на имя Трумэна он писал: «Американская политика, направленная против коммунизма, должна быть распространена на Египет, который требует не денег, а свободы, и если добьется независимости и единства с Суданом, то будет непреодолимой преградой против коммунизма». Однако события в Совете Безопасности развеяли иллюзии Ахмеда Хусейна в отношении дружбы Соединенных Штатов с Египтом, и вместе с другими делегациями он посетил советскую миссию, чтобы выразить благодарность Советскому Союзу. Лидер Национальной партии Хафез Рамадан, известный своим консерватизмом, опубликовал заявление, в котором потребовал, чтобы Египет укрепил свои отношения с государствами, поддержавшими его в Совете Безопасности. В частности, находясь в Нью-Йорке, Нукраши обратился к правительству США с просьбой о займе и экономической помощи, но не получил ответа; он просил также направить американских военных экспертов в египетскую армию, но на его просьбу американцы ответили, что у них на этот счет нет никакого плана.

Когда в Египте стало известно, что Совет Безопасности не принял никаких конструктивных решений для удовлетворения законных требований египетского народа, в стране возобновились антиимпериалистические демонстрации.

22 августа начались демонстрации под лозунгом «Эвакуация ценой крови!». В сентябре 1947 г. забастовочное движение усилилось. Оно достигло наибольшего размаха, когда забастовали 26 тыс. рабочих прядильно-ткацкой компании в Махалла-эль-Кубре. По бастующим рабочим полиция открыла огонь, четверо рабочих было убито, 200 человек ранено. По оценке газет, ущерб, причиненный вспых-

нувшими пожарами, составил 20 тыс. фунтов. Для подавления забастовки были вызваны войска. Воинские подразделения блокировали фабрику, у жизненно важных объектов дежурили броневики. Но так же как и в 1946 г., армия не открывала огонь по рабочим.

26 сентября рабочие Национальной прядильной компании в Александрии устроили сидячую забастовку на двух фабриках. Туда были посланы войска, а в городе объявлено чрезвычайное положение. В знак солидарности со своими товарищами забастовали рабочие Шубра-эль-Хаймы.

1947 г. и начало 1948 г. прошли под знаком забастовочной борьбы: бастовали учителя частных школ, служащие телеграфа, железнодорожники, технический персонал железнодорожных литейных мастерских в Булаке и механических мастерских в Абу-Заабале, фельдшеры госпиталя Каср аль-Айни. Забастовочное движение достигло своего апогея, когда забастовали полицейские.

Офицеры полиции добивались приравнивания их жалованья к ставкам армейских офицеров, а чиновники административного аппарата — к окладам работников юстиции. Их неоднократные обращения к правительству остались без ответа. 13 октября 1947 г. офицеры полиции собрались в своем клубе, в парке Эль-Эзбекие, где приняли решение с 15 октября прекратить работу и не начинать ее до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования, а чтобы их не обвинили в политическом бунте, записать свои имена в книге Абдинского дворца.

Утром 15 октября правительство объявило чрезвычайное положение, но работники каирской полиции покинули свои кабинеты и участки и в количестве 500 человек собрались в клубе. На их адрес поступили многочисленные телеграммы с выражением поддержки от офицеров полиции из провинций. В Александрии офицеры полиции решили ночевать в своем клубе.

После того как представителей офицеров полиции принял король, они отказались от забастовки, но правительство разрознило их руководителей, одних переведя на службу в провинции, других уволив в запас. Несмотря на это, движение офицеров полиции продолжалось. В марте 1948 г. в полицейском клубе состоялось собрание, на котором было решено возобновить забастовку, если до 15 апреля не будут удовлетворены их требования, в том числе требование о возвращении офицеров, переведенных в провинции и уволенных в запас. В день забастовки клуб,

где собрались офицеры полиции, был окружен армейскими офицерами, которые по распоряжению совета министров заняли полицейские участки и взяли на себя поддержание порядка.

В Александрии унтер-офицеры полиции и рядовые полицейские солидаризировались с офицерами, и, когда бойцы таможенной охраны устроили нечто вроде демонстрации, произошло их столкновение с войсками, в результате которого были убитые и раненые. В Александрии произошло и другое столкновение, когда войска открыли огонь по демонстрантам — рабочим, студентам и рядовым полицейским на площади Эль-Маншие. Демонстранты подожгли несколько строений в таможне и в порту, несколько магазинов и кинотеатров, сгорело также 15 трамвайных вагонов.

В Александрии был введен комендантский час. Совет министров принял постановление об увольнении всякого, кто на следующий же день не вернется на работу, и предании зачинщиков суду военного трибунала. Средствам массовой информации было запрещено давать какие-либо сообщения о событиях того дня, газеты с такими сообщениями были конфискованы.

Забастовка полицейских явилась выражением крайней гнилости режима и неспособности правительства справиться с положением, а выстрелы солдат по полицейским и по народным демонстрациям свидетельствовали о том, что положение стало опасным, угрожающим существованию режима.

Сама армия находилась под впечатлением развития событий — провала договора Сидки—Бевина, неудачи постановки египетского вопроса в Совете Безопасности, бессилия правительства разрешить назревшие проблемы, подъема волны забастовок и демонстраций. Дальнейшее воздействие борьбы народных масс на армию означало бы вероятность взрыва такой народной революции, которую существовавшая власть, оказавшись без подчиненной ей вооруженной силы, была бы не в состоянии погасить. Поэтому следовало ожидать, что существующая власть и стоящий за ней империализм предпримут нечто такое, что дало бы им возможность сбить волну народной борьбы и прекратить ее дальнейшее воздействие на патриотов в рядах армии. Вот тут-то и появилась проблема Палестины.

Глава V

ПАЛЕСТИНСКАЯ ВОЙНА

В августе 1945 г. президент США Трумэн потребовал от правительства Великобритании немедленно допустить в Палестину 100 тыс. еврейских иммигрантов. В условиях переживаемого страной экономического кризиса и зависимости от США в деле восстановления хозяйства, пострадавшего в результате второй мировой войны, английское правительство подчинилось этому требованию, но к участию в осуществлении политики массовой еврейской иммиграции оно решило привлечь американцев, дабы не нести ответственность за это перед арабами в одиночку. Такая политика устраивала США, поскольку, как об этом говорится в мемуарах Вейцмана [1], внутри сионистского движения усилилось влияние американских евреев.

Один из важнейших моментов в нападках лидера консерваторов Черчилля на политику Бевина, нашедшую свое выражение в его заявлении по вопросу об эвакуации из Египта, заключался в том, что эта эвакуация требовала сохранения британского присутствия в Палестине. Это исключало возможность соглашения между Великобританией и США. С провалом договора Сидки—Бевина в конце 1946 г. стало ясно, что между Англией и Соединенными Штатами достигнута договоренность о том, что Палестина будет находиться под влиянием США через усиление в ней позиций сионизма, а англичане будут по-прежнему оставаться в Египте.

Осенью 1947 г. Великобритания объявила о своем намерении с 15 мая 1948 г. прекратить действие мандата на Палестину и вынесла этот вопрос на рассмотрение ООН. 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о разделе Палестины.

Некоторые политические организации, такие, как «Братья-мусульмане» и «Молодой Египет», выдвинули палестинскую проблему на первый план и выступили с призывом к вооруженной борьбе против сионизма, рассматривая Палестину как арену национальной и религиозной священной войны.

В палестинской проблеме Хасан аль-Банна нашел подходящий случай для усиления деятельности своей ассоциации за пределами Египта. С этой целью он заручился поддержкой муфтия Палестины Амина аль-Хусейни и вошел в контакт с правителями и монархами арабских стран, в чем ему содействовал генеральный секретарь Арабской лиги Абдель Рахман Аззам.

Что касается политики Вафда, то, согласно заявлению Мустафы Наххаса сирийской газете «Аль-Айям», Вафд стоял за то, чтобы Палестина принадлежала ее жителям — мусульманам, христианам и евреям, но он был не согласен на превращение ее в «национальный очаг» сионизма; Мустафа Наххас заявил также, что он объявил об этом еще в Александрийском протоколе о создании Арабской лиги в 1944 г. Заняв ясную позицию против раздела Палестины, Вафд, однако, не призывал к вооруженной борьбе, формированию отрядов добровольцев или вступлению египетской армии в войну, а ограничился своим традиционным методом массовой борьбы.

Марксистские группы — ХАДЕТУ и «Авангард рабочих и крестьян» — занимали антисионистскую позицию. Они призвали к сопротивлению сионизму, разоблачению его связи с американским империализмом и поддержали антисионистские еврейские организации — Лигу израильтян по борьбе с сионизмом и Антисионистское движение, которые призывали к ликвидации сионистского движения и выступали против эмиграции евреев из Египта, подчеркивая общность их интересов с интересами египетского народа и его национально-освободительной борьбы.

Когда было принято решение о разделе Палестины, «Авангард рабочих и крестьян» выступил против него, а ХАДЕТУ его поддержало. «Мы не хотим отнять Палестину у арабов и отдать ее евреям, мы хотим отнять ее у империализма и отдать ее арабам и евреям. Мы вынуждены согласиться с разделом как основой для независимости Палестины, после чего начнется длительная борьба за сближение точек зрения в обоих государствах — арабском и еврейском», — отмечало оно в своем заявлении.

ХАДЕТУ было против призыва к вступлению в религиозную войну и разъясняло, что такая война лишь на руку империалистам. В своем журнале «Аль-Гамахир» оно призывало: «Обратим оружие против империализма в Файиде, на Суэцком канале и в Судане! Нельзя освободить Палестину, когда наши тылы открыты врагу». В заявлении ХАДЕТУ говорилось: «Единственная гарантия единства Палестины — это добиваться приязни и взаимного доверия между арабскими и еврейскими трудящимися массами. Если принято решение о разделе Палестины, то путь к объединению двух государств — это изгнание империалистов». Комментируя позицию арабских правительств, ХАДЕТУ в своем заявлении указывало, что они стремятся «остановить подъем национально-освободительного движения и превратить нашу священную войну против империализма в расовую, религиозную войну, которая лишь укрепит позиции империалистов», что эта позиция имеет целью «отвлечь внимание трудящихся масс от борьбы за повышение своего жизненного уровня на такой внешний вопрос, который заставил бы их забыть об этой борьбе».

Движение добровольцев все усиливалось. Отряды «Арабской лиги» [2] проникли в Палестину под командованием полковника Ахмеда Абдель Азиза, вместе с которым были Камаль ад-Дин Хусейн, будущий член Совета революционного командования, и ряд других офицеров, принадлежавших к ассоциации «Братья-мусульмане».

По вопросу о добровольчестве у Гамаля Абдель Насера было свое мнение, которое он высказал Вагиху Халилю, одному из офицеров-патриотов, стремившихся к созданию организации во время второй мировой войны и погибшему в Палестине, прося его отложить этот вопрос до тех пор, пока он не будет изучен на общегосударственном уровне.

Что касается группы офицеров ВВС, то накануне войны с Израилем 1948—1949 гг. она вошла в контакт с командующим сирийской Армией освобождения Фавзи аль-Кавакджи через Абдель Латыфа аль-Багдади, который выразил готовность сотрудничать с ним после того, как египетское правительство отвергло участие в боевых действиях египетских летчиков, собиравшихся перелететь на своих истребителях в Сирию, у которой в то время не было ни военной авиации, ни секретного аэродрома, где бы можно было приземлиться. Фавзи аль-Кавакджи сказал, что они, то есть египетские летчики, ему понадобятся для решающей битвы. В Сирию выехали Хасан Ибрагим, впоследствии

член Совета революционного командования (СРК), и специалист по вооружению Закария Сулейман, которые встретились с сирийским министром обороны. Вскоре в 60 километрах к востоку от Дамаска был сооружен секретный аэродром. В качестве офицера связи аль-Каваකджи направил к египетским летчикам человека, получившего подготовку в Германии, который прибыл в Египет с радиопередатчиком и специальным шифром. Египетские летчики подготовили 15 годных для боевых действий самолетов «Спитфайер», но так и не дождались, когда с ними свяжется Фавзи аль-Кавакджи.

Идея об участии в войне добровольцев находила в армии многочисленных сторонников. В их числе был и Мухаммед Нагиб, считавший идеальным методом боевых действий в Палестине партизанскую войну *.

Вопрос о вступлении египетских вооруженных сил в войну не стоял на повестке дня вплоть до 11 мая 1948 г., когда Нукраши вдруг изменил свое мнение («между завтраком и ужином», как выразился в своих «Заметках о египетской политике» председатель сената д-р Мухаммед Хусейн Хейкал). 12 мая он потребовал срочно созвать заседание парламента для решения вопроса о вступлении вооруженных сил на территорию Палестины.

Это неожиданное изменение в позиции Нукраши настораживало и вызывало удивление. Когда лидер вафдистской оппозиции Фуад Сираг ад-Дин спросил его в сенате, учел ли он позицию англичан и декларацию Бальфура, а также возможность того, что они нанесут удар в спину нашей армии, Нукраши ответил: «Я настроен оптимистически. Нам доподлинно известно, каковы силы у сионистов, и я могу успокоить вас и сообщить, что англичане поощрили меня на это».

Против вступления армии в войну возражал также Исмаил Сидки, считавший, что в военном отношении она к этому не готова, однако Нукраши утверждал, что для армии это будет просто прогулка.

Не меньший боевой пыл проявил и король. Более того, не дожидаясь решения парламента, он привел армию в движение, дав соответствующие указания министру обороны Мухаммеду Хайдару в обход премьер-министра. Еще

* Как раз в тот период автор этих строк выпустил первую на арабском языке брошюру о партизанской войне.

накануне постановки вопроса в парламенте в интервью корреспонденту агентства Юнайтед Пресс он, превысив свои конституционные полномочия, заявил, что окажет арабам всяческую военную, финансовую и экономическую помощь и не согласится на создание сионистского государства на границах с Египтом.

Решение о вступлении в войну было скороспелым. Египетская армия по-прежнему испытывала недостаток в вооружении, поскольку оружие, заказанное в Англии после заключения договора 1936 г., Египту так и не было поставлено. К тому же в то время египетская армия была далека от организации, необходимой для ведения современного боя, в ней отсутствовала система взаимодействия родов войск, боевая подготовка отставала от современных тактических требований.

В авиации произошел такой случай. В порядке подготовки к боевым действиям командующий ВВС генерал-майор Шаарави собрал авиамехаников. Кто-то из присутствующих спросил, можно ли высказать свое мнение открыто. Генерал ответил утвердительно. Тогда ему было заявлено, что авиация находится фактически под контролем персонала британской военной миссии и лишена свободы действий. Было указано и на такой парадокс, как присутствие английских войск в тылу у египетских войск на Синае.

Однако все это не помешало тому, что 15 мая 1948 г. египетская армия вступила на землю Палестины. Это было сделано для того, чтобы спасти режим, который стоял перед лицом следующих трудностей:

— после провала переговоров и безуспешного обращения в Совет Безопасности национальная проблема оставалась нерешенной, а империалистическая политика была направлена на отделение Судана;

— внутри страны обстановка была накаленной; демонстрации и забастовки рабочих и других профессиональных групп с коллективным требованием улучшения социальных условий жизни достигли кульминации, когда забастовали полицейские;

— народ был недоволен правлением партий «меньшинства», абсолютно не выражавших его воли;

— дороговизна достигла таких размеров, что для подавляющего большинства населения жизнь стала крайне тяжелой.

Вступая в войну, правительство Нукраши рассчитывало

уйти от проблем, которые оно было не в состоянии разрешить, а король и колонизаторы ухватились за войну, как за спасательный круг, чтобы избавить себя от гнева общества, который усиливался с каждым днем.

Вступление в вооруженную борьбу сопровождалось рядом мер, положивших конец революционному приливу, начавшемуся после окончания второй мировой войны. 13 мая правительство добилось издания указа, предоставившего ему право объявлять военное положение. 16 мая начались массовые аресты среди левых сил и египетских евреев. Была введена цензура и ограничения на проведение массовых собраний. Таким образом, был нанесен удар по народным свободам. Национальная проблема и социальная борьба отступили на задний план, на первое место выдвинулась истерия военной пропаганды.

Государство было совершенно не готово к войне, не существовало даже мобилизационного управления. Первый батальон, вступивший на территорию Палестины, был доставлен туда на автобусах, законтрактованных каким-то подрядчиком.

Армии семи арабских государств, участвовавших в боевых действиях, — Египта, Иордании, Ливана, Сирии, Ирака, Саудовской Аравии и Йемена — не имели единого командования. На закрытом заседании сената, которое состоялось во время первого вынужденного перемирия, 11 июня 1949 г., Нукраши заявил, что Нури Саид предлагал ему создать совместное командование, но он отверг это предложение, так как «не может брать на себя их заботы и не хочет, чтобы они сели ему на шею».

Боевые действия, возобновившиеся 9 июля, вновь были приостановлены 18 июля.

К руководству египетскими войсками со стороны генерал-майора Ахмеда аль-Мавави многие офицеры относились критически. Между Мухаммедом Нагибом [3], который в этой войне был трижды ранен, и аль-Мавави произошла стычка, и М. Нагиб был переведен в Каир на должность начальника высших офицерских курсов. Через некоторое время командующим вместо аль-Мавави был назначен генерал-майор Ахмед Фуад Садек. С его приходом положение дел несколько улучшилось. Ахмед Фуад Садек окружил себя офицерами, пользовавшимися популярностью в армии. Он вернул М. Нагиба на фронт в качестве командира ударной бригады, а начальником его штаба назначил подполковника Мухаммеда Кямиля ар-Рахмани, который

в свое время возглавлял кампанию протеста в связи с инцидентом 4 февраля.

Во время Палестинской войны египетские офицеры и солдаты в неимоверно тяжелых условиях совершили немало героических подвигов. Многие лучшие офицеры пали смертью храбрых.

Второе перемирие продолжалось не более двух месяцев. В октябре сионисты начали наступление и 16 октября окружили Эль-Фалуджу, защитникам которой пришлось выдержать 130-дневную блокаду, пока 24 февраля 1949 г. в результате переговоров па острове Родос не было заключено соглашение о перемирии.

Один из командиров окруженных войск предложил план нрорыва блокады Эль-Фалуджи, для чего потребовалось бы пожертвовать значительной частью ее гарнизона. Этот нлан был отвергнут но настоянию офицера штаба окруженного гарнизона Гамаля Абдель Насера, который считал, что египетские войска, находясь в Эль-Фалудже, явятся фактором политического давления в руках египетского представителя на родосских переговорах. Это свидетельствует о том, что уже тогда Г. А. Насер обладал политической прозорливостью.

Если сравнить положения соглашения о перемирии, которое закрепило статус-кво и дало Израилю возможность захватить пустыню Негев и достигнуть района Эйлата[4], с положениями решения Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины, то станет ясно, что арабы упустили шанс на создание арабского государства на основании решения ООН и потеряли значительную часть отведенной им этим решением территории.

Правда, согласно решению о разделе, израильтянам передавалось почти 50% территории Палестины, тогда как объем фактических еврейских владений не превышал 7% этой территории. Но так как в арабской части арабы составляли подавляющее большинство (683 тыс. арабов и 80 тыс. евреев), а в еврейской части их было 584 тыс. против 583 тыс. евреев *, то возможность борьбы за создание единого государства в условиях мира была большей, нежели возможность навязать его вооруженным путем.

Однако, когда арабы отвергли решение о разделе, Хагана[5] перешла в наступление. В действительности же

* Данные палестинского исследователя Хайри Хаммада.

арабское движение сопротивления в основном ограничилось лишь тем, что перерезало некоторые дороги в попытке предотвратить дальнейшую сионистскую экспансию. На протяжении всех месяцев с момента принятия решения о разделе до вмешательства армий арабских государств (в середине мая 1948 г.) не было выселено или разрушено ни одной еврейской колонии, между тем как сионистские банды врывались во многие арабские деревни, отстоявшие за многие мили от еврейских колоний, под предлогом борьбы с арабскими партизанами.

Можно сказать, что период с 1 апреля до середины мая 1948 г. был самым зловещим и наиболее результативным этапом осуществления сионистского плана. Если ранее арабы контролировали большую часть территории Палестины, то за эти шесть недель отряды Хаганы захватили города Тиверия, Хайфа (кроме порта, где находились английские войска), Сафед, Яффу и значительную часть Иерусалима, блокировали Акку, захватили Западную и Восточную Галилею (хотя, как известно, Западная Галилея с городом Аккой, а также Яффа находились за пределами границ еврейского государства). Сионистские головорезы из «Иргун цваи леуми» [6] и группы Штерна террором и насилиями заставляли гражданское население покидать родные очаги. Нападая на мирные деревни, они зверски расправлялись с арабами, не щадя при этом женщин и детей. Самую дикую кровавую резню 9 апреля 1948 г. они учинили в Дейр-Ясине, убив более 250 арабов. Всего их нападениям подверглось более ста арабских деревень.

Таким образом, отказ арабов от плана раздела при их недостаточной военной мощи столкнулся с экспансионистским сионистским планом, основанным на использовании силы. В результате вечером 14 мая 1948 г. Бен-Гурион провозгласил создание государства Израиль. Всего лишь через несколько минут американское правительство его признало, а на следующий день после назначения президентом Израиля Хаима Вейцмана Трумэн направил ему приглашение посетить США.

Закрепиться Израилю, несмотря на вступление в войну арабских армий и постановку вопроса в Совете Безопасности, помогли уже упомянутые обстоятельства, связанные с состоянием арабских армий, а также тот факт, что сионисты воспользовались первым перемирием для перегруппировки и сосредоточения сил; за этот срок они приобрели тяжелое оружие — артиллерию и танки — и впервые полу-

чили возможность применить авиацию, хотя решением о перемирии импорт оружия запрещался.

Во время перемирия посредник ООН в Палестине граф Бернадотт предложил план объединения Палестины и Иордании в государство из двух частей — арабской и еврейской. Согласно этому плану, почти весь район Негева включался в арабскую зону, а большая часть Галилеи — в еврейскую часть; Иерусалим оставался в арабской части с предоставлением его еврейской колонии самоуправления. За то, что Бернадотт выступил с этим планом, 17 сентября 1948 г. он был убит сионистами.

Когда 9 июля бои возобновились, Израиль смог продолжить наступление на районы, отведенные арабскому государству, и установить свой контроль над 14 арабскими городами и 200 деревнями. Боевые действия продолжались десять дней. В это время военное положение арабов пошатнулось, особенно после эвакуации иорданской армии из Эль-Лидда (Лидды) и Эль-Рамли и захвата этих городов сионистами. Иорданскими войсками командовал англичанин — генерал Глабб.

Хотя Бернадотт был убит, его план в конце сентября был поставлен на обсуждение ООН и одобрен Англией и США, но отвергнут как арабами, так и сионистами; арабами — несмотря на их положение и симптомы поражения, а сионистами — под предлогом «облегчения защиты границ Израиля».

Нарушив второе перемирие, израильтяне продолжали «округлять» свою территорию. В октябре бои возобновились. 21 октября пал Бир-Саба (Беэр-Шева), а 22 октября военные действия были прекращены и начались переговоры, закончившиеся перемирием.

Пока иорданская делегация вела переговоры на острове Родос, Глабб отдал иорданским войскам приказ уйти из районов Рас-ан-Накб и Умм-Шарш на Акабском заливе; их оккупировали израильские войска, и там был создан порт Эйлат.

В Египте реакция использовала войну в своих целях. Концлагеря и тюрьмы наполнились заключенными, ход революционного сопротивления империализму и борьбы народных масс был насильственно прерван.

Ассоциация «Братья-мусульмане» воспользовалась войной, чтобы укрепить свой тайный военизированный аппарат. Правда, часть ее членов участвовала в войне, и некоторые из них погибли на палестинской земле.

В обстановке войны ассоциация развернула террористическую деятельность. Используя бомбы и взрывчатку, «братья-мусульмане» совершили серию террористических и диверсионных актов, устроили взрывы в ряде крупных каирских магазинов, принадлежавших евреям: в июле 1948 г. — в «Арико» и «Сикурель», в августе — в «Бенционе» и «Гатеньо», в ноябре — в «Восточной компании реклам». Еще в марте 1948 г. ими было совершено убийство председателя Каирского уголовного суда Ахмеда аль-Хазиндара, а 4 декабря того же года бомбой у здания Медицинского факультета был убит начальник каирской городской полиции Селим Заки. Это вынудило правительство объявить о роспуске ассоциации «Братья-мусульмане».

В ответ на это решение правительства в вестибюле министерства внутренних дел 28 декабря 1948 г. «братья-мусульмане» убили Махмуда Фахми Нукраши-пашу, а 13 января 1949 г. пытались взорвать здание апелляционного суда.

Сразу же после назначения на пост премьер-министра Египта Ибрагима Абдель Хади правительство повело кампанию террора и насилия. 12 февраля 1949 г. правительственные и дворцовые круги организовали убийство шейха Хасана аль-Банны. Во время массовых арестов пострадали и некоторые офицеры, так как убийца Нукраши Абдель Магид Ахмед Хасан оказался родным братом одного из офицеров артиллерии. В связи с этими событиями Ибрагим Абдель Хади пригласил подполковника Гамаля Абдель Насера на встречу, на которой присутствовал начальник генерального штаба Осман аль-Махди, и предостерег его, чтобы он не проводил никакой деятельности и не имел никаких связей с «братьями-мусульманами».

Во время и после Палестинской войны организационная связь «братьев-мусульман» с офицерами армии ослабла. Это объяснялось рядом причин: и затруднением контактов в связи с передвижением войск, и тем, что часть офицеров отвернулась от ассоциации как организации террористов, и тем, что в поисках ответов на волновавшие их вопросы некоторые офицеры стали приобщаться к новым идеям, и, наконец, тем, что у офицеров-фронтовиков раскрылись глаза на правду жизни и они перестали слепо верить авторитетам. Так, например, когда один из проповедников «братьев» шейх Сейид Сабек потребовал, чтобы добровольцы шли в атаку в сомкнутом строю, ссылаясь при этом на

стих из Корана *, офицеры артиллерии вступили с ним в спор и требование его отвергли. Сомнения насчет «братьев-мусульман» все чаще закрадывались в душу офицерам... Однажды одного крупного деятеля ассоциации они попросили ответить на такой вопрос: «Что вы будете делать в стране, если мы победим?» Ответ по обычаю «братьев» был туманным и не содержал никакой убедительпой, продуманной программы.

В то же время ослабла связь офицеров и с левыми организациями. Неожиданное передвижение войск, конечно, также сказалось на стабильности оргапизационных связей. Но здесь были и другие факторы. Некоторые офицеры в порыве чувств, вызванных усиленной пропагандой, рвались в бой и не были согласны с позицией в поддержку раздела Палестины. А когда власти открыли концлагеря и бросили туда сотни коммунистов, ослабли организационные связи движения в целом **.

Палестинская война, противостояние общей опасности и сознание того, до какой степени гнилости, разложения и коррупции дошли армия и общество, привели к появлению идейной общности между патриотически настроенными офицерами различной политической ориентации. Их ненависть сосредоточилась на короле и его окружении, а также на партиях «меньшинства», ликвидировавших народные свободы и воспользовавшихся Палестинской войной для того, чтобы на террористические акты «братьев-мусульман» ответить таким террором, какого страна уже давно не знала.

«Братья-мусульмапе» с их тайным арсепалом оружия и идеологией терроризма и государство с подчиненным ему аппаратом подавления, не брезгующим никакими средствами для достижения поставленных целей ***, сделали насилие характерной чертой этого периода.

---

* См.: Коран, 61: «4 (4). Поистине Аллах любит тех, которые сражаются на Его пути рядами, как будто бы они — плотное здание!», с. 444. — *Ред.*

** Дело дошло до того, что листовки приходилось писать от руки под копирку. Этим мы занимались вместе с подполковником Юсефом Сыддыком у него на квартире в казармах Аббасии.

*** Большинство политических убийств с целью убрать неугодные элементы вроде Хасана аль-Банны и Абдель Кадера Таха были организованы бригадным генералом Махмудом Абдель Магидом.

После подписания соглашения о перемирии существующий режим начал испытывать новый приступ удушья, что проявилось в следующем:

1) к старым неудачам кабинета саадистов — провалу попытки решить национальную проблему, то есть добиться эвакуации и единства с Суданом, а также неспособности удовлетворить требования бастующих профессиональных групп — добавилась новая — поражение армии;

2) окончание войны обязывало правительство отменить военное положение, освободить заключенных из концлагерей и предоставить свободу печати, что усиливало фронт, противостоящий правительству партий «меньшинства» и двору;

3) на повестку дня вновь встала национальная проблема, народные массы настойчиво требовали эвакуации английских войск, что привело к быстрому подъему революционного движения, которое в течение длительного периода подавлялось при помощи террора и законов военного времени.

Король не нашел иного выхода, кроме как принести в жертву правительство Ибрагима Абдель Хади. Поздно ночью он послал к нему военного министра Мухаммеда Хайдара с приказом: подать в отставку до 25 июля. Газета «Ахбар аль-Яум», до сих пор всегда поддерживавшая Абдель Хади, с ликованием назвала его отставку «праздничным подарком от короля своему народу».

В действительности же король был вынужден пойти на это потому, что приближался срок выборов и победа на них Вафда не вызывала сомнений. К тому же саадисты и другие партии «меньшинства», достигнув пика своей власти, не справились с решением накопившихся проблем.

За неделю до удаления в отставку Ибрагима Абдель Хади журнал «Экономист» писал, что английская политика опоры на Арабскую лигу потерпела фиаско и что «политика, единственно возможная в будущем, должна опираться на англо-американское сотрудничество...». Замена кабинета Абдель Хади как раз и была связана с попыткой колонизаторов выйти из создавшегося тупика и сохранить свое господство в регионе путем сколачивания в нем англо-американского союза.

В июле 1949 г. Хусейн Сирри был назначен главой коалиционного кабинета в составе четырех министров, представлявших Вафд, партию Саад и либералов-конституционалистов, двух министров-ватанистов (крыло Хафеза Ра-

мадана) и четырех «независимых». Хусейн Сирри был известен своей проанглийской ориентацией, что позволило этому заурядному чиновнику стать одним из крупных «независимых» политиков, к услугам которых обращались тогда, когда создавалась кризисная ситуация и был нужен человек, могущий угодить всем.

Это был первый случай участия Вафда в коалиционном правительстве со времени его кризиса с либералами-конституционалистами в кабинете 1927 г., когда последние устроили против него заговор после смерти Саада Заглула.

Коалиционное правительство просуществовало недолго: Хусейн Сирри подал в отставку, когда после образования избирательных округов в соответствии с последней переписью населения партии «меньшинства» потребовали распределить их по партиям, что Вафд категорически отверг. 3 ноября 1949 г. во главе с Хусейном Сирри был образован новый «нейтральный» кабинет, которому предстояло провести выборы.

При этом кабинете произошло несколько важных событий. В результате расследования, проведенного министром снабжения Мухаммедом Али Ратебом и коснувшегося семи министров саадистского кабинета, обнаружился ряд закулисных скандальных дел.

Освобождение части заключенных, судебный процесс над убийцей Нукраши, смягчение режима военного времени и цензуры в порядке подготовки к выборам — все это способствовало также разоблачению пыток, которым заключенные в концлагерях Хакстэп и Эль-Тур подвергались при Ибрагиме Абдель Хади.

Так были окончательно сорваны одежды с партий «меньшинства», и они предстали перед общественным мнением страны во всей своей неприглядной наготе, что сделало их шанс на успех на выборах весьма сомнительным.

Выборы состоялись 3 января 1950 г. Вафд одержал решительную победу, получив 228 парламентских мест из 319. Газета «Аль-Мысри» назвала этот день «днем революции народа».

Для короля результат выборов явился неожиданностью. В ту же ночь он явился к Хусейну Сирри домой и предложил ему должность начальника королевской канцелярии, чтобы, с одной стороны, добиться взаимопонимания с Вафдом, а с другой — попытаться провести в жизнь англо-американскую политику.

Главным пунктом разногласий между королем и Вафдом было требование короля, чтобы Мухаммед Хайдар оставался на своем посту военного министра, который он сохранял за собой в кабинетах Нукраши, Ибрагима Абдель Хади и Хусейна Сирри. В его лице король хотел иметь своего человека в совете министров и орудие для полного контроля над армией. Однако Наххас категорически отказывался выполнить это требование и настаивал на назначении вафдистского министра — Мустафы Нусрата. Тогда была достигнута договоренность учредить новую должность главнокомандующего вооруженными силами и назначить на нее Мухаммеда Хайдара. В итоге вафдистский министр лишился сколько-нибудь значительного влияния на армию, и вафдистский кабинет почти не имел отношения к политике внутри армии: производству, назначениям и перестановкам офицеров. Высшая власть в армии по-прежнему принадлежала двору и его ставленнику Мухаммеду Хайдару.

Приняв этот компромисс, вафдистский кабинет поступился своими конституционными правами, за которые он упорно держался начиная с 1937 г., когда потребовал права контролировать назначение чиновников самого дворца, что явилось одной из причин его отставки.

С самого начала вафдистское правительство стремилось оказать свое влияние на короля, вместо того чтобы вступить с ним в столкновение; иначе, несмотря на решительную народную поддержку и подавляющее большинство, полученное на выборах, оно рисковало разделить участь предшествующих вафдистских кабинетов, которые не раз удалялись в отставку. Тот факт, что Вафд не был у власти на протяжении долгих лет, ослабило его влияние на исполнительный аппарат, хотя, находясь в оппозиции, Вафд всегда был более влиятельным и обладал большей притягательностью, нежели находясь у власти.

Политика Вафда заключалась в том, чтобы не довести разногласия с королем до критической точки, не дать ему перешагнуть рамки конституции 1923 г. и установить диктатуру, которой немедленно воспользовались бы внешние силы. Со стороны конституционно-монархической партии, к которой режим прибегнул в приступе удушья, это было естественным.

Победа Вафда на выборах 1950 г. была не столько его победой как партии, сколько победой воли народа над дворцовой кликой и партией «меньшинства». В то же время

эта новая народная волна в поддержку Вафда требовала от него новых, более глубоких и всеобъемлющих перемен.

Состав кабинета не отражал левых настроений, которые начали появляться внутри Вафда, но в попытке решить социальные проблемы народных масс Вафд впервые за всю историю египетских кабинетов ввел в свое правительство пять докторов наук.

Глава VI

«СВОБОДНЫЕ ОФИЦЕРЫ»

В 1949 г. армия испытывала горечь поражения... Войска, возвратившиеся с фронта, были рассредоточены по разным военным округам. Это, как уже отмечалось, ослабило организационные связи между офицерами, с одной стороны, и «братьями-мусульманами» и левыми организациями — с другой. Активность офицеров, принадлежавших к трем главным направлениям политической деятельности в армии, о которых говорилось выше (террористы, «братья-мусульмане» и коммунисты), заметно упала.

«Железная гвардия», не находя новых поводов для политических убийств, особенно после успеха Вафда на выборах, свою деятельность прекратила.

От «братьев-мусульман», подвергшихся жестоким репрессиям со стороны правительства, офицеры отошли, хотя их военная организация под руководством подполковника ВВС Абдель Монейма Абдель Рауфа продолжала существовать.

Армейская секция ХАДЕТУ благодаря строгой конспирации сумела избежать репрессий со стороны властей, тогда как большинство членов его руководства были брошены в концлагеря. Ответственным за политическую работу в армейской секции был автор этих строк, а ответственным за культурную работу — Ахмед Фуад (в то время помощник прокурора, а впоследствии председатель административного совета банка «Мыср»).

Ослабление политической активности в армии в рамках трех главных направлений не обескуражило офицеров, не обрекло их на бездействие и не распылило их силы. Дело обстояло как раз наоборот. В каждом роде войск имелись такие офицеры, которые были захвачены политикой и уже

не могли не заниматься ею, особенно после поражения в Палестинской войне. Ядро патриотически настроенных офицеров составили участники Палестинской войны, у которых не было иной темы для разговоров, кроме трагедии поражения. Отход от существовавших тогда политических организаций (кроме левых) натолкнул их на поиск общей платформы, далекой от фанатизма и догматизма.

Главную, выдающуюся роль в деле сплочения офицеров различной политической ориентации лично сыграл подполковник Гамаль Абдель Насер. Эту работу, правда, в ограниченных масштабах, он начал проводить еще до Палестинской войны.

В конце 1949 г., после окончания войны, Гамаль Абдель Насер собрал Учредительный комитет будущей организации офицеров. В него вошли пять человек: Гамаль Абдель Насер, Хасан Ибрагим, Халед Мохи ад-Дин, Камаль ад-Дин Хусейн и Абдель Монейм Абдель Рауф. В начале 1950 г. в Учредительный комитет вошли также Салах Салем, Абдель Латыф аль-Багдади, Абдель Хаким Амер, Анвар Садат и Гамаль Салем. Тогда же Г. А. Насер был избран председателем Исполкома организации. В феврале 1950 г. была выпущена первая листовка, под которой уже стояла подпись: «Свободные офицеры».

Организация «Свободные офицеры» образовалась как самостоятельная организация, независимая от политических сил вне армии, хотя некоторые члены Учредительного комитета не порвали своих старых организационных связей и не сразу изменили свое мышление: их принадлежность к одному коллективу представляла собой объединенный национальный фронт. Камаль ад-Дин Хусейн сохранял хорошие отношения с «братьями-мусульманами» (но не был членом ассоциации), Халед Мохи ад-Дин являлся членом ХАДЕТУ, Анвар Садат был связан с некоторыми деятелями двора. Гамаль Абдель Насер проводил активные контакты с политическими силами самых разных направлений.

Что касается Мухаммеда Нагиба, то Гамаль Абдель Насер познакомился с ним во время Палестинской войны через Абдель Хакима Амера, который рекомендовал его Гамалю как «смелого человека, который понимает, что причину поражения следует искать не в Эль-Арише, а в Каире». В период формирования организации Мухаммед Нагиб на ее собраниях не присутствовал: за ним как за личностью, популярной среди офицеров армии, следили

органы безопасности, да и вообще контакты между бригадным генералом и офицерами, среди которых старшие по званию были подполковниками, выглядели бы подозрительно. Поэтому «Свободные офицеры» договорились о том, что связь с Мухаммедом Нагибом будет осуществляться не на организационной, а на индивидуальной основе.

Листовки «Свободных офицеров» выходили одна за другой. Первую листовку написали Гамаль Абдель Насер и Халед Мохи ад-Дин, а напечатал ее один гражданский по имени Шауки Азиз на пишущей машинке. Потом эта машинка перекочевала на квартиру одного из офицеров ВВС — Абдель Рахмана Аннана, а от него — на квартиру к пехотному офицеру Хамди Убейду (впоследствии министру местной администрации). Наконец, после каирского пожара 26 января 1952 г. печатание и распространение листовок «Свободных офицеров» взял на себя аппарат ХАДЕТУ. Большинство листовок были написаны левыми офицерами — Халедом Мохи ад-Дином, Ахмедом Фуадом, автором этих строк, а некоторые — лично Гамалем Абдель Насером.

Регулярное появление листовок за подписью: «Свободные офицеры», возвестило начало нового этапа, наступившего после периода 1946—1949 гг., когда в армии распространялись листовки организации офицеров «Братьев-мусульман», организацией коммунистов за подписью: «Армейцы», и анонимные листовки, принадлежавшие «Железной гвардии». Со времени появления листовок «Свободных офицеров» политические силы, действовавшие в армии, перестали выпускать свои собственные листовки, что явилось проявлением организационного единства офицеров. Листовки рассылались офицерам по почте на их домашние адреса или на воинские части, а иногда тайно распространялись в лагерях.

В описываемый нами период наблюдалось странное явление (можно сказать, что оно началось с приливом революционного движения в 1946 г.), это — свобода в разговорах, которые офицеры вели между собой во время ежедневных встреч в армейских ли автобусах, отвозивших их из дома в лагеря, в офицерской ли столовой, или в Офицерском клубе. Офицеры откровенно обсуждали текущие события и высказывали по ним различные точки зрения, но все они в конце концов сходились на одном: критике существующего строя, короля и его окружения. Эти оживленные дискуссии, носившие неизменно патриотический

характер, не раскрыли, однако, тайны организации, которая росла с поразительной быстротой, так как офицеры после поражения в Палестине представляли собой благодатную почву для посева революционных идей, враждебных существующему режиму и лично королю.

Когда офицеров стал волновать вопрос, какова же та программа, которой они должны руководствоваться, были выработаны и отпечатаны в виде листовки шесть принципов революции. Их подготовили Ахмед Фуад и Халед Мохи ад-Дин и одобрил Гамаль Абдель Насер.

Название «Свободные офицеры» произносилось в армии сперва шепотом, но позже оно все чаще звучало и вслух. О «Свободных офицерах» стало известно различным политическим силам, а также кое-кому из журналистов. О существовании новорожденной организации знали даже военная контрразведка и политическая полиция.

Однако органы безопасности как в армии, так и в министерстве внутренних дел располагали скромным штатом сотрудников и ограниченными средствами. В разведотделе военного министерства было всего 15 офицеров, причем некоторые из них сами состояли в организации «Свободные офицеры» или эпизодически выполняли ее поручения (как, например, начальник службы информации Абдель Монейм ан-Наггар, который после революции был послом во Франции и в Ираке, его помощник Саад ад-Дин Тевфик, а также Исмаил Фарид, ставший военным секретарем Мухаммеда Нагиба, а впоследствии губернатором Дакахлии).

В спецотделе министерства внутренних дел насчитывалось не более 24 офицеров, да в их компетенцию и не входила работа в армии, и если они ею занимались, то действовали только через военную контрразведку.

По свидетельству Абдель Монейма ан-Наггара, министерство внутренних дел в свое время запросило у разведотдела военного министерства сведения о «Свободных офицерах», и его сотрудники пытались навести справки об их деятелях и планах, не прибегая при этом к «грязным средствам». По его словам, американская и английская разведки имели у себя специальные службы по борьбе с «коммунистической деятельностью». Этот факт подтверждает и майор Сэтстом — бывший ответственный сотрудник египетской политической полиции, а затем, после ухода всех английских офицеров из египетской полиции, офицер службы безопасности при британском посольстве в Каире, в своей книге «Я шпионил за шпионами».

Несмотря на это, никто из организации «Свободных офицеров» не был арестован, число ее членов увеличивалось, росла их сознательность.

В политике вафдистского кабинета не было ничего, что настроило бы против него «Свободных офицеров». Традиционная враждебность к Вафду «братьев-мусульман» не повлияла на отношение к нему «Свободных офицеров». Более того, Гамаль Абдель Насер явно был настроен в пользу Вафда. Однажды на дискуссии, которая в период до 23 июля состоялась на квартире автора этих строк в Александрии и в которой приняла участие группа «Свободных офицеров», Г. А. Насер в течение нескольких часов защищал Вафд *.

Вафдистский кабинет начал свою деятельность с восстановления общих свобод. Он отменил цензуру периодической печати. После колебаний в мае 1950 г. было отменено военное положение, разрешено проведение демонстраций во дворе университета, где был сорван и растоптан портрет короля.

Вафдистское правительство продолжало проводить дальше свою социальную политику. Оно ввело бесплатное среднее образование (в 1942 г. вафдистский кабинет ввел бесплатное начальное образование); увеличило налоги, в том числе налог на недвижимость; подготовило пятилетний план обеспечения питьевой водой египетской деревни; министерство снабжения изыскало возможности для снижения цен на ряд товаров, с целью сделать их доступными для людей с ограниченным доходом; принимались также некоторые меры по улучшению положения мелких государственных служащих.

Третьей основой, на которой Вафд строил свою политику, была попытка добиться эвакуации англичан из зоны Суэцкого канала до срока, установленного договором 1936 г., то есть до 1956 г., и единства Египта и Судана. В апреле 1950 г. начались переговоры, которые с египетской стороны вели министр иностранных дел Мухаммед Салах ад-Дин и Ибрагим Фараг. Затем в Египет прибыл начальник имперского генерального штаба фельдмаршал

* В дискуссии участвовали подполковник Салах Мустафа, впоследствии военный атташе в Аммане, погибший от взрывного устройства, заложенного в посылку, прибывшую из Израиля, и подполковник Абдель Халим аль-Аасар, впоследствии начальник штаба Александрийского военного округа.

Уильям Слим. 5 и 6 июня он провел три встречи с египетской стороной во главе с Мустафой Наххасом. В ответ на слова Слима о том, что Наххас при своей популярности мог бы убедить людей, что «союз двух армий и иностранное присутствие» есть новый принцип, не означающий оккупации[1], Наххас заявил, что он «не может полагаться на новые обещания или принять новоявленные концепции, имеющие целью сохранить пребывание иностранных войск в Египте под любым названием и в какой бы то ни было формулировке». Наххас настаивал на необходимости эвакуации британских войск и предложил перебазировать их в Палестину, откуда они легко могли бы возвратиться в Египет в случае возникновения войны. Наххас также потребовал, чтобы Великобритания поставила Египту самолеты, указав на то, что Египет заботится об усилении своей армии, чтобы быть в состоянии самостоятельно оборонять зону канала.

Переговоры продолжались, но на них не было достигнуто никакого прогресса по вине англичан, которые ни на шаг не отступили от своей позиции. Моррисон, ставший министром иностранных дел Великобритании после смерти Бевина, произнес речь, которая содержала категорический отказ от эвакуации и нападки на египетское правительство за запрет провоза израильских грузов по Суэцкому каналу и Акабскому заливу. Речь Моррисона вызвала в Египте взрыв негодования. 16 августа 1951 г. Салах ад-Дин в своем заявлении на заседании парламента дал ему резкий отпор и тем самым подвел черту под переговорами.

Таким образом, в политике вафдистского кабинета можно выделить три главных аспекта: утверждение общих свобод, попытку установления своего рода социальной справедливости и конфронтацию с империализмом в целях достижения эвакуации англичан и единства Египта и Судана.

Этот национальный курс не мог вызвать оппозицию со стороны офицеров, несмотря на то что Вафд не пользовался в армии никакой популярностью. Поэтому «Свободные офицеры» в своих листовках, которые они выпускали в период пребывания у власти вафдистского кабинета, в основном обличали пороки высшего командования армии и требовали осуществления национальных чаяний.

В этот период внимание египетской общественности было вновь приковано к трагедии Палестинской войны. После отмены цензуры в печати появились статьи с разобла-

чениями спекулятивных махинаций, связанных с закупкой непригодного оружия во время войны. Эта кампания началась с публикации 6 июня статьи Ихсана Абдель Куддуса в журнале «Роз аль-Юсеф» и статей Хильми Салляма в журнале «Аль-Мусаввар». О том, как совершались эти сделки, общественному мнению через печать поведали и офицеры, которые были их свидетелями. Подполковник Абдель Монейм Амин, впоследствии член Совета революционного командования, и подполковник Хусейн Махфуз, являвшиеся экспертами закупочной комиссии, в свое время обнаружили недобросовестность комиссии, которая приобрела, например, станковые пулеметы системы «Гочкис», использовавшиеся еще в Суданской кампании 1896—1899 гг. По словам этих офицеров, комиссия игнорировала их мнение как экспертов и положилась на маклеров-контрабандистов.

Вафдистскому правительству пришлось возбудить дело перед генеральным прокурором, несмотря на то, что это неизбежно сталкивало его с королем, поскольку разоблачения касались людей из ближайшего окружения короля, вроде Антуана Болли, Эдмона Сахляна и Мухаммеда Хильми Хусейна.

Обвинениями был приперт к стене и главнокомандующий вооруженными силами Мухаммед Хайдар, который, будучи военным министром, с самого начала покрывал эти махинации. Генеральный прокурор Мухаммед Азми потребовал освободить Мухаммеда Хайдара, а также начальника генштаба генерал-лейтенанта Османа Махди от занимаемых должностей, и они были вынуждены подать в отставку.

Получив от министра юстиции Абдель Фаттаха ат-Тавиля предписание арестовывать и привлекать к следствию по этому делу любое лицо, будь то из состава правительства или из штата двора, генеральный прокурор сначала повел следствие весьма смело и даже выдал ордер на арест Эдмона Сахляна. Однако, поддавшись на уговоры двора, он не довел эту кампанию до конца, освободил арестованных, приостановил следствие в отношении людей из свиты короля и снял запрет на возвращение на свои должности Мухаммеда Хайдара и Османа аль-Махди. Правительство, недовольное позицией генерального прокурора, поставило его перед выбором: либо подать в отставку, либо перейти на другую работу, и он был назначен начальником департамента по правительственным судебным делам. Что каса-

ется короля, то свое недовольство позицией правительства он выразил тем, что всех других министров наградил более высокими орденами, чем министра юстиции, но в знак солидарности со своим коллегой министры принять ордена отказались.

Хотя протоколы следствия и суда по делу о непригодном оружии заняли много тысяч страниц, приговор обвиняемым по этому делу был пустяковым: полковника Абдель Гаффара Османа и подполковника Хасана Мансура суд приговорил к штрафу в 100 ег. фунтов каждого, а остальных оправдал.

Аферу, связанную с приобретением непригодного оружия, пресса изображала как главную причину поражения египетской армии в Палестинской войне, хотя были и другие, более важные причины, которые сильнее сказались на боеспособности армии, и эти причины заключались в самой сущности режима. Приобретение непригодного оружия для армии не было причиной ее поражения в Палестинской войне, оно явилось лишь одним из тех многочисленных темных дел, которыми режим запятнал себя и подорвал боеспособность армии.

Кампания, развернувшаяся в печати, и следствие по этому делу настроили народные массы против короля и его окружения. В сознании народа казнокрадство и поражение армии связывались в единое целое с массовыми арестами патриотов. Более резко обозначился и антагонизм между офицерами армии и королем. Дело о приобретении негодного оружия углубило чувство, что двор способен завести страну в тупик. Поэтому это дело одним из первых фигурировало в судебных процессах после революции.

Престиж существующего режима неудержимо падал. Король все глубже погрязал в своем глупом беспутстве. Журналисты в весьма фривольных выражениях начали описывать подробности из личной жизни короля и его окружения, и остановить эту кампанию был не в силах даже специально принятый закон о контроле информации, касающейся двора. Такие материалы печатали, в частности, журналы «Аль-Иштиракия» (орган партии «Молодой Египет»), «Аль-Лива аль-гадид» (орган Новой национальной партии), «Аль-Гумхур аль-мысри» (издавался падким на сенсации Абульхайром Нагибом), «Аль-Катиб» (орган сторонников мира), «Аль-Маляин» (орган ХАДЕТУ) и «Роз аль-Юсеф», который первым начал кампанию по разоблачению махинаций с непригодным оружием.

Когда Мухаммед Салах ад-Дин на заседании парламента 16 августа сделал заявление, направленное против британского империализма, он указал на то, что правительство остается верным своему обещанию аннулировать договор 1936 г., если переговоры окончатся безрезультатно.

Народные массы подхватили это заявление в качестве отправного пункта для дальнейшего развертывания борьбы. 26 августа, в годовщину подписания договора, политические силы страны решили провести массовые демонстрации. В этот день весь Каир — «от мала до велика», как выразилась газета «Аль-Мысри», — вышел на улицы. В демонстрациях, которые устроили рабочие государственных мастерских, железных дорог, а также мастерских в Абу-Заабале, приняли участие 15 тыс. человек. В результате столкновений демонстрантов с полицией с обеих сторон имелись раненые. В этот период в деле руководства массами выдающуюся роль сыграли патриотические и левые организации.

После массовых выступлений вафдистское правительство почувствовало, что в глазах народа оно теряет значительную часть своего «политического капитала» и поэтому не может не выполнить своего обещания аннулировать договор. Было решено принять закон о денонсации договора, а также соответствующие акты об изменении статуса Судана.

Вафд ожидал, что после подготовки этих законов он будет отстранен от власти, однако король, посоветовавшись с Нагибом аль-Хиляли, решил их подписать (аль-Хиляли заявил, что в сложившейся ситуации не подписать эти законы невозможно, что это произведет неблагоприятное впечатление на народ).

Наххас-пашу, прибывшего из Александрии в Каир, толпы народа встретили возгласами: «Наххас, отмени договор!» 8 октября 1951 г. Наххас-паша взошел на трибуну палаты депутатов, чтобы произнести исторические слова: «Ради Египта договор 1936 г. был заключен, и ради Египта сегодня я требую от вас его аннулировать».

Тот факт, что договор был денонсирован конституционным путем, явился для англичан неожиданностью: они полагали, что отмена договора будет пустой формальностью. Когда к Фуаду Сираг ад-Дину (генеральный секретарь Вафда, лидер правого крыла партии, занимавший посты министра внутренних дел и финансов) пришел британский посол Ральф Стивенсон, чтобы заявить свой протест,

Фуад Сираг ад-Дин заметил ему: «Ведь у вас есть другие базы — Аден, Кипр, Мальта». На это посол возразил, что ни на одной из этих баз нет тех преимуществ, какие имеются на Суэцкой базе. «Каковы же эти преимущества?» — спросил Сираг ад-Дин. В ответ английский посол сказал, что база на Суэцком канале отличается, во-первых, наличием дешевых рабочих рук, во-вторых, удобным сообщением по суше (в том числе по железной дороге), морю и воздуху и, в-третьих, социальными условиями жизни в городах, расположенных на канале, что для британских вооруженных сил весьма существенно. Эти слова посла Фуад Сираг ад-Дин принял к сведению, с тем чтобы с их учетом построить политику вафдистского кабинета в борьбе против английских колонизаторов после аннулирования договора 1936 г.

Отмена договора возвестила начало вооруженной борьбы против английских оккупационных войск в зоне Суэцкого канала. В то же время она послужила сигналом к объединению сил империализма и реакции в попытке «убрать» вафдистское правительство, которое уже полностью восстановило свой авторитет в массах и разрешило многие из тех противоречий, какие существовали между ним и национально-демократическими силами, пользовавшимися влиянием среди народных масс. Через пять дней после денонсации договора послы Англии, США, Франции и Турции обратились к министру иностранных дел с просьбой принять их всех вместе. Министр принял послов поодиночке, но все они вручили одну и ту же ноту с требованием заменить денонсацию договора заключением соглашения о «совместной обороне». Совет министров эту ноту отверг. Об этом на другой же день Фуад Сираг ад-Дин объявил в палате депутатов в ответ на вопрос наблюдателя от партии либералов-конституционалистов о том, в чем заключался секрет встречи четырех послов с министром иностранных дел.

В тот же день в Порт-Саид прибыли три английских транспортных судна с подкреплениями для оккупационных войск. Английский план состоял в том, чтобы занять все жизненно важные объекты в городах зоны Суэцкого канала и захватить средства переправы через канал, отрезав тем самым части египетской армии, находившиеся в секторе Газы и на Синайском полуострове.

Политические силы пришли в движение, готовя себя к вооруженной борьбе.

Вафдистское правительство издало закон, согласно которому всякий египтянин, работающий на британской базе, будет подвергнут тюремному заключению. Одновременно по радио велись передачи, поднимавшие патриотический дух. В результате около 40—50 тыс. египетских рабочих отказались работать и покинули английские лагеря. Министру социальных дел правительство дало указание полностью выплатить им компенсацию и обеспечить работой за пределами зоны канала. Прошло всего несколько дней, и на канале скопилось 17 английских судов — их некому было разгружать.

Министр путей сообщения запретил перевозку снаряжения и других грузов в британскую базу по железным дорогам и другим сухопутным и водным путям.

«Социальные условия жизни в городах, расположенных на канале», для англичан перестали существовать. В результате действий фидаев (партизан) эти города для английских военнослужащих вообще стали запретной зоной.

Так все преимущества Суэцкой базы, о которых британский посол сэр Ральф Стивенсон говорил Фуаду Сираг ад-Дину, были сведены на нет.

Когда англичане перекрыли трубопровод, по которому из Суэца в Каир подавался мазут, что грозило остановкой промышленных предприятий, хлебопекарен, грузового автотранспорта и системы канализации, вафдистское правительство вошло в контакт с американским послом Джефферсоном Кеффери и предупредило, что, когда иссякнут запасы мазута, которых хватит лишь на шесть дней, не исключена возможность акций против иностранцев.

Вмешательство американского посла вынудило британские войска отказаться от перекрытия трубопровода.

По словам Фуада Сираг ад-Дина, в партизанской войне против английских войск в зоне Суэцкого канала принимали участие многие переодетые в гражданское офицеры полиции. Чтобы снабдить фидаев оружием, правительство закупало его в Верхнем Египте. Сираг ад-Дин говорил также, что в тот период он встречался с посланниками Югославии, Чехословакии и Советского Союза на предмет выяснения возможности закупки оружия для полиции, но что эти его встречи (которые явились началом контакта с социалистическими государствами по вопросу о закупке оружия) не дали положительных результатов.

Следует отметить, что вафдистское правительство, опи-

раясь в вооруженной борьбе против английских войск в зоне канала в основном на полицию, в то же время отдавало полиции приказы разгонять демонстрантов на улицах Каира.

В описываемый период состоялась встреча Фуада Сираг ад-Дина с одним из представителей «Свободных офицеров» Ахмедом Анваром (впоследствии начальником военной полиции). Гамаль Абдель Насер дал «добро» на эту встречу, но предупредил Ахмеда Анвара, чтобы он не брал на себя никаких обязательств, так как для этого необходимо снестись с коллегами. Гамаль Абдель Насер предупредил его также о том, что Фуад Сираг ад-Дин во время встречи попытается получить сведения о «Свободных офицерах». По словам Ахмеда Анвара, Фуад Сираг ад-Дин окольным путем действительно пытался узнать имя руководителя организации, спросив его, кто, по его мнению, является подходящей кандидатурой на должность начальника генерального штаба, но Ахмед Анвар нарочно назвал имя Мухаммеда Сейфа аль-Язаля аль-Халифы.

Вспоминая о встрече с Ахмедом Анваром, Фуад Сираг ад-Дин говорил, что Ахмед Анвар заявил ему о том, что в случае попытки короля сместить вафдистское правительство армия будет на стороне правительства, на что он, Фуад Сираг ад-Дин, заметил, что король опирается только на армию. Все же после этой встречи Фуад Сираг ад-Дин довел до сведения военного министра Мустафы Нусрата, что офицеры недовольны Хайдар-пашой и Османом Махди-пашой, и убедил его потребовать заменить Хайдара. Мустафа Нусрат подал соответствующую записку королю, но ответа на нее так и не последовало.

Вафд был не единственной политической силой, воздействовавшей на массы и приводившей их в движение в вооруженной борьбе. В этой борьбе выдающуюся роль сыграли молодые политические организации. Изменилась расстановка сил и внутри армии.

Сильное потрясение после убийства своего верховного наставника шейха Хасана аль-Банны испытали «братья-мусульмане». Внутри ассоциации возникли разногласия и шла междоусобная борьба за лидерство.

Согласно уставу ассоциации, вся власть в ней была сосредоточена в руках верховного наставника, который избирался на неограниченный срок и выполнял свои обязанности до конца жизни. Главное руководящее бюро и Учредительная ассамблея ассоциации фактически являлись

совещательными органами при нем. Поэтому решающим вопросом в борьбе претендентов был выбор верховного наставника. Поскольку ни одному «сильному человеку» не удалось навязать себя остальным и заставить присягнуть себе на верность, выбор пал на человека слабого, через которого каждый из них рассчитывал верховодить в ассоциации.

Верховным наставником ассоциации «Братья-мусульмане» был избран Хасан аль-Худайби, юрисконсульт, проработавший на юридическом поприще 27 лет. С шейхом аль-Банной он был связан с 1942 г., однако не являлся членом ни Главного руководящего бюро, ни Учредительной ассамблеи, состоявшей из 150 человек, да и вообще не был выдающимся, известным деятелем ассоциации. К тому же в 1950 г. ему уже исполнилось шестьдесят лет.

Избрание Хасана аль-Худайби поддержал король. Более того, говорили, что поддержка со стороны короля явилась главным фактором, повлиявшим на его избрание, так как аль-Худайби был женат на родной сестре шефа королевской свиты Мурада Хасана. Как писал журнал «Аль-Лива аль-гадид», в улучшении отношений между королем и «братьями» определенную роль сыграл адвокат королевской свиты Мизрахи-паша, который стремился склонить «братьев» на сторону короля, чтобы заручиться их поддержкой в случае выступления двора против Вафда.

Не прошло и месяца после избрания аль-Худайби, как вместе с несколькими лидерами ассоциации он отправился на прием к королю. Во время этой встречи король напомнил лидерам «братьев-мусульман» об обещании, данном Хасаном аль-Банной в 1948 г. Кариму Сабиту, что, если король отменит решение о роспуске ассоциации, она возьмет курс на антикоммунизм. Верховный наставник наведывался к королю неоднократно.

Из Палестинской войны и полосы арестов ассоциация «Братья-мусульмане» вышла потрепанной, ее влияние на офицеров, которых она завербовала в свои ряды в предшествующие годы, ослабло. При вафдистском правительстве ассоциация не внесла никакого позитивного вклада в борьбу против короля и колонизаторов. Когда король назначил начальником своей канцелярии Хафеза Афифи и состоялась демонстрация против короля и Хафеза Афифи, журнал «Ад-Даава», издававшийся членом Главного руководящего бюро Салехом Ашмави, опубликовал статью, направленную против нового начальника королевской

канцелярии. Секретарь ассоциации Абдель Хаким Абидин тут же выступил с заявлением, в котором говорилось: «Главный центр «братьев-мусульман» заявляет, что журнал «Ад-Даава» им не издается, от его имени не выступает и его политику не представляет, что это — частное издание, выражающее мнения своего издателя, и в своих проповедях «братья-мусульмане» отнюдь не руководствуются тем, что в нем публикуется».

Деятельность «братьев» в этот период ограничивалась преимущественно призывами к воспитанию масс в духе преданности принципам ислама, что противопоставлялось насильственным действиям. В своем интервью журналу «Аль-Гумхур аль-мысри» 15 октября 1951 г., то есть через неделю после денонсации договора, аль-Худайби говорил: «Разве, действуя насилием, можно заставить англичан уйти из страны? Долг правительства состоит сегодня в том, чтобы делать то, что делают «братья-мусульмане», воспитывая и тем самым подготавливая народ. Вот путь к выдворению англичан». Аль-Худайби опроверг слух о том, будто ассоциация обратилась к правительству с просьбой помочь осуществить военную подготовку 16 тыс. человек, и отрицал, что она намерена обратиться с такой просьбой.

«Если правительство хочет вооружить народ, — твердил аль-Худайби, — оно прежде всего должно вооружить его нравственно и закрыть публичные и игорные дома, развращающие нравы».

Выступая перед молодежью «братьев-мусульман», аль-Худайби обратился к ним с призывом: «Идите и усердно читайте Коран». Тогда Халед Мохаммед Халед, сославшись на высказывания пророка, обвинил его в отступлении от религии, которая отдает борьбе предпочтение перед словесным выражением веры. «Исторически Родина существовала до религии, — заявил он, — и всякой верности религии предшествует верность Родине, ибо эта верность субъективна, а не внушена богом. Родина есть основа и опора религии». Затем, обратившись к «братьям», он бросил клич: «Освободите сдерживаемую энергию». В связи с этим журнал «Роз аль-Юсеф» писал, что «братья-мусульмане» должны вступить в вооруженную борьбу против оккупантов. «Иначе вы потеряете Египет», — предупреждал он их.

Офицеры, состоявшие в ассоциации, которые в свое время поспешили отправиться добровольцами на войну в Палестину, на этот раз идти в бой не торопились.

Таким образом, вместо того чтобы принять активное участие в вооруженной борьбе, развернувшейся в зоне Суэцкого канала, «братья-мусульмане» предпочли пойти на мировую с королем и ждать, чем кончится конфронтация, в которую втянулся Вафд, припрятав имеющееся у них оружие до поры до времени на складах.

Ввиду такой позиции «братьев-мусульман» офицеры, примыкавшие к ассоциации, за малым исключением, от нее отвернулись. В этот период связи офицеров с «братьями-мусульманами» почти полностью прервались.

Свой вклад в вооруженную борьбу на канале внесли коммунистические организации. Вначале их возможности были ограниченными, но в ходе развития борьбы их влияние возрастало.

В этот период вышла вторым изданием брошюра А. Хамруша «Партизанская война». Изучив обстановку, руководство ХАДЕТУ пришло к выводу, что вооруженная борьба в зоне Суэцкого канала не должна ограничиваться действиями одних лишь фидаев, что ее масштабы следует расширить за счет участия в ней феллахов деревень, расположенных в зоне, тем более что многие из феллахов обычно вооружены. Был обсужден также вопрос о создании политических органов, в задачу которых входило проведение разъяснительной работы и руководство массами в деревнях. Кроме того, были проведены многочисленные контакты с целью создания объединенного командования всеми отрядами и сражающимися организациями, что позволило бы объединить их цели и повысить эффективность боевых операций. Такое объединенное командование явилось бы ядром национального фронта, который сложился бы в ходе вооруженной борьбы.

Воплощением этих идей явился бой у Эль-Курейна, проведенный по разработанному ХАДЕТУ плану. В нем участвовали не только фидаи, но и, в основном, крестьяне, Против оккупантов выступила вся деревня. Феллахи с верхушек пальм вели огонь по наступавшему врагу. Несмотря на то что у англичан были танки, они не смогли занять Эль-Курейн и отступили.

У коммунистических организаций не хватало оружия. Оружие для них мы получали от армии. Им нас снабжал Гамаль Абдель Насер, который доставал его через Магди Хасанейна, по роду службы имевшего доступ к оружейному складу казарм в Аббасии. Это оружие мы вместе с майором Османом Фавзи (после революции послом Египта в

Нидерландах) переправляли партизанам, действовавшим в зоне канала.

Г. А. Насер знал, какую именно роль мы выполняли, и одобрял наши действия. К этому времени у него уже установилась прочная связь с представителями армейской секции ХАДЕТУ, которым было поручено работать в организации «Свободные офицеры», — юристом Ахмедом Фуадом и капитаном Халедом Мохи ад-Дином.

В одном из боев смертью героя погиб член комитета сторонников мира города Александрии, студент коммерческого факультета Александрийского университета Аббас аль-Аасар. Его похороны превратились в большую народную демонстрацию. Мы организовали участие в похоронах офицеров армии (несмотря на то что офицеры политической полиции пытались отговорить нас от этого). Офицеры шли строем, за ними следовали колонны демонстрантов, скандировавших лозунги, а впереди шествия один студент нес большой макет белого голубя мира... Тогда уже довольно значительное число офицеров и унтер-офицеров подписали Стокгольмское воззвание.

Партизанское движение росло, борьба наполнялась все более глубоким содержанием. Гром партизанских выстрелов сливался с громом слов, звучавших со страниц патриотических газет и журналов.

Организация «Свободные офицеры», переживавшая период становления, приобретала определенные очертания, число ее членов увеличивалось с каждым днем. Главным средством воздействия на умонастроения офицеров были листовки.

В листовках не содержалось каких-либо нападок на Вафд, и стоявшее у власти правительство, поскольку оно делало максимум того, что было в его силах. Авторы листовок — члены армейской секции ХАДЕТУ отдавали себе отчет в том, что наступление на вафдистский кабинет с целью его свержения полностью соответствовало бы желаниям империалистов, короля и всех реакционных элементов, как находящихся, так и не находящихся у власти.

В одной из листовок они писали: «Армия принадлежит народу, а не какому-то лицу. Нация — вот кто несет расходы на нее, налогоплательщики, сыны народа — вот кто содержит и вооружает солдат. Поэтому ваша первая задача — это служить народу, и никому другому». В листовке по поводу пышно обставленного бракосочетания короля го-

ворилось: «К вам, кто тратит средства, заработанные пóтом народа, не на пользу народа... К вам, кто тянет страну в бездонную пропасть ради достижения своих корыстных целей... К вам обращаем мы это наше слово — может быть, вы образумитесь и откажетесь от своих заблуждений... А вам, офицеры, мы адресуем краткое изложение того, какие безобразия творятся сегодня. Будьте же бдительны всегда в отношении того, какую участь готовят вашей армии и вашей стране, и не поступайтесь своими правами ни на йоту». Объявляя о своей политической позиции, «Свободные офицеры» писали: «Народ и армия сегодня зорко следят за каждым движением тех, кто хотел бы отбросить нас назад... Народ и армия сорвут любую попытку разгромить национальное движение... Мы поддержали правительство в национальной акции, которую оно предприняло, аннулировав империалистический договор».

Г. А. Насер, избранный председатель организации «Свободные офицеры», заботился о том, чтобы пламя вооруженной борьбы на канале разгоралось. Он обеспечивал оружием и боеприпасами различные организации, которые к нему обращались. Подобно тому как он давал оружие нам для добровольцев ХАДЕТУ, он снабжал оружием и боеприпасами Абдель Кадера Ода и Хасапа Ашмави. Двум «свободным офицерам» — Камалю Рифату (вначале был связан с левыми организациями, после революции — министр и член Президентского совета) и Хасану ат-Тухами (офицер разведки, после революции—министр) — Г. А. Насер поручил руководить учебным лагерем фидаев, созданным в пустыне, в районе Эль-Файюма. Фидаи, прошедшие подготовку в этом лагере, вливались в отряды члена организации «Свободные офицеры» Вагиха Абазы, находившегося в контакте с министром внутренних дел Фуадом Сираг ад-Дином.

Некоторые «свободные офицеры» принимали непосредственное участие в битве на канале. Так, Анвар Садат, которого вафдистский кабинет вернул в ряды армии, после того как он был из нее уволеп и арестован за связь с немецкими шпионами в Каире, повествует о неудавшейся (вследствие технической ошибки) попытке перекрыть для английского флота Суэцкий канал при помощи большой морской мины типа «Тайтл». В разработке и проведении этой операции участвовали Гамаль Абдель Насер, Анвар Садат, Салах Хидаят (офицер, впоследствии окончил факультет естественных наук, после революции — министр

научных исследований), Хасан ат-Тухами и офицер береговой охраны Абдель Саттар Арафа.

«Свободные офицеры» не формировали боевых единиц, но они были связаны с фидаями, осуществляли их боевую подготовку и разрабатывали с ними планы операций, а в некоторых операциях участвовали сами.

Регулярные воинские части, дислоцированные в зоне Суэцкого канала, оставались в стороне от событий, будучи подчинены традиционным командирам, получавшим приказы от ставленника двора, главнокомандующего вооруженными силами Мухаммеда Хайдара.

Было странно, что наряду с фидаями и местным населением, включившимся в партизанскую войну, основное бремя вооруженной борьбы в зоне канала взяли на себя силы полиции, тогда как армейские части продолжали вести свою обычную жизнь, ничем не беспокоя войска оккупантов и не подвергаясь каким-либо провокациям с их стороны. И если бы не активность некоторых «свободных офицеров», проявивших высокий боевой дух, то армия выглядела бы как покорная сила, безропотно следующая директивам двора, сотрудничающего с империалистами.

Офицеры частей, дислоцированных в Эль-Арише и Рафахе, направили премьер-министру, военному министру и начальнику генерального штаба телеграмму, в которой писали: «Мы, проливавшие кровь в Палестине, тем более должны пролить ее за дорогой нашему сердцу Египет. Если нам не будет дан приказ выступить в зону канала, мы сделаем это под свою ответственность».

Создавшаяся политическая ситуация благоприятствовала привлечению офицеров в ряды организации «Свободные офицеры». В это время судьбе было угодно испытать силу организации — подошел срок выборов в административный совет Офицерского клуба. Обычно такие выборы мало занимали офицеров, но на этот раз они проходили в весьма тревожной и накаленной обстановке.

Выборы были назначены как раз через неделю после того, как англичане разрушили поселок Кафр-Ахмед-Абдо, что вызвало бурную ответную реакцию со стороны египетского общественного мнения.

Учредительный комитет «Свободных офицеров» решил выдвинуть председателем административного совета Офицерского клуба генерал-майора Мухаммеда Нагиба, храбрость, честность и простота которого снискали ему популярность среди офицеров.

Выборы в Офицерском клубе явились началом открытой конфронтации между королем и «Свободными офицерами».

Когда Мухаммед Нагиб выставил свою кандидатуру на пост председателя административного совета клуба, это не понравилось королю. Всего лишь несколько месяцев тому назад в ответ на просьбу Мухаммеда Нагиба, занимавшего тогда пост начальника погранвойск, о переводе его заместителя бригадного генерала Хусейна Сирри Амера на другую должность за неблаговидное поведение король перевел самого М. Нагиба на должность командующего пехотой, а Хусейна Сирри Амера, человека, близкого ко двору, назначил начальником погранвойск.

Желая навязать в качестве председателя клуба Хусейна Сирри Амера, король распорядился отсрочить общее собрание членов клуба, назначенное на 18 декабря 1951 г. Однако офицеры сами решили провести выборы 3 января 1952 г. В назначенный день они отказались признать пограничные войска одним из самостоятельных родов войск армии, представители которых избираются в члены административного совета клуба, на том основании, что офицеры, состоящие на службе в погранвойсках, относятся к разным родам войск.

Это решение было настоящей пощечиной королю. На выборах Мухаммед Нагиб получил подавляющее большинство — несколько сот голосов, тогда как все остальные кандидаты на пост председателя (начальник артиллерии генерал-майор Хафез Бакри, начальник интендантского управления генерал-майор Ибрагим аль-Арнауты и начальник управления военно-технической службы генерал-майор Сейид Мухаммед) получили всего 58 голосов.

Победу на выборах одержал не один Мухаммед Нагиб, победили и другие кандидаты от организации «Свободные офицеры». Они составили большинство в административном совете Офицерского клуба. В их числе были Закария Мохи ад-Дин, Хасан Ибрагим, Ибрагим Атеф и Рашад Механна, назначенный секретарем административного совета. Эта победа явилась доказательством влияния и авторитета организации «Свободные офицеры» в офицерском корпусе армии, а также популярности Мухаммеда Нагиба.

8 января 1952 г. вместе с Хасаном Ибрагимом, Камалем Рифатом и Хасаном ат-Тухами Гамаль Абдель Насер совершил попытку покушения на Х. С. Амера. Таким образом, офицеры вновь вернулись к методу индивидуаль-

ного террора. Однако после первой же попытки Гамаль Абдель Насер, как он об этом пишет в «Философии революции», понял, что террористические акты — не средство для достижения цели: даже в случае их удачи прогнивший режим будет продолжать существовать, и к индивидуальному террору офицеры больше не возвращались.

В это время среди «братьев-мусульман» возникла полемика по вопросу об участии в вооруженной борьбе. Руководитель отделения «братьев-мусульман» в Суэце заявил, что «братья» «ничего не делают для движения сопротивления». Некоторые руководители «братьев», такие, как шейх Мухаммед аль-Газали, выступили с критикой этого заявления. Сейид Кутб заявил, что право высказывать мнение «братьев-мусульман» принадлежит лишь верховному наставнику. Хасан аль-Худайби, высказывая свое неудовольствие по поводу того, что о позиции «братьев» «слишком много говорят», замечал: «Как будто вся египетская молодежь ушла воевать с англичанами, замешкались лишь „братья-мусульмане"».

Камаль Рифат в своей книге «Национально-освободительная война» пишет, что, когда один фидай обратился к руководителю «братьев-мусульман» в Исмаилии шейху Фаргали с вопросом, как «братья» относятся к тому, что англичане оккупируют город, шейх Фаргали сказал: «Мы не собираемся отвечать за безрассудство Наххаса и не можем жертвовать нашими ребятами ради Вафда. Вафд эту кашу заварил, пусть он ее и расхлебывает... То, что сделано до сих пор, — чепуха: люди погибли, а кому это нужно? Англичане не могут уйти по соглашению с одним Вафдом, в настоящее время он англичанам не страшен, ибо они знают, что в стране есть вторая сила — «братья», и, если Вафд не посчитается с нашей силой, никакая его попытка не удастся. Пусть Вафд тонет один и найдет свой конец».

Как пишет Камаль Рифат, у «братьев-мусульман» было припрятано много оружия, и в борьбе против англичан в зоне Суэцкого канала оно не использовалось.

Вместе с тем «братья-мусульмане» не совсем стояли в стороне от борьбы на канале. Некоторым молодым членам ассоциации было не до межпартийных споров, когда в зоне канала шла битва с колонизаторами. Из них образовалось несколько боевых групп, и среди тех, кто погиб в борьбе, были студенты Каирского университета (в то время им. Фуада) Омар Шахин, Ахмед аль-Манси и др. Одна-

ко эти ограниченные выступления далеко не полностью выражали возможности и потенции «братьев-мусульман», которые в Палестинской войне участвовали с гораздо большим энтузиазмом.

Вооруженная народная борьба в зоне Суэцкого канала разгоралась все сильнее. Народные отряды освобождения преодолевали свои слабые стороны, с ними все теснее сотрудничали «Свободные офицеры». Действия партизан активизировались настолько, что потери оккупационных войск стали серьезно беспокоить британское командование. 26 декабря 1951 г. газета «Таймс» писала: «Нервы у английских солдат крайне напряжены. Они задаются вопросом, какой смысл сохранять базу, потерявшую всякое военное значение из-за враждебного национального чувства?» Комментируя заявления шейха Аль-Азхара Ибрагима Хамруша, в котором он объявлял законным пролитие крови британских солдат, та же газета на первой полосе предупреждала, что эта религиозная священная война может принять опасные размеры. Когда фидаи 12 января взорвали железнодорожный эшелон с солдатами, боевой техникой и боеприпасами, «Ньюс кроникл» отмечала: «По отзывам английских офицеров, эти боевые действия носят более ожесточенный характер, чем любое сражение, в котором им приходилось участвовать во времена британского протектората в Палестине». Журнал «Нью стейтсмен» писал: «Кажется очевидным, что партизанская война для фидаев в Египте — вопрос уже решенный. Будущее британских интересов в Египте отныне представляется мрачным: либо постыдная эвакуация из Египта, либо военное столкновение и длительный период боев в условиях военного положения».

В Каир с поручением от премьер-министра Ирака Нури Саида прибыл Нагиб ар-Рауи. Встретившись с Фуадом Сираг ад-Дином, он сообщил ему, что англичане, потерпев полное фиаско, ведут поиски «достойного решения» и готовы согласиться на все при условии прекращения вооруженной борьбы в зоне Суэцкого канала. В ответ Фуад Сираг ад-Дин заявил, что «дело зашло так далеко, что на это не осмелится ни один египтянин». «Англичане должны принять решение об эвакуации, — сказал он, — а мы — обеспечить их безопасный уход».

Между тем в стране шла закулисная возня, связанная с осуществлением плана короля, поставившего своей целью избавиться от вафдистского правительства. Как сообщил

автору этих строк один бывший высокопоставленный офицер политической полиции, в то время ее сотрудники получили указания о том, что от вафдистского правительства решено избавиться и что они должны быть к этому готовы. По его словам, дворцовая полиция имела копии досье политической полиции, которая направляла ей всю свою информацию и доклады.

Во время судебного процесса по делу Карима Сабита (в «Суде над вероломством») [2] вызванный в качестве свидетеля Хафез Афифи показал: «Король сообщил мне, что хочет избавиться от правительства Вафда. Я сказал ему, что, поскольку идет борьба с англичанами, сейчас сместить его нельзя, для этого нужно, чтобы произошло нечто важное». Не удержавшись, один из советников суда бросил ему такую реплику: «Думаю, паша, что это «нечто важное» вы нашли в каирском пожаре».

Как уже отмечалось, в линии поведения вафдистского правительства наблюдалась непоследовательность: снабжая силы полиции и отряды освобождения оружием и боеприпасами и требуя от них оказывать сопротивление англичанам, оно в то же время подавляло патриотические демонстрации в Каире и Александрии, иногда применяя и силу.

После отмены англо-египетского договора 1936 г. демонстрации стали обычным явлением в большинстве египетских городов. Массы демонстрантов выражали свое желание сражаться и требовали оружия. В Исмаилии английские войска убили 7 и ранили 40 демонстрантов, в Порт-Саиде они убили 5 демонстрантов и многих ранили. Затем в зоне канала была установлена прямая военная власть англичан, игнорировавшая египетскую власть.

17 и 18 ноября 1951 г. англичане обстреляли казармы полиции в Исмаилии. Полицейские открыли ответный огонь. В результате перестрелки с обеих сторон имелись убитые и раненые. На похороны египтян, павших от рук англичан, вышел весь город. На другой день англичане потребовали от губернатора зоны Суэцкого канала вывести силы египетской полиции и бойцов вспомогательной полиции (булукат ан-низам) из европейского квартала Исмаилии и дать указание египетским офицерам не появляться в этом районе с оружием. Египетская сторона приняла эти требования. 3 декабря англичане открыли огонь по силам полиции в Суэце, где было убито 28 египтян, в том числе 7 полицейских. Англичане потеряли убитыми

22 человека. На следующий день стычка возобновилась, в результате было убито еще 15 египтян.

8 декабря англичане потребовали очистить квартал Кафр-Ахмед-Абдо под предлогом, что фидаи устроили в нем свой опорный пункт. Совет министров принял решение отвергнуть это требование. Тогда англичане бросили на этот квартал тысячи солдат, танки и броневики. Полицейские, число которых не превышало 400 человек, не могли дать отпор таким превосходящим силам и отступили, а англичане разрушили Кафр-Ахмед-Абдо. В ответ на эту акцию англичан правительство отозвало египетского посла в Лондоне Абдель Фаттаха Амра (король тут же назначил его своим советником по вопросам внешней политики, хотя он был известен как англофил), реквизировало Гезира-клаб * и разрешило народу ношение оружия.

Происходящие события вызвали взрыв народного гнева. По стране прокатилась волна демонстраций, при этом отдельные группы допускали посягательство на имущество иностранцев. Революционеры отдавали себе отчет в том, что подобные случаи колонизаторы могут использовать в своих интересах. 25 октября 1951 г. в газете «Саут аль-умма» Саляма Муса выступил со статьей, в которой указывал на то, что имевшие место случаи нападения на иностранные учреждения и собственность, а также некоторые выдвинутые демонстрантами лозунги могут быть использованы врагами в провокационных целях. К народу, призывая к спокойствию, обратился и Наххас.

Главные редакторы газет и журналов выступили с заявлением, в котором потребовали отказа от демонстраций, дабы их не использовали в своих целях англичане. (Заявление подписали почти все главные редакторы журналов, начиная от журнала «Аль-Катиб» и кончая журналом «Аль-Иштиракия»; его отказался подписать лишь главный редактор журнала «Аль-Гумхур аль-мысри» Абульхайр Нагиб.)

Однако после гибели в октябре 1951 г. египетских патриотов в зоне канала прекратить демонстрации было трудно. Это вынудило правительство сразу же после того, как оно объявило 23 октября Днем траура, опубликовать заявление о том, что к демонстрантам примазались нечестные

* Английский клуб в Каире. Был основан сразу же после оккупации Египта в 1882 г. Членами его были только англичане и некоторые египтяне, которых принимали туда после тщательного отбора, производившегося англичанами.

элементы, и категорически запретить демонстрации под угрозой применения насилия.

Несмотря на это, демонстрации полностью не прекратились, по правительство к насилию не прибегало. 14 ноября правительство разрешило проведение самой грандиозной манифестации, которую когда-либо видел Египет, под лозунгом: «Молчание. Траур. Порядок». Во главе манифестации шел Мустафа Наххас, рядом с ним шли Али Махир, члены правительства, шейх Аль-Азхара, патриарх, главный раввин, другие религиозные деятели, судебные чиновники, профессора университета, некоторые военные, а также делегации арабских государств и Судана. Манифестацию эскортировали отряды освобождения. Хотя число манифестантов достигало миллиона, не считая жителей, столпившихся на тротуарах, не произошло ни одного инцидента. В колоннах царило полное молчание. С балконов домов на участников шествия сыпался дождь революционных листовок. На десяти тысячах плакатов были начертаны лозунги: «Долой совместную оборону!», «Американское посредничество — обман», «Долой империализм!», «Смерть предателям!».

Эта историческая манифестация не стала концом демонстраций. События, происходившие в зоне Суэцкого канала, вызывали в Каире мгновенную реакцию в виде стихийных народных демонстраций, хотя они и были запрещены. В конце декабря демонстрации приобрели более острый характер; демонстранты подожгли несколько трамвайных вагонов и забросали камнями полицейских. Несмотря на прекращение занятий в высших учебных заведениях, на протяжении всего января происходили бурные студенческие демонстрации.

Возникло новое явление: какие-то группы молодежи стали громить увеселительные заведения. Два таких случая имели место 15 января, а 19 января 1952 г. были устроены взрывы в двух кинотеатрах. Это не имело ничего общего с характером народных демонстраций и наводило на мысль о «братьях-мусульманах», которые постоянно твердили об «увеселительных и питейных заведениях», что кое-кого, очевидно, и толкнуло на подобные погромы.

Английские колонизаторы, король и политическая полиция разработали совместный план свержения вафдистского правительства.

Самую крупную провокацию английские оккупанты устроили в Исмаилии, где в ночь на 25 января тысячи анг-

лийских солдат, подтянув бронeвики, танки и артиллерию, окружили резиденцию губернатора и казармы вспомогательной полиции. Командующий английской армией в зоне Суэцкого канала генерал Эрскин направил окруженным силам египетской полиции ультиматум, в котором потребовал сложить оружие, выйти из резиденции губернатора и казарм и покинуть зону канала.

Командующий силами египетской полиции оказался перед сложной дилеммой: сложить оружие или принять неравный бой. Он решил запросить мнение министра внутренних дел Фуада Сираг ад-Дина. Так как англичане перерезали телефонные провода и связь резиденции губернатора с внешним миром прекратилась, он дал задание одному офицеру проникнуть в город и связаться с министром. Офицер перемахнул через ограду и скрылся в темноте...

В половине третьего ночи Фуада Сираг ад-Дина разбудил телефонный звонок. Это был офицер из Исмаилии. Он доложил обстановку.

— Вы готовы драться до последнего патрона? — спросил Фуад Сираг ад-Дин.

— Да! — ответил офицер.

— Тогда с богом, — сказал Фуад Сираг ад-Дин.

Во вспомогательной полиции в Исмаилии насчитывалась тысяча бойцов, у каждого было по тысяче патронов... Штурм резиденции губернатора англичане начали с обстрела из артиллерийских орудий и танковых пушек. Египетская полиция оказала оккупантам героическое сопротивление. В бою было убито 70 египетских бойцов, англичане потеряли убитыми 40 человек.

Войдя в резиденцию губернатора, генерал Эрскин пожал руку египетскому командующему и сказал: «Поздравляю вас и ваших солдат, вы доблестно сражались. Поэтому я поступлю с вами не как с военнопленными и вы выйдете отсюда не с поднятыми руками».

Бойцы вспомогательной полиции по железной дороге были отправлены из Исмаилии в Каир.

Сообщения о событиях в Исмаилии вызвали возмущение во всем мире. 26 января английские газеты писали, что в Англии люди испытывают чувство стыда оттого, что британская армия воюет с египетской полицией.

С раннего утра в Каире начались демонстрации, которые не прекращались в течение всего дня.

В ночь с 25 на 26 января британское посольство обратилось к египетской полиции с требованием защитить анг-

лийский самолет, совершивший посадку в Каирском аэропорту. Персонал аэропорта, сообщали из посольства, отказывается его обслужить, не выпускает пассажиров и угрожает сжечь самолет вместе с пассажирами и экипажем. Начальника бюро службы иностранцев Имама Ибрагима нигде не могли найти. Тогда в аэропорт выехала группа офицеров политической полиции, которая находилась там до 6.30 утра. На обратном пути этим офицерам стало известно, что на улицах Каира происходит демонстрация бойцов каирской вспомогательной полиции (булуков). Чтобы избежать встречи с ними, офицеры политической полиции изменили свой маршрут и разъехались по домам отсыпаться до 11 часов утра.

Бойцы булуков вышли из казарм в Аббасии в 6 часов утра, имея при себе оружие. Они бурно протестовали против расправы, учиненной над их товарищами в Исмаилии. В районе Университета им. Фуада, в Гизе, они встретились с демонстрацией студентов, смешались с ними и вместе направились к Абдинскому дворцу, по дороге выкрикивая призывы взяться за оружие и идти сражаться с англичанами. Перед дворцом демонстранты скандировали: «Долой короля!» Когда толпа демонстрантов собралась у здания совета министров, к ним вышел и обратился с речью министр социальных дел Абдель Фаттах Хасан. Но его речь потонула в возгласах демонстрантов, требовавших объявить англичанам полный бойкот, направить вооруженные силы в зону канала и заключить договор о дружбе с Советским Союзом.

В это время в центре города происходила другая демонстрация. Подойдя к казино «Опера», демонстранты увидели на его веранде праздных, развлекающихся людей. Это разъярило толпу, и казино было предано огню.

За непринятие решительных мер по пресечению демонстраций министр внутренних дел Фуад Сираг ад-Дин распорядился взять под арест начальника каирской полиции генерал-майора Мурада аль-Холи, который не выполнил письменный приказ открывать огонь по демонстрантам, а его заместитель Имам Ибрагим сообщил своим подчиненным, будто министр распорядился не препятствовать демонстрациям (Имам Ибрагим был одним из руководителей политической полиции и хранил верность не столько министру внутренних дел, сколько дворцовым властям, которые имели подозрительные — явные и тайные — связи с британским посольством).

После этого демонстрации вступили в новую фазу. В городе вспыхнули многочисленные пожары. Первыми запылали кинотеатры «Риволи» и «Метро», а за ними — английский клуб «Тарф», который сгорел вместе с находившимися в нем людьми. Сгорели крупные магазины, гостиницы «Шеперд» и «Метрополитен». Всего было сожжено 300 магазинов, десятки ресторанов и баров, автосалоны, английский банк «Барклайз» и другие здания. Центр Каира являл собой море огня.

Именно в тот момент, когда начались пожары, сотни офицеров армии и полиции съезжались в Абдинский дворец на торжественный обед по случаю рождения «его королевского высочества наследного принца» Ахмеда Фуада. Родился он 16 января, и по этому поводу совет министров объявил 17 января нерабочим днем во всех государственных учреждениях, а для «полного счастья» решил выдать на всех младенцев, родившихся в тот же день, по 10 ег. фунтов. В честь «радостного» события состоялось специальное заседание парламента, после которого все парламентарии отправились в Абдинский дворец, где расписались в Книге почетных посетителей.

В день, когда наследнику престола исполнилась неделя, с балкона Абдинского дворца король принял парад войск. «Сегодня, — сказал он, обращаясь к войскам, — я дарю армии самое дорогое, что у меня есть, — моего сына». Тогда же он повысил в чинах большую группу офицеров. С геликоптеров жителям Каира, которые всеми своими помыслами были вместе с теми, кто сражался на канале, бросали мешки со сладостями.

Итак, Каир был объят пламенем пожара, а в это время офицеры армии и полиции вкушали великолепные яства за королевским столом. Министр внутренних дел пытался связаться по телефону с Хайдар-пашой, присутствовавшим на том же обеде, чтобы вызвать в город войска, но вместо себя Хайдар-паша послал к телефону начальника береговой охраны Вахида Шауки. Тогда Фуаду Сираг ад-Дину пришлось покинуть свой кабинет в министерстве внутренних дел и самому отправиться во дворец. Ему уже стало ясно, что пожары — заранее спланированная провокация. Во дворце опять пришлось ждать: когда Хайдар и Хафез Афифи появились, было уже без четверти три. Потом они пошли переговорить с королем, а по возвращении сообщили, что «его величество» согласен, чтобы офицеры разъехались по своим частям, причем Осман аль-Махди посовето-

вал офицерам избегать проезжать по улицам, заполненным демонстрантами.

До 5 часов войска на улицах не появлялись, а когда они все-таки прибыли к парку Эль-Эзбекие, то по отношению к поджигателям повели себя пассивно под тем предлогом, что у них нет письменных приказов открывать огонь.

С заходом солнца все было кончено. Каир сгорел, а среди пепелищ и развалин орудовали шайки воров и грабителей.

Поздно вечером 26 января, когда бесчинства в городе прекратились и большинство пожаров было потушено, собрался совет министров (Наххас не подавал королю заявления об отставке, как это утверждают некоторые источники).

По словам Фуада Сираг ад-Дина, существовала вероятность того, что 27 января бесчинства повторятся, тем более что, как было установлено, поджоги носили не стихийный характер, а совершались с применением новейших средств. Это, в частности, обнаружилось при расследовании поджога гостиницы «Шеперд».

Указывая на этот факт, Камаль Рифат в книге «Национально-освободительная война» пишет, что в центр города на джипах ворвались группы профессиональных поджигателей и диверсантов, владеющих новейшими и эффективнейшими методами поджога и диверсий. Свою задачу они выполняли хладнокровно, без всяких лозунгов, слов и жестов. Они заранее знали, что и как надо делать и куда направляться. Одна группа вышибала двери, другая устремлялась внутрь помещения, бросала и выливала взрывчатые и горючие вещества и через считанные секунды выскакивала наружу. В мгновение ока все здание превращалось в пылающий факел.

Правительству, утверждал Фуад Сираг ад-Дин, ничего не оставалось, как ввести чрезвычайное положение в целях быстрейшего ареста некоторых известных хулиганствующих элементов из числа молодежи и производства обысков для обнаружения вещественных улик. В то же время правительство думало о тех последствиях, к которым может привести введение чрезвычайного положения, а также о том, что ему самому вот-вот грозит отставка.

По словам Фуада Сираг ад-Дина, 25 января к нему в кабинет неожиданно зашел Хафез Афифи и задал вопрос: правда ли, что вафдистское правительство решило разорвать дипломатические отношения с Великобританией? Бри-

танский посол, сказал Афифи, сообщил ему, что имеются такие сведения и что это будет равносильно объявлению войны между двумя государствами, после чего англичане могут ввести свои войска в Каир. «Ну что ж, — ответил Сираг ад-Дин, — пусть попробуют, тогда против них поднимется весь народ». «Нет, — сказал Афифи, — самое простое, что опи сделают, — это возьмут короля в качестве военнопленного и таким путем продиктуют свои условия Египту». После этого разговора, вспоминал Фуад Сираг ад-Дип, оп уверился, что часы вафдистского правительства сочтены: разговоры о возможпом пленении короля велись уже давно и дело неизбежно должпо было кончиться смещением вафдистского правительства.

Как впоследствии писал Идеп, когда вооруженная борьба стала серьезно беспокоить оккупационную армию, англичане действительно думали ввести свои войска в Каир, но английский командующий сообщил, что его силы не могут выполнить эту задачу.

Когда вафдистский кабинет поздним вечером 26 января обсуждал вопрос о введении чрезвычайного положения, его члены отдавали себе отчет в том, что это в первую очередь может ударить по ним же самим. Но, как выразился Фуад Сираг ад-Дин, «мы не могли ради спасения пации и обеспечения будущего не ввести чрезвычайное положение».

Это оправдание неубедительно. Неожиданный факт — пожар — толкнул Вафд на путь, ему не свойственный, потому, что его власть ослабла и в результате последних событий и пожара убежденность людей в его силе поколебалась.

В ту же ночь Наххас-паша был назначен военным губернатором Египта. Занятия в высших учебных заведениях и школах были прекращены на неопределенный срок. Начались массовые аресты, которые коснулись и пекоторых революционеров. Центр «Социалистической партии» был закрыт. В Каире и Гизе был введен комендантский час с 6 часов вечера до 6 часов утра. Абдель Фаттах Хасан был назначен главным цензором периодической печати, а мухафизы и мудиры — военпыми губернаторами своих районов. Вышел военный приказ, запрещающий собираться группами 5 человек и более, что рассматривалось как нарушение порядка и преследовалось двухгодичным, а при наличии оружия пятигодичным, тюремным заключением. Однако эти жесткие меры и только что падетый мундир военного губерпатора не помогли правительству

Вафда уйти от неотвратимой судьбы: не прошло и суток, как вечером 27 января король издал указ о его смещении.

Ответ на вопрос, кто они — преступники, совершившие поджог, вытекает из того, кому это преступление было на руку.

Английские оккупационные войска так увязли в борьбе с партизанами, что находились почти на грани отчаяния. Каирский пожар повлек за собой введение чрезвычайного положения, а это позволило покончить с ростом революционного движения, прекратить борьбу фидаев и сбить боевой патриотический порыв народа.

В своей книге «Национально-освободительная война» Камаль Рифат пишет, что английская разведка создала лагерь, который был полностью изолирован от внешнего мира. Там проходила специальную подготовку группа уголовников и авантюристов — агентов шпионско-разведывательной службы. Это были те самые «натренированные элементы», которых англичане использовали как поджигателей Каира. Впоследствии точно так же был организован и пожар в Тегеране, которым сопровождалось свержение правительства Мосаддыка в 1953 г.

Далее. Власть короля ослабла, его достоинство было унижено, демонстранты выкрикивали лозунг: «Долой короля!» Вафдистское правительство конституционным путем провело такие решения и мероприятия, которым король мог оказать сопротивление лишь в заговоре с империалистами и координируя с ними свои усилия через Хафеза Афифи. Недаром в день назначения Хафеза Афифи начальником королевской канцелярии газета «Таймс» писала: «Это первый луч света, прорезавший сплошную атмосферу мрака в Египте».

Поэтому тот факт, что торжественный обед, на котором присутствовало 600 офицеров армии и полиции, состоялся в тот самый день и час, на который был назначен поджог, причем король продержал офицеров во дворце как в западне и отпустил лишь в четвертом часу, когда огонь поглотил большинство улиц в центре Каира, не может не вызвать подозрений. К тому же поджог был устроен на другой день после крупнейшей провокации англичан (боя с силами полиции) в Исмаилии, которая вызвала взрыв негодования у египтян. Все это свидетельствует о наличии четкой координации действий между колонизаторами и дворцовой кликой.

Совместный план короля и англичан был тщательно продуман. Предполагалось, что именно 26 января вафдистское правительство выполнит свое обещание окончательно порвать дипломатические отношения с Англией и обсудить вопрос о заключении договора о дружбе с Советским Союзом. Утром 26 января газета «Ахбар аль-яум» опубликовала телеграмму своего лондонского корреспондента, в которой говорилось, что, после того как от офицеров армии к правительству поступили телеграммы с требованием участия в вооруженной борьбе, в Лондоне ожидают, что в боевых действиях на канале примет участие египетская армия. 27 января по разрешению вафдистского правительства должно было состояться открытие первого конгресса Всеобщей конфедерации профсоюзов рабочих Египта.

В осуществление заговора свою лепту внесла и политическая полиция, о чем свидетельствовало отсутствие на месте некоторых ее руководителей, пассивное отношение к демонстрациям, утверждение, будто «министр распорядился не препятствовать демонстрациям». Именно сотрудники политической полиции, по свидетельству генерал-майора Садека Халавы, тайно обсуждали вопрос о способе избавления от вафдистского правительства.

Так был осуществлен замысел короля и англичан: нанести удар по революционному национально-освободительному движению египетского народа. Политическая жизнь в стране вступила в новый этап.

Глава VII

ВЫСТУПЛЕНИЕ 23 ИЮЛЯ

События, связанные с каирским пожаром, оказали сильное воздействие на «Свободных офицеров».

Некоторые «горячие головы», например Абдель Латыф аль-Багдади, были за немедленное выступление, так как считали, что присутствие войск на улицах Каира давало «Свободным офицерам» редчайший шанс, использовав который они легко могли осуществить желаемые в стране перемены.

Других эти события заставили задуматься над тем, какие, собственно, цели ставили перед собой «Свободные офицеры». К тому времени их организация еще не имела программы и устава, не располагала четкой структурой с ясным распределением обязанностей и строгой конспирацией; не было завершено создание системы ячеек, в частности в авиации, в некоторых группах не уплачивались членские взносы.

Задача, следовательно, состояла в том, чтобы выработать программу и устав организации. Устав выработан не был, что же касается программы, то ее сформулировали Ахмед Фуад и Халед Мохи ад-Дин в виде шести принципов революции: ликвидация колониализма и его пособников — египетских предателей; ликвидация феодализма; уничтожение капиталистических монополий и их политического засилья; установление социальной справедливости; создание сильной национальной армии; установление в стране подлинно демократической системы.

Важное значение организация «Свободные офицеры» придавала своим прокламациям, которые выпускались регулярно. Их печатанием и распространением попеременно

занимались Абдель Рахман Аннан, Хамди Убейд (впоследствии министр местной администрации) и Халед Мохи ад-Дин. После каирского пожара эту обязанность взяла на себя ХАДЕТУ. Этим же объясняется тот факт, что прокламации стали отражать идеи и взгляды более передового направления, нежели то, какое в действительности представляли собой «Свободные офицеры».

После каирского пожара, например, офицеры — члены ХАДЕТУ выпустили листовку, в которой говорилось:

«Офицеры!

Египетские предатели рассчитывают на вас и на вашу армию, чтобы осуществить свои замыслы, думая, что вы — послушное орудие в их руках для удушения народа. Так пусть же предатели поймут, что задача армии — достигнуть и сохранить независимость страны. Присутствие армии на улицах Каира сорвет диверсию предателей. Мы не пойдем против народа, не выпустим ни одной пули по народным демонстрациям, не станем арестовывать честных патриотов. Все должны понять, что мы — с народом, с народом всегда и откликнемся лишь на зов Отчизны!»

А вот их другая листовка, написанная в период кабинета Нагиба аль-Хиляли:

«Англо-американский империализм в последнее время устраивает все новые и новые заговоры в попытке покончить с национально-освободительным движением и отвлечь внимание народа от вооруженной борьбы против колонизаторов на канале, переключив его на внутренние проблемы в Каире.

Когда правительство Вафда объявило о прекращении переговоров, денонсации договора, отказа от империалистического четырехстороннего средневосточного союза [1] и о формировании отрядов патриотов, когда дух патриотизма усилился настолько, что Египет чуть не добился осуществления своих прав, империалисты и их прихвостни 26 января сего года устроили переворот... С приходом правительства Али Махира переговоры начались снова; империалисты и египетские предатели очень надеялись на то, что Али Махир полностью примет их требования, объявив и использовав чрезвычайное положение для проведения широких репрессий против народа, но их надежда не оправдалась: Али Махир не принял их требования. Тогда для осуществления тех же империалистических замыслов потребовался новый переворот, потребовалось создать новые внутренние проблемы — в стране началась широкая кам-

пания «чистки» под предлогом сплочения рядов для конфронтации с колонизаторами... Так, в соответствии с заранее разработанным планом у власти оказался аль-Хиляли, который открыто провозгласил свою программу и заявил, что ее главной задачей является «чистка». Аль-Хиляли «забыл» о том, что источник коррупции — колониальный режим, и покончить с ней можно лишь ликвидировав ее причины, ее источник. Одной из своих целей «Свободные офицеры» ставят борьбу с коррупцией, взяточничеством, фаворитизмом, использованием власти в своекорыстных целях, но этим мы займемся потом, покончив сначала с колониальным режимом».

Листовки «Свободных офицеров» имели прогрессивную патриотическую направленность, прямо противоположную тому курсу, который планировал для египетской политики Вашингтон; более того, в них подчеркивалась связь между английскими и американскими империалистами, пытавшимися сообща отвлечь египетский народ от вооруженной борьбы и покончить с национально-освободительным движением. Однако нельзя сказать, что идеи, содержавшиеся в этих листовках, глубоко укоренялись в сознании офицеров и что они сплачивались вокруг этих идей. Для этого необходимо было организовать политическое просвещение офицеров. Но этого не было сделано, так как никто не ожидал, что обстоятельства побудят «Свободных офицеров» выступить неожиданно. Так, Салах Салем, например, говорил автору этих строк, что не читал листовку с изложением шести принципов революции и узнал о них лишь после революции.

К этому времени стало ясно, что в каирском пожаре сгорел не только Вафд, в нем сгорели основания самого режима, который уже больше не мог стабилизироваться.

Пришедший к власти Нагиб аль-Хиляли приостановил действие конституции; боясь, что после решения о роспуске палаты депутатов она соберется явочным порядком, блокировал парламент силами полиции; закрыл журналы «Аль-Маляин» (коммунистические организации), «Аль-Катиб» (сторонники мира), «Аль-Лива аль-гадид» (Новая национальная партия); арестовал руководителей упомянутых организаций, а также генерального секретаря Вафда Фуада Сираг ад-Дина. Что же касается «братьев-мусульман», то они снова развернули свою деятельность. Сначала поддержав Али Махира, они затем поддержали Нагиба аль-Хиляли, поскольку его кабинет, как писал журнал «Ад-

Даава», составлен «из беспартийных деятелей, известных благонамеренностью и дальновидностью и отличающихся смелостью и решительностью». Между аль-Хиляли и аль-Худайби, новым верховным наставником «братства», состоялась встреча, и из «братьев-мусульман» не был арестован ни один человек.

Листовки «Свободных офицеров» побудили короля усилить свою личную охрану. Отныне, где бы он ни появлялся — в автоклубе или ночных увеселительных заведениях, — его сопровождали переодетые в штатское офицеры гвардии.

Однажды генерал-майор Ахмед Фуад Садек доверительно рассказал Мухаммеду Нагибу следующее. Он только что был в гостях у адъютанта короля майора Юсефа Рашада. Хозяина дома позвали к телефону, после чего он сообщил, что ожидается арест генерал-майора Мухаммеда Нагиба, который-де «возглавляет революционное движение в рядах армии». Когда он, Садек, заметил, что этого не может быть, Юсеф Рашад будто бы сказал: «Нет, дело серьезнее, речь идет о жизни короля».

Это заставило «Свободных офицеров» принять меры предосторожности, тем более что к этому времени были созданы руководящие комитеты в Каире и округе Эль-Ариш, где были сконцентрированы основные силы армии. В Каирский комитет входили Гамаль Абдель Насер, Халед Мохи ад-Дин, Хусейн аш-Шафии, Закария Мохи ад-Дин, Магди Хасанейн и Амин Шакер; в комитет в Эль-Арише — Юсеф Сыддык, Абдель Хаким Амер, Салах Салем и Гамаль Салем *.

Тогда же Рашад Механна предпринял маневр, который вызвал негодование его сподвижников: ни с кем не посоветовавшись, он подал рапорт о своем переводе из Каира в Эль-Ариш. Мухаммед Нагиб обратился к Хайдару с протестом против перевода Рашада Механны, поскольку последний был избран секретарем административного совета Офицерского клуба, но, к своему удивлению, узнал, что перевод осуществлен согласно личной просьбе офицера. Тогда Нагиб потребовал объяснений от Механны, и тот попытался оправдать свою просьбу о переводе желанием быть подальше от Каира, чтобы не подпасть под гнев короля. Настораживал и другой факт: после попытки покушения на начальника управления погранвойск Хусейна

* По версии Халеда Мохи ад-Дина.

Сирри Амера Рашад Механна встретился с ним и между ними состоялось личное примирение.

Когда Рашад Механна прибыл в Эль-Ариш, возглавлявший тамошний комитет подполковник Юсеф Сыддык получил инструкцию о том, что к нему следует проявлять знаки уважения, но не посвящать в дела организации.

Тогда же Руководящий комитет организации «Свободные офицеры» принял решение вывести из своего состава Абдель Монейма Абдель Рауфа за связь с «братьями-мусульманами» и многочисленные попытки переманить своих товарищей из организации «Свободные офицеры» в ассоциацию «Братья-мусульмане». Кстати, волна политической активности «братьев-мусульман» пошла на убыль, обнажив их примиренчество по отношению к империализму и дворцовой клике.

Тем не менее «Свободные офицеры» не прекратили свои контакты с египетскими политическими силами и организациями, как левыми (с Демократическим движением за нацональное освобождение), так и правыми (с ассоциацией «Братья-мусульмане»). Самую большую активность и настойчивость в этом отношении проявлял Гамаль Абдель Насер, который был переизбран председателем Учредительного комитета организации «Свободные офицеры» *.

* * *

Листовки «Свободных офицеров» и их победа на выборах в Офицерском клубе привлекли внимание представителей госдепартамента США и ЦРУ, которые прилагали максимум усилий к тому, чтобы узнать, кто они — «Свободные офицеры», каковы их взгляды, и попытаться привлечь их на свою сторону.

Связующим звеном между американцами и «Свободными офицерами» явился офицер египетской разведки, который по характеру своей работы мог входить в контакт

* Перевыборы были проведены по требованию Г. А. Насера после неудачной попытки покушения на Хусейна Сирри Амера и в связи с критикой в его адрес со стороны членов Учредительного комитета, в частности Абдель Латыфа аль-Багдади, за то, что «Свободные офицеры» не выступили немедленно после каирского пожара. Г. А. Насер был переизбран единогласно, если не считать его собственного голоса, который он — по утверждениям Абдель Латыфа аль-Багдади и Хасана Ибрагима — подал за Хасана Ибрагима. Это свидетельствует о том, что Г. А. Насер хотел покинуть свой пост; выбор же Г. А. Насера пал на Хасана Ибрагима потому, что последний участвовал вместе с ним в попытке покушения на Хусейна Сирри Амера.

с иностранными военными атташе и одновременно был связан со «Свободными офицерами» и лично с Г. А. Насером.

Несмотря на то что американцы опирались на близко стоявшего к ним журналиста Мухаммеда Хасанейна Хейкала, в то время главного редактора еженедельника «Ахер саа», а впоследствии газеты «Аль-Ахрам», канал связи со «Свободными офицерами» им расширить не удалось, так как М. Х. Хейкал тогда еще не был знаком ни с Г. А. Насером, ни с кем-либо из других руководителей организации и не пользовался их доверием.

Каирский пожар послужил стимулом к активизации американской деятельности в регионе. Государственный секретарь США Дин Ачесон направил своим представителем для изучения ситуации в Египте сотрудника ЦРУ Кермета Рузвельта *.

После появления на карте Израиля и с усилением в регионе американского влияния позиция Соединенных Штатов в отношении борьбы египетского народа против британского империализма отнюдь не была нейтралистской. Когда вафдистское правительство Мустафы Наххаса в октябре 1951 г. денонсировало договор 1936 г., государственный секретарь США Ачесон заявил, что «Египет отнесся к международным обязательствам без должного уважения».

В октябре 1951 г. американский журнал «Тайм» писал: «Ситуация в Египте весьма сходна с ситуацией, которая сложилась в 1947 г. в Греции, когда ввиду своей слабости Англия была вынуждена вывести оттуда свои войска и ее место заняла Америка, дабы не дать образоваться вакууму, куда мог проникнуть Советский Союз... Америка уже давно подготовилась к этой ситуации, чтобы не быть застигнутой врасплох, как это произошло в Иране, и разработала план создания «средневосточного командования».

Между Великобританией и США началось скрытое противоборство. В Сирии Центральному разведывательному управлению удалось организовать переворот Хусни аз-За-

* Кермет Рузвельт — внук бывшего президента США Теодора Рузвельта, который в период своего президентства (1901—1909 гг.) посетил Египет и восстановил против себя общественное мнение страны. Выступая в Египетском университете, он пел дифирамбы британским колонизаторам и упрекал египтян за негативизм в отношении «достоинств» и «заслуг» англичан. В связи с этим лидер Национальной партии Мухаммед Фарид направил ему телеграмму протеста; впервые после подавления восстания Ораби тогда состоялись демонстрации с требованием независимости.

има. Это была первая попытка американских империалистов использовать в этом регионе свой излюбленный метод, который они в течение длительного времени применяли в Латинской Америке, а именно установление власти военных, подавляющих революции и волнения в своей стране и действующих в интересах американских монополий. Затем в ходе англо-американского противоборства Великобритания организовала переворот полковника Сами Хиннауи в Сирии, на который США ответили третьим переворотом под руководством полковника Адиба Шишекли.

После этого Соединенные Штаты сосредоточили свое внимание на Египте. Американским послом в Каире был назначен Джефферсон Кеффери — один из наиболее опытных специалистов по организации переворотов (как пишет в своей книге «Рождение революции» Мухаммед Ода, в его послужном списке значилось около тридцати переворотов, совершенных в странах Южной и Центральной Америки).

Но в Египте Кеффери столкнулся с подъемом народного движения, что уменьшило шансы на успех переворота, подобного тем, которые были совершены в Сирии. Сразу же после денонсации договора 1936 г. вместе с послами Великобритании, Франции и Турции он поспешил вручить египетскому министру иностранных дел Мухаммеду Салах ад-Дину меморандум с призывом заключить пакт о совместной обороне, который египетский совет министров публично отверг перед парламентом.

Однако каирский пожар вновь вселил в американских империалистов надежду на то, что им удастся проникнуть в Египет и определять направление его политики. 31 января 1952 г. государственный секретарь США Ачесон заявил, что проект договора о средневосточном командовании не подлежит обсуждению, поэтому должен быть принят и что его правительство по-прежнему не признает денонсации Египтом договора 1936 г. с Великобританией. А в совместном заявлении Черчилля и Трумэна утверждалось, что лучшее средстсво для ликвидации существующей в Египте напряженности — это принятие идеи «средневосточного командования».

Глава специальной миссии госдепартамента, направленной в Египет после каирского пожара, сотрудник ЦРУ Кермет Рузвельт в Каире не был новичком. Здесь он уже работал в годы войны, и еще тогда у него установились прочные отношения с королем Фаруком. Во время кризиса

4 февраля 1942 г. он стал на сторону Фарука, а в 1945 г. подготовил его встречу с президентом Франклином Рузвельтом. К выполнению своей новой задачи Кермет Рузвельт приступил не на пустом месте: американская политика уже имела точки опоры, которые она создала для себя в послевоенный период. Так, вафдистский кабинет принял «Четвертый пункт» программы Трумэна, что давало США возможность проникнуть в Египет под видом предоставления ему «экономической помощи» и передачи «технического опыта». В этой связи в 1951 г. вафдистский кабинет подвергся резкой критике в печати. Разоблачая американскую программу, в заявлении, опубликованном в газете «Аль-Иштиракия», органа «Социалистической партии», 22 июня 1951 г. прогрессивное крыло Вафда обвинило США в том, что они являются опорой британского империализма в Египте.

В установлении разного рода контактов Кеффери проявлял большую активность. Так, журнал «Аль-Гумхур альмысри» 22 января 1951 г. сообщал, что в ответ па демонстрации под лозунгом «Долой англо-американский империализм!» появился проект создания американо-англо-египетского бюро по борьбе с коммунизмом, а также, что американское пресс-бюро старается завязать связи с некоторыми известными журналистами и требует увеличения ассигнований в целях активизации своей деятельности.

Американское посольство пыталось привлечь на свою сторону многих египетских политиков. Так, по словам Мустафы Марея[2], американцы трижды предлагали ему сотрудничать с ними на основах, которые он отверг, заявив, что он сторонник демократии и противник личной власти, что он против короля, но не против режима; он отклонил также их предложение, касающееся аграрной реформы, заметив, что предпочитает развить проект сенатора Мухаммеда Хаттаба.

Мустафа Марей утверждает, что американцы планировали установление такого режима, который он отверг как противоречащий демократии и предусматривающий проведение аграрной реформы неконституционным путем. Следовательно, переворот, который они готовили, имел своей целью предотвратить опасность народных выступлений путем проведения некоторых формальных социальных мероприятий с установлением власти, зависимой от американского империализма и враждебной народной демократии.

Одним из активных проводников американской политики являлся Ахмед Хусейн [3], занимавший пост министра социальных дел в кабинете Вафда и вышедший в отставку в 1951 г. Он призывал к социальным реформам с целью предотвращения революции. Так, он предлагал Али Махиру потребовать от короля — в интересах «борьбы с коммунизмом» и для того, чтобы сбить волну народного гнева, — объявить о своем отказе хотя бы от половины владений в пользу народа, подобно тому как это позднее сделал шах Ирана в качестве прелюдии к разгрому революционного движения в своей стране. Тот же Ахмед Хусейн отказался участвовать в кабинете Али Махира, поскольку последний возражал против выдвижения лозунга «чистка до освобождения».

Вместе с американскими эмиссарами, обосновавшимися в Каире, Ахмед Хусейн задался целью несколько подчистить и подлатать прогнивший режим путем удаления в отставку некоторых наиболее одиозных фигур из дворцовой клики и сформирования кабинета без вмешательства короля в подбор его членов; при этом предполагалось, что англичане должны в одностороннем порядке декларировать эвакуацию, а затем будет проведена чистка партий. Это была последняя попытка спасти режим. В поисках кандидатуры на пост премьер-министра выбор пал на бывшего вафдиста Нагиба аль-Хиляли, в прошлом смело вступавшего в конфронтацию с королем и известного своей честностью и прямотой. Однако когда аль-Хиляли было поручено сформировать кабинет, он отступил от согласованных принципов и допустил в состав кабинета ставленников короля — Мортаду аль-Мараги и Заки Абдель Мотааля; никого из дворцовой клики он и «пальцем не тронул», ограничившись разговорами о «чистке до освобождения».

Кабинет аль-Хиляли не преуспел в выполнении американского плана, так как в его дела бесцеремонно вмешивался король, который после отставки вафдистского кабинета уверовал в свое всемогущество, рассчитывая на англичан и американцев.

Кермет Рузвельт понял, что Фарук не в состоянии сыграть какую-либо положительную роль в реформировании режима. Сколько раз в беседах с К. Рузвельтом король проявлял глубокое понимание того, что делается в его королевстве, и соглашался на некоторые кардинальные меры из плана американца; но на другой же день он исчезал из поля зрения, предаваясь развлечениям и махнув рукой на

все, о чем говорилось накануне. Ему ничего не стоило выкинуть нечто такое, от чего весь план К. Рузвельта летел вверх тормашками.

На протяжении первых двух месяцев 1952 г., проведенных в Каире, К. Рузвельт отрабатывал с королем план «мирной революции». С этой целью они убедили Мортаду аль-Мараги и Заки Абдель Мотааля на инспирирование правительственного кризиса. Но в то же время король дал указание тайной полиции собрать против этих двух «сильных людей» улики, при помощи которых в подходящий момент можно было бы доказать, что они являются агентами ЦРУ. Когда после этого король поручил Нагибу аль-Хиляли, человеку весьма известному и с отличной репутацией, взять на себя обязанности премьер-министра, то он сделал это недостаточно тактично, в связи с чем аль-Хиляли отказался от предложенного ему поста. К. Рузвельту пришлось тайно связаться с аль-Хиляли и сообщить ему, что если он не возьмет на себя обязанности премьера, не осуществит чистку госаппарата от разложившихся и коррумпированных элементов и не станет пионером «мирной революции», то революция будет отнюдь «не мирной» *.

В книге «Игра наций» Майлз Коупленд дает понять, будто Г. А. Насер был в контакте с К. Рузвельтом. «Абдель Насер, — пишет он, — прямо заявил Кермету Рузвельту, что он и его офицеры не забудут о том унижении, которое они испытали от израильтян в 1948 г., но их ненависть обрушится в первую очередь на высших офицеров египетской армии, затем на арабских правителей и уж, наконец, на израильтян». Эти слова якобы были сказаны в ходе беседы, в которой американцы выясняли позицию египтян в отношении Израиля и в отношении арабского национализма в период до 23 июля, поскольку все высшие офицеры армии, за исключением весьма ограниченного числа лиц, были смещены и уволены в отставку сразу же после успешного выступления армии. Однако нет ни одного доказательства того, что Г. А. Насер лично имел контакты с К. Рузвельтом до 23 июля, хотя контакты некоторых его коллег с американцами побудили его потребовать от Хале-

* Майлз Коупленд в книге «Игра наций» излагает обстоятельства, связанные с демаршем Мортады аль-Мараги и Заки Абдель Мотааля, так, что проливает свет на действительную роль, которую играл Нагиб аль-Хиляли, и раскрывает план «мирной революции» в целях предотвращения «немирной» революции.

да Мохи ад-Дина не употреблять в листовках «Свободных офицеров» выражение «англо-американский империализм», а ограничиться упоминанием о британском империализме. Это было в марте 1952 г. и объяснялось тем, что коллеги Г. А. Насера почувствовали поддержку со стороны американских официальных представителей в регионе.

Можно категорически утверждать, что в тайной деятельности движения «Свободных офицеров» американцы находили то, что частично соответствовало их целям в регионе, но они отнюдь не могли его контролировать.

По возвращении в Вашингтон в мае 1952 г. К. Рузвельт представил государственному секретарю Ачесону доклад, в котором содержались, как пишет Майлз Коупленд, следующие выводы:

1) народную революцию под руководством «братьев-мусульман» и коммунистов, которой опасается госдепартамент, больше не приходится брать в расчет;

2) нет никакой надежды на то, что армию удастся удержать от совершения в ближайшем будущем переворота и взятия власти;

3) вопреки предположениям дипломатических наблюдателей руководители планируемого переворота выдвигают разумные лозунги, что делает их после прихода к власти гибкой стороной в любых переговорах с нами и увеличивает их шансы на успех;

4) американское правительство должно согласиться на удаление короля Фарука, а возможно, и окончательную ликвидацию монархического режима в Египте.

Если К. Рузвельт и действительно пришел к таким выводам, то это отнюдь не означает, что организация «Свободные офицеры» была связана с американскими представителями и ее движение разворачивалось в соответствии с их курсом, а свидетельствует лишь о широкой осведомленности и политическом опыте американцев, приобретенном в странах, где во время национальных кризисов происходили выступления армии.

* * *

Когда 17 июля 1952 г. король дал указание о роспуске избранного административного совета Офицерского клуба и назначении временного совета во главе с командующим Каирским гарнизоном генерал-майором Али Нагибом (родным братом Мухаммеда Нагиба), «Свободные офицеры»

стали срочно решать, что им следует преднринять. При этом высказывались различные мнения.

Как утверждал Мухаммед Нагиб, речь шла о трех вариантах: 1) направить телеграммы протеста королю; 2) занять клуб военной силой; 3) собрать и арестовать высших офицеров и предъявить королю свои условия.

Вновь был поднят вопрос об использовании метода политических убийств. По инициативе «свободных офицеров» ВВС, выступивших с идеей организации убийства некоторых членов дворцовой клики и ряда политических деятелей, была создана террористическая группа, которая ждала соответствующих указаний от Абдель Хакима Амера, но их не последовало.

Обстановка быстро изменялась, и схватка между двором и «Свободными офицерами» ожидалась с минуты на минуту.

Еще 2 июля 1952 г., формируя свой кабинет после отставки Нагиба аль-Хиляли, Хусейн Сирри предложил назначить военным министром М. Нагиба, но король категорически отклонил это предложение. С должности командующего пехотой М. Нагиб был переведен на должность командующего Южным военным округом (в Манкабад, провинция Асьют). М. Нагиб собирался подать в отставку, но офицеры удержали его от этого шага. «Поезжай в Манкабад, — сказал ему Юсеф Сыддык, — мы вернем тебя в Каир танками».

В этот период как внутри страны, так и за рубежом стали высказываться мнения о том, что Египту нужен «умный, деспотичный» правитель.

Так, в газете «Чикаго сан энд таймс» американский журналист Стюарт Олсон писал: «Говорить об оживлении демократии в такой стране, как Египет, где большинство населения живет хуже скота, — значит заниматься пустой болтовней. Египет нуждается не в демократии, а в личности, в таком человеке, как Кемаль Ататюрк, который осуществил бы необходимые стране реформы. Но проблема Египта в том, как найти диктатора — ведь среди его деятелей нет никого, кто обладал бы способностями диктатора».

Ихсан Абдель Куддус в статье под заголовком «Египту нужен диктатор... Это Али Махир?» прочил на эту роль Али Махира, так как «с его мнением считаются» и он мог бы «стать диктатором для, а не против народа, не против свободы, которую он продвинул бы вперед, а не отбросил назад».

Приблизительно тогда же появилось несколько статей американского журналиста Джозефа Олсопа, в которых он писал о том, что Фарук потерял свой авторитет; Вафд — партия, на которую нельзя рассчитывать, и единственная надежда — на армию. Эти статьи, опубликованные в США, обратили на себя внимание находившихся там египтян и побудили Ибрагима Саад ад-Дина (впоследствии члена Генерального секретариата АСС и руководителя Института социалистических исследований) выступить в журнале «Аль-Катиб» с анонимной статьей, в которой он высказывал мысль о возможности военного переворота.

Органы проамерикачски настроенного издательства «Ахбар аль-яум» в многочисленных статьях занимались поисками «героя», возможно, выражая тем самым тогдашние настроения молодежи.

И вот в процессе исследования политической жизни Египта и в попытке узнать, кто он, тот вероятный герой, о котором писали органы «Ахбар аль-яум», чувствительный прибор американской службы обнаружения зафиксировал явление, на первый взгляд как будто заурядное, но в действительности имевшее серьезное значение для важнейшего организованного аппарата Египта — для армии. Это были выборы в Офицерском клубе, после которых в фокусе оказалось имя Мухаммеда Нагиба.

18 июля, под вечер, к М. Нагибу явился управляющий кабинетом министра внутренних дел Мухаммеда Хашима (приходившегося зятем Хусейну Сирри) и сообщил, что М. Хашим хотел бы его видеть. Встреча состоялась на квартире у М. Хашима уже в первом часу ночи, когда тот вернулся с заседания совета министров. Как рассказывал М. Нагиб, М. Хашим хотел выяснить у него причины, вызвавшие недовольство среди офицеров армии, и спросил, не может ли назначение М. Нагиба военным министром положить этому конец. М. Нагиб отклонил это предложение, сказав, что предпочитает оставаться на своей должности в армии. В ходе беседы М. Хашим как бы между прочим упомянул, что существует комитет из двенадцати офицеров, и имена восьми из них известны соответствующим органам, но М. Нагиб сделал вид, что пропустил это мимо ушей.

М. Нагиб провел бессонную ночь, думая о том, как бы поскорее предупредить об услышанном руководство «Свободных офицеров». Едва наступило утро и Нагиб еще не успел выйти из дома, как к нему нагрянули отставной май-

ор Галяль Надда, редактор военного отдела издательства «Ахбар аль-яум», и Мухаммед Хасанейн Хейкал, бывший тогда главным редактором журнала «Ахер саа», и огорошили его вопросом: «О чем говорилось на встрече с М. Хашимом?» М. Нагиб недоумевал, откуда им стало известно об этой встрече. Но, как оказалось, Мустафа Амин, будучи близким другом М. Хашима, виделся с ним до и после встречи с М. Нагибом. Он-то и послал к нему Надду и Хейкала, чтобы выяснить точку зрения «Свободных офицеров».

Но сюрпризы на этом не кончились. Не прошло и нескольких мгновений, как к М. Нагибу явились Г. А. Насер и А. Х. Амер. Хейкал попросил познакомить его с пришедшими офицерами. Так произошла первая встреча Г. А. Насера и М. Х. Хейкала.

Пригласив Г. А. Насера и А. Х. Амера в отдельную комнату, М. Нагиб сообщил им по секрету о подробностях его встречи с министром внутренних дел, сделав упор на то, что двору известны имена некоторых руководителей организации и что в любой момент против них могут быть приняты меры.

Именно в этот день и было решено совершить выступление. Однако какую форму оно примет — террористических актов или арестов, — по-прежнему было неясно.

19 июля 1952 г. Руководящий комитет организации «Свободные офицеры» собрался для обсуждения предложенных решений в связи с упомянутой встречей М. Нагиба, который на этом собрании не присутствовал, так как находился под усиленным наблюдением властей.

Идея террористических актов была отвергнута ввиду явной трудности ее осуществления в массовом порядке и вероятности широкой ответной кампании арестов. Тогда и возникла идея переворота. Разработать план операции было поручено Закарии Мохи ад-Дину — коллеге Г. А. Насера и Камаль ад-Дина Хусейна по преподавательской работе в Штабном колледже, хотя в то время он еще не был членом Руководящего комитета организации «Свободные офицеры».

В течение двух последующих дней и ночей совещания руководителей «Свободных офицеров» продолжались непрерывно.

План операции был готов, осталось назначить день и час выступления.

* * *

Выступление «Свободных офицеров», как заявил Г. А. Насер корреспонденту английской газеты «Санди таймс» в 1962 г., вообще планировалось на 1955 г. В связи с каирским пожаром было решено выступить в ноябре 1952 г., когда в соответствии с конституцией должен был собраться парламент; предполагалось, что в случае нарушения конституции или фальсификации выборов армия встанет на защиту конституции. Роспуск королем административного совета Офицерского клуба, показавший, что медлить с выступлением не в интересах движения, ускорил события. Руководящий комитет назначил срок выступления на 5 августа. Эта дата была выбрана по двум соображениям: к этому времени, во-первых, в Каир предполагалось передислоцировать в полном составе мотомеханизированный батальон, что усиливало ударную мощь «Свободных офицеров», и, во-вторых, офицеры должны были получить жалованье. Однако в свете данных, которые М. Нагиб сообщил Г. А. Насеру и А. Х. Амеру после встречи с Мухаммедом Хашимом, отсрочка была бы неоправданной и опасной, так как король мог нанести по движению «Свободных офицеров» упреждающий удар. Поэтому выступление решено было форсировать в течение 48 часов. Принятию такого решения способствовало и то обстоятельство, что Сарват Окаша получил от своего родственника, главного редактора газеты «Аль-Мысри» Ахмеда Абульфатха, из Александрии сообщение о том, что там ходят слухи о готовящемся аресте ряда офицеров и назначении военным министром Хусейна Сирри Амера.

19 июля было решено выступить в ночь с 21 на 22 июля. Для того чтобы разработать план операции, предусмотрев все возможные варианты, и привести в боевую готовность всех «свободных офицеров», а также для того, чтобы убедиться в правильности оценки обстановки и обеспечить успех выступления не только в Каире, но и в других округах, в частности в Александрии, зоне канала и Эль-Арише, времени оставалось в обрез. Ввиду того что завершить все необходимые приготовления в столь короткий срок оказалось невозможным, выступление было отложено на сутки, то есть назначено в ночь с 22 на 23 июля (что вызвало недовольство некоторых офицеров, и они довели до сведения руководства, что, если последует новая отсрочка, они будут действовать по своему усмотрению). 22 июля на квартире

у Халеда Мохи ад-Дина Закария Мохи ад-Дин зачитал план операции.

Все произошло так быстро, что, несмотря на отсрочку выступления на одни сутки, дело не обошлось без недоразумений. Так, Анвар Садат приехал в Каир из Рафаха 22 июля, не зная, что именно в эту ночь предстоит выступление. Поэтому вместе с семьей он отправился в летний кинотеатр, а когда по возвращении домой нашел оставленную Г. А. Насером записку и прибыл в назначенное место, генштаб уже был в руках «Свободных офицеров».

В округе Эль-Ариш, а также в округе Суэцкого канала о выступлении узнали лишь после его успешного осуществления, в 2 часа ночи, а с Рафахом удалось связаться по телефону только на рассвете 23 июля.

Что касается Александрийского военного округа, то 21 июля братья Г. А. Насера Изз аль-Араб и Шауки пришли ко мне, служившему тогда в Александрии, и сообщили, что я должен срочно выехать в Каир для встречи с их братом.

В Каире я встретился с Г. А. Насером 22 июля вечером, что-то в половине шестого, напротив его дома. Г. А. Насер подъехал на своей черной малолитражке, в которой сидели также Камаль ад-Дин Хусейн и еще два офицера, и остановился неподалеку от того места, где стоял я (войти в дом я, как провинциал, в отсутствие хозяина постеснялся). То, что Г. А. Насер сообщил мне, для меня было полной неожиданностью. Этой ночью, сказал он, армия выступит, чтобы предъявить свои требования королю, если же король их не примет, то придется решать, как с ним поступить.

Неожиданностью для меня было не только предстоящее немедленное выступление, но и та роль, которую брала на себя армия. Я мыслил так же, как и мои коллеги по ХАДЕТУ. Армии мы не отводили роль более значительную, чем народу, и не предполагали, что она выступит одна в тот момент, когда люди будут спокойно спать. Мы рассматривали армию как один из отрядов народа, который выступит согласованно, вместе и одновременно с другими народными отрядами в лице партий, объединений и профсоюзов. Никому из нас и в голову не приходило сотрудничать ради военного переворота.

На мой вопрос, какая задача ставится частям, дислоцированным в Александрии, Г. А. Насер ответил: обеспечить контроль над районом, не приводя в движение войска, и не

допустить возникновения конфликтов между Александрийским гарнизоном (в Александрии в то время находился король, королевская гвардия и совет министров) и Каирским гарнизоном.

Я почувствовал, что на мои плечи легла тяжелая ответственность, и счел своим долгом разделить ее с моими коллегами. Прежде всего я поспешил к Ахмеду Фуаду, который жил неподалеку, и рассказал ему о встрече с Г. А. Насером. Оказалось, что Ахмед Фуад ничего не знал о времени выступления. Вместе с ним мы поехали к Халеду Мохи ад-Дину и, посоветовавшись, все вместе не колеблясь решили, что необходимо участвовать в выступлении. После этого я заехал к Юсефу Сыддыку, своему коллеге по ХАДЕТУ. Несмотря на тяжелое состояние (у него открылось кровотечение из горла, которое Сыддык только что приостановил, сделав инъекцию), он был в приподнятом настроении, готовясь к выполнению ночного задания. Поставив в известность о предстоящем выступлении генерального секретаря ХАДЕТУ Сейида Сулеймана Рифаи (Бадра), я выехал из Каира и в полночь прибыл в Александрию.

Бадр и Ахмед Фуад не единственные штатские, которые узнали о предстоящем выступлении армии накануне. Как заявил впоследствии Г. А. Насер в одном из своих интервью, он сам сообщил об этом члену Руководящего бюро ассоциации «Братья-мусульмане» Хасану Ашмави. 22 июля Г. А. Насер и Камаль ад-Дин Хусейн поставили в известность об этом также другого члена Руководящего бюро — Салеха Абу Ракыка. Была достигнута договоренность, что утром, после выступления армии, «братья-мусульмане» его поддержат. От Ахмеда Анвара о предстоящем выступлении узнал шейх с факультета мусульманского права по имени Мухаммед аль-Авдан, которого офицер просил молиться за успех революции. Шейх всю ночь простоял на молитве, пока не был передан по радио первый манифест революции.

* * *

В 7 часов вечера 22 июля старший лейтенант Хасан Махмуд Салех довел до сведения своих товарищей — офицеров артиллерии, что, когда он забежал домой переодеться, его мать заподозрила что-то неладное. Своими подозрениями она поделилась с братом, генерал-майором авиации

в отставке Салехом Махмудом Салехом, а тот в свою очередь позвонил по телефону Хайдар-паше и сообщил, что офицеры что-то замышляют. Узнав об этом, офицеры артиллерии немедленно вернули старшего лейтенанта домой, чтобы убедить родственников, будто ничего серьезного не происходит. Но упомянутая информация уже поступила во дворец.

Сведения о готовящемся выступлении просочились во дворец и по другому каналу: за несколько часов до назначенного срока кавалерийский офицер Мамдух Шауки рассказал об этом офицеру, не являвшемуся членом организации, капитану Фуаду Каррара. Этот офицер сообщил об услышанном начальнику каирской полиции генерал-майору Ахмеду Талаату, а последний доложил во дворец. В Абдин был срочно вызван начальник генштаба генерал-майор Хусейн Фарид, откуда он направился в генштаб.

По свидетельству Абдель Латыфа аль-Багдади, на последнем обсуждении плана операции шансы на успех оценивались как 1 : 10, но «Свободные офицеры» смело шли на риск. Операция получила кодовое наименование «Наср» («Победа»), а «час поль» был назначен в полночь.

Между тем в 10 часов вечера генерал-майор Хусейн Фарид созвал в генштабе совещание командующих родами войск и других находившихся в Каире военачальников. На совещание не пригласили лишь генерал-майора Мухаммеда Нагиба, в то время командующего пехотой, полагая, что среди мятежных офицеров он является главным действующим лицом.

То, что М. Нагиб не был вызван на упомянутое совещание, отвечало плану «Свободных офицеров», согласно которому он должен был оставаться у себя дома в полной готовности, не предпринимая каких-либо действий, могущих вызвать в отношении его подозрения, а после успеха операции взять на себя командование.

Мухаммеду Нагибу от его брата Али Нагиба, командующего Каирским гарнизоном, стало известно о совещании, проходившем в генштабе, о чем он лично сообщил Абдель Хакиму Амеру и посоветовал во избежание кровопролития арестовать участников совещания, когда они будут выходить из здания генштаба.

Внести соответствующее изменение в план операции и довести его до сведения офицеров время уже не позволяло, а о том, чтобы остановить выполнение операции, каковы бы ни были опасности, не могло быть и речи. Абдель

Хаким Амер немедленно связался с Гамалем Абдель Насером, и на малолитражке Насера они выехали на улицы Каира, чтобы проследить за передвижением войск. Оба они не имели непосредственного отношения к частям, действовавшим в Каире: А. Х. Амер служил в Эль-Арише, а Г. А. Насер был преподавателем Штабного колледжа. Да и большинство членов Руководящего комитета «Свободных офицеров» не были непосредственно связаны с силами, выступившими в эту ночь (лишь Халед Мохи ад-Дин выступил в составе бронетанковых сил, а Камаль ад-дин Хусейн, хотя и был преподавателем Штабного колледжа, — в составе артиллерии). Салах Салем находился в Эль-Арише, а Анвар Садат, как уже упоминалось, в тот день только прибыл в Каир; офицеры ВВС Абдель Латыф аль-Багдади, Гамаль Салем и Хасан Ибрагим, согласно плану, должны были выступить на рассвете, когда можно будет поднять в воздух авиацию.

Момент был критический: в то время как на Кубри-аль-Кубба шло совещание представителей высшего командования, «свободные офицеры» пробирались к своим частям и приводили их в боевую готовность. Генералы не ведали, что происходит в подчиненных им войсках, а «свободные офицеры» — в большинстве своем — не знали о совещании и о том, к чему пришли его участники. Все решало — кто кого упредит.

И тут произошла небольшая ошибка, последствия которой имели огромное значение...

Подполковник Юсеф Сыддык почему-то думал (он потом говорил, что, видимо, ослышался), что «час ноль» назначен не на 0 часов, а на 23.00. Юсеф Сыддык был заместителем командира 1-го мотомеханизированного батальона, с частью сил которого он 13 июля прибыл из Эль-Ариша в Каир. Задержка с прибытием остальных сил этого батальона как раз и была одной из причин, почему выступление первоначально планировалось на 5 августа. От своих офицеров и солдат Юсеф Сыддык не скрывал, на что они идут. Перед тем как выступить, он собрал их и обратился с речью. «Вы будете гордиться тем, что совершите в эту ночь», — сказал он.

Из лагеря Хакстеп (это наиболее отдаленный из лагерей, расположенных в пригородах Каира, находится он за Каирским международным аэропортом) в составе двух рот батальон выступил, ничего не зная о том, что происходит в генштабе. Едва Юсеф Сыддык на своем джипе двинулся

во главе колонны грузовиков с солдатами, как в воротах лагеря столкнулся с подкатившим на своей машине командиром дивизии генерал-майором Абдель Рахманом Макки. Юсеф Сыддык его арестовал. Только подъехали к Гелиополису — опять встреча. На этот раз в лагерь «наводить порядок» спешил заместитель командира дивизии бригадный генерал Абдель Рауф Абидин. Юсеф Сыддык арестовал и его. Теперь оба генерала сидели в машине Макки. С идущих следом грузовиков на нее были направлены пулеметы. Но что это? Солдаты высланного вперед боевого охранения окружили каких-то двух людей в штатском. Подъехав ближе, Юсеф Сыддык, к своему изумлению, узнал в них Гамаля Абдель Насера и Абдель Хакима Амера. Оказывается, их неожиданное появление на дороге показалось командиру боевого охранения подозрительным...

Г. А. Насер и А. Х. Амер сообщили о совещании в генштабе. «Вот сейчас мы их там всех и накроем», — не задумываясь сказал Юсеф Сыддык. В его голове мгновенно созрел новый план действий: силами одного взвода перерезать путь через мост Кубри-аль-Кубба у военного госпиталя, силами другого взвода — путь через мост Кубри-ас-Суюфи у интендантского управления, а остальными силами штурмовать генштаб. Правда, некого оставить в резерве, но не беда — можно обойтись и без резерва.

В этот ночной час по пустынным улицам Каира двигалась одна-единственная колонна под командованием Юсефа Сыддыка. Она стремительно приближалась к своей цели.

Вот и генштаб. Солдаты повыпрыгивали из грузовиков. Внезапно перед ними выросла фигура бригадного генерала Мухаммеда Сейфа аль-Язаля аль-Халифы. Юсеф Сыддык взял его под арест. Стеречь арестованных генералов — теперь уже троих — он поручил своему водителю, приказав ему в случае чего открывать огонь, а сам во главе своих солдат ворвался в здание генштаба.

После короткой перестрелки с охраной обыскали первый этаж, но он оказался пуст. На лестнице, ведущей наверх, дорогу атакующим преградил сержант охраны. Юсеф Сыддык предупредил, что будет стрелять, но сержант был непреклонен. Тогда Сыддык выстрелил и ранил его в ногу.

Поднялись на верхний этаж. Дверь кабинета начальника генштаба оказалась запертой. Чувствовалось, что за ней приготовились к сопротивлению. Открыв огонь, солдаты

изрешетили дверь пулями и ворвались в кабинет. Перед ними стояли начальник генерального штаба генерал-майор Хусейн Фарид, генерал-майор Хамди Хайба и офицер с поднятым белым платком. Хусейн Фарид при аресте проявил самообладание и мужество. Капитану Абдель Магиду Шадиду Юсеф Сыддык приказал отвести их в расположенное напротив генштаба здание военного колледжа, где, согласно плану, должны были содержаться арестованные.

В этот момент к зданию генштаба прибыл офицер с командой солдат в 50 человек. Этих солдат генштаб вызвал к себе на помощь. Юсеф Сыддык присоединил их к своим силам и назначил командиром этого отряда одного из своих офицеров.

Г. А. Насер и А. Х. Амер наблюдали за ходом событий с места, расположенного неподалеку (на этом месте потом была построена мечеть, в которой ныне покоится прах Г. А. Насера).

Итак, генеральный штаб пал. Несколько высших офицеров армии оказались в руках повстанцев. Наконец-то Юсеф Сыддык вместе с несколькими своими офицерами мог посидеть в кабинете начальника генштаба и перевести дух.

Однако тот факт, что Юсеф Сыддык сидел в кресле начальника генштаба, еще не означал, что выступление «Свободных офицеров» уже победило и план их выполнен. Это означало лишь, что пал важнейший центр власти, что больше не было — в Каире — такого центра, который мог отдавать приказы, направленные против действий сил «Свободных офицеров». Смелость и решительность Юсефа Сыддыка явились фактором, давшим этим силам перевес.

Высшие офицеры армии, покинувшие здание генштаба после происходившего там совещания, один за другим попадали в руки восставших войск.

В Эль-Мазе артиллеристы арестовали начальника Каирского гарнизона генерал-майора Али Нагиба. Были арестованы также командующий артиллерией генерал-майор Хафез Бакри и начальник штаба артиллерии подполковник Абдель Фаттах Кязым. Арестовал их Камаль ад-Дин Хусейн, а начальник штаба полевой артиллерии капитан Мухаммед Абульфадль аль-Гизави поместил их под стражей в своем кабинете.

После полуночи из Александрии в артиллерийское управление позвонил генерал-лейтенант Мухаммед Хайдар. Связавшись с генштабом и не получив утешительного от-

вета, он попросил к телефону генерал-майора Хафеза Бакри. Подражая голосу Хафеза Бакри, ему ответил капитан аль-Гизави (как начальник штаба полевой артиллерии, он велел дежурному по коммутатору все вызовы переводить на свой номер). Хайдар спросил, как обстоят дела.

— Хафез Бакри слушает, ваше превосходительство, — сказал аль-Гизави, — мы полностью контролируем положение. Я вызвал командиров частей.

— Благодарю за усердие, Хафез, — сказал ликуя Хайдар, — я передам об этом государю. Держи с нами связь.

В час ночи Хайдар позвонил снова и потребовал доложить обстановку. Абульфадль его успокоил, сказав, что командиры частей и офицеры прибыли.

— Слышно, у генштаба идет потасовка, — сказал Хайдар.

— Да, нам об этом известно. Я послал туда команду, чтобы проучить бунтовщиков.

Не прошло и получаса, как Хайдар позвонил в третий раз. В его голосе звучала тревога.

— В Эль-Мазе и Аббасии мы контролируем положение, — ответил Абульфадль. — Офицеров, скопившихся у генштаба, арестуем.

В 2 часа ночи Хайдар позвонил в четвертый раз. По его голосу можно было заключить, что настроение у него скверное.

— К нам поступили сведения, что группа офицеров захватила генштаб. Как обстоит дело в действительности?

— Эти сведения ложны. В действительности наши силы контролируют положение.

Но у Хайдара уже возникло сомнение.

— Да ты, видно, не Хафез Бакри, — сказал он, — и голос у тебя какой-то другой... Ну-ка, назови пароль!

Абульфадль ответил озорной шуткой и в ответ на укоризненное замечание Хайдара, строго сказал:

— Интересы страны превыше всего. Прошу не мешать нам исполнить наш долг!

В артиллерийское управление звонил не только Хайдар. От аль-Гизави, приняв его за Хафеза Бакри, начальник военной полиции потребовал прислать солдат, так как «какие-то части штурмуют генштаб». Когда аль-Гизави спросил, выдать ли солдатам патроны, начальник военной полиции ответил:

— А как же? Полный комплект! Этим мятежникам надо всыпать как следует.

— Тебе самому мы завтра всыпем на Абдинской площади! — не выдержав, выпалил Абульфадль.

Звонил из дома заместитель командующего артиллерией, а также начальник оперативного отдела бригадный генерал Сейид Таха (в свое время командир батальона в Эль-Фалудже).

Все эти разговоры происходили в присутствии арестованных генералов. Али Нагиб не мог сдержать улыбки. Арестовывая его, Камаль ад-Дин Хусейн сказал: «Вы арестованы по приказу генерал-майора Мухаммеда Нагиба». Али Нагиб попросил аль-Гизави принести им кофе, чай и фруктовую воду. Что же касается Хафеза Бакри, то он был мрачнее тучи.

Артиллеристы Эль-Мазы выполнили свою задачу, предусмотренную планом, а именно прикрыть подступы к Каиру, установив на них сторожевые посты. Подразделениями, на которые была возложена эта задача, командовали Камаль ад-Дин Хусейн и другие офицеры. Таким образом, в Эль-Мазе положение полностью контролировали «свободные офицеры» — артиллеристы.

В кавалерийском управлении действиями «свободных офицеров» руководили трое — подполковник Хусейн аш-Шафии, майор Халед Мохи ад-Дин и подполковник Сарват Окаша.

Бронетанковый батальон * под командованием Халеда Мохи ад-Дина занял свою позицию у въезда в Гелиополис (в районе кинотеатра «Рокси»). Другие бронетанковые подразделения были переброшены в район аэродрома в Эль-Мазе, в Аббасию и блокировали управление пограничных войск. Задачи этим подразделениям ставили Хусейн аш-Шафии и Сарват Окаша при свете карманных фонариков, так как внезапно погасло электричество. Как говорил Сарват Окаша, в ту ночь он вспоминал слова, сказанные ему Гамалем Абдель Насером, о том, что во время выступления не должно быть места эмоциям, что это не прогулка в кинотеатр, может и пролиться кровь; если революция будет под угрозой, ты должен стрелять.

Когда бронетанковые части кавалерийского управления завершали последние приготовления к выступлению, в их расположение прибыл Закария Мохи ад-Дин. Охрана преградила ему путь, но он назвал пароль — «победа», и его

* Бронетанковые войска входили в состав кавалерии. Танкистов поэтому в ходе последующего изложения автор называет кавалеристами. — *Ред.*

пропустили. Он просил направить несколько броневиков для «поднятия духа» 13-го пехотного батальона.

Подразделения танков и бронемашин направились в отведенные им районы после полуночи. По пути они не встретили никакого сопротивления и не сделали ни единого выстрела. Окна генштаба, который их товарищи «свободные офицеры» уже захватили и превратили в свой опорный центр, были ярко освещены. Это придавало офицерам уверенности.

13-й пехотный батальон, перед которым была поставлена задача закрыть въезд в район Аббасии со стороны полицейского колледжа, захватил здание управления погранвойск. Он действовал под командованием полковника Ахмеда Шауки — самого старшего по званию участника выступления после генерал-майора Мухаммеда Нагиба. Начальником штаба батальона был майор Салах Наср (впоследствии начальник отдела общей разведки).

Офицеры интендантского управления, действиями которых руководил Магди Хасанейн, организовали заправку бензовозов и отправление их по действующим частям. Кроме того, они воспрепятствовали выезду персональных машин военачальников из лагеря в Аббасии, где была автобаза.

Офицеры учебного центра 8-й пехотной бригады действовали как резервная сила под командованием Хамди Убейда. Шамс Бадран, ставший впоследствии военным министром, был офицером запасной пехотной бригады и командовал еще неопытными новобранцами, но важных задач в эту ночь перед ними и не ставилось.

Из лагеря Хакстеп выступил не только мотомеханизированный батальон. Там базировалась также противотанковая артиллерия. При выступлении из лагеря офицеры-артиллеристы столкнулись с осложнениями. Оказалось, что дежурный по лагерю (майор Альмуатазз Бидиниллях Камиль) после телефонного разговора с генерал-майором Хусейном Фаридом еще до ареста последнего поднял на ноги военную полицию, которая заняла контрольно-пропускной пункт у главных ворот и закрыла выход из лагеря. Однако группа офицеров, во главе которых стояли капитаны Фатхалла Рифат, Камаль Лютфи, Мухсин Абдель Халек и Ахмед Шахиб, выстрелами в воздух привела наряд военной полиции в чувство и арестовала его. Запертые ворота рухнули под ударами артиллерийского тягача, и силы противотанковой артиллерии устремились по той же дороге,

по которой два часа тому назад уже проследовал батальон Юсефа Сыддыка.

Увидев, что артиллерия вышла из лагеря, находившиеся в нем пехотные подразделения под командованием майора Абдель Кадера Механны и капитана Фуада аль-Махдави также выступили, предварительно арестовав майора Альмуатазза.

Таким образом, вся военная зона от Аббасии до Эль-Мазы и Хакстепа к 2 часам ночи контролировалась частями под командованием «свободных офицеров». Резиденцию командующего Каирским военным округом еще в 12 часов ночи занял Ахмед Анвар (впоследствии начальник военной полиции).

Оставалось выполнить две важные задачи: занять Каирское радио и арестовать ряд высших офицеров, которые не участвовали в совещании в генштабе, так как не являлись командующими родами войск или соединений.

Операция по захвату Каирского радио состояла из двух частей: необходимо было занять радиоцентр, находившийся в самом Каире, и радиовещательную станцию, расположенную в Абу-Заабале.

Захват радиоцентра осуществил Ахмед аль-Масри. В 4.15 утра, имея в своем распоряжении несколько бронемашин, он прибыл к зданию радиоцентра, который был оцеплен силами военной полиции. Однако Ахмеду аль-Масри удалось их убедить, будто он прибыл по поручению двора, а начальник каирской полиции, по приказу которого они здесь находились, отбыл в Александрию для встречи с королем. В 5.30 утра здание радиоцентра было занято и в прилегающем районе расставлены посты.

На захват радиовещательной станции в Абу-Заабале в 3.00 был направлен взвод бронемашин под командованием Магди Хасанейна. Далеко обогнав неуклюжие броневики, Магди Хасанейн на своей машине без сопровождения прибыл на станцию. Здание станции было освещено. Там оказалось двое молодых людей, с которыми сразу же удалось договориться. Но вдруг погас электрический свет (его отключили по личному распоряжению Карима Сабита, позвонившего на электростанцию из Александрии). Оставив своего водителя, вооруженного автоматом, охранять работников радиовещательной станции, Магди Хасанейн поспешил на электростанцию. Находившемуся там дежурному пришлось пригрозить пистолетом, и свет был включен. К этому времени подоспел и взвод бронема-

шин. С ним прибыли капитан-инженер Гамаль Аллям (член армейской секции ХАДЕТУ) и капитан Мухаммед Абдель Фаттах Али (впоследствии губернатор Дакахлии).

В 6.45 утра в здание радиоцентра прибыл Анвар Садат. Там все уже было готово для передачи первого манифеста революции, текст которого был составлен в Совете командования.

Что касается ареста высших офицеров, то эту задачу выполнили Камаль Рифат, Мухаммед аль-Балтаги и Амаль аль-Масрафи. Они арестовали генерал-майора Саад ад-Дина Сабура и генерал-майора авиации Хакки Харуна, который оказал сопротивление и получил перелом ключицы. После этого был арестован ряд военных, а также некоторые гражданские лица, в том числе директор департамента безопасности Абдель Рахман Аммар и Камиль аль-Кавыш. В операции участвовали Анвар Садат и Мухаммед Ахмед Рийад.

В эту историческую ночь, как уже отмечалось, согласно плану, Мухаммед Нагиб должен был оставаться у себя дома вплоть до окончания передвижения войск, а затем прибыть в генштаб и взять на себя командование. Для успешного осуществления задуманного было очень важно, чтобы Мухаммед Нагиб избежал ареста и своими действиями не навлек на себя подозрений, иначе движение потеряло бы человека, который мог быть официальным его представителем.

Всю ночь Мухаммед Нагиб бодрствовал. Час от часу его беспокойство росло, ему не терпелось узнать результаты выступления. Но район Зейтун, где он жил, был расположен вдали от районов, где разворачивались события.

Около полуночи, как бы желая убедиться, дома ли он, Мухаммеду Нагибу позвонил его брат Али Нагиб. (Своему брату Мухаммед Нагиб ничего не говорил о предстоящем выступлении, дабы не поставить его в двусмысленное положение как командующего Каирским военным округом, отвечающим за безопасность и порядок в столице.) Али Нагиб сообщил, что от полиции к нему поступили сведения о продвижении войск в направлении к Абдинскому дворцу. Мухаммед Нагиб посоветовал ему поехать туда самому, чтобы лично убедиться, так ли это. Тем самым он хотел выиграть время, так как знал, что захват Абдинского дворца этой ночью оперативным планом выступления не предусматривался.

Не прошло и нескольких минут, как из Александрии позвонили министр внутренних дел Мортада аль-Мараги и государственный министр Фарид Зулюк. «Твои ребята бунтуют на Кубри-аль-Кубба, в интересах Отечества просим их остановить». Нагиб сказал, что ему ничего об этом не известно, но этот разговор навел его на мысль, что вопреки плану ему необходимо немедленно выехать на место событий.

Впрочем, его беспокойство длилось недолго. Вскоре из генштаба позвонил подполковник Гамаль Хаммад и сообщил, что первый этап выступления успешно выполнен и что за ним высылают три бронемашины. Но Мухаммед Нагиб сказал, что доберется на своей малолитражке...

В районе Кубри-аль-Кубба его встретила группа «свободных офицеров». Он пересел в джип и на нем прибыл в здание генштаба.

Таким образом, план проведения операции в Каире завершился: воинские части, руководимые «свободными офицерами», контролировали всю военную зону, изолировав ее от остального Каира, радиоцентр и радиовещательная станция находились в руках повстанцев, новый главнокомандующий прибыл в свою резиденцию.

Когда поставленные задачи в Каире были выполнены, генштаб связался с другими военными округами — зоной Суэцкого канала и Эль-Аришем — и проинформировал находящихся там «свободных офицеров» об успехе выступления; с Салахом Салемом, находившимся в Рафахе, удалось связаться лишь утром.

В директивах, данных «свободным офицерам» в других военных округах, говорилось лишь о том что им следует изолировать старших начальников и взять войска под свой контроль, не приводя их в движение. План не предусматривал каких-либо решений на случай неожиданного противодействия со стороны британских войск в зоне Суэцкого канала. Когда капитан Ахмед Абдалла Туайме из Суэца поставил вопрос об этом, ему был дан ответ, что в таком случае следует действовать в зависимости от обстановки. Поскольку разработку плана пришлось форсировать в кратчайший срок, за недостатком времени предусмотреть все детали и дать ответы на все подобные вопросы не представилось возможным.

Что касается Александрии, то, получив указания от Гамаля Абдель Насера, я прибыл туда около полуночи и сразу же направился во 2-й прожекторный полк.

Ситуация в Александрии была совсем иной, нежели в Каире. В Александрии находился король, королевская гвардия, главнокомандующий вооруженными силами, новый правительственный кабинет, который всего лишь несколько часов назад принес присягу во главе с Нагибом аль-Хиляли. Иначе говоря, контролировать положение в Александрии правительству было легче, чем в Каире, тем более что «свободных офицеров» здесь было меньше, чем офицеров, сохранявших свою лояльность по отношению к королю, а в военно-морском флоте, в королевской гвардии и береговой охране их не было вовсе.

Из штаба округа я дал командирам частей сигнал прибыть в свои части. Мы не стали их арестовывать по примеру Каира, так как в соответствии с полученными указаниями должны были попытаться установить в частях свой контроль, обеспечить в округе спокойствие и не давать повода к каким бы то ни было столкновениям между Александрией и Каиром. Положение оставалось неопределенным. «Свободные офицеры» срочно устанавливали связь со своими коллегами и вызывали их в части, а командиры сидели в своих кабинетах, будучи не в силах что-либо предпринять ввиду неопределенности положения.

Определенность внес обращенный к народу первый манифест «Свободных офицеров», который был передан от имени главнокомандующего вооруженными силами генерал-майора Мухаммеда Нагиба. Зачитал его подполковник Садат. В манифесте говорилось:

«В последний период своей истории Египет пережил тяжкие времена коррупции, разложения и дестабилизации власти; эти факторы в значительной степени сказались на армии, а коррумпированные элементы явились виновниками нашего поражения в Палестинской войне.

В период после этой войны факторы разложения и заговора предателей переплелись между собой, и армией руководили либо невежда, либо предатель, либо лихоимец. Египет хотели лишить армии, способной его защищать; поэтому мы осуществили чистку самих себя, внутри армии у руководства стали люди, в способность, нравственность и патриотизм которых мы верим, и нет сомнения, что весь Египет встретит это известие с радостью и одобрением.

Бывшим военным деятелям, коих мы сочли нужным арестовать, не будет причинено вреда, и в свое время они будут выпущены на свободу; я заверяю египетский народ, что вся армия сегодня трудится на пользу Отечества под

сенью Конституции, не преследуя никакой корыстной цели.

Пользуясь этим случаем, я прошу народ не позволять ни одному предателю прибегнуть к актам диверсии или насилия, ибо это не в интересах Египта; любое действие подобного рода будет пресекаться как никогда решительно, и тот, кто его совершит, немедленно получит возмездие как предатель; этот свой долг армия исполнит в сотрудничестве с полицией.

Наши братья-иностранцы могут быть спокойны за свои интересы, свою жизнь и свое имущество — армия считает себя ответственной за них. И да поспешествует нам Аллах».

Как только манифест был обнародован, офицеры, унтер-офицеры и солдаты стали дружно выражать свою поддержку движению и присоединяться к «Свободным офицерам». Против них нигде не произошло ни одного враждебного выступления.

С наступлением утра офицеры ВВС прибыли на свои аэродромы. Были арестованы офицеры королевской эскадрильи: майор-инженер Абдель Хамид Махмуд, подполковник Адиль Хафез, Мадкур Абульизз, Хасан Салех и Абдель Магид Нуман. Подполковник ВВС Мадкур Абульизз, хотя и находился в хороших отношениях со «свободными офицерами» из ВВС, был усердный служака, исполнявший приказы лишь своего непосредственного начальства в лице адъютанта Хасана Акефа. Именно поэтому и было дано указание о его аресте. Что касается Абдель Магида Нумана, то он являлся членом армейской секции ХАДЕТУ, но не входил в организацию «Свободные офицеры» в целях конспирации, так как находился на таком деликатном посту, как служба в королевской эскадрилье, и его полеты нередко использовались для выполнения секретных заданий политического характера.

Офицеры артиллерии, блокировавшей район Гелиополиса, задержали подполковника ВВС Али Сабри в тот момент, когда он направлялся в резиденцию Главного командования, куда был вызван для того, чтобы проинформировать о свершившемся американское посольство через американского военно-воздушного атташе, с которым, как офицер разведки ВВС, был связан отношениями личной дружбы. Ему было разрешено следовать дальше лишь после того, как офицеры артиллерии связались с Главным командованием.

По-видимому, промежуток времени между получением американским посольством этой информации и передачей первого манифеста революции был столь коротким, что, как пишет автор книги «Игра наций» Майлз Коупленд, американское правительство узнало о перевороте лишь из утренних газет.

Проинформировать поверенного в делах британского посольства было поручено подполковнику Абдель Монейму Амину.

Связавшись по телефону с Мухаммедом Нагибом, премьер-министр Нагиб аль-Хиляли предложил ему прибыть в Александрию, но Мухаммед Нагиб заявил, что покинуть Каир не может. Тогда по поручению двора, чтобы встретиться с ним в Каире, самолетом прибыл Мортада аль-Мараги. Мухаммед Нагиб предложил ему встретиться в здании Главного командования, но аль-Мараги заколебался. Получив сообщение о том, что кабинет намерен подать в отставку, он возвратился в Александрию.

Таким образом, кабинет Нагиба аль-Хиляли был вынужден подать в отставку, не продержавшись у власти и двое суток.

* * *

Выступление 23 июля победило. Командование армией перешло в руки средних офицеров. В столице, кроме Мухаммеда Нагиба, на свободе не осталось ни одного генерала. Все они, в том числе его родной брат Али, содержались под арестом в Военном колледже. Все офицеры, от полковника и выше, были отстранены от командования. Рядом с генерал-майором Мухаммедом Нагибом оставался лишь один полковник — командир 13-го пехотного батальона Ахмед Шауки, присоединившийся к «Свободным офицерам» за несколько дней до выступления.

«Первый эшелон» офицерского корпуса отныне составляли подполковники и майоры. Привычные представления о субординации, которая зиждилась на старшинстве по званию, поколебались. Все генерал-лейтенанты, генерал-майоры и бригадные генералы из рядов армии были удалены (кроме двоих — Мухаммеда Ибрагима, назначенного начальником генерального штаба, и Абдель Хамида Нимата, ставшего заместителем военного министра).

Было очевидным, что к власти пришло новое поколение. Если не считать Мухаммеда Нагиба, которому было 52 го-

да, все это были люди молодые. Председателю Руководящего комитета «Свободных офицеров» Гамалю Абдель Насеру тогда еще не исполнилось и 35.

Но дело заключалось не только в возрасте и не ограничивалось рамками одной лишь армии. С самого начала движение 23 июля выражало новую реальность: «свободные офицеры» не только относились к молодому поколению, они являли собой особый тип профессиональных военных и представляли определенные социальные слои.

Выступление 23 июля отличалось от переворотов в Ираке и Сирии рядом моментов. Когда в 1936 г. Бакр Сидки совершил первый в арабском мире военный переворот, он был в чине бригадного генерала и исполнял обязанности начальника генерального штаба иракской армии. Начальником генштаба сирийской армии был и Хусни аз-Заим, совершивший свой переворот в 1949 г. Руководители последующих переворотов в Сирии Сами Хиннауи и Адиб Шишекли имели чин бригадного генерала и служили в генштабе.

Выступление 23 июля в Египте было совершено офицерами в чине не выше подполковника. Даже Мухаммед Нагиб, как командующий пехотой, не имел возможности легко привести в движение войска, так как его должность, по существу, была скорее инспекторской, нежели командной. Это не был переворот генералов, это было выступление средних и младших офицеров.

Среди высшего командного состава армии Мухаммед Нагиб составлял исключение. Большинство генералов, смирившись с существующим порядком вещей и принимая положение общества и армии таким, как оно есть, невольно стали орудием господства короля над армией, а следовательно, и над народом. Высшие офицеры принадлежали к тому поколению египетских военных, которые с самого начала боролись с английскими колонизаторами, за что многие из них были подвергнуты репрессиям и уволены из армии. Но после поражения восстания 1919—1921 гг. по своему социальному положению, образу мыслей и интересам они уже стали представлять собой большое препятствие на пути к коренным революционным переменам в армии и обществе.

Некоторые из тех, кто был возмущен инцидентом 4 февраля, такие, как генерал-майор Ахмед Фуад Садек, который вместе со своим коллегой Мухаммедом Кямилем ар-Рахмани был уволен из армии и арестован, после своего

освобождения и возвращения в армию поддерживали существующий режим. Ахмед Фуад Садек дослужился до того, что был назначен командующим египетскими вооруженными силами, действовавшими в Палестине, а ар-Рахмани — его начальником штаба. Когда «свободные офицеры» попытались прощупать позицию Ахмеда Фуада Садека, оказалось, что по своим настроениям он стоит ближе к «Железной гвардии», нежели к «Свободным офицерам».

В отличие от других генералов Мухаммед Нагиб сохранил в себе страсть борца. Его смелость ярко проявилась во время и после Палестинской войны, когда он открыто вступал в конфронтацию с командованием армии, покорным воле двора.

Офицеры, ставшие во главе движения 23 июля, были людьми особого склада. Трое из них — Абдель Хаким Амер, Камаль ад-Дин Хусейн и Салах Салем — за храбрость, проявленную в Палестинской войне, были досрочно повышены в звании. Трое других во время войны получили «Звезду Фуада». Это — Гамаль Абдель Насер, Абдель Латыф аль-Багдади и Закария Мохи ад-Дин. В момент выступления Гамаль Абдель Насер, Закария Мохи ад-Дин и Камаль ад-Дин Хусейн являлись преподавателями Штабного колледжа. Двое имели университетское образование. Это — Мухаммед Нагиб, который получил степень лиценциата по юриспруденции, а затем дипломы по частному и публичному праву и, кроме того, окончил Штабной колледж, и Халед Мохи ад-Дин, окончивший коммерческий факультет.

Эти люди принадлежали к наиболее образованному и активному слою офицерского корпуса и обладали такими личными и деловыми качествами, которые позволили им сплотить вокруг себя «Свободных офицеров».

Вместе с тем вряд ли можно утверждать, что «Свободные офицеры» в целом или, во всяком случае, большинство их руководителей относились к интеллигенции. По складу ума и образу жизни офицеры представляли собой особую категорию людей, круг мыслей которых чаще всего замыкался на отдаче и выполнении приказов.

То, о чем написано в листовках «Свободных офицеров», не отражает их идейный уровень и не может служить точным мерилом их сознательности, ибо это были мысли немногих из них.

Конечно, за тот короткий промежуток времени — не более трех лет, — в течение которого была создана органи-

зация «Свободные офицеры», включая стадию вербовки в организацию и ее становления, нельзя было добиться идейного единства этих офицеров, пришедших из разных идейных школ и политических организаций.

Общенациональные идеи, ненависть к колонизаторам — вот тот главный стимул, который руководил офицерами. Что же касается деталей, то на них они смотрели по-разному и картину будущего себе ясно не представляли.

По своему классовому происхождению и социальному положению «свободные офицеры» отличались от власть имущих. Среди них не было ни одного выходца из феодальной семьи или семьи крупного капиталиста. Такие семьи смотрели на армию свысока и своих сыновей туда не допускали. В армии не было ни одного офицера, который носил бы фамилию аль-Бадрави, Шаарави, Султан, Лумлум или ат-Тарази*. Правда, родной брат Фуада Сираг ад-Дина, Заки, в 1942 г. поступил в Военный колледж, но через год оттуда сбежал. Даже высшие офицеры, достигшие важных должностей, не хотели, чтобы их сыновья шли по их стопам. Примером может служить бригадир Махмуд Махир (1854—1909) — отец Али и Ахмеда Махиров. По данным, приведенным в книге «История земельной собственности в Египте», в первой половине XX в. 100 феодальных семейств имели 30 своих представителей в парламенте — палате депутатов и сенате, причем некоторые семейства имели там по два представителя и больше, среди членов этих семейств было еще и 18 министров, но не было ни одного офицера.

В отличие от обычаев прошлого в армии не служили и представители королевской фамилии. Исключение составлял лишь принц Исмаил Дауд, в 1942—1944 гг. занимавший должность командующего кавалерией, на которую был назначен по собственной странной прихоти.

Кроме того, король назначил мужа своей сестры Фавзии бригадного генерала Исмаила Ширина начальником управления военных действий в Палестине, хотя тот и не имел военного образования (впоследствии военный министр в последнем кабинете Нагиба аль-Хиляли).

В буржуазных государствах Европы офицеры составляли особую касту. Там потомственные военные принадлежали к классу дворян — потомков европейских феодалов. Например, костяк офицерского корпуса германской

* Известные в стране фамилии представителей крупной земельной аристократии. — *Ред.*

армии составляли прусские бароны. Даже в стране старейшей буржуазной демократии — Франции — армейская верхушка состояла из дворянской аристократии. Так, командующий французской базы в Дьенбьенфу генерал де Кастр гордился тем, что является генералом, сыном генерала. В армиях тех стран офицеры обычно насаждали дух слепого повиновения, ненависть к народным движениям, отрицание политической борьбы, восхищение реакционными генералами, крайний шовинизм и жестокость по отношению к народам колоний.

В Египте положение было иное. Институты феода и дворянства здесь не дозрели. Тот факт, что семьи крупных землевладельцев и королевская фамилия, а также семьи крупных буржуа не направляли своих сыновей в Военный колледж, явился одной из причин слабости их влияния на вооруженные силы, призванные стоять на страже их режима. Поэтому на высшие командные должности подбирались люди, которые преданно служили бы господствующему классу, не будучи лично связаны с его интересами. Среди представителей командования армии не было ни одного феодала. Даже генерал-лейтенант Мухаммед Хайдар, при всей своей преданности королю и ненависти к народному движению, которую он проявил в начале своей военной карьеры, не был ярым сторонником режима и не предпринял ничего для его защиты. Именно от Мухаммеда Хайдара через Абдель Фаттаха Хасана просочились сведения о тайном совещании, состоявшемся ночью 26 января 1952 г., на котором присутствовали он, Хафез Афифи, Ильяс Эндраус и король, и где было решено дать отставку вафдистскому правительству. В свое время Мухаммед Хайдар проведал и о деятельности «Свободных офицеров», но предпочел об этом молчать.

Таким образом, номещичий класс и крупная буржуазия контролировали вооруженные силы не непосредственно, а через выходцев из средних слоев, терпение которых длилось недолго.

«Свободные офицеры» были представителями средних слоев — от сыновей мелких и крупных чиновников до сыновей богатых феллахов, владевших мелкой земельной собственностью.

Как выяснилось в результате исследования, проведенного автором, никто из офицеров, участвовавших в выступлении в ночь на 23 июля, не был сыном паши или бея. Среди этих офицеров мы не найдем никого, чей отец к

моменту революции владел бы земельной собственностью свыше 50 феддапов. Среди них не было и потомственных военных, если исключить Мухаммеда Нагиба, у которого отец, дядя по матери и дед служили офицерами в Судане и там похоронены. Но во времена Мухаммеда Нагиба было естественным, что офицеры посылали своих сыновей в военную школу, так как для поступления туда не требовалось какого-то определенного свидетельства об образовании. Тогда этим пользовались и некоторые знатные семейства, которые отдавали в военную школу тех из своих отпрысков, кто проявил неспособность к учению, чтобы вывести их хотя бы в офицеры. Такие семейства, как аш-Шахед, Фахми и Шукри, даже прославились тем, что из них вышло множество офицеров.

Некоторые, правда немногие, из «свободных офицеров» были выходцами из беднейшей части средних слоев. Их отцы, мелкие чиновники, выбивались из последних сил и залезали в долги, чтобы оплатить расходы на содержание своих сыновей в Военном колледже.

Вместе с тем среди участников выступления 23 июля не было и сыновей рабочих и крестьян — представителей трудящихся классов, составляющих подавляющее большинство общества.

Обращает на себя внимание, что среди «свободных офицеров» было мало выходцев из семей служителей культа, поскольку служители культа предпочитали, чтобы их дети шли по их стопам или служили по гражданской части.

В организации «Свободные офицеры» состоял всего один копт. Это объясняется тем, что в офицерском корпусе коптов вообще было немного, а также тем, что члены организации в большинстве своими корнями были связаны с мусульманскими ассоциациями и группами. До 23 июля 1952 г. в армии лишь один христианин имел чин генерал-майора и двое — чин бригадного генерала. Это не значит, что в египетской армии существовало некое деление по религиозному признаку, как это имело место, например, в армиях Сирии и Ливана, а свидетельствует о том, что копты были представлены в ней несоразмерно своей численности в обществе в целом. В Египте в каждый правительственный кабинет входило по два министра-копта: восстание 1919 г. успешно покончило с религиозной розню, которую колонизаторы пытались посеять в народе, чтобы подорвать его национальное единство.

Правда, после подписания договора 1936 г. верховный

наставник «братьев-мусульман» Хасан аль-Банна в целях распространения в армии религиозных идей потребовал выделить определенное число мест в Военном колледже для выпускников университета Аль-Азхар, но сменявшие друг друга правительства не принимали это требование всерьез.

Поэтому никому и в голову не приходило, что выступление 23 июля есть религиозное исламское движение, и какого-либо сдержанного отношения к себе со стороны коптов оно не встретило. Более того, с самого начала было очевидно, что это движение носит прогрессивный национальный характер и исходит от новых сил, совершенно отличных от тогдашних правящих партий, у руководства которых стояли помещики и крупные капиталисты.

По своему социально-классовому составу «свободные офицеры» были ближе к руководствам молодых национальных партий («Социалистической партии», Новой национальной партии, «братьев-мусульман», сторонников мира, ХАДЕТУ и других марксистских групп), которые при всем различии своих взглядов на общество и цели классовой борьбы в основном принадлежали к средним слоям, нежели к руководствам партий, поочередно деливших между собой власть (Вафда, партии Саад, Либерально-конституционной партии, Вафдистского блока и «независимых»).

Вместе с тем во взглядах офицеров и гражданских политиков имелись явные различия. Хотя «свободные офицеры» и видели, в каком трагическом положении находится народ, и понимали, что общество разъедает коррупция, они все-таки жили вдали от масс, что объяснялось спецификой их профессии.

До 23 июля между офицерами и солдатами существовали резкие социальные различия. Рядовой солдат получал в месяц 54 пиастра (потом его жалованье было увеличено до 69 пиастров), его рацион в основном состоял из чечевицы, мясо он получал лишь 4 раза в неделю. Среди солдат царила неграмотность. Офицеры отдавали себе отчет в бедственном положении солдат, и некоторые из них мечтали изменить это положение, в котором как в зеркале отражалось состояние общества.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на свой обособленный образ жизни, офицеры не были совсем изолированы от общества, но в то же время они не были полностью, органически слиты с ним, хотя и имели связи с различными политическими силами и организациями.

В ночь на 23 июля организация «Свободные офицеры» выступила самостоятельно, без тесного контакта с массами и с другими патриотическими и прогрессивными политическими организациями и партиями. Она опиралась на секретность и избрала метод внезапного переворота, будучи в то же время уверенной, что народ, исполненный гнева против колонизаторов и дворцовой клики, поддержит ее выступление.

Выступление «Свободных офицеров» в ту историческую ночь не означало, что они были самой революционной и прогрессивной национальной силой, что в Египте их организация была единственным авангардом. Но оно показало, какую роль играют армии в развивающихся государствах, и подтвердило, что офицеры составляют наиболее организованную часть национальной интеллигенции, способную навязать свою волю силой оружия.

Однако, как только выступление 23 июля успешно завершилось, стало ясно, что эта часть национальной интеллигенции, которая внутри самой армии представляла собой сравнительно узкую, ограниченную прослойку, не может совершенно самостоятельно, одна решать вопрос о политическом курсе страны, где существовали самые различные политические течения и тенденции.

Глава VIII

СВЕРЖЕНИЕ КОРОЛЯ

Победа выступления «Свободных офицеров» явилась неожиданностью даже для тех его участников, кто был настроен наиболее оптимистически. Движение поддерживали все. Грань между «свободными офицерами», взявшими на себя ответственность за подготовку, организацию и осуществление переворота, и теми их коллегами, кому не довелось состоять в организации, почти стерлась. Весь народ испытывал радостное волнение. Собираясь у радиоприемников, люди внимательно вслушивались в каждое слово первого Манифеста революции, оживленно обсуждали услышанное.

Когда Нагиб ал-Хиляли позвонил Мухаммеду Нагибу из Александрии, Мухаммед Нагиб сообщил ему, что требования армии состоят в следующем:

1) поручить сформировать кабинет Али Махиру;

2) назначить Мухаммеда Нагиба главнокомандующим вооруженными силами;

3) удалить Карима Сабита, Ильяса Эндрауса, Мухаммеда Хасана, Хильми Хусейна, Антуана Болли и Юсефа Рашада из свиты короля.

Выдвижение этих требований было, так сказать, прощупыванием пульса короля с целью узнать, что он чувствует — слабость или силу, опирается на оккупационные войска или нет.

Требовать назначения Али Махира премьер-министром без согласия последнего армия, разумеется, не могла. Поэтому Мухаммед Нагиб и Анвар Садат отправились на переговоры к Али Махиру в Гизу, где он тогда проживал, и предложили ему возглавить кабинет.

Али Махир выразил свое согласие, однако поставил условие, чтобы поручение о сформировании кабинета исходило от короля, как от лица, «обладающего законной властью». Нагиб, который к тому моменту еще не определил окончательную позицию по отношению к королю, принял это условие.

Али Махир проинформировал короля о своей встрече с Нагибом и о желании армии поручить ему возглавить кабинет. Королю об этом уже было известно от Мустафы Садека, бывшего офицера военно-воздушных сил, приходившегося дядей королеве Нариман, который еще в 10 часов утра примчался в штаб-квартиру командования, чтобы узнать, что в действительности происходит. Там он был принят Мухаммедом Нагибом и Гамалем Абдель Насером, которые изложили ему вышеупомянутые требования.

По мнению Мустафы Садека, эти требования сводились к двум основным вопросам: установлению власти большинства и чистке свиты. По его словам, когда он предложил выступить с заявлением, в котором говорилось бы о верности армии королю, Абдель Насер заметил ему, что в Манифесте содержится указание па верность Конституции, а это означает верность монархическому строю. Разумеется, это было сказано с целью отвлечь внимание двора от истинных целей движения.

Днем 23 июля Али Махар позвонил М. Нагибу и, сообщив, что король поручил ему сформировать правительство, попросил приехать. Когда Нагиб и Анвар Садат прибыли к Али Махиру, он попытался выяснить у них, какие цели ставит перед собой движение военных. Однако Нагиб сказал, что речь идет лишь о тех требованиях, которые уже предъявлены. Как потом вспоминал Мухаммед Нагиб, во время встречи Али Махир находился в хорошем расположении духа, был очень оживлен.

24 июля рано утром Мухаммед Нагиб встретился с Али Махиром в третий раз, после чего Али Махир отбыл в Александрию для встречи с королем. После встречи, которая состоялась в тот же день, уже под вечер, Али Махир заявил, что король принял все требования армии и подписал указ о назначении Мухаммеда Нагиба главнокомандующим в чине генерал-лейтенанта. Это было признанием уже свершившегося факта, поскольку первый Манифест революции был обнародован за подписью Нагиба как главнокомандующего, только в чине генерал-майора.

Почему выбор пал на Али Махира? Дело в том, что Али Махир был «независимым», ни к какой партии не принадлежал и, поставив его на пост премьера, движение с самого начала не выглядело партийным. К тому же это была фигура, приемлемая для короля, против которой он не стал бы возражать, а отсюда — не могло произойти и конфликта, который создал бы непредвиденные трудности. Наконец, Али Махир не пользовался дурной репутацией. Напротив, позиция его прежнего кабинета выгодно отличалась от позиции кабинета Нагиба ал-Хиляли, так как оно ушло в отставку после открытого столкновения с английским послом.

Отправляясь в Александрию, Али Махир воображал себя этаким спасителем и считал, что ему представился случай восстановить свой престиж в глазах окружения короля. В состав сформированного им кабинета Али Махир ввел большинство членов своего прежнего кабинета, ушедшего в отставку в феврале. Посты министра внутренних дел и военного министра он оставил за собой.

Напряженная работа, которую «Свободные офицеры» развернули за два дня до выступления, продолжалась. Контакты и дискуссии не прекращались ни днем, ни ночью. Снедаемые любопытством, офицеры армии терялись в догадках: кто они — члены Совета командования, что заседали в здании генштаба на Кубри-аль-Кубба? *

Местом наибольшего сосредоточения офицеров был Штабной колледж. В тот год там проходили занятия 12-го выпуска. Утром 23 июля в колледж явились почти все. Отсутствовали лишь трое преподавателей (Гамаль Абдель Насер, Закария Мохи ад-Дин, Камаль ад-Дин Хусейн) и двое слушателей. Это были единственные участники выступления из колледжа. Остальные слушатели (всего их было 63 человека) участия в нем не принимали, хотя некоторые из них впоследствии стали известными деятелями (например, заместитель председателя совета министров по вопросам культуры и науки Абдель Кадер Хатем, военный министр Мухаммед Фавзи, генеральный секретарь Арабского социалистического союза Абдель Мухсин Абу-н-Нур). Таким образом, на примере 12-го выпуска Штабного колледжа видно, что прослойка

* После прибытия из Эль-Ариша Салаха Салема и Гамаля Салема Совет командования собрался в полном составе.

«свободных офицеров» в армии была сравнительно незначительной *.

После того как король подчинился требованиям армии, Совет командования на своем заседании в ночь с 23 на 24 июля принял решение о низложении короля, что пока оставалось тайной даже для Али Махира.

Поскольку король находился в Александрии, в порядке подготовки к его низложению было решено направить туда воинские части. План этой операции, так же, как и план выступления в ночь на 23 июля, разработал Закария Мохи ад-Дин[1].

Посылка войск в Александрию не была лишь военной демонстрацией, она диктовалась необходимостью принять меры предосторожности против возможных действий со стороны короля, уже одно присутствие которого до самого последнего момента представляло опасность. Так, военные моряки не только не принимали никакого участия в движении «Свободных офицеров», но и были полностью послушны королю. Численность же сухопутных войск в Александрии была незначительной.

После событий 23 июля король не отчаивался. Он искал выход из тупика. По свидетельству Мортады аль-Мараги, он рассчитывал на возможное вмешательство британских войск, как это произошло в период восстания под руководством Ахмеда Ораби.

23 июля, вызвав американского посла Джефферсона Кеффери во дворец Монтаза, король Фарук обратился к нему с просьбой, чтобы американское правительство убедило правительство Великобритании в том, что он крайне нуждается во вмешательстве британских войск.

В мемуарах Идена говорится, что он разъяснил британскому посольству в Каире недопустимость вмешательства английских войск в происходящие события. После экстренных контактов между Лондоном и Вашингтоном, отмечается в книге Антони Наттинга «Насер», британское посольство не дало американскому послу Кеффери обнадеживающего ответа.

---

* Офицеры этого выпуска, не закончив установленного годичного курса обучения, были выпущены досрочно и распределены по различным государственным учреждениям и ведомствам, а также в армию в соответствии со своими пожеланиями и используя личные связи. Тем самым было положено начало назначению офицеров на должности, не имеющие отношения к их специальности, а ведь окончивший курс обучения в Штабном колледже получал степень магистра военных наук.

23 июля на шоссе Каир—Суэц были выдвинуты воинские части, чтобы прикрыть Каир с севера в случае выступления англичан. Египетским войскам в зоне канала было дано указание вести наблюдение за передвижениями британских войск.

Таким образом, усилия короля, направленные на то, чтобы вызвать английское или американское вмешательство в защиту его трона, оказались бесплодными.

Утром 23 июля в здании командования округа в районе казарм имени Мустафы-паши Мухаммед Хайдар созвал совещание командиров частей, расквартированных в Александрии. Заявив, что события в Каире носят ограниченный характер, он возложил на них ответственность за состояние вверенных им частей. Однако «свободные офицеры» в сотрудничестве с другими офицерами, патриотические чувства и революционные мечты которых разбудил первый манифест, уже установили в воинских частях свой контроль. В полдень того же дня в штабе 2-го зенитного полка мы устроили конференцию молодых офицеров, на которой подполковника Атефа Нассара выбрали командующим округом, а майора Абдель Хакима аль-Аасара начальником штаба округа. Высшим офицерам мы предложили разъехаться по домам, что они и сделали без возражений. Попытки поднять против революционных войск силы военно-морского флота и береговой охраны были пресечены приведением в состояние боевой готовности артиллерии, а также путем личных контактов.

Во второй половине дня 23 июля мне позвонили генерал-майор Мухаммед Нагиб и Гамаль Абдель Насер. Я доложил, что в Александрии все спокойно, положение стабилизировалось. Они сообщили мне, что Хусейн Сирри Амер, возможно, попытается через Западную пустыню бежать в Ливию и что его необходимо задержать.

После того как новый кабинет принес присягу, согласно закону, Али Махир, выполняя указания Мухаммеда Нагиба, пригласил к себе советника Государственного совета Сулеймана Хафеза и поручил ему подготовку ряда юридических актов. Вместе с тем, не представляя истинных целей выступления армии, Али Махир чувствовал себя неуверенно. Узнав от Сулеймана Хафеза, что Фатхи Радван является другом Анвара Садата и что, несмотря на решение Госсовета о его освобождении, он до сих пор находится в заключении в Хакстепе, Али Махир распорядился немедленно освободить Радвана вместе с его племянником

Саадом Кямилем и Юсефом Хильми и доставить всех их военным самолетом в Александрию. Все трое, как известно, были членами Национальной партии, к которой принадлежал и Сулейман Хафез. Однако Радван оказался не в состоянии что-либо узнать о намерениях «Свободных офицеров», которые строго хранили свои тайны.

Утром 25 июля в Александрию самолетом прибыл Мухаммед Нагиб. Вместе с ним прибыли Юсеф Сыддык, Гамаль Салем, Анвар Садат, Хусейн аш-Шафии и Закария Мохи ад-Дин.

Согласно плану, низложение короля должно было состояться в тот же день. Однако, подобно тому как выступление армии было отложено на одни сутки, точно так же на одни сутки задержалось и низложение короля. Это было сделано по настоянию автора плана — Закарии Мохи ад-Дина. Он считал, что солдаты нуждаются в отдыхе, поскольку некоторые из них с ночи на 23 июля не смыкали глаз, и что бронетанковой колонне, совершавшей марш-бросок из Каира в Александрию, не хватает необходимых средств управления.

У Мухаммеда Нагиба уже была назначена встреча с Али Махиром, которому он должен был передать текст ультиматума королю. Однако в связи с упомянутой отсрочкой Мухаммеду Нагибу пришлось изменить свое намерение. Во время встречи с Али Махиром он сделал только формальные замечания по поводу юридических документов, уже подготовленных Сулейманом Хафезом. Когда Мухаммед Нагиб встретился с Сулейманом Хафезом, оказалось, что еще во время второй мировой войны они оба состояли членами одного из высших военных трибуналов.

Итак, до низложения короля оставались одни сутки... Александрия была охвачена радостным возбуждением. Колонны офицеров толпы людей встречали приветственными возгласами. Цели движения армии люди толковали по-разному: планы «Свободных офицеров» по-прежнему держались в секрете.

Приняв решение о низложении короля, Совет командования не определил его дальнейшую судьбу. Этот вопрос обсуждался в течение нескольких часов. Исходя из того, что король совершил ошибки, которые привели к человеческим жертвам, Гамаль Салем требовал казни короля или отдачи его под суд. Его поддержали Абдель Монейм Амин и Закария Мохи ад-Дин. Мухаммед Нагиб, Анвар Садат, Юсеф Сыддык и Хусейн аш-Шафии были против. Тогда

уже в 3 часа ночи (в ночь на 26 июля) было решено, что Гамаль Салем полетит самолетом в Каир и выяснит мнение на этот счет Гамаля Абдель Насера, Абдель Хакима Амера, Халеда Мохи ад-Дина, Абдель Латыфа аль-Багдади, Камаля Хусейна, Хасана Ибрагима и Салаха Салема. Следует заметить, что из числа членов Совета командования в Александрии в это время находились только двое: Анвар Садат и Гамаль Салем, остальные же оставались в Каире. Ранним утром Гамаль Салем вернулся в Александрию и сообщил мнение большинства: Фарука оставить в живых, его осудит сама история.

Со времени начала выступления «свободным офицерам» спать удавалось лишь урывками. Спали в рабочих кабинетах не раздеваясь.

В 9 часов утра Мухаммед Нагиб направился в летнюю резиденцию совета министров для передачи текста ультиматума Али Махиру.

Накануне король вместе с королевой и принцессами перебрался из дворца Монтаза во дворец Рас-ат-Тин. Армейские части, прибывшие из Каира, оцепили оба дворца. Между королевской гвардией и войсками, оцепившими дворец Рас-ат-Тин, произошла небольшая стычка. После этого король позвонил американскому послу Джефферсону Кеффери и Али Махиру, который поспешил на встречу с королем.

Когда Мухаммед Нагиб прибыл в резиденцию совета министров, Сулейман Хафез сообщил ему, что в резиденции находится советник американского посольства м-р Спаркс. Он очень взволнован и говорит, что послан м-ром Кеффери выяснить, почему был открыт огонь по дворцу Рас-ат-Тин и сколь пагубные последствия это может иметь для интересов страны. Мухаммед Нагиб постарался успокоить м-ра Спаркса, сказав, что войска в Александрии находятся с целью обеспечения безопасности и он отдал приказ прекратить обстрел, который начался потому, что королевская гвардия решила, будто войска намерены штурмовать дворец. Несколько успокоенный, м-р Спаркс удалился.

Король собрал членов своей свиты, дворцовую челядь и потребовал отбить атаку на дворец. Началась перестрелка. Когда же королю донесли, что прямо на зал дворца направлено жерло тяжелого орудия, он приказал прекратить огонь.

Али Махир покинул дворец. Но в резиденции совета

министров его ждала неожиданность: надо было вручить королю ультиматум с требованием подписать акт об отречении от престола до 12 часов дня и покинуть пределы страны до 6 часов вечера. Слушая Мухаммеда Нагиба, Али Махир побледнел, губы его задрожали, но, взяв себя в руки, он сказал: «Как вы считаете нужным».

Мухаммед Нагиб вернулся в казармы, а Али Махир снова отправился во дворец, чтобы вручить королю ультиматум, в котором говорилось:

«От генерал-лейтенанта генерального штаба Мухаммеда Нагиба, выступающего от имени офицеров и личного состава армии.

Его Величеству королю Фаруку I.

Ввиду анархии, охватившей все стороны жизни страны в результате Вашего самоуправства, нарушения Конституции и глумления над волей народа никто не может быть спокоен за свою жизнь, свое имущество и свое достоинство. Это подорвало репутацию Египта среди народов мира. Предатели и лихоимцы, найдя у Вас покровительство и почувствовав себя в безопасности, предались безудержному обогащению и циничному расточительству за счет голодающего, нищего народа, что нашло свое яркое выражение во время и после Палестинской войны в аферах с непригодным оружием и в ходе связанных с ними судебных процессов. Ваше открытое вмешательство в эти процессы поколебало веру в справедливость и позволило предателям продолжать и дальше поступать в том же духе, а как же иначе — ведь люди исповедуют религию своих королей. Ввиду изложенного армия, представляющая силу народа, уполномочила меня потребовать от Вашего Величества отречься от престола в пользу Его Высочества наследника Вашего престола, принца Ахмеда Фуада с тем, чтобы сие совершилось в срок не позднее 12 часов дня сегодня (в субботу 26 июля 1952 г., что соответствует 4 зулька' да 1371 г.), и покинуть страну до 6 часов вечера сегодня же; при этом армия возлагает на Ваше величество всю ответственность за последствия, которые повлечет за собой невыполнение воли народа.

Подпись: генерал-лейтенант генерального штаба Мухаммед Нагиб».

Принимая во внимание резкость некоторых выражений, содержащихся в ультиматуме, Али Махир сообщил его королю в устной форме, посоветовав ему отречься от престола в пользу своего сына Ахмеда Фуада II, дабы сохранить

престол за своими потомками. Король, однако, заявил, что он не трус и что у него есть верные ему войска, которых больше, чем у повстанцев. Но Али Махир разъяснил королю всю опасность развязывания гражданской войны, и он без долгих споров уступил. Когда Али Махир спросил короля, предпочитает ли он вылететь самолетом, Фарук ответил, что предпочитает отплыть на своей личной яхте «Аль-Махруса», и поставил следующие условия:

1) он возьмет с собой жену Нариман, сына-младенца Ахмеда Фуада и остальных детей;

2) чтобы ему были устроены подобающие проводы как королю, отрекшемуся от престола добровольно;

3) чтобы в его проводах участвовало правительство в лице своего председателя, а также вооруженные силы в лице их главнокомандующего Мухаммеда Нагиба;

4) дать ему возможность перед отъездом встретиться с американским послом Джефферсоном Кеффери;

5) чтобы корабли египетского флота эскортировали его яхту до берегов Италии.

После этого командующему войсками, которые блокировали дворец, Абдель Монейму Амину были переданы члены свиты Хильми Хусейн, Мухаммед Хасан и Антуан Болли.

Около 11 часов утра в резиденции совета министров Мухаммед Нагиб вновь встретился с Али Махиром, а также с Гамалем Салемом и Анваром Садатом. На этой встрече был одобрен текст отречения, подготовленный председателем Госсовета Абд ар-Разеком ас-Санхури. По предложению Гамаля Салема в него была введена всего лишь одна поправка, а именно указание на то, что отречение состоялось «в соответствии с волей народа».

Советнику Сулейману Хафезу Али Махир поручил представить текст отречения на поднись королю до 12 часов дня, согласно предъявленному ему ультиматуму.

Как пишет в воспоминаниях Сулейман Хафез, король вышел к нему в форме главнокомандующего военно-морскими силами, без фуражки. Задыхаясь от приступа нервного кашля, он быстрыми шагами прошел к столу, долго читал документ, потом спросил, нельзя ли после слов «в соответствии с волей народа» добавить «и Нашей волей». На это Сулейман Хафез заметил, что, поскольку документ составлен в форме королевского указа, он содержит и этот смысл. «Тогда почему бы и не добавить?» — возразил король. Сулейман Хафез сказал, что составить окончатель-

ную редакцию этого документа было не так-то просто, и никаких изменений в нее вносить уже нельзя. «Значит, был и другой вариант?» — спросил Фарук. Сулейман Хафез ответил утвердительно. Тогда король изъявил желание ознакомиться с этим вариантом, но Сулейман Хафез сказал ему, что он его не читал и при нем его нет. «Ты не хочешь ничего сказать о нем потому, что там есть что-то оскорбительное для меня», — заключил король.

Очень раздраженный, король подписал документ. Потом, обнаружив в своей подписи ошибку, расписался снова сверху текста. Акт об отречении гласил:

«Королевский указ № 65 за 1952 г.

Мы, Фарук I, король Египта и Судана, имея твердое желание избавить страну от трудностей, перед лицом которых она стоит в данной критической обстановке, и в соответствии с волей народа решили отречься от престола в пользу Нашего наследного принца Ахмеда Фауда, о чем и издали Наш указ его превосходительству премьер-министру Али Махиру, коим надлежит руководствоваться.

Дворец Рас-ат-Тин, 4 зу-ль-ка'да 1371 г. (26 июля 1952 г.)».

Сулейман Хафез отвез акт об отречении в совет министров Али Махиру. После этого он поехал к Мухаммеду Нагибу и его коллегам, находившимся в казармах, чтобы сообщить им о желании короля взять с собой АнтуанаБолли. Члены Совета командования отказались отступить от своих требований. Они отвергли также требование короля о том, чтобы яхту «Аль-Махруса» сопровождали корабли египетского флота. Поэтому король обратился к Джефферсону Кеффери с просьбой, чтобы в пути его охраняли американские корабли.

Мухаммед Нагиб имел намерение присутствовать на проводах короля. Однако в пути его задержали происходившие на улицах Александрии демонстрации. К тому же шофер по ошибке въехал не в те ворота пирса, и он опоздал на 4 минуты.

На пирсе Рас-ат-Тина короля провожали: Али Махир, Джефферсон Кеффери, зятья Исмаил Ширин и Мухаммед Али Рауф и несколько офицеров гвардии. Все хранили гробовое молчание. Король то и дело взглядывал на часы. Ровно в 6 часов оркестр грянул королевский гимн. После этого был спущен королевский флаг. Один из офицеров гвардии свернул его и передал Али Махиру, который в

свою очередь передал его королю. Прозвучал 21 залп артиллерийского салюта. Почетный караул отдал честь. Король за руку попрощался с провожающими. В это время раздались рыдания дворцовых слуг, прослезились и провожающие. Когда на пирс прибыл Мухаммед Нагиб, глаза у Али Махира была еще влажными от слез.

Мухаммед Нагиб решил все-таки проводить короля. Вместе с полковником Ахмедом Шауки, подполковником ВВС Гамалем Салемом, подполковником Хусейном аш-Шафии и капитаном Исмаилом Фаридом он сел на катер, который быстро догнал яхту. Мухаммед Нагиб и его спутник поднялись на борт «Аль-Махрусы». Нагиб отдал низложенному королю честь, они обменялись рукопожатием, после чего наступила пауза. «Король ждал, что я заговорю, — вспоминал М. Нагиб, — но от торжественности момента у меня слова застряли в горле». Наконец Мухаммед Нагиб нарушил молчание. «Я хочу сказать вам кое-что, — начал он. — Когда 4 февраля 1942 г. британские танки штурмовали ваш дворец, я был единственным офицером, который подал в отставку в знак протеста против такого неслыханного посягательства на независимость страны. Я сделал это от имени всей армии, этим я выразил чувства тех самых офицеров, которые сегодня восстали. Тогда мы хранили вам верность. Теперь положение изменилось: из ваших защитников мы превратились в повстанцев, выступили против вас, и причиной тому — ваши собственные действия и действия вашего окружения».

Фарук не ожидал услышать такое. «Во всяком случае, — сказал он, — я желаю египетской армии всего доброго. Это армия моих отцов и дедов, и я поручаю ее твоим заботам. Но твоя миссия сложна и трудна». «Насколько мне известно, — возразил Нагиб, — начало созданию египетской армии положил французский полковник Сэв — Сулейман-паша...»

Уже прощаясь с офицерами, взявшими под козырек, и пожимая им руки, король сказал: «В том, что вы сделали, вы опередили меня... То, что вы сделали теперь, собирался сделать я». Затем он попросил задержать яхту на полчаса, пока на нее не доставят его остальные чемоданы, и Нагиб не колеблясь согласился.

Возвращаясь на берег, Мухаммед Нагиб думал о словах, оброненных Фаруком... Стало быть, «Свободные офицеры» упредили короля — опоздай они на несколько дней, и кое-кто из них теперь уже мог бы оказаться за решеткой,

а король по-прежнему предавался бы своим развлечениям...

Выдворение короля состоялось в полной тайне от масс. Народ узнал об этом лишь в 6.30 вечера, когда по радио Мухаммед Нагиб выступил со своим историческим заявлением, в котором объявил о низложении короля и его выезде за пределы страны и просил охваченных ликованием сограждан соблюдать спокойствие. Через полтора часа, в 8 часов вечера, Мухаммед Нагиб снова выступил по радио и объявил, что отказывается от чина генерал-лейтенанта, «пожалованного» ему королем 24 июля при назначении его главнокомандующим вооруженными силами. По словам М. Нагиба, сделав это заявление, он обрел душевный покой, так как хотел, чтобы каждый египтянин понял, что его участие в выступлении армии продиктовано не личными интересами, а интересами освобождения Отечества и сограждан.

Глава IX

ОФИЦЕРЫ У ВЛАСТИ

Итак, король был низложен. Однако с конституционной точки зрения Египет пока еще оставался монархией, и первой проблемой, с которой столкнулось военное руководство, была проблема регентства.

Согласно статье 51 конституции 1923 г., регенты могли приступить к выполнению своих обязанностей лишь после принесения ими присяги на совместном заседании палаты депутатов и сената (точно так же как приносил присягу король перед тем, как приступить к осуществлению своих конституционных полномочий; в соответствии с королевским указом № 23 от 1922 г. король имел право выбора регентов с последующим утверждением его выбора палатами).

Статья 52 конституции гласила, что в случае смерти короля парламент в соответствии с законом собирается в десятидневный срок; если же палата распущена, а созыв новой палаты после избрания ее членов назначен более чем через десять дней, созывается предыдущая палата, которая осуществляет свои функции вплоть до созыва новой палаты.

Статья 55 предусматривала, что до тех пор, пока регенты не принесут присягу перед парламентом, конституционные полномочия короля временно осуществляет совет министров.

Таким образом, согласно конституции, а также заключению, которое группа юристов-вафдистов представила премьер-министру Али Махиру, направив копию Мухаммеду Нагибу, получалось, что следует созвать распущенный вафдистский парламент. Как известно, во время своего премьерства в период после каирского пожара Али Махир

отказался распустить вафдистскую палату депутатов. Однако теперь, когда помимо исполнительной власти его кабинет совмещал в своем лице законодательную власть и конституционные полномочия короля, Али Махир после проведенного им заседания совета министров заявил, что создание «чистого» парламента на здоровой основе нуждается в подготовке, которая займет годы. Ас-Санхури, который вместе с Сулейманом Хафезом был приглашен на заседание совета министров, расценил это высказывание как означающее курс Али Махира на управление страной без парламента, с опорой на власть армии.

Сулейман Хафез и ас-Санхури ставили своей целью введение такой системы выборов в парламент, которая лишила бы Вафд его абсолютного большинства, хотя, по словам самого Сулеймана Хафеза, Вафд получал не более 40% от общего числа голосов избирателей. Вследствие глубоких политических разногласий между ним, как ватанистом, и Вафдом, как массовой партией, Сулейман Хафез делал все возможное для того, чтобы не допустить созыва распущенного вафдистского парламента. С этой целью он воспользовался идеей, поданной ему д-ром Хасаном Багдади (в то время декан юридического факультета Александрийского университета). Она заключалась в том, чтобы в королевский указ № 23 от 1922 г. внести поправку, позволяющую создать временный Регентский совет. Такую поправку мог легко утвердить совет министров, коль скоро во исполнение статьи 41 конституции он в отсутствие парламента осуществлял законодательную власть.

Д-р Абд ар-Разек ас-Санхури, как бывший министр-саадист, также согласился с этим мнением. Вопрос был поставлен перед Советом командования, который решил передать его на рассмотрение Госсовета. Госсовет почти единогласно (против голосовал лишь д-р Вахид Рафат) вынес постановление о том, что в случае отречения короля распущенная палата депутатов не созывается; проводятся выборы в новую палату депутатов, которая собирается в установленный конституцией срок и назначает регентов; если же правительство сочтет, что для проведения выборов практически необходимо более или менее длительное время, совету министров не следует продолжать осуществлять полномочия короля в течение всего этого периода; с этой целью можно создать временный Регентский совет, к которому и перейдут указанные полномочия вплоть до создания постоянного Регентского совета.

Временный Регентский совет был создан в следующем составе: принц Мухаммед Абдель Монейм (председатель), Бахи ад-Дин Баракат-паша и полковник Рашад Механна, который был на один день назначен министром коммуникаций, чтобы его назначение членом Регентского совета соответствовало положению конституции.

Такой исход дела Сулейман Хафез рассматривал как свою победу. (В мемуарах, которые он оставил на сохранение своему другу д-ру Мустафе Марею и с которыми д-р Марей любезно ознакомил автора, Сулейман Хафез пишет следующее: «Вафд остался с носом, а мы с ас-Санхури получили от Али Махира то, чего добивались».)

Был принят ряд законодательных актов, внешне весьма привлекательных: об отмене пребывания правительства в летний сезон в Александрии, о сокращении правительственного автопарка, об упразднении титулов и гражданских чинов. Но одни эти мероприятия отнюдь не выражали дерзких устремлений членов Совета командования, которые, встречаясь с людьми разных политических направлений из числа своих знакомых и выслушивая их мнения, старались некоторые из этих предложений претворить в жизнь.

Али Махир, считавший себя героем дня, прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить существующее положение вещей и остаться у кормила власти. Однако между ним и Советом командования, который после низложения короля нес на себе фактическую ответственность за руководство страной, уже обозначились противоречия.

15 августа Совет командования, образованный из девяти человек: Гамаля Абдель Насера, Абдель Хакима Амера, Гамаля Салема, Салаха Салема, Абдель Латыфа аль-Багдади, Хасана Ибрагима, Халеда Мохи ад-Дина, Камаль ад-Дина Хусейна и Анвара Садата, решил включить в свой состав еще пятерых офицеров из тех, кто внес значительный вклад в успех выступления 23 июля, а именно: Мухаммеда Нагиба, Юсефа Сыддыка, Закарию Мохи ад-Дина, Хусейна аш-Шафии и Абдель Монейма Амина [1]. Решение об этом было принято после того, как подал в отставку Гамаль Абдель Насер, настаивавший на демократическом стиле работы, тогда как Гамаль Салем требовал сократить число членов Совета до пяти человек, а остальным предложить вернуться к исполнению своих обязанностей в армию.

Расширение состава Совета командования привлекло к нему большое количество офицеров. Совет стал иметь своих

представителей-военных в различных министерствах. У многих офицеров это вызвало искушение выйти за рамки армии и развернуться где-нибудь на гражданском поприще. Получил распространение термин «представитель командования». Такие представители в военной форме появлялись в самых различных гражданских учреждениях, где давали свои инструкции и директивы. На первых порах, в водовороте событий, Совету командования, проводившему непрерывные совещания и контакты, было не до того, чтобы как-то упорядочить или прекратить деятельность офицеров в этой новой для них сфере. В результате между кабинетом и Советом командования возник параллелизм в работе и связанные с этим трения.

Во время своей поездки в Мерса-Матрух Али Махир провел встречу с офицерами местного гарнизона. На ней, в частности, зашла речь об аграрной реформе. В ходе завязавшейся дискуссии Али Махир высказал мнение, что максимум земельной собственности должен составлять 500 федданов, если не будет введен прогрессивный налог. Другая такая встреча у него состоялась в офицерском клубе в Эль-Шатби, в Александрии, где был поднят тот же вопрос. Подобные встречи Али Махира с офицерами и его оппозиция аграрной реформе, мыслью о которой в ходе бесед с Ахмедом Фуадом и д-ром Рашидом аль-Баравн проникся Гамаль Салем, привели к взаимному отчуждению между премьер-министром и Советом командования. Это отчуждение все усиливалось, пока наконец не достигло критической точки.

В соответствии с постановлением Госсовета, на основании которого был образован временный Регентский совет, между Советом командования и Али Махиром была достигнута договоренность о проведении выборов в парламент в феврале 1953 г. Али Махир должен был объявить об этом народу, выступив с соответствующим заявлением. Али Махир, однако, в нем умолчал о том, что выборы назначены на февраль, указав лишь, что они состоятся «в ближайшее время». Придя в негодование, члены Совета командования опубликовали свое заявление, в котором объявили, что выборы состоятся в феврале.

Не уточняя срока выборов, Али Махир имел целью продлить свое пребывание у власти в отсутствие парламента. В самом деле, если бросить ретроспективный взгляд на деятельность Али Махира, который начал свою карьеру в качестве члена «комиссии тридцати» по выработке кон-

ституции 1923 г., станет ясно, что на протяжении всей своей политической жизни он был не в ладах с духом конституции. Али Махир участвовал в кабинетах Ахмеда Зивара, Мухаммеда Махмуда и Исмаила Сидки, приходивших к власти в результате правительственных переворотов. Эти кабинеты попирали волю нации и посягали на конституцию. Сначала они приостановили действие конституции, а затем и вовсе отменили ее. Они ополчались на общие свободы, на неприкосновенность и достоинство личности и служили опорой власти короля с его амбицией всемогущего правителя. Когда Али Махир был назначен начальником королевской канцелярии после вступления Фарука в свои конституционные полномочия, начало его деятельности на этом посту ознаменовалось смещением кабинета Мустафы Наххаса в 1937 г., что было явным надругательством над духом конституции, а затем, после фальсифицированных выборов 1938 г., он сам возглавил кабинет, не опираясь ни на одну политическую партию или организацию. Сохранить вафдистскую палату депутатов после каирского пожара Али Махир согласился потому, что его кабинет получил поддержку со стороны Вафда и его палаты. Когда же ему представился случай осуществлять свою власть в обход конституции и парламента, он отрекся от своей прежней позиции и не только воспротивился созыву распущенной палаты, но и отказался определить срок новых выборов. Сразу же после того, как по радио было передано заявление Совета командования, Али Махир думал подать в отставку, но не сделал этого.

После первых двух конфликтов Совета командования с Али Махиром — по вопросам об аграрной реформе и о сроке выборов — возник третий конфликт в связи с изменениями в составе кабинета. Али Махир договорился с Мухаммедом Нагибом об основах изменений в составе кабинета, который он сформировал в сильной спешке из большинства членов своего бывшего кабинета, тем самым как бы желая предстать перед королем в образе победителя. И вот Мухаммед Нагиб вдруг узнает, что подписан декрет об изменениях в составе кабинета, причем эти изменения не соответствуют достигнутой договоренности. Подпись под ним Али Махир получил у Рашада Механны, полагая, что последний представляет власть армии.

«По-видимому, — пишет по этому поводу Мухаммед Нагиб, — в этот период Али Махир находился под сильным

нажимом некоторых старых партийных и других политических деятелей, стремившихся помешать принятию закона об аграрной реформе, а также своих друзей-министров, которых мы с ним договорились удалить и перед которыми он потом почувствовал неловкость... В то же время он упорно противился назначению определенного срока выборов, исхода которых не предугадывал».

7 сентября Совет командования предпринял акцию, которой продемонстрировал свою силу не только перед Али Махиром, но и перед всеми политиками, приняв без ведома Али Махира решение об аресте 64 политических деятелей. Об этом Гамаль Абдель Насер объявил на заседании Совета командования, на котором присутствовали Абд ар-Разек ас-Санхури и Сулейман Хафез. Упомянутое решение предопределило и участь кабинета Али Махира. На том же совещании начались поиски нового человека на пост премьер-министра, и была названа кандидатура ас-Санхури. Однако на основании информации, полученной от Али Сабри, который присутствовал на совещании как секретарь группы «Свободных офицеров» ВВС, Гамаль Салем отвел названную кандидатуру. Он заявил, что очень уважает ас-Санхури, отдает ему должное и верит в его преданность движению, что проявилось в его поддержке закона об аграрной реформе, но против этой кандидатуры будут возражать американцы, так как в последний период правления бывшего короля, при вафдистском правительстве, в западной прессе появились сообщения о том, что ас-Санхури — «левый». И хотя он, Гамаль Салем, убежден в несостоятельности этих обвинений, интересы движения — а его некоторые органы западной печати уже начали обвинять в «коммунизме» — требуют избегать всего, чем могли бы воспользоваться враги. По словам Халеда Мохи ад-Дина, американцы уведомили об этом Али Сабри заранее, когда почувствовали, что ас-Санхури все больше сближается с Советом командования, члены которого обращались к нему по всем конституционным вопросам.

В ответ на выступление Гамаля Салема д-р ас-Санхури со спокойной уверенностью заявил, что он согласен с высказанной точкой зрения и что западная пресса обвиняет его в коммунизме на том основании, что он и его коллеги — советники административного суда Госсовета — поставили свои подписи под Стокгольмским воззванием, которое представляет собой лишь призыв бороться за мир во всем мире, против войны. Свое выступление д-р ас-Санху-

ри закончил просьбой перейти к обсуждению другой кандидатуры.

Дело кончилось предложением назначить премьер-министром Мухаммеда Нагиба, а заместителем премьер-министра — Сулеймана Хафеза.

Как и ожидал Совет командования, Али Махир подал в отставку, но его попросили остаться на посту главы египетской делегации на совещаниях Лиги арабских государств, а также делегации на переговорах с суданскими партиями. Так ушел со сцены последний гражданский премьер, продержавшийся на своем посту всего 48 дней.

Вновь назначенный премьер-министр, Мухаммед Нагиб, был первым в истории Египта военным, который возглавил правительственный кабинет после Сами аль-Баруди и Ахмеда Ораби. Однако никто из офицеров в состав кабинета пока не вошел.

Кабинет был сформирован за один день, 7 сентября 1952 г. Большинство людей, с которыми велись переговоры по этому вопросу, Мухаммед Нагиб не знал. Эту задачу взяли на себя Сулейман Хафез и Фатхи Радван, приглашенный Советом командования на консультацию, во время которой он в основном критиковал кабинет Али Махира и некоторые его бесцветные личности.

Если кабинет Али Махира можно было критиковать за его слабый состав, то первый кабинет Мухаммеда Нагиба заслуживал критики вдвойне. В него вошли: Сулейман Хафез в качестве заместителя премьер-министра, шесть министров-ватанистов, двое «братьев-мусульман», остальные — «независимые». Как ни странно, первый кабинет Мухаммеда Нагиба в основном состоял из членов Новой национальной партии, хотя до революции между «Свободными офицерами» и Новой национальной партией никаких связей не существовало, если исключить Абдель Азиза Али, чиновника, назначенного министром по делам муниципалитетов, который являлся членом организации «Черная рука», созданной еще старой Национальной партией, и в свое время был связан с Абдель Латыфом аль-Багдади и группой офицеров ВВС.

Однако Совет командования заботился о том, чтобы его первый кабинет не носил явно партийного характера, как равно и о том, чтобы движение военных не выглядело как продолжение деятельности «братьев-мусульман». Это сузило круг возможных кандидатур, тем более что все известные «независимые» так или иначе были связаны с какими-

нибудь партиями, а некоторые из них на предложение войти в состав кабинета ответили отказом.

Имена большинства министров не были известны. За малым исключением, они не имели опыта работы в правительстве. Лишь д-р Абдель Галиль аль-Амри занимал пост министра финансов и экономики в кабинете Али Махира. Кстати, декрет об образовании нового кабинета был первым декретом, где имена министров упоминались без указания титулов. Впрочем, только двое из них — Сулейман Хафез и Абдель Галиль аль-Амри — ранее имели титул бея.

При выборе двух министров от «братьев-мусульман» дело не обошлось без недоразумений. Когда по этому вопросу обратились к Хасану аль-Худайби, он на два министерских поста рекомендовал три кандидатуры: члена Главного руководящего бюро шейха Ахмеда Хасана аль-Бакури, а также заместителя председателя кассационного суда Ахмеда Хосни или губернатора Александрии Мухаммеда Камаля ад-Диба. После того как с первым и вторым из названных кандидатов уже был установлен контакт, к Гамалю Абдель Насеру явились Хасан аль-Ашмави и Мунир ад-Далля с известием, что к нему их направил Хасан аль-Худайби и что «братья» в качестве министров рекомендуют именно их. Г. А. Насер сообщил об этом Сулейману Хафезу, занимавшемуся формированием кабинета, но тот отклонил их кандидатуры, считая, что они слишком молоды, и потому, что он уже вступил в переговоры с шейхом аль-Бакури и Ахмедом Хосни. Г. А. Насер связался с Хасаном аль-Худайби, который сообщил ему, что первые кандидатуры были названы им самим, а когда он поставил вопрос перед Главным руководящим бюро, оно решило предложить кандидатуры аль-Ашмави и ад-Далля или не участвовать в кабинете.

Волна арестов, которой сопровождалось формирование кабинета, захватила самые различные политические направления. Были арестованы Нагиб аль-Хиляли, Фуад Сираг ад-Дин, Ибрагим Абдель Хади, Хафез Афифи, Карим Сабит и другие. Единственной политической силой, которой не коснулись аресты, были «братья-мусульмане» — точно так же, как и в период кабинета Нагиба аль-Хиляли.

Известие о выступлении 23 июля Мустафу Наххаса и Фуада Сираг ад-Дина застало в Швейцарии, куда они только что прибыли на отдых. По вызову членов вафдистского руководства они первым же рейсом 26 июля вылетели из

Женевы в Каир. О низложении короля они узнали уже в полете от пилота, который услышал об этом по радио.

В Каир самолет прибыл в первом часу ночи. Среди встречавших в аэропорту был главный редактор газеты «Аль-Мысри» Ахмед Абульфатх. Лично хорошо знавший членов Совета командования, он предложил Наххасу и Сираг ад-Дину сразу же поехать в штаб-квартиру Совета командования, чтобы поздравить руководителей революции, которые, по его словам, в ожидании встречи с ними бодрствуют.

В два часа пополуночи Наххас, Сираг ад-Дин и Абульфатх подъехали к зданию штаб-квартиры. В нем царила полная тишина, и ничто не указывало на то, что здесь кого-то ждут. Наххас и Сираг ад-Дин остались в небольшом помещении внизу, а Абульфатх поднялся наверх. Прошло сорок минут, прежде чем их пригласили в кабинет, где их встретил Нагиб с группой офицеров. Нагиб тепло приветствовал Мустафу Наххаса и обнял его, офицеры сухо поздоровались. Разговаривали стоя до конца визита. Это была первая и последняя встреча между Мустафой Наххасом и членами Совета командования. Что касается Фуада Сираг ад-Дина, то с ним они впоследствии встречались многократно.

Мустафа Наххас чувствовал сердечное расположение к революции и был счастлив, что король, который столько раз смещал его кабинет, низложен. Он полагал, что движение военных не замедлит вернуть распущенный парламент с целью назначения Регентского совета, после чего состоятся выборы, которые обеспечат Вафду его обычное большинство.

Однако большинство офицеров — членов Совета командования отнюдь не симпатизировали Вафду и не были связаны с ним идейно. Исключение составляли Гамаль Абдель Насер, Халед Мохи ад-Дин и Юсеф Сыддык, которые не являлись приверженцами Вафда, но в то же время и не были настроены к нему враждебно.

Холодность, проявленная членами Совета командования к Наххасу, объяснялась тем, что они понимали, что Вафд представлял реальную опасность для их только что родившейся власти, а также тем, что некоторые из них находились под влиянием враждебного отношения к Вафду со стороны «братьев-мусульман».

Глава X

ГОДЫ СТОЛКНОВЕНИЙ

Назначение генерал-майора Мухаммеда Нагиба премьер-министром, военным министром и главнокомандующим вооруженными силами свидетельствовало о том, что всего лишь через полтора месяца после выступления 23 июля военное руководство начало сосредоточивать в своих руках государственную власть.

С новой властью народные массы связывали свои надежды на избавление от гнета эксплуататоров и создание здорового общества. Вот почему движение 23 июля сразу же приступило к проведению в жизнь новых законов, сделав их основой для своего дальнейшего развития и источником своей притягательной силы.

Новому кабинету не пришлось тратить время на подготовку этих законов — их проекты уже были готовы, причем некоторые из них стали причиной разногласий с Али Махиром. Так обстояло дело с законом об аграрной реформе, который новый кабинет обнародовал немедленно после своего назначения, 9 сентября 1952 г.

Закон об аграрной реформе, так же как и другие законодательные акты, о которых речь пойдет впереди, принес движению 23 июля поддержку народных масс и одновременно фактически столкнул его с различными социальными и политическими силами. Можно сказать, что с принятием закона об аграрной реформе движение 23 июля вступило в «годы столкновений», что было неизбежно, являлось исторической необходимостью, продиктованной приходом к власти среднего класса.

Вопрос об аграрной реформе для Египта был не нов. Голоса с требованием ограничить земельную собственность

раздавались со страниц печати и в стенах парламента еще в период правления Фарука.

Так, Мариет Гали опубликовал брошюру, где изложил проект аграрной реформы, который предусматривал ограничение земельной собственности 200 федданами с конфискацией правительством излишков наличной собственности сверх указанного максимума.

Садек Саад, публицист, сотрудничавший в марксистском журнале «Аль-Фагр аль-гадид», в 1945 г. опубликовал брошюру «Проблема феллаха». В ней он с марксистских позиций показал положение египетских крестьян и выдвинул три требования к аграрной реформе. По его мнению, аграрная реформа должна была: а) ограничить земельную собственность, причем излишки сверх 50 федданов должны быть распределены среди крестьян-бедняков; б) стимулировать увеличение производства в хозяйствах этих крестьян путем поощрения производственных кооперативов; в) защитить феллахов принятием крестьянского законодательства.

Мухаммед Хаттаб, сенатор, член партии Саад, выступил с проектом закона об ограничении собственности на землю, который устанавливал максимум в 50 федданов, но таким образом, чтобы это было достигнуто без национализации или конфискации, а на протяжении нескольких поколений путем дробления наследуемой собственности и запрета на ее увеличение *.

Хотя Мухаммед Хаттаб не призывал ни к конфискации, ни к национализации, а лишь к ограничению крупной земельной собственности и прекращению ее разрастания, и все это в рамках положений конституции, уже сам разговор об ограничении собственности для феодалов и правительства прозвучал как гром среди ясного неба.

Тем не менее в дореволюционный период вопрос об ограничении собственности обсуждался в парламенте и после выступления Мухаммеда Хаттаба, когда депутат Иб-

---

* Этот проект заинтересовал меня, и я написал его автору письмо. Мухаммед Хаттаб немедленно ответил и пригласил меня к себе домой в Гарден-сити, чтобы вместе обсудить проект. Потом он пригласил меня на заседание сената, созванное для обсуждения этого проекта 26 июня 1945 г., и я был поражен свирепостью, с какой члены сената обрушились на Мухаммеда Хаттаба. Его проект они квалифицировали как «большевизм», который-де «надо пресечь». После этого проект был передан различным комиссиям «для изучения» и положен под сукно.

рагим Шукри [1], член партии «Мист аль-Фатат» (впоследствии «Социалистической»), представил палате депутатов проект, в котором содержалось требование ограничить собственность 50 федданами в соответствии с программой партии, принятой в 1949 г. Но и этот проект не увидел свет.

Проекты об аграрной реформе вызывали дикую злобу у феодалов, и прежде всего у короля Фарука, и не мудрено — унаследовав от своего отца Фуада 15 тыс. федданов земли, он увеличил их до 48 тыс. К тому же Фарук контролировал 45 тыс. федданов вакфных земель, значительную часть которых он фактически присвоил.

Феодальный класс, на лидеров которого опирались колонизаторы, утверждая свое господство над Египтом, внушил феллахам, будто его право на собственность от бога и на него нельзя покушаться. Эту догму восприняли и пропагандировали «братья-мусульмане». Они отнюдь не требовали аграрной реформы. Когда в апреле 1952 г. корреспондент газеты «Чикаго дейли ньюс» задал их верховному наставнику Хасану аль-Худайби, в ведении которого находились угодья короля, вопрос о том, как он относится к аграрной реформе, тот ответил: «Надо не разрешать землевладельцам сдавать землю в аренду крестьянам за заранее установленную твердую плату, так как в случае неурожая крестьяне окажутся в должниках; арендная плата должна зависеть от размера полученного урожая, тогда арендаторы будут вознаграждены по крайней мере за часть своих усилий».

Таким образом, взгляды «братьев-мусульман» по такой важнейшей социальной проблеме, как аграрный вопрос, были ограниченными, в этом они поддерживали крупных землевладельцев. Ни о каком ограничении собственности они не говорили и явно стояли за сохранение существующего порядка. Ведь как раз в то время, когда Хасан аль-Худайби давал упомянутое интервью, особенно участились жалобы крестьян на грабительскую систему издольщины.

Так, в июне 1951 г. в Кфур-Нагме, где наследный принц Мухаммед Али владел 7 тыс. федданов земли, в связи с повышением арендной платы крестьяне подали жалобу, но ничего не добились. В знак протеста они сожгли собранный урожай и оросительные колеса. За это пятеро феллахов были арестованы, а их руководитель Эпани Ахмед Аввад по выходе из заключения был убит (убийство было организовано полицией).

В Бухуте, одной из деревень, принадлежавших семейству аль-Бадрави, помещики стали отнимать у феллахов жалкий скарб «в погашение долгов» по арендной плате. Ходоков, выбранных феллахами защищать их интересы, избили. Когда разгневанная толпа жителей деревни собралась у помещичьей усадьбы, помещик выстрелил и убил одного феллаха. В ответ на это феллахи забросали усадьбу камнями, подожгли гумно. Для усмирения феллахов были вызваны войска, 50 жителей деревни были брошены в тюрьму.

В деревне Абуль-Гейт министерство по делам вакфов сдавало землю в аренду мелким крестьянам, а потом решило согнать 500 феллахов с земли, чтобы сдать ее всю целиком родственнику министра снабжения. В завязавшейся схватке с полицией было убито 12 феллахов.

В Мит-Фаддала крестьяне, увидев, что требуемая с них арендная плата превышает стоимость выращенного урожая, отказались собирать хлопок. Против них было брошено 700 солдат, многие крестьяне были арестованы.

На протяжении 1951 г. крестьянские выступления вспыхивали то здесь, то там. Земля дрожала под ногами феодалов. Уже не только египетские власти, но и империалисты опасались взрыва народного гнева, накопившегося в крестьянской массе.

В США внимательно следили за этими выступлениями. В них американские империалисты видели первые всполохи неукротимой народной революции, которая привела бы к коренным социальным изменениям, идущим вразрез с целями колониализма и мирового империализма. Вот почему тема об аграрной реформе затрагивалась в беседах американских ответственных представителей, зачастивших в Египет после каирского пожара. Они требовали социальных реформ, которые предотвратили бы народную революцию.

Один из убежденных сторонников такой политики, д-р Ахмед Хусейн, весьма близкий к американцам, выступил с призывом к социальным реформам. Образовав так называемую Ассоциацию феллаха, Ахмед Хусейн потребовал от Али Махира призвать короля отказаться от половины своей земли в пользу народа. Он потребовал также, чтобы государство вмешалось и установило минимум заработной платы сельскохозяйственным рабочим.

Новое направление внешне выглядело весьма привлекательно, что обмануло кое-кого из журналистов. В мае

1952 г. Ихсан Абдель Куддус на страницах журнала «Роз аль-Юсеф» пел дифирамбы д-ру Ахмеду Хусейну и даже призывал его преобразовать Ассоциацию феллаха в партию. Однако д-р Ахмед Хусейн предпочел этого не делать, дабы не прийти в столкновение с другими партиями, а также для того, чтобы дать возможность вступить в его ассоциацию представителям администрации и интеллигенции.

Левые разгадали истинную цель, которую ставила перед собой новоявленная ассоциация, а именно — выпустить пар из котла народного гнева, готового взорваться, и нарекли ее «ассоциацией американского феллаха», потому что д-р Ахмед Хусейн уже успел получить репутацию человека, имеющего контакты с приезжавшими в Египет американскими чиновниками.

Когда в ночь на 23 июля «Свободные офицеры» совершили революционный переворот, одной из своих целей они ставили ликвидацию феодализма. Какого-либо заранее подготовленного проекта или сколько-нибудь цельного плана на этот счет у них не было, но сама идея ликвидации феодализма имела своим источником отнюдь не американские предложения.

Уже на одно из первых совещаний Совета командования для обсуждения этого вопроса был приглашен профессор коммерческого факультета Каирского университета д-р Рашид аль-Барави [2]. На совещании присутствовал также Ахмед Фуад. На нем Гамалю Салему было поручено заняться разработкой проекта аграрной реформы вместе с д-ром аль-Барави и Ахмедом Фуадом.

Идея, положенная в основу проекта, не сразу получила единодушное одобрение со стороны всех офицеров — членов Совета командования. Вначале против проекта возражал Мухаммед Нагиб. Проект предусматривал национализацию и конфискацию земли, что, по мнению Нагиба, противоречило духу конституции, под сенью которой движение объявило о своем существовании, и склонялся к введению прогрессивного налога.

Однако, когда в ходе дальнейшей дискуссии Мухаммед Нагиб уяснил, что закон об аграрной реформе имеет целью не только нанести удар по феодалам путем увеличения налагаемого на них материального бремени, но и освободить феллаха от политического господства феодалов, он согласился с проектом аграрной реформы без колебаний.

Редакцию законопроекта, подготовленную вместе с д-ром аль-Барави и Ахмедом Фуадом, Гамаль Салем пред-

ставил д-ру Абд ар-Разеку ас-Санхури и Сулейману Хафезу. Ас-Санхури, как пишет в мемуарах Сулейман Хафез, приветствовал эту идею как человек, который «имел явно социалистический образ мыслей, благодаря чему он составил проект поправок к Гражданскому кодексу таким образом, что он получился социалистическим по характеру».

Ас-Санхури образовал комиссию под своим председательством, которая несколько суток работала день и ночь, пока законопроект не был окончательно готов. Совет командования представил проект Али Махиру. Выразив свое согласие с проектом в принципе, последний, однако, не представил его совету министров, так как он вызвал критику и встретил возражения со стороны представителей помещичьих кругов.

Для решения вопроса: прогрессивный налог или реформа Али Махир созвал расширенное совещание, на котором присутствовали Нагиб, Гамаль и Салах Салемы, Абдель Галиль аль-Амри, Абд ар-Разек ас-Санхури, оба члена Регентского совета — Бахи ад-Дин Баракат и Рашад Механна, а также Сулейман Хафез и Рашид аль-Барави.

Мнения относительно проекта разделились. Правда, за прогрессивный налог высказались лишь члены Регентского совета, но потом Рашад Механна заявил, что подчиняется решению большинства. При обсуждении вопроса о максимальном размере землевладения Али Махир предложил поднять этот максимум до 500 федданов, но приведенные статистические данные показали, что число лиц, владеющих 500 федданами и выше, составляет не более 800 человек, тогда как число собственников, владеющих более чем 200 федданами, превышает 2100 человек.

После этого совещания закон должен был быть обнародован. Однако Али Махир, принявший сторону феодалов, которые буквально осаждали его, высказывая свои мнения и критику, прибег к тактике затягивания и уверток, что и решило вопрос о выходе его из кабинета.

Тот факт, что Мухаммед Нагиб немедленно обнародовал закон, явился ярким выражением воли армии (как уже упоминалось, среди армейских офицеров не было выходцев из феодальных семей), а также ее метода решать вопросы оперативно.

В этой связи уместно вспомнить, что, когда в свое время один из офицеров — участников восстания под руководством Ораби заявил, что земля будет принадлежать тому, кто

ее обрабатывает, это отпугнуло от повстанцев крупных землевладельцев.

То же самое произошло через 70 лет. Издание закона потрясло феодалов, хотя в своем окончательном виде он и отличался от проекта, подготовленного аль-Барави и Ахмедом Фуадом. Дело в том, что Абдель Галиль аль-Амри настоял (это было условием его участия в кабинете М. Нагиба) на увеличении максимального размера землевладения на 100 федданов, предназначавшихся детям землевладельца, а также на праве продажи владельцем излишков земель. Закон разрешал землевладельцу в течение 5 лет продать не изъятые правительством излишки сверх 200 федданов мелким землевладельцам, имеющим не более 10 федданов.

Хотя закон об аграрной реформе в таком виде выглядел довольно скромно по сравнению с тем, что было осуществлено в этой области в странах народной демократии и даже в некоторых капиталистических государствах, как, например, в Японии, он тем не менее послужил причиной столкновения между средним классом в лице армии и классом феодалов.

В первую же неделю после выхода закона в Файюме бывший депутат парламента Адли Лумлум отказался передать свою землю представителям властей и оказал им сопротивление. Ответ на это был по-военному быстрым и решительным: был создан военный трибунал под председательством Хусейна аш-Шафии, который приговорил упомянутого Адли Лумлума к пожизненному тюремному заключению. Тем самым были пресечены другие попытки сопротивления, которые могли бы иметь место в районах, где землей владели крупные феодалы.

Представители феодального класса, контролировавшие руководство партий «меньшинства», а также часть Вафда, отступили, сочтя за лучшее склониться перед бурей и какое-то время выждать, пока им не представится удобный случай снова пробраться к власти. Феодальный класс оказался бессильным перед революционной волной, выплеснувшейся из рядов армии.

Если бы подобный закон был принят в какой-либо другой стране, он, возможно, не имел бы такого большого значения. Но в Египте, где крестьяне составляли 65,4% населения, огромное большинство людей с надеждой восприняли закон об аграрной реформе, видя в нем спасение от своих бед.

С принятием закона об аграрной реформе в Египте рухнуло «священное право» собственности, и это произошло впервые за все семь тысяч лет его писаной истории!

Никто не посмел поднять голос против этого шага, который потряс социальную действительность общества и показал, что есть такие «святыни», которые в интересах народа могут быть развеяны в прах.

С наибольшим энтузиазмом закон об аграрной реформе встретили коммунистические группы и патриотические партии, которые до 23 июля не были у власти («Социалистическая», Новая национальная партия). «Братья-мусульмане» не высказывались ни «за», ни «против». Что же касается Вафда, то о своей позиции он заявлял туманно и, по сути, вел агитацию против закона. Как известно, в свое время Вафд выдвинул принцип прогрессивного налога. В 1950 г. его кабинет увеличил все налоги, в том числе на недвижимость, а налоги с крупных компаний — вплоть до 90%.

Известие о готовившемся законе явилось неожиданностью для членов Вафда, среди которых были и представители феодального класса.

Только что вернувшийся тогда из Европы Фуад Сираг ад-Дин обратился с просьбой назначить ему встречу с Мухаммедом Нагибом. Но его родственник Иса Сираг ад-Дин (впоследствии посол) пригласил его к себе домой в Зейтуне на встречу с Гамалем Абдель Насером, Гамалем Салемом и Салахом Салемом (на ней присутствовал также Ахмед Абульфатх), которая продолжалась с 5 часов вечера до часу ночи. Диалог шел об ограничении собственности. Фуад Сираг ад-Дин пытался убедить своих оппонентов согласиться с идеей прогрессивного налога. Не придя к единому мнению, стороны решили встретиться через неделю.

В день, назначенный для второй встречи, по пути из Александрии в Каир Фуад Сираг ад-Дин прочитал сообщение, напечатанное Мустафой Амином в приложении «В последний момент» к журналу «Ахер саа», где говорилось, будто Фуад Сираг ад-Дин заявил, что «офицеры руководства теперь у него в кармане». Прочитав такое сообщение, Фуад Сираг ад-Дин понял, что встреча вряд ли состоится. Так оно и случилось. О том, что она отменяется, ему сообщил Ахмед Абульфатх.

Вафд не хотел, чтобы его отношение к закону об аграрной реформе оставалось неясным. 6 сентября 1952 г., пе-

ред тем как Нагиб возглавил кабинет, Фуад Сираг ад-Дин за несколько дней до своего ареста сделал следующее заявление газете «Аль-Мысри»:

«Вафд в принципе согласен с ограничением собственности, но у него есть замечания и поправки к опубликованному проекту, которые мы не замедлили довести до сведения компетентных органов». И далее: «Мы согласны с принципом, составляющим суть проекта, что же касается наших замечаний, то они сводятся к деталям, не затрагивая существа».

Эта позиция Вафда была подтверждена в его новой программе, опубликованной 21 сентября 1952 г., когда Фуад Сираг ад-Дин уже находился под арестом. В программе подтверждалось «согласие с проектом закона об ограничении собственности, поскольку его целью является социальная справедливость и сближение классов».

Итак, вот позиция Вафда: согласие в принципе, дискуссия по поводу деталей, наконец, принятие закона после его выхода.

Однако «желтая пресса» («Ахбар аль-Яум»), воевавшая с Вафдом при короле, продолжала воевать с ним и после 23 июля. Публикуя сообщения, настраивающие офицеров против Вафда, она рыла пропасть между ними и Вафдом — партией, к которой принадлежало большинство представителей среднего класса, из которого вышли и «Свободные офицеры».

Так закончилось первое столкновение движения «Свободные офицеры» с феодальным классом в Египте.

Закон об аграрной реформе, ограничивший собственность, был проведен в жизнь без пролития крови, так как условия для этого полностью созрели, а народные массы горячо его приветствовали. Тем самым движение «Свободные офицеры» осуществило важный шаг, который определил их позицию по вопросу социального развития в Египте и обеспечил ему широкую народную поддержку.

* * *

Насколько первое столкновение было легким и позитивным по своему воздействию на политическую и социальную жизнь страны, настолько второе оказалось трудным и воздействие его на политическую и социальную жизнь в конечном итоге было сложным.

С первых же шагов движения «Свободные офицеры» стало ясно, что оно не опирается на какую-то определенную партию или политическую силу, а представляет собой совершенно особое, возникшее в рядах армии независимое движение, имеющее многочисленные связи с рядом политических организаций самых разных направлений.

31 июля 1952 г. Главное командование опубликовало заявление, в котором говорилось: «Армия, которая первой приступила к чистке своих рядов и передаче командования в надежные, достойные, бескорыстные руки, считает, что эту работу безотлагательно должны провести все — каждый в своих рядах — так, чтобы чистка была полной и охватывала государственный аппарат, партии и организации». И далее: «Армия считает также, что партии и организации, ответственные перед народом, должны изложить народу свою ясную и четкую программу».

Таким образом, лозунг «чистки», провозглашенный после каирского пожара Нагибом аль-Хиляли, вновь был поднят на щит. Для руководителей партий заявление явилось настоящим ударом. В первые же дни они поспешили явиться в Совет командования, чтобы засвидетельствовать свое почтение и выразить лояльность.

Хотя упомянутое заявление по своему содержанию означало уважение к конституции и признание партий, тем не менее условием их существования оно делало чистку, а это ставило их в зависимость от военного руководства.

Военное руководство настаивало на чистке госаппарата и партий, чтобы подготовить почву для проведения выборов, которые оно назначило на февраль 1953 г.

Заявление об этом было опубликовано 11 августа и шло вразрез с заявлением Али Махира, которое было сделано, как говорилось выше, в тот же день, но в нем не устанавливался срок выборов. В заявлении Главного командования отмечалось: «Как было ранее согласовано с главой правительства, выборы будут проведены в феврале с тем, чтобы дать правительству время, достаточное для полной чистки своего аппарата, и партиям для полной чистки своих рядов в целях установления в стране здорового парламентского строя под сенью конституции».

На призыв провести чистку своих рядов партии не откликнулись — слишком уж щепетильным был этот вопрос. К тому же многие их руководители стояли не на столь высоком уровне, чтобы не подвергнуться чистке. Поэтому

Сулейман Хафез в срочном порядке подготовил проект закона о реорганизации политических партий. Против проекта вначале принципиально возражал Абд ар-Разек ас-Санхури, аргументируя это тем, что, согласно конституционным правилам, организация партий — дело самих партий.

Закон о реорганизации партий был издан сразу же после того, как М. Нагиб занял пост премьер-министра. Законом предусматривалось, что всякий, кто желает образовать политическую партию, должен известить об этом министра внутренних дел заказным письмом; министр внутренних дел имеет право опротестовать заявление о создании партии в течение месяца со дня его получения; в этом случае дело передается в административный суд, последний выносит свое решение по делу в двухнедельный срок.

Закон обязывал партии помещать свои финансовые средства в банки. Существующие партии должны были реорганизовать себя в соответствии с положениями закона.

Накануне выхода закона прошли аресты политических деятелей.

Закон застал партии врасплох. От неожиданности их руководство растерялось и потеряло способность действовать разумно. В каждой партии активизировались авантюристические и оппортунистические элементы, началась междоусобица.

Призыв к проведению чистки оказался для партий ловушкой — начались личные счеты.

В этот период закатилась звезда многих деятелей, чьи имена сверкали в политическом небе Египта до 23 июля. Кое-кто из них даже пытался апеллировать к военным. Впоследствии, вспоминая об этом, Г. А. Насер писал: «Каждый, с кем мы встречались, думал только о том, как бы погубить другого».

В ловушку попался и Вафд. Желая продемонстрировать, что он откликнулся на призыв к проведению чистки, Вафд без всякого расследования исключил из своего состава ряд лиц, в отношении которых существовали некоторые подозрения. Наиболее заметной фигурой среди них был Махмуд Абдель Латыф, в прошлом занимавший пост министра социальных дел.

С выходом закона партии считались распущенными и на политическую арену могли вернуться не иначе, как с

согласия военных. Основная борьба разгорелась вокруг Вафда.

В таком важном конституционном вопросе, как вопрос о партиях, позиция Вафда была нерешительной. Мустафа Наххас заявил, что все те, кто находится под арестом, в организации нового Вафда допущены не будут.

О своей отставке, как член Вафда и сената, заявил Фуад Сираг ад-Дин. «Я подаю в отставку из преданности Вафду и лично Вам», — писал он из заключения Наххасу.

Во исполнение закона о партиях 21 сентября 1952 г. Вафд опубликовал свою программу, в которой партия характеризовалась как «социалистическая демократическая политическая организация, стремящаяся к достижению независимости и единства (с Суданом. — *Ред.*) и отвергающая все формы совместной обороны».

В программе были поставлены следующие цели:

— приверженность идее арабской Палестины;

— поддержка группы африканских и азиатских государств и их политики, направленной на национальное освобождение;

— установление минимума заработной платы вообще и сельскохозяйственным рабочим в частности;

— принятие закона о преследовании министров;

— принятие и проведение в жизнь закона о социальном страховании рабочих;

— принятие закона о медицинском обслуживании рабочих и членов их семей;

— обновление в течение 20 лет египетской деревни;

— завершение в течение 5 лет программы обеспечения населения годной питьевой водой в соответствии с проектом вафдистского кабинета, утвержденным в 1951 г.;

— введение обязательного религиозного обучения;

— запрещение вина и мейсира *;

— одобрение проекта закона об ограничении земельной собственности, поскольку его целью является социальная справедливость и сближение классов.

Следует отметить, что программа намечала довольно широкие перспективы для внутренней и внешней политики, которые в свое время имели прогрессивный характер и были созвучны настроениям масс до и после 23 июля. Недаром некоторые органы английской печати обрушились

* Мейсир — азартная игра древности; здесь азартные игры вообще.

с нападками на Вафд и обвинили Мустафу Наххаса в максимализме.

Это была первая писаная программа Вафда, строившего свою политику на основе деклараций своих национальных конгрессов, которые состоялись в 1928, 1935 и 1943 гг., а также заявлений, содержавшихся в речах лидеров партии, с которыми они выступали в День национальной борьбы — 13 ноября[3].

Несмотря на то, что Вафд принял прогрессивную национальную программу, Сулейман Хафез настаивал на преследовании Мустафы Наххаса и удалении его с поста председателя партии. Когда бывший министр иностранных дел д-р Мухаммед Салах ад-Дин попытался выяснить его позицию в отношении Вафда и сохранения поста председателя партии за Наххасом, Сулейман Хафез заявил, что у министерства внутренних дел имеются серьезные основания опротестовать этот выбор перед Госсоветом.

Когда это стало достоянием гласности, М. Наххас поспешил сделать следующее заявление: «Я всегда считал, что принадлежу народу; моя вера в народ и его вера в меня на протяжении моей политической деятельности были мне помощью во время невзгод и поддержкой в жизни. Я и в оставшиеся дни мои буду принадлежать этому верному народу, и после всемогущего Аллаха никакая сила не может лишить меня этого положения, кроме народа, и одного только народа...»

Члены Вафда настаивали на воссоздании партии под председательством М. Наххаса. Оппозиция к закону достигла наивысшей точки, когда 27 сентября 1952 г. Вафд принял решение не подавать министру внутренних дел заявление о своей реорганизации.

Однако этой позиции Вафд придерживался недолго по ряду причин.

Во-первых, Мустафе Наххасу было уже за семьдесят, и у него уже не было того задора и той способности к борьбе, которой он славился, когда, бывало, стаскивал с коня начальника полиции и спал на перронах вокзалов.

Во-вторых, среди окружения Мустафы Наххаса появились соглашательские элементы, лишившие Вафд необходимой твердости; из них наибольшее влияние на Наххаса в этот период оказывали Абдель Салям Фахми Гомаа и д-р Таха Хусейн.

В-третьих, отсутствие притока к руководству Вафда молодых сил. Большинство членов его руководства были из

пашей, которым перевалило за 65; моложе были лишь Махмуд Сулейман Ганнам и Фуад Сираг ад-Дин, в то время находившийся в заключении. Наххас почувствовал это сразу же после ареста Фуада Сираг ад-Дина, поэтому в состав руководства Вафда он ввел Мухаммеда Салах ад-Дина и Ибрагима Фарага; последний был назначен генеральным секретарем временно, пока не будет освобожден из заключения Сираг ад-Дин, отставка которого не была принята.

В-четвертых, отсутствие достаточной партийной дисциплины в рядах Вафда, который с начала своего возникновения обычно включал в свой состав народные массы различных направлений, в форме фронта, а когда лишался возможности иметь с ними связь, терял контакт и был бессилен привести их в движение своими организационными средствами.

В-пятых, усиленная пропаганда против партий вообще и Вафда в частности, в распространении которой особенно усердствовала «Ахбар аль-Яум»; в результате многие люди обращали свои взоры к новой власти как к избавительнице от всех существующих несправедливостей.

Наххас говорил: «Армия — это дорожный каток, перед которым может устоять только то, что сильнее его, и эта сила — сила народа, верящего в демократию и конституцию».

Однако вера в конституцию сильно пошатнулась при короле вследствие многочисленных нарушений конституции, которые он допускал при участии представителей партий «меньшинства» и «независимых», вроде Ахмеда Зивара, Исмаила Сидки и Али Махира. Поэтому Вафд потерял силу, при помощи которой он мог бы противостоять действиям военного руководства.

Начался этап отступления. 6 октября 1952 г. было опубликовано заявление, под которым поставили свои подписи Абдель Салям Фахми Гомаа, Али Заки аль-Ораби, Абдель Фаттах ат-Тавиль, Мухаммед Мухаммед аль-Вакиль и Ахмед Хамза. В нем говорилось, что, уступая настоятельной просьбе Мустафы Наххаса об освобождении его от обязанностей председателя партии, Вафд объявляет его своим пожизненным почетным председателем и будет и впредь следовать начертанной им линии в деле освобождения Долины Нила.

Через два дня, 8 октября, по случаю годовщины отмены договора 1936 г. Наххас сделал заявление, в котором говорилось: «Освободительное движение армии явилось заме-

чательным, живым выражением пробуждения народа, который оказался сильнее произвола и деспотизма тех, кто играл его судьбой; теперь прошло их время, и страна с надеждой обращает свои взоры к новой эпохе — эпохе абсолютной справедливости и всеобщей свободы».

Однако эти слова не нашли никакого отклика у Совета командования, хотя М. Нагиб имел связи с Вафдом, Г. А. Насер не раз выступал в защиту курса, проводимого Вафдом, когда у власти находился последний вафдистский кабинет, а Юсеф Сыддык и Халед Мохи ад-Дин сочувствовали Вафду.

Сначала Г. А. Насер и некоторые его коллеги оказывали заметное сопротивление линии Сулеймана Хафеза на подрыв Вафда, но, когда Вафд начал отступать, проявлять нетвердость и неспособность привести в движение своих рядовых членов, это сопротивление стало ослабевать.

Дело кончилось тем, что 8 ноября 1952 г. министр внутренних дел опротестовал назначение Мустафы Наххаса почетным председателем Вафда и представил возражения против Абдель Фаттаха ат-Тавиля как основателя партии.

Министр внутренних дел получил извещения об образовании 16 организаций и партий (это — Вафд, «Братья-мусульмане», партии: Саад, Либералов-конституционалистов, Рабочая, Рабочих и крестьян, «Социалистическая», Новая национальная, Крестьянская социалистическая, «Вафдистский блок», Демократическая, Республиканская, «Партия аллаха»; три женские партии: «Дочь Нила», «Женская» и «Женская национальная»).

Из приведенного списка он возразил против создания двух партий — Демократической и Республиканской — по той причине, что они выступали за установление республиканского строя.

Во время рассмотрения протестов в зале суда 50 адвокатов из Александрии устроили демонстрацию в защиту Абдель Фаттаха ат-Тавиля.

Судя по характеру протестов министра внутренних дел Сулеймана Хафеза, представлявшего власть армии, они были продиктованы либо личными мотивами, либо заявлены на том основании, что партии выступали против монархического строя.

Таким образом, движение армии не провело различия между партиями на классовой основе. Оно подошло с одинаковой меркой к тем партиям, среди руководителей ко-

торых были представители разгромленного феодального класса, и тем, которые вели патриотическую борьбу против империализма и британской оккупации; к партиям, поочередно делившим власть при короле, и партиям молодым, чье руководство в основном состояло из представителей мелкой буржуазии и которые находились в резкой оппозиции к прежнему режиму.

Единственным достоинством закона о реорганизации партий было то, что благодаря ему партии выработали и объявили свои программы. Так, в программе партии Саад содержался призыв содействовать «вложению неиспользуемых национальных капиталов в промышленность и торговлю, а также привлечению иностранных капиталов в пределах, отвечающих интересам страны». Таким образом, массы рядовых египтян получили возможность выбирать среди партий ту, чьи программные установки соответствовали их устремлениям.

Само движение военных не собиралось иметь свою партию. Конкуренция в борьбе за власть на партийной основе для него вряд ли была бы перспективной. И вот почему. «Свободные офицеры» пока что оставались никому не известными лицами, имена и биографии членов Совета командования держались в секрете, да никто из них и не имел такого прошлого, чтобы сплотить вокруг себя массы. Что касается М. Нагиба, то, при всей своей храбрости и обаятельности, в глазах египетского народа он не был великим полководцем. В конце концов, это был всего лишь не одержавший победы участник Палестинской войны.

С каждым днем становилось все более очевидным, что движение военных не может следовать по пути либерального демократизма, ибо этот путь не гарантировал дальнейшего успеха.

Сулейман Хафез добился издания ряда законов и актов, подготавливавших почву для установления абсолютной власти военных.

Когда движение военных приступило к осуществлению лозунга «чистки», в соответствии с особыми законами были созданы специальные комиссии двух видов — административные и судебные. Каждую административную комиссию возглавлял судья, в состав ее входил представитель прокуратуры, а в каждую судебную комиссию во главе с советником входили два представителя высших судебных инстанций. Административные комиссии проверяли деятельность государственных служащих и имели право

принимать решение об увольнении, а судебные — рассматривали дела, связанные с деятельностью министерств и, смотря по обстоятельствам, должны были передавать дела в уголовные или административные суды.

Однако, если первые комиссии со своими обязанностями справлялись сравнительно легко, то вторые столкнулись с непреодолимым препятствием. Дело в том, что многие министры, которые должны были нести уголовную или политическую ответственность, находились под защитой конституции, согласно которой дела, возбуждаемые против министров, рассматривались не в обычном судебном порядке, а особым судом и только по постановлению палаты депутатов. Получалось, что чистка коснулась лишь рядовых чиновников, а к министрам никак нельзя было «подобраться».

Этот вопрос поднял Сулейман Хафез, который не нашел для него иного решения, кроме отмены самой конституции.

В мемуарах Сулейман Хафез пишет: «Шум, поднятый Вафдом, подействовал на Совет командования, и между мной и Гамалем Абдель Насером, Абдель Хакимом Амером и Юсефом Сыддыком возникли резкие разногласия; я настаивал на одинаково строгом применении закона ко всем и ни о чем другом и слышать не хотел, и справедливости ради надо сказать, что Мухаммед Нагиб, Гамаль Салем, Салах Салем, а также, если мне не изменяет память, Анвар Садат в этом споре были на моей стороне». (Кстати, именно в этот период в разговоре с Ахмедом Фуадом Г. А. Насер заметил: «Кажется, нам нужно совершить еще один переворот ради демократии».)

«В разгар баталии, разгоревшейся между мной и партиями вообще и Вафдом в особенности, — продолжает далее Сулейман Хафез, — Мухаммед Нагиб и Гамаль Абдель Насер нанесли визит вежливости Мустафе Наххасу... В моих глазах Нагиб пытался оправдать свои действия тем, что это была лишь попытка сломать образовавшуюся ось Вафд — коммунисты, но меня его оправдание не убедило».

Таким образом, из мемуаров Сулеймана Хафеза вытекает, что он был главной пружиной в действиях, направленных против партий и конституции.

Разговоры о конституции начали постепенно стихать и наконец совсем прекратились. Были даны указания снять плакаты художника Хасана Фуада, на которых был изображен солдат на фоне купола парламента и внизу слова: «Мы защищаем конституцию». Этот плакат, выпущенный

издательством «Ат-Тахрир», был расклеен на стенах домов по всей стране. 14 сентября он впервые появился на первой полосе газеты «Аль-Мысри», а в середине ноября его уже везде сняли.

10 декабря 1952 г. была «снята» и сама конституция. Хотя конституция 1923 г. и предоставляла королю такие полномочия, которые нередко сводили ее действие на нет, она все-таки была гарантией и опорой политической свободы масс.

Конечно, эта конституция служила в основном интересам феодального класса и крупной буржуазии. Так, согласно ст. 78 каждый кандидат в депутаты парламента должен был внести залог в размере 150 фунтов — сумму по тому времени немалую, которую неоткуда было взять представителю мелкой буржуазии, рабочему или феллаху. Конституция предоставляла большие привилегии и широкие права монарху, вроде права роспуска и отсрочки созыва палаты депутатов и т. п. Для членов сената устанавливался высокий имущественный ценз.

Совершенно очевидно, что конституция 1923 г. не годилась пришедшему к власти среднему классу. Было бы нелогично, если бы этот класс сохранил такую конституцию, которая лишала его возможности утвердить себя и осуществить свои цели.

В связи с отменой конституции было решено отсрочить выборы. 9 февраля в интервью Ахмеду Абульфатху Г. А. Насер заявил, что выборы отсрочены до эвакуации англичан.

Голоса протеста против закона о реорганизации партий продолжали раздаваться и после отмены конституции. Ахмед Абульфатх по-прежнему критиковал этот закон в своих многочисленных статьях в газете «Аль-Мысри». В Каирском университете, где кандидат объединенного фронта, то есть фронта патриотических и прогрессивных политических партий и сил, Ахмед аль-Хатыб одержал победу над кандидатом «братьев-мусульман» Хасаном Даухом, состоялась демонстрация. Это явилось выражением оппозиции молодежи по отношению к шагам, направленным на блокирование демократии.

Адвокаты, выступавшие в качестве защитников по делу Вафда в Государственном совете, подготовили записку, в которой доказывали неконституционный и антидемократический характер закона о реорганизации партий, и слушание дела было отложено.

Государственному совету, который считался опорой свобод и демократии, 25 политических деятелей, находившихся под арестом, подали жалобу на необоснованность постановления об аресте. За это их перевели в одиночные камеры и лишили возможности получать передачи. Ввиду этих мер многие из них отказались от своих требований, но Фуад Сираг ад-Дин и еще несколько человек, находившихся в заключении, продолжали настаивать на своем. В результате он был освобожден лишь в ночь накануне заседания в Государственном совете.

13 января 1953 г. была образована комиссия из 50 человек во главе с Али Махиром по подготовке проекта новой конституции, «отвечающей целям революции». Из членов комиссии трое входили еще в комиссию по выработке конституции 1923 г. (в том числе сам Али Махир). В составе комиссии было четыре вафдиста, два саадиста, два конституционалиста, двое представляли «Вафдистский блок», трое — Национальную партию и трое — Новую национальную партию; кроме того, в комиссию входили три председателя высших судебных органов (Кассационного суда, Государственного совета и Верховного шариатского суда); три члена комиссии были из военных и служащих полиции; остальные — «независимые».

В большинстве своем это были те, кто при прежнем режиме имел теперь уже упраздненные титулы паши или бея, а также представители крупной буржуазии.

Едва стал известен состав конституционной комиссии, как через четыре дня, 17 января, был объявлен манифест главнокомандующего вооруженными силами о роспуске политических партий. В манифесте говорилось о «роспуске всех политических партий и конфискации всего их имущества и средств в пользу народа вместо того, чтобы они тратились на сеяние смуты и раскола». В манифесте объявлялся также трехлетний переходный период вплоть до установления «здоровой конституционной демократической власти».

18 января был издан закон о защите мероприятий, проводимых главнокомандующим вооруженными силами (главой движения военных) как суверенных действий сроком на 1 год. Закон ставил целью защиту движения и установленного им режима.

Эти меры, сопровождавшиеся новой кампанией арестов (было арестовано 48 коммунистов, 144 активиста других партий и 39 человек «за связь с иностранцами»), явились

реакцией на враждебные студенческие демонстрации и непрекращавшуюся активность партий, отстаивавших свое существование; свою роль в этом сыграло и то обстоятельство, что в рядах армии и внутри Совета командования начались конфликты.

Середина января 1953 г. была насыщена событиями, определившими позицию движения военных по вопросу о партиях и власти и побудившими Совет командования впервые объявить о себе как о Совете революционного командования (СРК).

События показали, что движение «Свободных офицеров» не было склонно к установлению сотрудничества с партиями или попытке подчинить их себе. Оно начало блокировать партии с помощью целой серии мероприятий, так как встретило в их лице препятствие к утверждению своего авторитета и власти. Особенно резкое столкновение у него произошло с самой сильной, самой влиятельной среди масс, а потому и наиболее опасной для него партией — Вафдом.

К моменту принятия закона о роспуске партий движение военных сохранило хорошие взаимоотношения с «братьями-мусульманами», которых вопрос о партиях и демократии не особенно беспокоил — они вынашивали собственные планы, рассчитывая стать наследниками движения или прибрать его к рукам.

Было бы неверно утверждать, что движение военных с самого начала намеревалось установить военную диктатуру — как раз именно отсутствие определенного плана в сочетании с благоприятствовавшей этому обстановкой и привело к ее установлению.

Но было бы неверно утверждать и обратное, то есть что движение военных заботилось о демократии, хотя внутри СРК, а также в рядах армии и раздавались голоса в ее защиту. При слабости сопротивления искушение властью было слишком велико.

Со времени выступления 23 июля прошло полгода. По этому случаю 23 января 1953 г. состоялись многолюдные народные торжества, и было объявлено о создании Организации освобождения.

Создавая Организацию освобождения, СРК считал, что ему удастся заполнить политический вакуум, образовавшийся после роспуска партий, но те, кто ранее занимался политической деятельностью, в нее, за редким исключением, не вошли.

У руководства организации были поставлены Ибрагим ат-Тахави и Ахмед Абдалла Туайме — офицеры, далекие от политики и потому не имевшие опыта политической работы. Организация освобождения явно находилась в руках армии.

Насколько движение армии потрясло устои рухнувшего режима, настолько же оно само стало препятствием на пути порыва масс к радикальным демократическим изменениям в обществе.

Тем самым движение военных доказало, что оно действительно вышло из недр среднего класса — мелкой буржуазии и действовало в интересах своего класса и утверждения его устоев.

Подобно тому как феодальный класс использовал средний класс в своих интересах, средний класс для того, чтобы прочно стать на ноги, стал использовать проявления поддержки со стороны рабочего класса и крестьянства.

Не было никакого сомнения в том, что начиная с середины января Египет управлялся чисто военной группировкой, и никто не осмелился назвать это диктатурой, так как вновь была введена цензура, открыты концлагеря и участились увольнения с занимаемых постов без суда.

10 февраля 1953 г. была обнародована временная конституция, которая действовала в Египте в течение переходного периода. Она состояла из семи статей, содержащих общие положения, и четырех статей о высшем суверенитете. Согласно этой конституции, вопросы высшего суверенитета входили в компетенцию Совета революционного командования, который имел право назначать и смещать министров; совет министров осуществлял одновременно законодательную и исполнительную власть; Совет революционного командования и совет министров составляли высший орган для рассмотрения общих вопросов политики государства, а также действий любого министра во вверенном ему министерстве.

На другой же день, 11 февраля, по случаю 45-летия со дня смерти Мустафы Кямиля состоялась торжественная церемония перенесения его праха в Каирскую цитадель.

На следующий день (12 февраля) Мухаммед Нагиб, Гамаль Абдель Насер, Абдель Латыф аль-Багдади и Анвар Садат посетили усыпальницу Хасана аль-Банны по случаю 4-й годовщины со дня его смерти.

Затем Мухаммед Нагиб посетил мавзолей Саада Заглула и прочитал над ним суру «Аль-Фатиха» *.

Все это было сделано для того, чтобы дать массам почувствовать, что движение военных настроено не против вождей тех партий, к которым они принадлежат, а лишь против действий их преемников.

Несмотря на роспуск партий, народ надеялся, что комиссия 50-ти наконец-то выработает конституцию, которая восстановит парламентский строй. Но комиссия работала страшно медленно. Критикуя Али Махира за медлительность, Ахмед Абульфатх в газете «Аль-Мысри» выступил со статьей «Конституция, о председатель!». В ней он требовал установить срок окончания работы комиссии и предлагал, следуя новейшей моде на различные «недели», вроде «недели чистоты», «недели ухода за домашней птицей», «недели инвалидов войны», проводить и «неделю конституции» **.

25 мая 1953 г. начал работу «Суд над вероломством». Среди тех, кто первым предстал перед судом, были министры, до которых удалось добраться лишь после отмены конституции.

Неожиданно газеты сообщили, что «комиссия пяти», созданная конституционной комиссией в составе д-ра Абд ар-Разека ас-Санхури, Макрама Убейда, Абдель Рахмана ар-Рафии, Сейида Сабри и Османа Халиля Османа для обсуждения вопроса о государственном строе, пришла к заключению о том, что государственный строй должен быть республиканским и что это должно быть решено путем плебисцита.

17 июня 1953 г. Гамаль Абдель Насер в интервью газете «Аль-Ахрам» сказал: «Республика будет, в этом нет сомнения». Он также заявил, что «самая подходящая партийная система для современного Египта — это система, базирующаяся на подлинно демократической основе». «Почему мы думаем о создании одной партии или абсолютиз-

* Первая сура Корана — «Аль-Фатиха» (Открывающая книгу). — *Ред.*

** Газета «Аль-Мысри» играла выдающуюся роль в деле защиты конституции и демократии. После упомянутой статьи Ахмед Абульфатх написал другую под заголовком: «Да, конституция». Но она была изъята Салахом Салемом. Последний в том же номере газеты ответил Ахмеду Абульфатху своей статьей, которую назвал так: «Те, кто жалуются и плачут». После этого Ахмед Абульфатх перестал писать и уехал в Александрию.

ме? —спрашивал он далее. — Почему бы нам не дать любому принципу, исповедуемому группой порядочных людей и направленному на служение отечеству, возможность существовать и действовать на благо всех?» В том же интервью Г. А. Насер сказал, что «Организация освобождения не является политической партией и создана не для того, чтобы стать политической партией, извлекающей выгоды для своих членов и жадной до власти, ее создание объясняется желанием иметь инструмент для организации сил народа».

На другой день после этого интервью в Египте был ликвидирован монархический строй и низложен король Ахмед Фуад II. Кончилось правление династии Мухаммеда Али, которая правила Египтом на протяжении почти 150 лет. 18 июня 1953 г. была провозглашена республика, а Мухаммед Нагиб стал первым президентом Республики Египет.

Внешне положение выглядело так, как будто на политической арене осталась одна армия со своей властью в лице СРК. Однако в действительности дело обстояло подругому. Столкновение с партиями еще не завершилось, и СРК пока контролировал далеко не все.

С вопросом о партиях и демократии нельзя было покончить одним ударом, как с вопросом об аграрной реформе. В конечном счете борьба за власть велась не между разгромленным феодальным классом и средним классом, а внутри одного класса, и речь шла о формах и методах управления страной.

В стране муссировались разного рода слухи, и это обстоятельство весьма беспокоило СРК. На страницах газет и журналов в особых рамках появились призывы, вроде: «Заведомо ложные слухи есть нравственная ржавчина... Постепенно распространяясь, она разъедает весь общественный организм», «Долг каждого гражданина — бороться со слухами, за это он будет вознагражден как борец на пути Аллаха».

Но кажется, никто не внял этим призывам... Недаром Г. А. Насер как-то заметил: «К несчастью или к счастью, наша революция была бескровной».

Перед лицом все усиливавшегося брожения в обществе были приняты более решительные меры. В середине сентября 1953 г., в речи на массовом митинге на площади Республики М. Нагиб объявил об учреждении Революционного трибунала. Председателем его был назначен под-

полковник ВВС Абдель Латыф аль-Багдади, а членами — подполковник Анвар Садат и майор ВВС Хасан Ибрагим.

Эта мера сопровождалась волной арестов. Под домашний арест были взяты Мустафа Наххас и его жена Зейнаб аль-Вакиль.

Никто не знал, какими правилами должен руководствоваться этот суд и каковы его цели. Салах Салем, например, предлагал заседание трибунала устроить прямо на площади Освобождения.

Первым перед судом Революционного трибунала предстал Ибрагим Абдель Хади. Он обвинялся в том, что в 1953 г. установил связь с иностранцами «с целью нанесения ущерба существующему строю и высшему интересу государства». Кроме того, ему было предъявлено обвинение в том, что в 1948 г. он бросил неподготовленную египетскую армию в Палестинскую войну (такая постановка вопроса о Палестинской войне прозвучала как нечто новое), а также в том, что, будучи премьер-министром, установил режим террора и подготовил условия для убийства руками своих пособников шейха Хасана аль-Банны.

Процесс над Ибрагимом Абдель Хади закончился в октябре 1953 г. вынесением ему смертного приговора, который затем был смягчен и заменен пожизненным тюремным заключением с конфискацией всего имущества, за исключением законно наследованного (в феврале 1954 г. Ибрагим Абдель Хади был освобожден по состоянию здоровья).

Всего перед судом Революционного трибунала предстали 34 человека, в том числе шесть вафдистов (Ибрагим Фараг, Махмуд Сулейман Ганнам, Фуад Сираг ад-Дин, Зейнаб аль-Вакиль, Махмуд Абульфатх и Хусейн Абульфатх), трое из дворцовой клики (Карим Сабит, Ахмед ан-Накыб и Мухаммед Хильми Хусейн), бывший генеральный прокурор Кямиль аль-Кавыш, один саадист (Ибрагим Абдель Хади), один конституционалист (Ахмед Абдель Гаффар), два офицера (полковник Абдель Гаффар Осман и бригадный генерал Ахмед Шауки), 13 шпионов, трое распространителей слухов, два человека за тайную связь с иностранцами.

Трибунал вынес шесть смертных приговоров, из них четыре были приведены в исполнение (в отношении шпионов), два приговора (по делу Ибрагима Абдель Хади и некоего Ахмеда Али Авада, осужденного за передачу информации иностранцам) были заменены пожизненным тю-

ремным заключением; оправдательных приговоров было вынесено лишь четыре.

Деятельность Революционного трибунала была направлена главным образом против Вафда и остатков других партий и политических организаций. Из членов руководства Вафда судили всех, кто не достиг 65-летнего возраста. Дольше всех (45 заседаний) продолжался процесс над Фуадом Сираг ад-Дином. В решении суда по его делу говорилось: «Суд выражает порицание и сожаление по поводу позиции вафдистского правительства в отношении Битвы за освобождение в зоне канала и непринятие соответствующих мер по ее подготовке, в результате чего действия Вафда, которые должны были бы составлять предмет его гордости, вызывают по его адресу упрек и сожаление».

Упрек этот был, конечно, неуместным. Выступления партизан совсем необязательно должны с самого начала носить вполне законченный характер, их деятельность совершенствуется по мере того, как растет и крепнет вооруженная борьба народа, что и произошло в действительности накануне каирского пожара, а также после 23 июля, в период, предшествовавший подписанию англо-египетского соглашения 1954 г. об эвакуации.

Над входом в помещение Революционного трибунала был прибит плакат со стихом из Корана:

«И убивайте их, где встретите».

Заседания происходили при закрытых дверях. На них присутствовали только члены трибунала, обвиняемый и представители обвинения в составе трех военных юристов и четырех заместителей генерального прокурора во главе с Закарией Мохи ад-Дином.

Предварительного следствия не велось, обвинения, предъявляемые подсудимым, в ряде случаев были для них полной неожиданностью. Так, Ибрагиму Фарагу было предъявлено обвинение в связи с иностранцами. Оказалось, что имеется в виду его участие во встрече Мустафы Наххаса с Джавахарлалом Неру во время его визита в Египет, который состоялся через пять дней после провозглашения республики.

А дело было так. Через индийского посла Неру передал письмо, в котором просил в программу визита в Египет включить встречу с Мустафой Наххасом. Во избежание неприятностей Наххас попытался было уклониться от встречи, но посол заявил, что если указанная встреча не состоится, то Неру в Египет не поедет.

В прошлом Наххас не раз встречался с Неру, и Неру очень хотел проявить знаки внимания к лидеру, достигшему своего положения благодаря демократии, в которую Неру непоколебимо верил и которая неизменно была предметом бесед всякий раз, когда он встречался с членами СРК.

Во время встречи, которая все-таки состоялась в доме Наххаса, Неру сказал, что он не забывает о связях Наххаса с его отцом и считает, что национальное движение в Индии обязано своим возникновением национальному движению в Египте, которое возглавлял Вафд. Наххас сказал, что он счастлив, что дожил до того дня, когда в Египте провозглашена республика, но откровенно признался, что военный режим ему не по душе, и он считает своим долгом сопротивляться ему до тех пор, пока не будут восстановлены конституция, демократия и свобода.

Заседания Революционного трибунала начались 1 октября 1953 г., а закончились в апреле 1954 г. После этого большинство руководителей Вафда оказались за решеткой.

Примечателен следующий факт. Во время суда над Фуадом Сираг ад-Дином его родственники обращались ко всем членам СРК в попытке убедить их в невиновности Фуада. Одни в ответ им говорили лишь вежливые слова, другие отвечали, что принять их не могут. И только один Г. А. Насер прямо и откровенно заявил им, что Фуада Сираг ад-Дина придется осудить и утвердить вынесенный ему приговор и что он, Сираг ад-Дин, как политический деятель, знает причины своего осуждения и время, когда будет освобожден.

А причин для этого было две, одна — внешняя, а именно возобновление деятельности партий в Сирии после их разгрома полковником Адибом Шишекли, и другая — внутренняя, которая заключалась в том, что революционные офицеры готовились нанести удар по «братьям-мусульманам».

* * *

Только в концлагере Хакстэп в момент выступления вооруженных сил ночью 23 июля томились сотни коммунистов. Лишь немногие из них были на свободе, после того как в 1950 г. вафдистское правительство ликвидировало концлагеря, созданные в 1948 г. в связи с Палестинской войной.

Со времени антикоммунистической кампании, развязанной Исмаилом Сидки в 1946 г., коммунисты в Египте подвергались арестам всякий раз, как только правящая верхушка находила для этого подходящий предлог. Можно сказать, что периоды, когда коммунисты находились на свободе, для них были исключением, а не правилом.

ХАДЕТУ — главная коммунистическая организация в Египте в тот период — сразу же поддержало движение «Свободных офицеров». Когда руководство ХАДЕТУ в ночь с 22 на 23 июля было поставлено в известность, что через несколько часов вооруженные силы выступят, чтобы сокрушить существующий режим и навязать свои условия королю, ХАДЕТУ подготовило листовку в поддержку выступления армии как патриотической акции.

В утренние часы 23 июля листовку уже распространяли на улицах Каира, и это было одно из первых выражений поддержки выступления армии со стороны политической силы наряду с поддержкой его «братьями-мусульманами», организовавшими в те же утренние часы охрану культовых зданий и некоторых жизненно важных объектов.

Немедленная поддержка выступления «Свободных офицеров» со стороны ХАДЕТУ была совершенно естественной. После каирского пожара листовки организации «Свободные офицеры» печатались, да и распространялись подпольным аппаратом ХАДЕТУ. Некоторые члены ХАДЕТУ играли в движении «Свободных офицеров» видную роль. В комитет армейской секции ХАДЕТУ входили Ахмед Фуад, который отвечал за пропаганду, и автор этих строк, отвечавший за политическую работу. Ахмед Фуад был в хороших отношениях с Г. А. Насером, с которым он познакомился через Халеда Мохи ад-Дина. В то же время в армейскую секцию ХАДЕТУ входили Халед Мохи ад-Дин, Юсеф Сыддык и несколько других участников движения «Свободных офицеров».

Если в начале 1952 г. Учредительный комитет движения «Свободных офицеров» исключил из своего состава Абдель Монейма Абдель Рауфа за связь с «братьями-мусульманами» и попытку вербовать офицеров в их организацию вместо организации «Свободные офицеры», то по отношению к Халеду Мохи ад-Дину его позиция была иной. Дело в том, что армейская секция ХАДЕТУ принимала офицеров в свои ряды путем тщательного отбора на основе проверки их личных качеств. Члены армейской секции привлекали офицеров сначала в организацию «Свободные

офицеры», и в этот период они как бы проходили кандидатский стаж, а когда убеждались, что эти кандидаты в идейно-политическом отношении вполне готовы к тому, чтобы вступить в армейскую секцию ХАДЕТУ, им это предлагали. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из офицеров, особенно «свободных», был принят в организацию ХАДЕТУ непосредственно. Поэтому у Учредительного комитета «Свободных офицеров» и не было конфликтов с офицерами-коммунистами.

В период, предшествующий 23 июля, когда вооруженная борьба народа против англичан в зоне Суэцкого канала вызывала все больший подъем революционных настроений в стране, армейская секция ХАДЕТУ считала, что Гамаль Абдель Насер и Абдель Хаким Амер являются именно такими честными патриотами и передовыми людьми, которым когда-нибудь можно будет предложить вступить в ее организацию. Но Ахмед Абульфатх совершенно не прав, утверждая в своей книге, будто Г. А. Насер под партийной кличкой Морис состоял в организации ХАДЕТУ.

После 23 июля одной из первых акций военного руководства было освобождение находившихся в заключении коммунистов. Почти все они (за исключением 17 человек) вышли из концлагерей на свободу.

Однако вскоре произошел конфликт. 12 и 13 августа в Кафр-ад-Давваре состоялись демонстрации протеста, в которых приняло участие около 10 тыс. рабочих. Рабочие боролись за свои права. Между полицией и демонстрантами произошли стычки, в результате которых вспыхнули пожары; на помощь полиции были вызваны войска, они также вступили в столкновение с рабочими. Во время этих событий было убито трое солдат, трое рабочих и ранено 28 человек.

Военное руководство, решив, будто эти демонстрации являются началом враждебных выступлений против армии, в той ситуации действовало весьма опрометчиво.

Для суда над рабочими был создан военный трибунал под председательством Абдель Монейма Амина, в то время члена Совета командования. Амин, по его собственному признанию, добровольно вызвался стать председателем трибунала и предложил его заседания проводить на месте событий.

Члены трибунала были настроены явно агрессивно по отношению к обвиняемым — их лишили даже права при-

гласить адвокатов. Между тем, как указывала газета «Аль-Ахрам», следствие показало, что полиция открыла огонь до начала беспорядков и этим спровоцировала рабочих; таким образом рушился важный аргумент обвинения. Но это ничего не изменило: двум рабочим — Мустафе Хамису и Мухаммеду Хасану аль-Бакри — трибунал вынес смертные приговоры, остальных обвиняемых приговорили к тюремному заключению.

По свидетельству самого Амина, приговор военного трибунала не был вынесен единогласно, что противоречит положениям законов военного времени. Советом командования приговор был утвержден тоже не единогласно: Гамаль Абдель Насер, Юсеф Сыддык и Халед Мохи ад-Дин были против смертного приговора.

Мустафа Наххас поспешил выступить с заявлением, в котором осудил «беспорядки» и призвал рабочих к «плодотворному труду на производстве». В тех же тонах было выдержано заявление Национальной партии. Как и военное руководство, лидеры этих партий испытывали страх перед выступлением рабочего класса.

Судебная расправа над рабочими взбудоражила общественное мнение в Египте и за рубежом. ХАДЕТУ, как коммунистическая организация, представляющая рабочий класс, оказалось в очень трудном положении. Хотя Мустафа Хамис и Мухаммед Хасан аль-Бакри не состояли членами ХАДЕТУ, встать на защиту рабочих было священным долгом каждого коммуниста, каждого прогрессивного деятеля.

Прогрессивные и левые силы во всем мире резко осудили процесс в Кафр-ад-Давваре. Военное руководство Египта характеризовалось как «группа реакционных офицеров, тесно связанных с США». Выходило, что ХАДЕТУ, рассматривая движение 23 июля как патриотическое, обещающее стать началом национального освобождения и социальных перемен, защищало «гиблое дело».

Откровенно враждебную позицию по отношению к коммунистам военное руководство заняло, когда 16 октября 1952 г. кабинет М. Нагиба обнародовал декрет о всеобщей амнистии лиц, осужденных за политические преступления в период со времени подписания договора 1936 г. до 23 июля 1952 г. или обвиняемых по политическим делам, приходящимся на тот же период. По упомянутому декрету было амнистировано 943 человека. На коммунистов же амнистия не распространялась как на лю-

дей, «выступающих против экономического и социального строя».

В другой раз движение военных обнаружило свою враждебность к коммунизму, когда Юсеф Сыддык во время своей поездки по провинциям вместе с министром по делам муниципалитетов Абдель Азизом Али и министром национальной ориентации Фатхи Радваном выступил с речью в Бени-Суэйфе, в которой заявил, что движение в Египте «ни восточное, ни западное» *.

Передача записи речи в эфир была отменена; некоторые члены Совета командования выступили с протестом против объявления такой позиции по той причине, что она не понравилась чиновникам американского посольства или, по их выражению, «вызвала у них досаду».

Взаимоотношения между Юсефом Сыддыком и другими членами Совета обострились. Этому способствовали также его критические замечания в адрес Совета. Так, он критиковал Совет командования за то, что кабинет М. Нагиба был сформирован без предварительного обсуждения его состава, что не ведутся протоколы заседаний Совета; он протестовал против смещения меня с должности главного редактора журнала «Ат-Тахрир», осуждал поведение некоторых членов Совета, которое компрометировало их всех.

Надо сказать, что Юсеф Сыддык был человеком прямым и вспыльчивым в отличие от своего коллеги Халеда Мохи ад-Дина — тот был спокойнее, гибче.

Стратегия ХАДЕТУ, к которому принадлежали Юсеф Сыддык и Халед Мохи ад-Дин, заключалась в сохранении сотрудничества с движением военных, развитии его положительных тенденций и преодолении искусственно созданных противоречий. Это было особенно важно потому, что именно тогда журнал «Аль-Катиб» объявил об образовании Партии национального освобождения во главе с Кямилем аль-Биндари.

В Главный комитет партии вошли Хифни Махмуд, Юсеф Хильми, Халед Мохаммед Халед, Заки Мурад, Камаль Абдель Халим, Ахмед ар-Рифаи, а в рабочий аппарат Комитета — Ахмед Таха, Мухаммед Али Амер и г-жа Сеза Набрави. Однако эта партия не успела подать заявку ми-

---

* Кораническое выражение. Коран, сура 24, где речь идет о «маслине, ни восточной, ни западной», то есть не земной, а небесной. (См. Коран, с. 570). — *Ред.*

нистру внутренних дел — закон о роспуске партий вышел до того, как она объявила о своем существовании всенародно; кроме того, необходимо было еще созвать общеегипетскую конференцию, чтобы на ней обсудить и утвердить программу партии.

Важным событием явился арест офицеров 15 января 1953 г. Одновременно с группой офицеров артиллерии и Рашадом Механной был арестован и я, хотя не только никак не был с ними связан, но более того — наши взгляды резко расходились. Я был единственным членом армейской секции ХАДЕТУ, подвергшимся аресту, так как другие ее члены в то время были неизвестны власти, за исключением, конечно, Юсефа Сыддыка и Халеда Мохи ад-Дина.

16 января начались аресты среди коммунистов и патриотов левого направления. Мой арест послужил для них предупреждающим сигналом, и никого из Политбюро ХАДЕТУ властям схватить не удалось. (В состав Политбюро входили: Сейид Сулейман Рифаи, Камаль Абдель Халим, Мухаммед Шатта, Заки Мурад, Ахмед ар-Рифаи, суданец Абдель Халек Джнейна.)

По сообщениям газет, всего был арестован 101 человек, среди них — 48 коммунистов. ХАДЕТУ распространило листовку, в которой осуждало мой арест, а Камаль Абдель Халим посвятил мне стихотворение, напечатанное в журнале «Аль-Кифах».

Вслед за волной арестов были закрыты газеты и журналы левого направления: «Аль-Катиб», «Аль-Маляин», «Аль-Мейдан», «Аль-Вагиб» (газета издательства «Аль-Хиляль»), «Саут ат-Талиб» и «Аль-Муарада» (газета, которую издавал Фатхи ар-Рамли).

Юсеф Сыддык настаивал на отставке, заявляя, что его совесть не позволяет ему оставаться в составе органа, выносящего постановления об аресте товарищей по оружию, которых он считает честными людьми. Ахмед Фуад пытался убедить его не делать этого, но Юсеф Сыддык был непреклонен.

И снова коммунистические партии и демократические организации во всем мире осудили движение военных в Египте как реакционное.

Нападки, обрушившиеся на ХАДЕТУ за его терпимость в отношении к действиям военного руководства, побудили многих его членов перейти в Египетскую коммунистическую партию, созданную в 1950 г.

Пока я находился в тюрьме, где провел 50 дней, из ХАДЕТУ в партию перешел Ахмед Фуад *, что отрицательно сказалось на деятельности армейской секции. Ее боевая работа стала подменяться заслонившими общую политическую позицию дискуссиями по частным организационным вопросам. В результате прочное организационное единство армейской секции, которая со времени своего возникновения в начале 40-х годов, действуя в подполье, неизменно сохраняла высокую боеспособность, было поколеблено. В связи с этим ЦК ХАДЕТУ принял решение о роспуске армейской секции во избежание возможных тяжелых последствий, так как возникшие в ней разногласия могли пагубно отразиться на движении в целом. Руководителей коммунистического движения могли бы обвинить во вмешательстве в дела армии, а это грозило смертной казнью.

В последующие месяцы после начала кампании арестов шла борьба между движением военных и коммунистами, с одной стороны, и борьба двух различных тактических линий ХАДЕТУ и партии, — с другой.

Члены обеих организаций одинаково подвергались арестам — полиция между ними различия не делала. В апреле 1953 г. были арестованы некоторые члены Политбюро ХАДЕТУ, в ноябре 1953 г. — остальные. В этот период ХАДЕТУ удалось организовать побег семи заключенных из концлагеря Рауд-аль-Фараг и одного — из концлагеря Бени-Суэйф.

Кольцо вокруг коммунистов сжималось не только вне, но и внутри армии. Слежка усилилась настолько, что любой мой контакт с кем-либо из коллег мог подвергнуть его опасности.

Совет командования решил выслать Юсефа Сыддыка за пределы страны. В апреле 1953 г. он выехал в Швейцарию, затем в Ливан, а в августе 1953 г. нелегально вернулся в Египет и из Бени-Суэйфа послал М. Нагибу телеграмму, в которой сообщал о своем прибытии в Египет. После этого было принято решение об определении Бени-Суэйфа местом его жительства.

В этот период коммунисты продолжали выступать с требованиями демократии и восстановления парламентско-

---

* Причина перехода Ахмеда Фуада достоверно неизвестна; связь с армейской секцией он больше не поддерживал, затем вышел из партии.

го строя, не находя в этом какого-либо противоречия с марксизмом. С этой целью они предприняли активные действия по созданию Национально-демократического фронта в составе вафдистов, коммунистов, «братьев-мусульман», социалистов («Социалистическая партия» — «Молодой Египет»), сторонников мира и представителей других движений.

Попытки создать фронт начались одновременно с усилением кампании арестов. Подготовка по его созданию велась тайно. Для переговоров по этому вопросу Вафд и лично Мустафа Наххас уполномочили депутата парламента Ханафи Шерифа; другие партии и организации представляли: ХАДЕТУ — адвокаты Ахмед Рифаи и Заки Мурад, социалистов — Ибрагим Шукри, сторонников мира — Юсеф Хильми и Саад Кямиль, «братьев-мусульман» — д-р Хамис Хамида и Абдель Хафиз ас-Сайфи.

Национально-демократический фронт, находившийся в стадии формирования, подготовил социал-демократическую программу, одобренную всеми, кроме «братьев-мусульман». Они покинули совещание представителей фронта и заняли по отношению к нему негативную позицию. Во время студенческих выборов в университете «братья-мусульмане» выступили как противники фронта.

После ареста членов Политбюро ХАДЕТУ, вафдиста Ханафи Шерифа, капитана Мустафы Камаля Сидки, артистки Тахийи Кариока и других, нити, ведущие к существованию Национально-демократического фронта, оказались в руках полиции, и дело о нем было передано в суд...

Большую роль в деле ухудшения отношений между коммунистическими группами, как выразителями чаяний рабочего класса и крестьянства, и движением армии, представлявшим средний класс, сыграло ЦРУ.

Между движением военных и коммунистами могло бы установиться сотрудничество, если бы этому не помешали следующие обстоятельства:

— боязнь военного руководства допустить существование силы, способной поспорить с ним за власть;

— неприкрытый традиционный антикоммунизм «братьев-мусульман», находившихся в союзе с движением армии;

— деятельность иностранных разведок, стремившихся вбить клин между национальными силами под лозунгом «антикоммунизма»;

— воздействие империалистической антикоммунистической пропаганды на умы большинства офицеров;

— недостаточная зрелость коммунистических организаций, которые за короткий срок своего существования еще не сумели сплотить вокруг себя широкие народные массы, а также раздробленность движения, что сказалось на его влиянии на массы, а следовательно, и на отношении к нему со стороны военного руководства.

Во время своей встречи с некоторыми руководителями ХАДЕТУ в первые месяцы революции Г. А. Насер, только что возвратившийся тогда из поездки по различным районам страны, сказал, что он внимательно прислушивался к лозунгам, которые скандировали массы, чтобы определить их политическую принадлежность; он заметил влияние коммунистов в рабочих районах, таких как Махалла-эль-Кубра, Александрия, Шубра-эль-Хайма, Эль-Мансура, в других же районах — влияние «братьев-мусульман».

* * *

Отношения «братьев-мусульман» с движением «Свободных офицеров» сначала были тесными, но финал их был трагическим.

Накануне 23 июля Гамаль Абдель Насер и Камаль ад-Дин Хусейн встретились с членами Руководящего бюро ассоциации «Братья-мусульмане» Хасаном аль-Ашмави и Салехом Абу Ракыком и сообщили о предстоящем выступлении. Утром 23 июля, как уже упоминалось, «братья-мусульмане» организовали охрану культовых сооружений и других объектов.

Многие из «свободных офицеров» в какой-то период своей жизни были связаны с «братьями-мусульманами» и даже входили в их ассоциацию. Поэтому победу движения 23 июля «братья-мусульмане» рассматривали как свою собственную.

В отличие от всех патриотических партий и сил, таких, как «Социалистическая партия», сторонники мира и коммунистические организации, которые после каирского пожара были разгромлены, а их члены заключены в концлагеря, «братья-мусульмане» в то время находились на свободе.

Но уже в первые недели после 23 июля голос «братьев-мусульман» смешался с голосом масс, поддержавших движение «Свободных офицеров», и выделиться из общего хора им не удалось. Освобождение политических заключенных и призывы в защиту конституции и демократии вызвали активную деятельность всех партий; что же каса-

ется «братьев-мусульман», то особой популярностью они среди патриотов не пользовались. Это объяснялось тем, что позиция «братьев-мусульман» по многим вопросам в предшествующий период свидетельствовала об их конформизме, а из заявлений их верховного наставника Хасана аль-Худайби явствовало, что их ориентация шла вразрез с настроениями масс. Так, в своем интервью по вопросу об эвакуации британских войск и единства Долины Нила Хасан аль-Худайби фактически солидаризировался с концепцией Нагиба аль-Хиляли: сначала — односторонняя декларация англичан об эвакуации и единстве, потом — переговоры о способе ее реализации. Такая позиция противоречила воле египетского народа, единодушно отвергавшего участие в каких-либо союзах или пактах региональной обороны.

Ранее уже говорилось о том, что подспудные столкновения между «братством» и офицерами имели место еще в период формирования первого кабинета Нагиба. «Братья» увидели, что военные не идут навстречу желаниям ассоциации, а военное руководство почувствовало недовольство «братьев». Впрочем, в принципе это не изменило характера сотрудничества и не ослабило связи между ними.

Вскоре после своего назначения министром по делам вакфов шейх аль-Бакури был выведен из состава Руководящего бюро, хотя он, конечно, надеялся совмещать членство в бюро с министерским портфелем. В этом нашли свое выражение противоречия, которые возникли внутри ассоциации еще до 23 июля, когда после убийства Хасана аль-Банны между его коллегами началась борьба за пост верховного наставника. В конце концов на этом посту оказался Хасан аль-Худайби, человек, не игравший в ассоциации значительной роли, но именно тем и устраивавший противоборствующие стороны, которые рассчитывали держать его в руках и занять доминирующее положение в ассоциации.

Отношения между военным руководством и ассоциацией оставались хорошими. 11 октября 1952 г. по особой амнистии были освобождены из заключения убийцы председателя Каирского городского уголовного суда Ахмеда аль-Хазиндара, который вынес обвинительные приговоры по делу о преступлениях группы «братьев-мусульман», и Махмуда Фахми Нукраши, издавшего декрет о роспуске ассоциации, а также члены ассоциации, осужденные за организацию террористического акта в Хедивской школе. Ока-

завшись на воле, эти молодчики прямым ходом направились в Руководящий центр ассоциации, где попали в объятия своих собратьев.

Несколько дней спустя вышел уже упоминавшийся нами декрет о всеобщей амнистии, согласно которому из заключения было освобождено 943 человека, и среди них большое число «братьев-мусульман».

Когда вышел закон о реорганизации партий, «братья-мусульмане» поспешили подать заявку на право создания ассоциации. Однако их заявка не рассматривалась в обычном порядке. К министру внутренних дел Сулейману Хафезу обратился Г. А. Насер. «Ассоциация была одним из главных помощников нашего движения до выступления, она внесла в него большой вклад и продолжает оказывать ему постоянную помощь», — сказал он и потребовал найти какой-нибудь выход для ассоциации. На встрече Г. А. Насера и Хасана аль-Худайби, состоявшейся в кабинете министра внутренних дел, было решено внести изменение в заявку об основании ассоциации в таком духе, чтобы она не подпадала под понятие «партия». Да и сама ассоциация всегда была против партий и партийной системы, поскольку это в конечном итоге означало, что политическая арена принадлежала бы ей одной.

Конечно, не все акции военного руководства вызывали у «братьев-мусульман» энтузиазм. Они, например, так и не сказали ни одного вразумительного слова в поддержку закона об аграрной реформе и были весьма обескуражены, когда своего высокого поста лишился близко стоявший к ним Рашад Механна, на которого они делали ставку, как на рысака-фаворита.

В свою очередь не все, что говорили и делали «братья-мусульмане», встречало одобрение Совета революционного командования. В качестве примера можно привести заявление верховного наставника Хасана аль-Худайби редактору американского агентства Ассошиэйтед Пресс Эдварду Поляку от 5 июля 1953 г. «Я полагаю, — заявил аль-Худайби, — что западный мир во многом выиграет, если постарается понять наши принципы, отнесясь к ним непредвзято. Я уверен, что Запад убедится в достоинствах «братьев-мусульман» и перестанет считать их ужасными призраками, как кое-кто пытается их изображать. Я верю, Запад поймет, что «братья-мусульмане» — достойная сила на пути прогресса человечества, благосостояния и мира между различными народами». Этот флирт с западной дер-

жавой в момент, когда переговоры с британской стороной зашли в тупик и были прерваны, конечно, не правился военному руководству. В своих мемуарах А. Иден впоследствии писал: «Аль-Худайби старался поддерживать с нами хорошие отношения».

Военное руководство настораживало и другое. Во время торжественных встреч М. Нагиба и других членов СРК с народом «братья-мусульмане» по-прежнему выступали как активная монолитная сила, заявлявшая о себе своим известным возгласом: «Аллах велик, Аллаху хвала!» Это означало, что массы еще не полностью перешли на сторону революции. Именно тогда в Организации освобождения был выдвинут другой лозунг: «Аллах велик, величие Египту!»

Так между военным руководством и ассоциацией началась скрытая необъявленная война. «Братья-мусульмане» пока не выражали свою вражду к СРК вслух, а СРК еще не перешел в наступление на ассоциацию.

В борьбе с ассоциацией военное руководство прибегло к попытке взорвать ее изнутри путем использования существовавших в ней противоречий. Эту задачу в основном взяли на себя шейх Ахмед Хасан аль-Бакури и помощник генерального секретаря Организации освобождения Ибрагим ат-Тахави.

Раскол среди «братьев-мусульман» наметился по двум основным вопросам: во-первых, о сотрудничестве с движением армии и, во-вторых, о сохранении тайного аппарата ассоциации.

За сотрудничество с военным руководством выступала группа во главе с Хасаном аль-Ашмави и Муниром ад-Далля. Хасан аль-Худайби им не противодействовал. Группу, отвергавшую это сотрудничество, возглавляли Саад аль-Валели, Юсеф Талаат, Абдель Кадер Ода, шейх Мухаммед Фаргали и Ибрагим ат-Тайиб.

Что касается второго вопроса, то здесь также существовало два мнения. Одни считали, что в условиях военного режима, могущего в любой момент обрушить свой удар на ассоциацию, она более чем когда-либо нуждается в сохранении тайного аппарата; другие стояли за ликвидацию тайного аппарата, полагая, что его существование может «спровоцировать военный режим» и заставить его ускорить разгром ассоциации.

Г. А. Насер сумел привлечь на свою сторону руководителя тайного аппарата Абдель Рахмана ас-Синди, конфлик-

товавшего с Хасаном аль-Худайби, и организатора тайного аппарата шейха Сейида Сабека. Это привело к расколу в самом тайном аппарате, в результате чего было создано его новое руководство, во главе которого оказались противники сотрудничества с движением армии — Ибрагим ат-Тайиб, Юсеф Талаат, шейх Мухаммед Фаргали и Мухаммед Фаиз.

Этому крылу удалось заручиться поддержкой нескольких офицеров армии, принадлежавших к «братьям-мусульманам», а также офицеров полиции. Таким образом, игра в проникновение в ряды противника между движением военных и ассоциацией стала обоюдной.

«Братья-мусульмане» предприняли также попытку установить контакт с М. Нагибом, так как понимали, что между ним и его коллегами по СРК назревает конфликт. Однако контакт был установлен не лично с М. Нагибом, а с начальником его личной охраны капитаном Мухаммедом Рийадом. В декабре 1953 г. последний несколько раз встречался с Хасаном аль-Ашмави и Муниром ад-Далля. В ходе этих встреч были сформулированы следующие требования «братьев»:

— назначить Рашада Механну главнокомандующим вооруженными силами (он был арестован 15 января 1953 г., осужден и отбывал тюремное заключение);

— не выступать за демократизацию власти;

— не восстанавливать партий, настаивать на их роспуске;

— офицерам вернуться в казармы;

— сформировать кабинет, угодный «братьям».

Когда упомянутые требования были переданы М. Нагибу, он сразу же отверг их, поняв, что «братья-мусульмане» стремятся к диктатуре, намереваясь сменить при этом лишь личность диктатора.

Конфликт «братьев-мусульман» с революцией все назревал, несмотря на то, что Революционный трибунал осудил первым их заклятого врага — Ибрагима Абдель Хади, что политические партии были официально распущены, а их лидеры отправлены в тюрьму. Напротив, когда на политической арене не осталось другой силы, кроме «братьев-мусульман», они, по-видимому, решили, что настал подходящий момент для того, чтобы обрушиться на власть.

Взрыв произошел, когда 12 января 1954 г., в день памяти борцов, павших в битве на канале, на университетской площади между студентами — членами ассоциации и сту-

дентами других политических ориентаций произошла потасовка, в ходе которой «братья» пустили в ход дубинки и огнестрельное оружие.

Создалась обстановка, когда СРК должен был принять решительные меры. 14 января 1954 г. СРК издал декрет о роспуске ассоциации «Братья-мусульмане». Это произошло ровно через год после роспуска политических партий.

Против роспуска ассоциации возражал М. Нагиб, но это не повлияло на решение СРК.

Совет революционного командования опубликовал заявление, в котором обвинял «братьев-мусульман» в том, что:

— их верховный наставник выразил поддержку движению 23 июля лишь после высылки короля из страны;

— они не поддержали закон об аграрной реформе, а в ходе его реализации требовали поднять максимум размера землевладения до 500 федданов;

— после роспуска партий пытались навязать движению свою опеку;

— встали в оппозицию к Организации освобождения;

— начали проникать в ряды офицеров армии и полиции и создавать вооруженные формирования непосредственно под контролем верховного наставника;

— после роспуска тайного аппарата, находившегося со времен Хасана аль-Банны под командованием Абдель Рахмана ас-Синди, сформировали новый тайный аппарат;

— в мае 1953 г. установили контакт с советником британского посольства по восточным вопросам Эвансом, хотя против подобных контактов возражал Г. А. Насер;

— 10 января 1954 г., т. е. за несколько дней до принятия решения о роспуске, Хасан аль-Ашмави дважды встречался с британским посланником Крезуэлом.

Одновременно были арестованы Хасан аль-Худайби и 450 членов ассоциации.

Итак, шпаги скрестились, но ненадолго. Обе стороны поняли, что для решительного разрыва время еще не пришло, так как им угрожала общая опасность. Министерство внутренних дел объявило, что все арестованные, кому не будет предъявлено определенное обвинение, будут освобождены. И действительно, ежедневно начали появляться списки освобожденных из-под ареста.

Г. А. Насер старался не порывать с «братьями-мусульманами» окончательно. 12 февраля 1954 г., по случаю 5-й годовщины со дня трагической гибели Хасана аль-Банны,

он вместе с Салахом Салемом и Ахмедом Хасаном аль-Бакури посетил его могилу.

Через посредство крыла, выступавшего за сотрудничество с военным руководством, продолжались попытки привлечь массы рядовых членов ассоциации на сторону революции.

* * *

Столкновение внутри самого офицерского корпуса началось в первые же мгновения революции. Число офицеров, уволенных из рядов вооруженных сил в течение первых трех месяцев, превысило 500 человек.

Избавление от офицеров в чине генерал-майора и бригадного генерала было выражением борьбы поколений. Что касается чистки среди офицеров, принадлежавших к среднему командному составу, то основанием для нее служили причины скорее морального, нежели политического, характера, поскольку среди них, как уже отмечалось, не было выходцев из феодальных семей или крупной буржуазии.

Списки лиц, подлежащих чистке, предварительно обсуждались на собраниях «Свободных офицеров». В указанный период «Свободные офицеры» выступали как сплоченная организация, собрания их проводились по родам войск и в масштабе округов более или менее регулярно.

Однако тот факт, что на плечи членов Совета командования легло множество обязанностей, а офицерам «второго эшелона» были даны различные поручения за пределами своих частей и даже за пределами армии, привел к организационному разрыхлению движения. К тому же в политику устремилась масса военных, не имевших отношения к организации «Свободные офицеры», но считавших, что «движение — для всех», да и некоторые члены Совета командования в попытке заручиться всеобщей поддержкой сами заявляли, что все офицеры — «свободные». Конечно, вначале каждым руководило искреннее стремление покончить с гнилью, накопившейся в королевском дворце, и освободить Египет от оккупантов. Все офицеры, за редким исключением, приветствовали высылку короля, на верность и послушание которому они присягали, и, как некоторым казалось, навечно.

Когда Фарук принял предъявленные ему в первый день требования «Свободных офицеров», он назначил М. Нагиба

главнокомандующим в чине генерал-лейтенанта и с окладом министра. Но уже через два часа после отбытия Фарука за пределы страны М. Нагиб выступил с заявлением о том, что, «учитывая финансовое положение государства», он отказывается от чина генерал-лейтенанта и остается генерал-майором. По его словам, он это сделал для того, «чтобы каждый египтянин понял, что участие в движении имеет целью не личные материальные приобретения, а служение Отечеству и согражданам».

Однако примеру, поданному М. Нагибом, последовали далеко не все. Некоторые офицеры, особенно те, кто в качестве «представителей командования» растеклись по различным министерствам и ведомствам, злоупотребляли своим положением.

Первым выходом офицеров за пределы армии было назначение Рашада Механны министром коммуникаций, затем членом Регентского совета, а также назначение 18 офицеров в чине генерал-майора и бригадного генерала на гражданские должности, в том числе двух из них на должности послов (Али Нагиб был назначен послом в Ливане, а Мухаммед Сейф ад-Дин — послом в Иордании).

С тех пор дверь, ведущая из армии к гражданским должностям, уже больше не закрывалась, и через нее прошли десятки и сотни офицеров.

Назначение М. Нагиба премьер-министром явилось началом распределения самих членов Совета командования среди различных министерств в качестве кураторов, составивших, по сути, «теневой кабинет». Так как члены Совета командования были буквально завалены работой, свои побочные обязанности они перепоручали другим офицерам, которых лично знали и которым доверяли. В результате каждый из них оказался окруженным особой группой офицеров, которая действовала на свой страх и риск и без должного контроля.

Поскольку движение ставило своей задачей перемены вообще, не вдаваясь в детали этих перемен и не имея плана действий на будущее, идейная связь офицеров друг с другом не шла дальше того, о чем говорилось в прокламациях «Свободных офицеров», да и то если они были прочитаны и осмыслены. Шесть принципов революции определяли общие цели, но не указывали путь к их достижению.

Поэтому любое решение, принимаемое Советом командования, вызывало расхождение точек зрения.

Так, например, Рашад Механна возражал против закона об аграрной реформе и вынужден был согласиться с ним, лишь подчиняясь воле большинства участников «ограниченного совещания», созванного Али Махиром. Во время своих личных контактов Рашад Механна проводил собственную линию, отличную от линии Совета командования. Характерен такой эпизод. Как-то М. Нагиб вместе с Сулейманом Хафезом прибыл в Абдинский дворец, где помещался кабинет Рашада Механны, чтобы поздравить его с прибавлением семейства. Рашад Механна встретил их бурным выражением недовольства по поводу того, что совет министров не находит нужным заблаговременно информировать Регентский совет относительно повестки дня своих заседаний. Ударяя кулаком по столу, Рашад Механна кричал, что он этого не потерпит и что таков был порядок при короле. М. Нагиб ответил, что этот обычай находится в противоречии с конституцией, достаточно и того, что проекты законов и декретов приходят во дворец на подпись регентам после их утверждения советом министров. Но Рашада Механну эта логика не убедила. Спор продолжился в кабинете Бахи ад-Дина Бараката, где присутствовал также принц Мухаммед Абдель Монейм. Кроме вышеупомянутого вопроса, был поднят вопрос о контактах с суданскими делегациями, которые приезжали тогда в Каир. Бахи ад-Дин Баракат сетовал, что ведутся какие-то переговоры, а он о них ничего не знает. Было решено через несколько дней встретиться во второй раз, но эта встреча не состоялась: члены Совета командования не питали доверия к Рашаду Механне, который принадлежал к партии «Молодежь Мухаммеда» — организации, еще более правой, чем «Братья-мусульмане». К тому же в душе М. Нагиба остался неприятный осадок от поведения Механны, когда тот подал рапорт о переводе из Каира в Эль-Ариш во избежание возможных репрессий со стороны двора.

Будучи регентом, Рашад Механна брал на себя слишком много, он непосредственно контактировал с исполнительными органами, а представителям печати давал интервью, в которых высказывал точки зрения, расходившиеся с ориентацией Совета командования.

Дело дошло до того, что Совет командования единогласно принял решение освободить Рашада Механну от занимаемой им должности и взять его под домашний арест. Узнав об этом, в отставку подал Бахи ад-Дин Баракат. Чтобы предупредить возможное противодействие со сторо-

ны офицеров, Совет командования выдвинул против Рашада Механны серию обвинений.

Обстановка внутри самого Совета командования была сложной. Ряд решений Совета вызвали резкую оппозицию со стороны Юсефа Сыддыка, который возражал против закона о реорганизации партий, ареста политических деятелей и попытки разгромить Вафд на антидемократической основе. На первых порах его поддерживали Гамаль Абдель Насер, Абдель Хаким Амер и Халед Мохи ад-Дин. Г. А. Насер даже объявил, что не будет участвовать в заседаниях Совета, если его члены будут продолжать отрицать демократию.

Однако вскоре Г. А. Насер, уступая настойчивости Сулеймана Хафеза, отошел от своей позиции. Юсеф Сыддык, выражавший точку зрения коммунистов, продолжал выступать за демократию и восстановление парламентского строя. Но так как его поддерживало меньшинство, а решения в Совете командования принимались большинством, ему не удалось добиться своего: ни настоять на созыве распущенной палаты депутатов для назначения Регентского совета, ни помешать принятию закона о реорганизации партий, ни предотвратить казнь Хамиса и аль-Бакри.

В офицерском корпусе, особенно в артиллерии, начали раздаваться голоса с требованием, чтобы представительство в Совете командования было выборным. Реакция всех членов Совета, кроме Юсефа Сыддыка, на это требование была резко отрицательной.

Причина, скрытая за этим требованием, состояла вот в чем. Об одном из членов Совета командования стало известно, что он установил личные отношения с бывшей принцессой Фаизой, за что предоставил ей большие льготы, а супруга другого, особа весьма бойкая, вела слишком откровенные разговоры о членах Совета на званых вечерах, и в частности в автоклубе. Случайно оба оказались артиллерийскими офицерами. Поэтому группа офицеров-артиллеристов встретилась с членами Совета командования и откровенно изложила свое мнение по указанному вопросу. 15 января 1953 г. 35 офицеров-артиллеристов были арестованы якобы за то, что они замышляют заговор с целью убийства членов Совета командования.

Эта акция объясняется тем, что с первых дней своего существования Совет командования опасался повторения сирийского варианта, т. е. серии следующих один за дру-

гим военных переворотов. Одновременно были проведены мероприятия, призванные продемонстрировать силу военного руководства и укрепить его авторитет, а именно: опубликован декрет от 17 января о роспуске партий и объявлено об образовании Совета революционного командования.

Не все арестованные офицеры-артиллеристы принадлежали к одному политическому или идейному направлению. Среди них были, как уже упоминалось, Рашад Механна и автор этих строк.

Резко возражавший против ареста политических деятелей Юсеф Сыддык был принципиально не согласен и с арестом офицеров.

Этот шаг военного руководства в отношении офицеров-артиллеристов не остался без последствий. Как только стало известно об их аресте, 400 офицеров собрались в офицерском собрании артиллерийского управления и объявили, что не уйдут оттуда до тех пор, пока не освободят их товарищей по оружию. Г. А. Насер потребовал от начальника артиллерийского управления генерал-майора Мухаммеда Хусейна посоветовать офицерам разойтись, но собравшиеся ответили отказом. Тогда один из «свободных офицеров», Мухаммед Абульфадль аль-Гизави, выхватив пистолет, стал угрожать, что застрелит всякого, кто выступит против революции. После бурных дебатов договорились образовать из офицеров артиллерии следственную комиссию и военный трибунал. Г. А. Насер заверил собравшихся, что он с этим согласен. Но как только собрание разошлось, Совет командования поступил по-своему: обязанности следствия и судей он взял на себя.

Арест группы офицеров-артиллеристов получил резонанс в других родах войск. Подполковник Хосни ад-Даманхури из 4-й пехотной бригады, обратившись к начальнику генерального штаба генерал-майору Мухаммеду Ибрагиму с вопросом о причине ареста офицеров, получил ответ, что он об этом ничего не знает. Тогда ад-Даманхури установил контакт с несколькими офицерами-кавалеристами в попытке поднять их на освобождение своих коллег-артиллеристов. 17 января он был неожиданно арестован у себя на квартире.

20 января газеты под крупными заголовками напечатали сообщение о казни подполковника Хосни ад-Даманхури. Это были последние номера газет, которые были доставлены в тюрьму для иностранцев, где мы сидели в «одиноч-

ках». (По иронии судьбы в камере, соседней с моей, сидел подполковник Рашад Механна, с которым у меня были диаметрально противоположные взгляды.)

Арест артиллерийских офицеров и суд над ними, который вершили сами члены Совета командования, положили конец существованию организации «Свободные офицеры». Если до этого ее собрания еще проводились по инерции, хотя и созывались все реже и реже, то с этих пор они прекратились вовсе. Члены Совета командования увидели в лице «Свободных офицеров» организацию, могущую делить с ними власть, подвергать их действия критике и требовать отчета.

На заседании, где обсуждался вопрос о суде над офицерами-артиллеристами, мнения членов Совета командования разошлись настолько, что Гамаль Салем призывал провести суд чисто формально и всех казнить немедленно, а Мухаммед Нагиб считал, что противники вообще не могут быть судьями друг другу.

Спор затянулся далеко за полночь. Г. А. Насер посоветовал не спешить, всем лечь спать, а утром продолжить обсуждение в спокойной обстановке. Спать легли здесь же на полу. Халед Мохи ад-Дин шепнул Г. А. Насеру, расположившемуся рядом: «Я против смертной казни и против такого суда...» «Я тоже», — ответил Г. А. Насер.

Наутро было решено образовать трибунал в составе членов СРК, за исключением М. Нагиба, и принять предложение А. Х. Амера о том, что смертный приговор может быть вынесен не иначе, как с общего согласия, а из предложенных сроков тюремного заключения выбирать наименьший.

В результате были вынесены приговоры от пожизненного заключения до одного года.

После отставки Юсефа Сыддыка знамя оппозиции внутри СРК подхватил Халед Мохи ад-Дин. Острый конфликт с членами СРК у него произошел в связи с обсуждением проекта рабочего законодательства, отменявшего право на забастовки и разрешавшего увольнение рабочих. За этот закон особенно ратовал тот самый Абдель Монейм Амин, который добровольно вызвался стать председателем военного трибунала в Кафр-ад-Дaverаре и который курировал министерство социальных дел.

Одним из важнейших аргументов, выдвигавшихся членами СРК в пользу упомянутого закона, было то, что для привлечения иностранного капитала необходимо обеспе-

чить стабилизацию, а для этого требуется какой-то рычаг для давления на рабочих.

Халед Мохи ад-Дин не мог примириться с принятием такого антирабочего закона и написал заявление об отставке. По этому поводу у него состоялось объяснение с Г. А. Насером и А. Х. Амером.

— Ладно, — сказал Г. А. Насер, — если мы пересмотрим закон, ты возьмешь обратно свое заявление об отставке?

Халед согласился. Закон был заново обсужден в СРК, который ввел в него лишь одну поправку, запрещающую произвольное увольнение за профсоюзную деятельность, а затем отложил этот вопрос до принятия новой конституции.

На одном из заседаний СРК принял было решение вывести Халеда Мохи ад-Дина из своего состава в связи с доносом, будто он подстрекает против СРК офицеров кавалерии, с которыми постоянно общался. Тогда Сарват Окаша заявил, что не ручается за кавалерию, если Халед будет выведен из состава СРК, и это решение было аннулировано, но Халеда обязали прекратить контакты с Ахмедом Фуадом, через которого он в то время осуществлял связь с коммунистами, и не устраивать собраний «свободных офицеров».

В этот период Г. А. Насер работал исключительно интенсивно как внутри СРК, так и вне его. Он постоянно встречался с офицерами и политиками и, обсуждая с ними те или иные вопросы, подготавливал почву для того, чтобы на очередном заседании СРК восторжествовала его точка зрения. Никто из членов СРК не умел так привлечь на свою сторону других и тем обеспечить себе большинство, как Г. А. Насер.

Среди своих коллег Г. А. Насер был наиболее цельной личностью: он меньше всех говорил, лучше всех слушал, с заметным тактическим искусством разрешал возникавшие проблемы.

Насколько его тактика была гибкой, видно из того, как она менялась в зависимости от обстановки. Так, он отходит от своей позиции по вопросу о демократии и партиях, когда видит, что путь к единовластию СРК открыт и такая позиция больше отвечает умонастроениям его коллег; он не настаивает на проведении следствия и суда над арестованными офицерами артиллерии их же товарищами по оружию, ибо находит, что это чревато опасностью для са-

мого существования СРК; он, наконец, возвращает на пересмотр проект рабочего законодательства, так как принятие отставки Халеда Мохи ад-Дина одновременно с вынесением приговоров Рашаду Механне и офицерам-артиллеристам могло бы вызвать нежелательную реакцию в войсках.

Так же как и до 23 июля, Г. А. Насер поддерживал самые оживленные контакты с офицерами, понимая, что его сила — в тесной связи с товарищами по оружию в различных родах войск. Но поскольку на его плечи легла огромная ответственность за судьбы страны и его обязанности неимоверно возросли, поддерживать такие контакты стало уже сложно. В то же время эксцессы, имевшие место в артиллерии, и резонанс, который они получили в других родах войск, заставляли его быть сугубо осторожным в отношении возможных взрывов в вооруженных силах, тем более что он никогда не забывал о том, что происходило в Сирии и Ираке.

И вот Г. А. Насер принимает решение назначить майора Абдель Хакима Амера, своего самого близкого и верного друга, главнокомандующим вооруженными силами вместо М. Нагиба, авторитет которого в армии достиг такой степени, что он уже становился опасным для своих коллег.

Идея произвести майора в генерал-майоры была весьма смелой, особенно если принять во внимание, что в глазах офицеров старшинство по званию, достигаемое годами службы, есть нечто священное. Объявить эту идею просто так — наверняка означало бы натолкнуться на твердое сопротивление со стороны М. Нагиба, который прожил свою жизнь солдатом и всегда этим гордился. Чтобы смягчить впечатление от этого шага, Г. А. Насер решает осуществить его в сочетании с другими важными мерами, которые привлекли бы к себе большее внимание и ослабили бы сопротивление со стороны М. Нагиба, да и других членов СРК. Этим и объясняется определенная связь между назначением А. Х. Амера главнокомандующим вооруженными силами и провозглашением Нагиба президентом.

Хотя М. Нагиб был против назначения А. Х. Амера главнокомандующим, так как считал, что он к этому не подготовлен, Г. А. Насера это не обескуражило, он в течение трех месяцев неоднократно ставил этот вопрос на заседаниях СРК, пока сопротивление М. Нагиба наконец не было сломлено.

М. Нагиб в связи с этим думал подать в отставку, но

не решился на нее. «Признаюсь, что это с моей стороны было большой ошибкой, — писал он впоследствии, — оставив командование армией, я вскоре почувствовал, что мое положение стало менее прочным». А Закария Мохи ад-Дин говорил автору этих строк, что сила членов СРК как лиц, его составляющих, кончилась с назначением А. Х. Амера главнокомандующим.

18 июня 1953 г. была провозглашена республика, М. Нагиб был назначен президентом с сохранением за ним поста премьер-министра, но оставлением постов военного министра и главнокомандующего вооруженными силами.

Первым президентским декретом, подписанным М. Нагибом, был декрет о назначении А. Х. Амера главнокомандующим вооруженными силами с присвоением ему звания генерал-майора. А чтобы это назначение не вызвало зависти или чувства досады у других членов СРК, некоторые, наиболее видные из них, были введены в состав кабинета министров: Гамаль Абдель Насер стал заместителем премьер-министра и министром внутренних дел, Салах Салем — министром национальной ориентации, Абдель Латыф аль-Багдади — военным министром.

С назначением А. Х. Амера главнокомандующим под предлогом укрепления дисциплины в армии членам СРК не рекомендовалось иметь контакт с офицерами своих родов войск, что фактически ставило их в положение изоляции и лишало возможности воздействовать на части, в которых они прежде служили.

Высшим авторитетом в вооруженных силах стал Г. А. Насер, который, в свою очередь, всецело доверял А. Х. Амеру. Впрочем, офицеры отдавали должное А. Х. Амеру за его веселый нрав, добродушие и человечность, хотя он и не обладал такими деловыми качествами, необходимыми главнокомандующему, как опыт, эрудиция, собранность.

Привычные понятия о субординации нарушились — офицеры высших званий почувствовали свою зависимость от офицеров, стоявших ниже по званию, но имевших связи с новым главнокомандующим или его окружением. Большое влияние в офицерском корпусе приобрел управляющий кабинетом главнокомандующего майор Шамс Бадран, которого высшие офицеры отныне должны были приветствовать первыми.

Кроме тех троих военных, что вошли в кабинет министров одновременно с провозглашением республики, 5 ок-

тября 1953 г. М. Нагиб был вынужден ввести в его состав еще Закарию Мохи ад-Дина в качестве министра внутренних дел и Гамала Салема в качестве министра коммуникаций. Решение об этом было принято Советом революционного командования в отсутствие М. Нагиба. Г. А. Насер сосредоточился на работе на посту заместителя премьер-министра.

* * *

Февраль 1954 г. застал движение военных в положении больного, у которого появились симптомы сразу нескольких болезней. Самым опасным недугом был внутренний конфликт между самими офицерами, напряженность в отношениях между М. Нагибом и членами СРК.

Кризис наступил, когда М. Нагиб нашел, что его дальнейшее пребывание на постах президента республики и председателя Совета революционного командования стало невозможным. М. Нагиб решил уйти в отставку после того, как долго и терпеливо переносил недоброжелательное отношение к себе со стороны своих коллег, что он сам оправдывает тем, что стремился не допустить военную диктатуру, и тешил себя иллюзией, будто его присутствие может обеспечить демократию.

Конечно, с М. Нагиба нельзя снять ответственность за активное участие во всех акциях движения военных, направленных против свободы и демократии, так как он поставил свою подпись под постановлениями об арестах, смертном приговоре Хамису и аль-Бакри, декретами об отмене конституции, роспуске партий и образовании Революционного трибунала. Однако в то же время он был против казни подполковника Хосни ад-Даманхури, отказался утвердить смертный приговор Ибрагиму Абдель Хади, вступился за честь арестованных офицеров, когда их отвели в тюрьму в военной форме и при знаках различия и подвергли избиениям.

25 февраля газеты напечатали следующие сообщения:

«Важное экстренное заседание Совета командования»;

«Назначение Гамаля Абдель Насера премьер-министром»;

«Мухаммед Нагиб подал в отставку со всех занимаемых им постов»;

«Пост президента республики останется вакантным вплоть до восстановления в стране парламентского строя».

В заявлении СРК по поводу отставки М. Нагиба, между прочим, говорилось, что в состав Совета командования он был введен лишь 15 августа, что Г. А. Насер, будучи избран его председателем, уступил ему этот пост сроком на один год и что М. Нагиб требовал для себя более широких полномочий, в том числе права вето в отношении решений, принимаемых СРК.

После передачи указанного заявления агентствам печати М. Нагиб был взят под домашний арест.

На следующий день газеты сообщили о свержении в Сирии диктатуры Адиба Шишекли и восстановлении на посту президента Хашима аль-Атаси.

Совпадение по времени было поистине символичным.

Отставка М. Нагиба вызвала ответную реакцию в армии и на улицах, в Каире и провинциях, в Египте и Судане.

Самой опасной была реакция со стороны офицеров кавалерии, где демократические идеи находили благоприятную почву для роста как результат того, что Халед Мохи ад-Дин служил офицером разведки этого рода войск, а Сарват Окаша, приходившийся родственником главному редактору газеты «Аль-Мысри» Ахмеду Абульфатху, был начальником штаба кавалерии.

На другой день после того, как было объявлено об отставке М. Нагиба, офицеры кавалерии устроили общее собрание, на котором не было ни Халеда Мохи ад-Дина, ни Сарвата Окаши *. От присутствовавшего па собрании Хусейна аш-Шафии офицеры потребовали возвращения М. Нагиба и восстановления демократии, но, так как он оказался бессилен их в чем-либо убедить, на собрание прибыл Г. А. Насер.

Г. А. Насер прибыл в кавалерийские казармы в 7.30 вечера. Как раз в это время в свой лагерь возвращалось танковое подразделение, которое несло обычную караульную службу на восточных подступах к Каиру; Г. А. Насер услышал урчание моторов и лязг гусениц и, поскольку никто из присутствующих это никак не прокомментировал, подумал, что готовится военный переворот.

Г. А. Насер говорил о свершениях революции, но в от-

* Собрание состоялось в пятницу, и Халеда Мохи ад-Дина с утра не было дома, а Сарват Окаша к этому времени был отправлен в «почетную ссылку» в качестве военного атташе в Париже.

вет ему раздалась резкая критика по поводу политических действий СРК и личного поведения некоторых его членов.

Дискуссия развернулась в нескольких направлениях, которые можно свести к следующему:

— демократическая форма выражения воли египетского народа;

— насколько армия должна вмешиваться в повседневную жизнь и когда она вернется в казармы, чтобы выполнять предназначенную ей роль в деле служения Отечеству;

— влияние отставки М. Нагиба на судьбу соглашения о Судане (сын суданского лидера Мухаммеда Нур ад-Дина, служивший в кавалерии, заявил, что, смещение М. Нагиба приведет к победе партии «Аль-Умма»).

Когда собравшиеся стали приводить примеры неблаговидного поведения некоторых членов СРК в материальном и моральном плане, страсти так накалились, что Г. Н. Насер смог лишь заметить, что лично его нельзя упрекнуть в чем-либо подобном, и рассказал о том, какой образ жизни ведет он сам. Было уже далеко за полночь, когда Г. А. Насер объявил, что должен пойти посоветоваться в СРК.

...В здание Совета революционного командования Халед Мохи ад-Дин прибыл после того, как, возвратившись домой из кинотеатра поздно вечером, узнал, что его вызывают в СРК. Члены СРК сидели с хмурыми лицами, в них он прочел неприязнь. О том, что происходило в кавалерийских казармах, он и не подозревал.

Г. А. Насер рассказал членам СРК о собрании кавалеристов, упомянув при этом, что слышал, как двигались танки. Состоялся короткий обмен мнениями о том, что́ предпринять в создавшейся ситуации. Г. А. Насер внес конкретное предложение: назначить премьер-министром Халеда Мохи ад-Дина, который должен принять срочные меры по восстановлению конституционной жизни. «Мы же, — добавил он, — уйдем в отставку». Халед Мохи ад-Дин запротестовал против ухода своих коллег и сказал, что один он не останется, но Гамаль Абдель Насер в ответ на это заявил: «Страна хочет Нагиба, и мы не можем идти против течения». После того как Абдель Хаким Амер выразил готовность на какое-то время остаться с Халедом Мохи ад-Дином, а Камаль ад-Дин Хусейн предупредил последнего, чтобы он «не превращал страну в коммунистическую», предложение Г. А. Насера СРК одобрил.

17 Зак. № 1876

Уже близился рассвет, когда Гамаль Абдель Насер и Халед Мохи ад-Дин пришли к офицерам кавалерии, которые всю ночь не смыкали глаз. Г. А. Насер объявил, что СРК принял решение о нижеследующем:

1) распустить Совет революционного командования;

2) вернуть Мухаммеда Нагиба в качестве президента парламентарной республики;

3) Халед Мохи ад-Дин формирует переходное правительство на срок шесть месяцев;

4) правительство проводит выборы в Учредительное собрание для выработки постоянной конституции;

5) члены СРК возвращаются в свои части.

Зал взорвался бурными аплодисментами. Попытки говорить потонули в возгласах одобрения; Гамаль Абдель Насер и Халед Мохи ад-Дин покинули собрание.

Вместе с майором Шамсом Бадраном и еще одним офицером Халед Мохи ад-Дин поехал домой к Мухаммеду Нагибу, чтобы сообщить ему о решении СРК. М. Нагиб горячо приветствовал это решение, так как с Халедом Мохи ад-Дином в отличие от остальных членов СРК у него установились отношения тесной дружбы.

Тем временем ситуация начала изменяться. Офицеры «второго эшелона» были не согласны с решением СРК возвратиться в казармы. Они запаслись оружием и заполнили штаб-квартиру СРК. Когда Халед Мохи ад-Дин вернулся от М. Нагиба, то при его появлении двое каких-то офицеров пытались напасть на него, но были отогнаны Абдель Хакимом Амером и Гамалем Салемом. Представителю радио, который в 7.30 утра прибыл за текстом заявления СРК, офицеры «второго эшелона» передать его отказались.

Знамя оппозиции решениям, принятым СРК, подняли начальник военной полиции подполковник Ахмед Анвар, майор Магди Хасанейн, подполковник ВВС Вагих Абаза, капитаны Камаль Рифат, Хасан ат-Тухами, Мухаммед Абульфадль аль-Гизави, майор Саад Заед и другие. В кабинете А. Х. Амера разгорелась столь острая дискуссия, что появилась опасность, что в ход будет пущено оружие. Вскочив на свой письменный стол и выхватив пистолет, Абдель Хаким Амер угрожал застрелиться, если между родами войск произойдет вооруженное столкновение.

Но на офицеров «второго эшелона» это не возымело действия. Артиллеристы установили противотанковые орудия напротив кавалерийских казарм со стороны ули-

цы, а с тыла на них нацелил свои пулеметы один из мотомеханизированных батальонов. Офицеров кавалерии, направлявшихся в расположение своих частей на автомашинах и автобусах, арестовала военная полиция. Али Сабри и Вагих Абаза подняли в воздух авиацию.

Желая предотвратить кровопролитие, группа офицеров кавалерии, для которых все эти меры явились неожиданностью, прибыла на переговоры с членами СРК, но была арестована.

Не имея никакого приказа об аресте М. Нагиба, капитаны Камаль Рифат и Дауд Увейс по собственной инициативе отправились к нему домой, подняли его с постели (дело происходило на заре) и на частной машине отвезли его в штаб артиллерии в Эль-Мазе. Когда по возвращении в штаб-квартиру СРК Камаль Рифат доложил об этом А. Х. Амеру, тот возмутился и поручил капитану Хасану ат-Тухами немедленно освободить М. Нагиба и доставить его домой.

Отставка Мухаммеда Нагиба вызвала ответную реакцию не только со стороны офицеров кавалерии. Его тогда поддерживало большинство офицеров Александрийского гарнизона.

В Судане, где Мухаммед Нагиб служил долгие годы и имел многочисленных друзей — как среди лидеров, так и среди простого люда, — он был столь же популярен, как и в Египте. В глазах суданцев он уже стал символом единства с Египтом. Поэтому после его отставки на улицах Хартума и других суданских городов состоялись демонстрации под лозунгом: «Нет единства без Нагиба!» С раннего утра демонстрации в поддержку М. Нагиба начались в Каире.

Военный городок кавалерии был блокирован войсками. Сорок офицеров кавалерии уже находились под арестом. Казалось, СРК одержал полную победу. В полдень члены СРК, устроили совещание. На нем Салах Салем, Гамаль Салем, Хасан Ибрагим, Камаль ад-Дин Хусейн и Анвар Садат внесли предложение вывести Халеда Мохи ад-Дина из состава СРК и арестовать, другие предложили отправить его на жительство в Мерса-Матрух, а Абдель Хаким Амер — выслать за пределы страны. Единственный, кто возражал против принятия каких-либо мер в отношении Халеда Мохи ад-Дина, был Абдель Латыф аль-Багдади. «Халед, — сказал он, — не скрывал от нас своих взглядов. О том, что его взгляды отличны от наших, нам было из-

вестно. К тому же он подавал в отставку, а мы ему в этом отказали». Затянувшуюся дискуссию разрешил Гамаль Абдель Насер, который заявил, что дело, собственно, не в Халеде Мохи ад-Дине, а в Мухаммеде Нагибе, и если будет принято решение вернуть Нагиба, то непременно надо будет вернуть и Халеда.

На том же совещании было решено образовать трибунал в составе Гамаля Салема, подполковника Ахмеда Анвара и майора Ахмеда Абдаллы для суда над арестованными офицерами кавалерии, которые были отправлены в штаб военной полиции (в районе Каирского вокзала). Кстати, во время этого совещания один из офицеров кавалерии (это был капитан Махмуд Хигази) позвонил Абдель Хакиму Амеру и довел до его сведения, что, если все арестованные офицеры не будут освобождены, танки из блокированного военного городка кавалерии откроют огонь по зданию СРК. «А там, — как он выразился, — будь что будет!» Между тем демонстрации на улицах Каира становились все внушительнее. Толпы демонстрантов скандировали: «Нет революции без Нагиба!»

После бессонной ночи, насыщенной бурными событиями, члены СРК были так утомлены, что около трех часов пополудни решили прервать совещание и разъехаться по домам, а через четыре часа собраться снова. В штаб-квартире СРК остался один Гамаль Абдель Насер, который потребовал от остальных членов Совета предоставить ему полномочия на принятие решения в случае, если обстановка ухудшится, и такие полномочия ему были даны.

Едва члены Совета разъехались по домам, в штаб-квартиру одно за другим стали поступать сообщения телеграфных агентств о демонстрациях в Судане. Прибывший из Александрии подполковник Салах Мустафа доложил, что офицеры Александрийского гарнизона высказались в поддержку М. Нагиба. Вскоре в штаб-квартиру вернулся Салах Салем, который по пути к себе домой был поражен зрелищем демонстраций, происходивших на площади перед Абдинским дворцом. «Либо армия выйдет на разгон демонстраций, либо произойдет вспышка», — сказал он Г. А. Насеру. Но Г. А. Насер, сидевший молча, обхватив голову руками, на это ничего не ответил.

«Я считаю, что Нагиба придется вернуть», — продолжал Салах. Но Г. А. Насер молчал.

Наконец Салах Салем сказал: «Я сообщу об этом на радио». В ответ Г. А. Насер не проронил ни слова.

Салах настойчиво повторил свое предложение, но Г. А. Насер, погруженный в глубокую задумчивость, попрежнему хранил молчание. Тогда Салах Салем при молчаливом согласии Насера принял решение передать на радио сообщение о возвращени Мухаммеда Нагиба.

В 6 часов вечера 27 февраля 1954 г. члены СРК, еще находившиеся у себя дома, вдруг услышали по радио следующее сообщение: «В целях сохранения единства нации Совет революционного командования объявляет, что генерал-майор Мухаммед Нагиб возвращается на пост президента республики и что его превосходительство дал на это согласие».

После этого по радио многократно было передано другое сообщение, в котором говорилось: «Революционное командование заявляет, что любое нарушение порядка на территории страны будет пресекаться со всей решительностью и строгостью».

Раскол в рядах армии, мощная народная поддержка в Египте и Судане, неспособность СРК принять решение перед лицом развития событий — вот факторы, которые снова привели Мухаммеда Нагиба на пост президента. Халед Мохи ад-Дин также остался членом СРК.

Мухаммед Нагиб возвратился как триумфатор.

28 февраля утренние газеты опубликовали следующее заявление М. Нагиба:

«Считаю своим долгом объяснить моим братьям и сынам — египтянам и арабам, что я ушел в отставку со своего поста по собственной воле, будучи убежден, что Совет революционного командования — это орган, где сосредоточены наши самые высокие помыслы и начертаны принципы революции, направленные на достижение величия Отечества и его независимости; я решился на эту отставку лишь с тем, чтобы дать моим братьям — членам Совета возможность работать над осуществлением этих принципов и добиваться изгнания врага-захватчика, который все еще продолжает оккупировать часть нашей священной земли; честных и трудящихся египтян я призываю сплотиться вокруг членов Совета революционного командования и вместе с ними настойчиво добиваться осуществления поставленных целей».

Возвращение М. Нагиба не было поражением одной и победой другой стороны. Это был лишь компромисс, продиктованный сложившейся обстановкой и положивший начало новому туру явной и скрытой конфронтации.

5 марта Гамаль Абдель Насер выступил с заявлением о том, что Совет революционного командования решил принять срочные меры по созыву в течение июля 1954 г. Учредительного собрания, избранного путем всеобщего прямого голосования в целях:

1) обсуждения и утверждения проекта новой конституции;

2) выполнения функции парламента впредь до созыва нового парламента в соответствии с положениями конституции, которую утвердит Учредительное собрание.

В заявлении говорилось: СРК решил до проведения выборов в Учредительное собрание отменить цензуру печати и чрезвычайное положение; до созыва Учредительного собрания верховную власть осуществляет Совет революционного командования; организация партий будет зависеть от новой конституции.

Г. А. Насер заявил также, что СРК намерен освободить арестованных, а те, кто еще не предстал перед судом, суду преданы не будут.

В Египте повеял ветерок свободы. После отмены цензуры оживилась пресса.

Однако решения от 5 марта не положили конец разногласиям между Мухаммедом Нагибом и Халедом Мохи ад-Дином, с одной стороны, и членами СРК — с другой.

Опираясь на свою популярность и на то, что на пост президента он вернулся как победитель, М. Нагиб потребовал вернуть ему также посты премьер-министра, который до 7 марта занимал Г. А. Насер, и председателя Совета революционного командования. М. Нагиб продолжал действовать по-своему: он не устанавливал никаких организационных связей с поддерживавшими его офицерами, не планировал с ними никакого выступления в будущем и не связывал себя с какой-либо определенной политической партией, а рассчитывал на поддержку масс вообще.

Что касается Совета революционного командования, то он опирался на вооруженные силы, где командиры частей были назначены приказами А. Х. Амера. В попытке сгладить разногласия в армии, Совет революционного командования освободил офицеров артиллерии, которые были осуждены в начале 1953 г., а А. Х. Амер устроил в Офицерском клубе ужин, на котором присутствовало 1350 офицеров и где с речами выступили Мухаммед Нагиб и члены СРК. После того как все партии были распущены, а их руководители заключены в тюрьму, в стране не было такой

политической силы, на которую мог бы опереться СРК, кроме Организации освобождения. В основу своей деятельности эта организация ставила агитацию за Гамаля Абдель Насера, а не за Мухаммеда Нагиба.

Развернулась подготовка к выборам Учредительного собрания.

В своих мемуарах Сулейман Хафез пишет: «В преддверии предстоящих выборов нам приходилось считаться с Вафдом как крупнейшей и наиболее организованной из старых партий. Мы с Гамалем Абдель Насером были согласны с тем, что следует не только подрезать крылья Вафду, лишив его состоящих в нем хороших элементов и включив их в наш фронт, но и объединить под знаменем нашего фронта всех его бывших противников из числа деятелей других партий и «независимых». За недостатком времени мы решили подойти к ним через их лидеров, для чего я установил с этими лидерами активные контакты и кое-кого из них постарался извлечь из-под спуда».

Поскольку СРК был намерен уйти в отставку и выступить на выборах как одна из партий, заместителю генерального секретаря Организации освобождения Ибрагиму ат-Тахави Гамаль Абдель Насер поручил провести переговоры с восемьюдесятью политиками, с которыми уже имел место контакт при создании этой организации, и в том числе с членом руководства Вафда, бывшим министром иностранных дел д-ром Мухаммедом Салах ад-Дином. Сначала они выразили полную готовность к сотрудничеству, но потом неожиданно отошли от своей позиции и остались в своих старых партиях. Среди них был и д-р Мухаммед Салах ад-Дин, которого прочили в генеральные секретари Организации освобождения.

Некоторые органы печати, воспользовавшись отменой цензуры, повели наступление на военных. Так, журнал «Аль-Гумхур аль-мысри» предпринял атаку на военную полицию и ее шефа Ахмеда Анвара. Возможно, что критика в его адрес частично была и справедливой, но по общему тону выступление журнала носило провокационный характер. Для членов СРК и офицеров «второго эшелона» это послужило толчком к тому, чтобы держаться за власть из опасения, что, если положение вещей изменится, у них могут потребовать отчета, и тогда обнаружатся совершенные некоторыми из них ошибки и злоупотребления, за которые, возможно, придется нести ответственность и им.

Всюду рассказывали такой анекдот. В вагоне поезда

едут муж и жена. Жена жалуется мужу, что офицер к ней пристает, и муж дает ему пощечину. Вдруг из конца вагона прибегает какой-то человек и тоже — раз офицера по физиономии... «А вы-то его за что?» — спрашивают пассажиры. «А за то, — отвечает, — что революция-то кончилась».

Мухаммед Нагиб хотел заложить основы демократии одним из двух путей: возобновить деятельность партий до выборов в Учредительное собрание или провести референдум по вопросу о республиканском строе и назначении его президентом, поскольку он был назначен на этот пост без референдума.

Однако Сулейман Хафез, бывший противником партийной системы из страха перед силой Вафда, выступил против ориентации на такой курс и в противовес ему подготовил вместе с д-ром Абдель Галилем аль-Амри, тогдашним министром финансов, проект решения вопроса на период времени до выборов. Проект заключался в том, чтобы сформировать гражданский кабинет, который осуществлял бы исполнительную и законодательную власть, а прерогативы СРК ограничивались бы назначением и смещением премьер-министра, а также министров (с согласия премьера). Он предусматривал также отмену чрезвычайного положения до годовщины провозглашения республики, то есть до 18 июня 1954 г., причем к тому времени предполагалось освободить всех тех арестованных, кому не было предъявлено определенного обвинения и в отношении кого прокуратура не вела следствие. Но этот проект не увидел свет.

События следовали одно за другим. 20 марта в Египет с официальным визитом прибыл король Сауд... В печати появилось интервью Гамаля Абдель Насера итальянскому телеграфному агентству АНСА. В нем Г. А. Насер, говоря о «братьях-мусульманах», заявил, что они «будут вольны создавать исламскую партию или организацию», а о коммунистах выразился так: «Всякий раз, как вырисовывается возможность договориться с Лондоном, коммунисты, число которых хотя и невелико, но они хорошо организованы и выступают под флагом национальных требований, проводят кампанию с целью воспрепятствовать достижению соглашения». Мухаммед Нагиб продолжал делать заявления о демократии. «Мы, — говорил он, — не отступим от своей цели — восстановления парламентского строя... Зачем нам его бояться? Ведь мы только для того и восста-

ли, чтобы вернуть его свободным от пороков». Он также подчеркивал, что не собирается создавать партию...

Свое мнение по поводу сложившейся ситуации высказал и Вафд. Оно сводилось к тому, чтобы «отстаивать республиканский строй, аграрную реформу и требовать восстановления парламентской системы немедленно, до того как положение стабилизируется».

В этот период имели место контакты между Вафдом и революционным руководством в лице Мухаммеда Салах ад-Дина, который, как уже говорилось выше, был кандидатом на пост генерального секретаря Организации освобождения, и Ибрагима ат-Тахави, причем Вафд предлагал революционному руководству присоединиться к нему с тем, чтобы Гамаль Абдель Насер стал генеральным секретарем Вафда, но Г. А. Насер отверг это предложение.

«Аль-Мысри» поместила письмо бывшего члена СРК Юсефа Сыддыка (бежавшего из Бени-Суэйфа, куда он был определен на жительство). В нем он высказывал свои мысли о положении в стране и предлагал образовать коалиционное правительство из представителей Вафда, «братьев-мусульман», социалистов и коммунистов во главе с д-ром Вахидом Ра'фатом для проведения выборов в новый парламент. Таким образом, впервые открыто ставился вопрос об участии коммунистов в правительстве в рамках национально-демократического фронта.

Власть СРК ослабевала, и, для того чтобы ее упрочить, необходимо было предпринять нечто такое, что положило бы конец периоду тревог и нестабильности.

25 марта члены СРК устроили заседание, на котором присутствовали Мухаммед Нагиб и Халед Мохи ад-Дин. На заседании произошли бурные дебаты. Начались они с того, что Абдель Латыф аль-Багдади внес предложение об отмене решений от 5 марта. Выступив в защиту этих решений, Халед Мохи ад-Дин потребовал ввести новую структуру демократии, при которой права баллотироваться в члены Учредительного собрания были бы лишены: а) бывшие депутаты парламента, голосовавшие в поддержку каких-либо законов, ограничивающих свободы; б) бывшие депутаты, отказывавшиеся от уплаты налога на землю; в) председатели партий; г) лица, в отношении которых применены положения закона об аграрной реформе.

Однако обсуждение пошло в направлении от одной крайности к другой. Вопрос ставился так: либо отмена

решений от 5 марта, либо снятие всех ограничений, наложенных на партии, и освобождение всех арестованных. После пятичасовой дискуссии были приняты следующие решения, известные как решения от 25 марта:

1) разрешается деятельность партий;

2) Совет революционного командования не образует партии;

3) никто не лишается политических прав, дабы это не повлияло на выборы;

4) Учредительное собрание избирается путем прямого голосования и при свободном волеизъявлении; оно будет являться суверенным, полновластным органом и обладать полномочиями парламента;

5) Совет революционного командования 24 июля распускается, поскольку революция завершилась, и страна вручается представителям нации;

6) Учредительное собрание сразу же после своего созыва изберет президента республики.

Эти решения не выражали стремлений ни членов СРК, ни М. Нагиба, ни Халеда Мохи ад-Дина. Очевидно, за ними что-то скрывалось... Так, Салах Салем заявил, что цель возвращения компартии — воздействовать на американцев. По словам Халеда Мохи ад-Дина, корреспондент французского журнала «Нувель обсерватэр» в тот период говорил ему, что из контактов с английским и американским посольствами ему стало известно, что Гамаль Абдель Насер выиграет сражение с Мухаммедом Нагибом, так как СРК довел до сведения американцев, что пойдет на подписание соглашения об эвакуации с включением положения о возвращении английских войск в случае нападения на Турцию.

Едва было объявлено о решениях от 25 марта, как началось освобождение заключенных. Первыми вышли на свободу «братья-мусульмане» во главе со своим верховным наставником Хасаном аль-Худайби.

Сразу же после освобождения аль-Худайби, в полночь, его посетил у него на квартире Гамаль Абдель Насер, о чем сообщала газета «Аль-Мысри». Эта встреча решительным образом повлияла на изменение позиции «братьев-мусульман». Еще до выхода постановления об отмене роспуска ассоциации «братья-мусульмане» устроили свое первое совещание, а Хасан аль-Худайби заявил: «Ассоциация существует, и она сильнее, чем была...»

Желая убедиться, освобождены ли крупные деятели,

Мухаммед Нагиб решил обзвонить их, но оказалось, что, кроме Хасана аль-Худайби и Абдель Кадера Ода, не освобожден никто. Он позвонил Мустафе Наххасу с целью узнать, снят ли с него домашний арест и справиться о здоровье его супруги. Записанный на пленку спецслужбой и переданный газете «Аль-Ахбар» текст телефонного разговора М. Нагиба с М. Наххасом появился на страницах газеты. А для того, чтобы еще больше усилить иллюзию, будто между М. Нагибом и М. Наххасом имеют место скрытые контакты, что должно было настроить офицеров армии против М. Нагиба и отдалить их от него, упомянутый текст был напечатан жирным шрифтом.

После принятия решений от 25 марта Хусейн аш-Шафии отправился в Организацию освобождения и уведомил Ибрагима ат-Тахави, что члены СРК решили сложить свои полномочия и возвратиться в казармы, а затем «устроить новую революцию». Как представитель офицеров «второго эшелона» ат-Тахави выразил несогласие с таким образом мыслей и заявил, что будет сопротивляться решению СРК.

Столкновение начало приобретать резкий характер... Синдикат журналистов выступил с требованием незамедлительной отмены чрезвычайного положения. Синдикат адвокатов объявил забастовку. Газеты напечатали сообщение о том, что Мустафа Наххас, Рашад Механна и Ахмед Хусейн не освобождены. Профессорско-преподавательский состав и студенты университетов потребовали возвращения к парламентаризму. На страницах газет появилось письмо полковника Ахмеда Шауки, командира 13-го пехотного батальона, сыгравшего значительную роль в выступлении 23 июля, который 8 марта был взят под домашний арест. В своем письме он также выступал с демократическими требованиями.

С другой стороны, опасаясь за судьбу завоевания рабочих, выразившееся в запрете произвольных увольнений, секретарь Союза транспортных рабочих ас-Сави Ахмед ас-Сави установил контакт с Ибрагимом ат-Тахави, и они оба разработали план сидячей забастовки транспортников, которая затем должна была перерасти во всеобщую забастовку. Офицеры полиции заявили, что «возврат к парламентской системе при наличии оккупации есть империалистический обман». Командование Национальной гвардии и руководители молодежных организаций начали стягивать свои силы в Каир.

Позицию «братьев-мусульман» в этот период можно рассматривать как фактор, который давал перевес одной из сторон. Поэтому командир охраны М. Нагиба Мухаммед Рийад попытался выяснить их позицию, связавшись для этого кое с кем из их руководства (впрочем, без ведома самого М. Нагиба), но получил ответ, что они «еще не определились», предпочитают вести себя тихо и ждать, пока не будут освобождены все заключенные.

28 марта в газетах было опубликовано заявление «братьев-мусульман», в котором говорилось: «Что касается возобновления деятельности партий, то мы надеемся, что времена коррупции не вернутся вновь, при виде коррупции мы не станем молчать. Мы решительно стоим за полную свободу народа и не потребуем создания партий по той простой причине, что призываем всех египтян следовать за нами в деле служения исламу».

Таким образом, ассоциация «Братья-мусульмане» сделала свой выбор, встав на сторону Совета революционного командования и отказавшись от поддержки демократии и парламентаризма. Эта позиция «братьев-мусульман» имела своим истоком их извечное отрицание парламентского строя, отрицание, на котором они настаивали с еще бо́льшим упорством, поскольку, после того как они стали единственной политической силой, которой было разрешено проводить свою деятельность, первые признаки жизни вернулись и к другим политическим силам и партиям.

Было достигнуто соглашение о том, что в эти критические дни «братья-мусульмане» будут держаться пассивно и не примут участия в какой бы то ни было демонстрации, направленной против СРК. Таким образом, если массы рядовых членов «братьев-мусульман» сыграли решающую роль в деле возвращения Мухаммеда Нагиба после его отставки, то их руководство в вопросе о восстановлении парламентского строя заняло отрицательную позицию.

Чаша весов СРК начала час от часу перевешивать. Рычаги власти приводили в движение принадлежащие ей механизмы. Организация освобождения, построенная, как уже отмечалось, на поддержке Г. А. Насера, а не М. Нагиба, солидаризировалась с выступлением рабочих-транспортников и членов Союза сынов Верхнего Египта, которые парализовали движение автобусов, трамваев, такси и поездов, а затем вышли на демонстрации. Этими демонстрациями руководили ат-Тахави и Туайме из автомашин, на которых были установлены громкоговорители,

В ночь с 27 на 28 марта начальник личной охраны М. Нагиба Мухаммед Рийад пришел к нему прямо в спальню и доложил, что на 28 марта намечено проведение демонстраций с участием Национальной гвардии, молодежных организаций, Организации освобождения, транспортных рабочих и жителей провинции Ат-Тахрир, в распоряжение которых предоставлены грузовики, а Конгресс рабочих профсоюзов обратился с призывом начать 29 марта всеобщую забастовку с требованием, чтобы СРК отказался от своих решений.

Связавшись с министром внутренних дел Закарией Мохи ад-Дином, Мухаммед Нагиб предупредил его о предстоящих демонстрациях, а потом вызвал к себе на квартиру заместителя министра внутренних дел генерал-майора аль-Багури и потребовал от него рассеять демонстрации силой. В свою очередь аль-Багури потребовал от М. Нагиба подписать письменный приказ открывать огонь по демонстрантам, но М. Нагиб в ответ на это заявил: «Я скорее отрублю себе руку, чем подпишу приказ стрелять по сынам народа».

Некоторые офицеры из окружения Мухаммеда Нагиба уговаривали его объявить о создании нового, гражданского, кабинета во главе с Вахидом Ра'фатом и принять меры против членов СРК, но он заколебался и предпочел отложить решение этого вопроса до своего возвращения из поездки в Александрию вместе с королем Саудом.

Но было уже поздно. На станциях железной дороги демонстранты встречали его возгласами: «Ни партий, ни парламента!»

Вечером 28 марта состоялась встреча М. Нагиба с королем Саудом, на которой присутствовали д-р Абд ар-Разек ас-Санхури, Гамаль Абдель Насер, Абдель Хаким Амер, Абдель Рахман Аззам и Хасан Багдади. Во время этой встречи М. Нагиб собирался подать в отставку, но Г. А. Насер не хотел допустить этого прежде, чем будет полностью покончено с популярностью М. Нагиба и теми идеями, которые он представлял. Совещание продолжалось до зари 29 марта. На нем Мухаммед Нагиб пошел на уступку СРК, поскольку понял, что массы не поддержат его, как это произошло после его отставки, и решил не прибегать к каким-либо мерам, могущим вызвать вооруженное столкновение.

Король Сауд отбыл из Египта, а с Мухаммедом Нагибом в аэропорту случился обморок, после чего он в тече-

ние трех недель пролежал больной у себя дома, и в газетах печатались бюллетени о состоянии его здоровья за подписью двух врачей, дабы исключить возможность появления каких-либо слухов, которые могли бы возбуждающе подействовать на массы.

В тот же день Салах Салем объявил по радио о том, что:

1) выполнение решений от 5 и 25 марта откладывается до конца переходного периода;

2) немедленно формируется Национальный консультативный совет, в котором будут представлены различные профессиональные группы, организации и районы страны; его состав и функции определяются законом.

Как только об этом было объявлено, Гамаль Абдель Насер, Салах Салем и Камаль ад-Дин Хусейн посетили Федерацию транспортных рабочих, где с речами выступили ас-Сави Ахмед ас-Сави и члены СРК. Задачу поддержания порядка на улицах взяли на себя войска.

5 апреля СРК принял решение, которое, в частности, предусматривало:

— отстранение от работы в политической области лиц, несущих ответственность за коррупцию в дореволюционный период, и лишение ряда бывших деятелей политических прав;

— чистку прессы;

— подготовку закона о защите революции и основ по созданию Национального консультативного совета;

— проведение ряда важных мероприятий в интересах различных слоев народа и в целях активизации национальной экономики.

Во исполнение этого решения 14 апреля было издано постановление, согласно которому всякий, кто в период с 6 февраля 1942 г. по 23 июля 1952 г., то есть за десять лет, предшествовавших революции, возглавлял какое-либо министерство, будучи членом Вафда, партии Либералов-конституционалистов или партии Саад, лишался всех политических прав и не мог занимать государственные должности, а также возглавлять административные советы профессиональных союзов и иных организаций в течение десяти лет; если бывший министр не являлся членом перечисленных партий, он мог быть лишен упомянутых прав лишь по постановлению Совета революционного командования. При этом следует заметить, что единственной партией, для которой в данном случае было сделано исключе-

ние, являлся Вафдистский блок, хотя указанное постановление коснулось Макрама Убейда как бывшего вафдистского министра.

Это постановление было применено в отношении 22 вафдистских, 8 саадистских и 8 бывших министров либералов-конституционалистов, в том числе к 6 членам «комиссии пятидесяти» по подготовке конституции (Али Заки Ораби, Мухаммеду Салах ад-Дину, Абдель Саляму Фахми Гомаа, Макраму Убейду, Махмуду Галебу и д-ру Абд ар-Разеку ас-Санхури, который одновременно был смещен с поста председателя Государственного совета).

В тот же день Совет революционного командования принял постановление о роспуске административного совета синдиката журналистов под предлогом, что члены этого совета (12 чел.) получали суммы из тайных источников, и образовал взамен его комитет под председательством Факри Абазы. Были опубликованы также поименный список журналистов и список органов печати, получавших упомянутые суммы.

17 апреля 1954 г. Гамаль Абдель Насер был назначен премьер-министром. После того как при сформировании кабинета в него вошли Хусейн аш-Шафии (в качестве военного министра) и Хасан Ибрагим (в качестве министра по делам президентства), число офицеров — членов СРК в составе совета министров достигло восьми. В кабинет не вошли лишь двое: главнокомандующий вооруженными силами Абдель Хаким Амер и председатель административного совета издательства «Дар ат-Тахрир» Анвар Садат.

Халед Мохи ад-Дин, сопровождавший Мухаммеда Нагиба и короля Сауда в их поездке в Александрию, задержался там на несколько дней, а по возвращении в Каир подал в отставку. Г. А. Насер принял его отставку немедленно. Так в начале апреля 1954 г. Халед Мохи ад-Дин вышел из состава СРК.

В это время среди части «свободных офицеров» возникла мысль о военном перевороте с целью сменить Совет революционного командования и установить демократические порядки в стране на основе договоренностей с офицерами кавалерии, достигнутых в конце февраля 1954 г. Переворот предполагалось совершить в час ночи 24 апреля 1954 г., для чего был разработан план, подобный плану выступления в ночь на 23 июля 1952 г. В нем, в частности, учитывалась вероятность вооруженного столкновения с

некоторыми армейскими силами. Однако накануне предполагаемого переворота группа офицеров — участников февральского собрания, состоявшегося в штабе кавалерии, была арестована. Особый военный суд под председательством командующего артиллерией генерал-майора Мухаммеда Хусейна в июне 1954 г. вынес приговоры 16 офицерам. Руководитель группы капитан Ахмед аль-Масри был приговорен к 15 годам, майор Хосни ас-Сави и капитан Иззет аль-Альфи — к 10 годам, капитан Фарук аль-Ансари — к 3 годам и капитан Фуад аль-Ораби — к 1 году тюремного заключения. Следует заметить, что офицеры, готовившие упомянутый переворот, по своим воинским званиям были младше членов СРК, причем некоторые из них в прошлом состояли в организации «Свободные офицеры».

Процесс над группой Ахмеда аль-Масри явился одной из причин, вызвавших прекращение попыток по созданию самостоятельных офицерских организаций. Что же касается тех организаций военных, которые примыкали к различным политическим течениям, то они продолжали существовать.

В начале марта были арестованы генерал-майор в отставке Абдель Монейм Абдель Рауф, подполковник Абу аль-Макарим Абдель Хай, майоры Хусейн Хамуда и Халиль Нур ад-Дин, а также Мухаммед Фуад Гасер и Саад ад-Дин Сабри. Все они были «братьями-мусульманами».

Возобновил свою деятельность Революционный трибунал, не созывавшийся со времени процесса над Фуадом Сираг ад-Дином. На этот раз перед судом трибунала предстал бывший командующий Каирским гарнизоном полковник Ахмед Шауки, который был приговорен к 10 годам тюремного заключения. На второй сессии Революционного трибунала под суд были отданы также г-жа Зейнаб аль-Вакиль и журналисты Махмуд Абульфатх, Хусейн Абульфатх и Абульхейр Нагиб.

31 мая было арестовано 202 коммуниста.

Летом 1954 г. военная полиция напала на след особой организации унтер-офицеров кавалерии. В своих листовках, печатавшихся на гектографе, члены этой организации говорили о необходимости оказывать сопротивление давлению со стороны СРК и добиваться для унтер-офицеров права на производство в офицеры. Через эту организацию военной полиции удалось узнать о тайном аппарате «братьев-мусульман» внутри армии, хотя упомянутая орга-

низация унтер-офицеров состояла не только из «братьев».

Арест части членов тайного аппарата «братьев-мусульман» внутри армии вновь вызвал конфликт между ассоциацией и движением военных. Но поскольку «братья» не могли требовать освобождения арестованных членов своей организации в рядах армии, чтобы не признать ее существования, а движение военных не могло возбудить дела против арестованных за отсутствием состава преступления, между ними до поры до времени сохранялось перемирие.

«Братьям-мусульманам» было невдомек, что их соглашение с движением военных, на которое они пошли сразу же по своем выходе из концлагерей, не может быть долговечным. Движение военных не могло допустить существования конкурента в борьбе за власть в лице другой сильной организации, да еще такой, которая, как ему было известно, располагала тайным военизированным аппаратом внутри самой армии.

Между ассоциацией и движением военных снова начались столкновения. Сигналом к ним послужило заключение соглашения об эвакуации, которое 27 июля 1954 г. было парафировано с египетской стороны Гамалем Абдель Насером и с британской стороны военным министром Антони Хэдом.

В конце августа между полицией и «братьями-мусульманами» произошли стычки, когда после пятничной молитвы Хасан Даух стал подстрекать людей к сопротивлению революции и призывать к насилию.

Оппозиция «братьев-мусульман» к революции вылилась в форму протеста, который, впрочем, разделяли и другие политические силы, против предусмотренного соглашением об эвакуации права британских войск на возвращение в Египет в случае вооруженного нападения на одну из стран — участниц договора о совместной обороне между государствами Арабской лиги или на Турцию. Когда 19 октября соглашение было окончательно подписано и народные массы встретили это событие без энтузиазма, определенные круги «братьев-мусульман» воспользовались этим для организации покушения на жизнь Гамаля Абдель Насера. Свой замысел они решили осуществить во время выступления Г. А. Насера на митинге, устроенном по случаю подписания соглашения 26 октября на площади Эль-Маншие в Александрии.

В шатре, разбитом на площади, собралось десять тысяч

человек, главным образом трудящиеся провинции Ат-Тахрир, полностью стоявшие на стороне революции. Едва Г. А. Насер начал свою речь, как пробравшийся в первые ряды участников митинга член тайного аппарата ассоциации «Братья-мусульмане» Махмуд Абдель Латыф произвел девять выстрелов из револьвера на расстоянии 15 метров от трибуны, где находились ораторы и гости.

Выстрелами были ранены член присутствовавшей на митинге суданской делегации министр Миргани Хамза и стоявший рядом с Г. А. Насером адвокат Ахмед Бадр. Гамаль Абдель Насер от выстрелов не пострадал. В шатре поднялась паника, но Г. А. Насер продолжал свою речь. «Всем оставаться на своих местах, — твердо сказал он. — Моя жизнь принадлежит вам, моя кровь будет выкупом за Египет... Жизнь Г. А. Насера — ваша собственность. Я жил для вас и, пока не умру, буду трудиться ради вас...»

Офицеры, находившиеся в шатре, арестовали стрелявшего Махмуда Абдель Латыфа. Он оказался простым рабочим, проживавшим в Эмбабе. На совершение своего террористического акта он пошел по убеждению, подпав под влияние некоего Хиндави Дувейра, адвоката из «братьев», внушившего ему, что соглашение об эвакуации не отвечает требованиям народа, который так долго за него боролся, что оно отдает Египет на милость англичан и в будущем ему дорого обойдется.

Выстрелы, прозвучавшие на площади Эль-Маншие, повернули чувства народных масс к Гамалю Абдель Насеру. Когда после митинга он проехал по улицам Александрии, толпы людей встретили его с искренним энтузиазмом.

В ту же ночь среди «братьев-мусульман» начались самые крупные аресты, которые когда-либо видел Египет.

1 ноября 1954 г. Совет революционного командования образовал особый суд, получивший название «Суд народа», под председательством Гамаля Салема. В его состав входили также Анвар Садат и Хусейн аш-Шафии. Это была уже четвертая разновидность судов, созданных революцией (после военных трибуналов, «Суда над вероломством» и Революционного трибунала).

Всего перед «Судом народа» и тремя его филиалами предстало 867 человек. Число осужденных военными трибуналами достигло 254 человек. Смертные приговоры были вынесены Махмуду Абдель Латыфу, Юсефу Талаату, Хиндави Дувейру, Ибрагиму ат-Тайибу, Абдель Кадеру Ода и Мухаммеду Фаргали. К смертной казни был при-

говорен и Хасан аль-Худайби, но затем вынесенный ему приговор был смягчен и заменен пожизненной каторгой.

Вплоть до момента покушения на жизнь Гамаля Абдель Насера Мухаммед Нагиб оставался президентом республики, хотя практически уже не обладал никакой властью, и большинство его обязанностей выполнял государственный министр по делам президентства Хасан Ибрагим.

14 ноября в кабинет к Мухаммеду Нагибу явились Абдель Хаким Амер и Хасан Ибрагим и сообщили, что Совет революционного командования принял решение освободить его от обязанностей президента. Затем они оба проводили М. Нагиба на небольшую виллу, принадлежавшую г-же Зейнаб аль-Вакиль в Эль-Марге, северном пригороде Каира, где он был помещен под домашний арест. В тот же день был обнародован декрет об освобождении Мухаммеда Нагиба от всех занимаемых им постов. В декрете говорилось, что пост президента республики будет оставаться вакантным и что все его полномочия будет осуществлять Совет революционного командования под руководством Гамаля Абдель Насера.

Так закончилось последнее столкновение с СРК. Мухаммед Нагиб был смещен с поста президента республики. Политические партии были распущены, а их руководители заключены в тюрьму. Газету «Аль-Мысри», сыгравшую значительную роль в мартовском кризисе, закрыли. Ассоциация «Братья-мусульмане» снова была распущена, ее руководители казнены, а тысячи рядовых членов отправлены в концлагеря и тюрьмы.

Попытки военных переворотов потерпели провал. Прекратили свое существование как самостоятельные военные организации, так и примыкавшие к различным политическим силам за пределами армии.

Синдикаты журналистов и адвокатов были распущены, а на их место назначены временные комитеты, подчиненные Совету революционного командования.

С самого начала было ясно, что победа более благосклонна к членам СРК по следующим причинам:

Во-первых, Мухаммед Нагиб не обладал личностью лидера, могущего влиять на настроения масс; он располагал к себе своим великодушием и простотой, а одного этого было недостаточно, чтобы направлять политическое движение.

Во-вторых, М. Нагиб не прибегнул к созданию внутри армии поддерживающей его организации, как это сделали

Г. А. Насер и его коллеги. Он не был связан и с различными политическими силами, тогда как Г. А. Насер, напротив, имел с ними многочисленные связи, хотя цели его и этих сил то совпадали, то расходились в зависимости от обстановки.

В-третьих, Вафд и другие политические партии оказались слабыми и неспособными привести в движение массы в соответствии со своими установками ввиду отсутствия в этих партиях строгой партийной дисциплины: они придерживались старых организационных форм, при которых влияние на массы оказывалось исключительно личным путем.

В-четвертых, коммунисты и другие левые силы не достигли такой степени зрелости и не были многочисленны настолько, чтобы сплотить вокруг себя массы; к тому же они пострадали от расколов и арестов.

В-пятых, не удалось создать национально-демократический фронт из-за нерешительности Вафда, отказа от него «братьев-мусульман» и неясности политической линии Мухаммеда Нагиба.

В-шестых, многие слои находились под впечатлением патриотического курса, взятого движением военных вначале, что же касается его антидемократических шагов, то масс простого народа в их повседневной жизни они не коснулись.

В-седьмых, вследствие своей беспринципности «братья-мусульмане» попали в западню, выступив в поддержку СРК в самый критический момент, когда эти две силы столкнулись друг с другом.

В-восьмых, в период испытаний, выпавших на долю «братьев-мусульман», народ не проявил к ним сочувствия из-за ранее совершенных ими террористических актов, их отказа от борьбы за свободу и демократию и их постоянной враждебности к политическим партиям.

В-девятых, отсутствовали благоприятные условия для консолидации патриотически настроенных, демократических элементов внутри армии; не находя другой, более привлекательной для себя линии, часть из них шла за СРК.

В-десятых, в стране не было такого влиятельного массового движения, которое могло бы оказать давление на членов СРК: не было ни федерации рабочих профсоюзов, ни крестьянских организаций, между профессиональными союзами отсутствовала координация.

Глава XI

ГОДЫ ПОДЪЕМА

Как только движение 23 июля победило и военные взяли на себя ответственность за управление страной, перед ними во весь рост встала задача решения национальной проблемы. В то время это означало освобождение не только Египта, эвакуацию британских войск не только с его территории, но и освобождение и вывод британских войск с территории Судана.

Судан был той скалой, о которую разбивалось большинство англо-египетских переговоров, особенно тех, которые вели вафдистские кабинеты.

Переговоры между новым египетским руководством и Великобританией начались 20 ноября 1952 г. В египетскую делегацию, которую возглавлял Мухаммед Нагиб, входили Салах Салем, Хусейн Зульфикар Сабри, д-р Махмуд Фавзи, д-р Хамид Султан и Али Хасан Зейн аль-Абидин. Главой английской делегации был сэр Ральф Стивенсон.

Важные политические переговоры египетские офицеры вели впервые. Дипломатия не была их стихией. Решение ряда вопросов требовало определенной эрудиции. Однако трудности, возникшие в ходе переговоров, удалось преодолеть благодаря энергии молодости.

Как только переговоры зашли в тупик, Салах Салем срочно выехал в Судан. 10 января 1953 г. произошла его встреча с представителями суданских партий — «Аль-Умма», Национально-юнионистской и Республиканско-социалистической. В итоге этой встречи был подписан документ, поддерживающий точку зрения еипетской стороны на переговорах по вопросам, касающимся южных провинций Судана, полномочий генерал-губернатора, су-

данизации государственного аппарата и эвакуации иностранных войск.

Когда упомянутый документ был положен на стол переговоров, это отрезало все пути для маневра со стороны английской делегации, и 12 февраля 1953 г. англо-египетское соглашение о Судане было подписано.

1 января 1956 г. Судан был торжественно провозглашен независимой республикой. Он стал первым арабским государством в Африке, с территории которого были эвакуированы войска оккупантов, и этого удалось добиться раньше, чем в отношении самого Египта.

Эвакуация британских войск из зоны Суэцкого канала была главной проблемой с первого дня прихода к власти военных. В свое время Вафд добивался эвакуации британских войск до истечения срока действия договора 1936 г., заключенного на 20 лет, и выступал против участия Египта в военных союзах. Этого же курса придерживался и СРК. Наиболее ясными и смелыми на этот счет были заявления Гамаля Абдель Насера. В январе 1953 г. в речи на митинге в Шибин-эль-Коме он так сформулировал свою позицию по этому вопросу: «Эвакуация из зоны канала, либо будем биться на смерть».

Вооруженная борьба египетского народа в зоне Суэцкого канала, угрожавшая империалистическому присутствию в регионе, после каирского пожара прекратилась. Однако движение военных не сразу возобновило вооруженную борьбу. Оно предпочло продолжить путь переговоров, рассчитывая на быстрый успех, как это имело место в случае с соглашением о Судане.

В египетскую делегацию на переговорах вошли: Мухаммед Нагиб (глава делегации), Гамаль Абдель Насер, Салах Салем, д-р Махмуд Фавзи, д-р Хамид Султан, д-р Али Хасан Зейн аль-Абидин.

Сразу же, как только 27 апреля 1953 г. переговоры начались, стало ясно, что ситуация в данном случае отличается от той, что сложилась на переговорах по вопросу о Судане, где британской стороне была противопоставлена согласованная позиция суданских партий и совпадение точек зрения египтян и суданцев. Англичане хотели привязать Египет к какому-нибудь ближневосточному «оборонительному» пакту и оставить за собой Суэцкий канал в качестве базы для своих войск и ведения боевых операций в будущем. Эти домогательства Великобритании египетской стороной полностью отвергались. «Скажите Идену,

что терпение Египта иссякает, — заявил Мухаммед Нагиб члену британского парламента Ричарду Коусмэну, — что шанс достигнуть почетного соглашения не будет существовать вечно».

Гамаль Абдель Насер в своих выступлениях продолжал требовать безоговорочной эвакуации, угрожая возобновить вооруженную борьбу.

Переговоры продолжались всего лишь несколько дней: 6 мая они были прерваны. 19 мая Мухаммед Нагиб обратился к народу с посланием, в котором говорилось, что прекращение переговоров объясняется «попыткой англичан нарушить принцип, который мы положили в основу вступления в эти переговоры, а именно принцип полной и безоговорочной эвакуации с нашей земли».

Как только переговоры были прерваны, в попытке оказать давление на Египет британские власти рекомендовали своим подданным покинуть пределы страны. Движению военных не оставалось ничего иного, как возобновить вооруженную борьбу.

В связи с отъездом из страны семей британских подданных Гамаль Абдель Насер сделал заявление. «Те, кого мы не хотим видеть в нашей стране, — подчеркнул он, — это английские солдаты-оккупанты. Что же касается гражданских британских подданных — членов британской колонии, то они находятся под защитой Египта».

В мае и июне 1953 г. развернулись широкомасштабные боевые действия федаев. 14 июня Г. А. Насер заявил: «Мы составляем армию, насчитывающую 22 миллиона египтян. Это — армия, способная выдворить колонизаторов из страны. Мы опираемся не на какую-то малочисленную группу людей, мы опираемся на всех сограждан и раздаем оружие во всех концах страны».

По своему характеру вооруженная борьба, развернутая в зоне канала в 1953 г., отличалась от действий партизан в период 1951—1952 гг.

Еще 17 мая в газетах было напечатано заявление, в котором говорилось: «В прошлый раз действия партизан были сплошной импровизацией, ими никто не руководил. Сегодня все происходит в соответствии с намеченным планом».

Конечно, не стоило искусственно противопоставлять один этап вооруженной борьбы народа другому. Напротив, следовало бы подчеркнуть их неразрывную связь. Однако движение военных в то время старалось развенчать пар-

тии вообще и Вафд в частности, хотя тот факт, что вафдистское правительство позволило развязать народную инициативу в вооруженной борьбе в зоне канала и поддержало эту борьбу, делает ему честь.

На этот раз вооруженная борьба в зоне Суэцкого канала носила организованный характер и направлялась офицерами разведки. Это были Камаль Рифат, Абдель Фаттах Абульфадль, Фуад Хиляль, Омар Лютфи и другие. Упомянутые офицеры действовали под руководством Закарии Мохи ад-Дина, который курировал тогда все органы безопасности (министерство внутренних дел, разведывательное управление вооруженных сил и контрразведку). Разделив зону канала на сектора, Закария Мохи ад-Дин назначил в каждый из них ответственного офицера и регулярно проводил с этими офицерами совещания с целью координации действий.

Новый метод ведения вооруженной борьбы имел как свои положительные, так и отрицательные стороны. Сосредоточение руководства деятельностью фидаев в руках офицеров дало возможность организовать дело по-военному, то есть наладить боевую подготовку партизан, разрабатывать планы операций и наносить противнику удары по чувствительным местам. В то же время, будучи сотрудниками разведорганов, эти офицеры первостепенное значение придавали политической принадлежности людей, что изолировало от вооруженной борьбы многих деятелей, способных поднять и мобилизовать массы. Многие молодые египтяне и политические деятели и сами не желали иметь дело с охранкой. Так с арены боевых действий исчезли знамена Вафда, «Молодого Египта» и коммунистов, под которыми сражались отряды партизан в 1951 г. Что касается «братьев-мусульман», то они в вооруженной борьбе против англичан не участвовали, хотя и являлись единственной политической силой, которой тогда было разрешено действовать легально. Они предпочли отсидеться точно так же, как и при вафдистском правительстве.

Активность боевых действий в зоне Суэцкого канала находилась в прямой зависимости от политической обстановки: когда в переговорах намечался прогресс, наступало затишье и в зоне канала, но как только в них происходила заминка, вооруженная борьба разгоралась вновь.

Во время перерыва в англо-египетских переговорах, 11 мая 1953 г., в Египет прибыл Джон Фостер Даллес.

Целью его визита была попытка добиться мира между арабами и Израилем и протолкнуть свой план окружения Советского Союза кольцом военных блоков.

Даллес передал М. Нагибу подарок от президента Эйзенхауэра — пистолет без патронов. Как показали последующие события, это было единственное оружие, предоставленное Америкой Египту. (В свою очередь, М. Нагиб послал в подарок Эйзенхауэру золотую статуэтку бога мудрости у древних египтян.)

По прибытии в Каир Даллес заявил о необходимости создания на канале базы для использования ее в случае войны «в защиту свободного мира». Заявление Даллеса не встретило никакой поддержки ни со стороны народа, ни со стороны офицеров — членов Совета командования, придерживавшихся политики неучастия в военных союзах.

11 мая в газете «Аль-Мысри» Ахмед Абульфатх выступил со статьей, где, обращаясь к Даллесу, показывал противоречия в позиции США, поддерживающих Израиль, который «позволяет существование у себя компартии, тогда как Египет арестовывает коммунистов, но, несмотря на это, США настойчиво поддерживают Англию против него».

В глазах египтян Соединенные Штаты выглядели отнюдь не так, как это пытался представить Мухаммед Хасанейн Хейкал в своей книге «Абдель Насер и мир», утверждая, будто «в отличие от старых колонизаторов, потерпевших полный провал, Соединенные Штаты были окружены ореолом успеха и очарования, и мысль о выполнении американцами главной роли на Ближнем Востоке находила у людей отклик, они были готовы ее принять», Наоборот, все национальные силы были против того, чтобы позволить американцам играть какую-либо политическую роль в качестве альтернативы роли Англии, и это нашло свое выражение в политике Вафда, «Молодого Египта», Новой национальной партии, коммунистических групп и массовых организаций. США разоблачили себя в глазах египтян еще во время постановки Нукраши-пашой египетского вопроса перед Советом Безопасности[1].

Если исключить дворцовую клику, находившуюся в хороших отношениях с американцами, а также «братьев-мусульман», старавшихся доказать свои добрые намерения по отношению к американцам, да еще некоторых деятелей партий «меньшинства», никто из представителей египетской интеллигенции и патриотически настроен-

ных политиков не смотрел на США, как Мухаммед Хасанейн Хейкал, Мустафа Амин (написавший книгу «Смеющаяся Америка») или Хафез Афифи (автор книги «Англичане в своей стране»), который в статье, помещенной в газете «Аль-Ахрам» за 25 августа 1951 г., писал: «Почему бы нам не заключить с Англией и какой-нибудь другой страной западного лагеря такой договор, который осуществлял бы наши цели и гарантировал в случае необходимости взаимную военную помощь. Тройственный союз в этих целях с Англией и Америкой — это лучшее, к чему я стремлюсь и чего желаю моей стране». Как видно, он недаром был назначен начальником королевской канцелярии!

Офицеры выражали волю народа не меньше, чем патриотически настроенные политики до революции, и сближались с Америкой не больше, чем это было нужно для поддержки их с ее стороны для оказания давления на Англию. Однако из визита Даллеса стало ясно, что вероятность его давления на Великобританию есть не что иное, как мираж. Нагиб и Гамаль Абдель Насер со всей откровенностью высказали Даллесу свое нежелание пойти навстречу его стремлению вовлечь Египет в западные союзы «из страха перед коммунизмом». По этому поводу, как пишет Мухаммед Хасанейн Хейкал в своей книге «Абдель Насер и мир», Г. А. Насер заявил Даллесу: «Советский Союз удален от нас на 5 тысяч миль, с ним у нас никогда не было никаких противоречий, он никогда не нападал на нас, не оккупировал нашу землю и не имел в Египте ни одной базы, тогда как Англия вот уже семьдесят лет осуществляет империалистическую оккупацию Египта».

Позиция США предстала в еще более обнаженном виде, когда они поддержали решение английского правительства наложить эмбарго на поставку оружия Египту. Поэтому письмо Эйзенхауэра Мухаммеду Нагибу, в котором он заверял в готовности США предоставить значительную экономическую и военную помощь Египту, если последний достигнет соглашения с Великобританией (как об этом упоминает А. Наттинг в своей книге «Насер»), не встретило отклика у членов Совета командования.

США, игравшие, по сути дела, роль посредника в переговорах и пытавшиеся убедить Англию эвакуировать свои войска, а Египет — вступить в какой-нибудь западный «оборонительный» союз, натолкнулись на решительный отпор со стороны офицеров, не давших вовлечь себя в по-

добный союз. Вот почему на Бермудской встрече западных лидеров в декабре 1953 г., где премьер-министр Великобритании У. Черчилль, министр иностранных дел Великобритании А. Иден и премьер-министр Франции Ж. Ланьель встретились с президентом США Д. Эйзенхауэром и государственным секретарем Дж. Ф. Даллесом и где речь шла о координации усилий трех империалистических держав, ее участники пришли к единодушному мнению не идти навстречу Египту и поддержали жесткую позицию Великобритании.

20 января 1954 г. англичане обстреляли военную автомашину, в которой находилось 17 человек из персонала египетских ВВС. Четверо из них были ранены, один — убит. В ответ египтяне немедленно вновь активизировали вооруженную борьбу, однако эта борьба по-прежнему велась в изоляции от масс, да и от самих офицеров армии. На положение дел в этом отношении не повлиял и конфликт между Мухаммедом Нагибом и членами СРК.

Когда Совет революционного командования избавился от Мухаммеда Нагиба и Гамаль Абдель Насер 17 апреля 1954 г. возглавил кабинет министров, он вплотную занялся решением проблемы эвакуации. Поскольку путем боевых действий фидаев преодолеть несговорчивость англичан не удавалось, что угрожало популярности СРК, Г. А. Насер предпринял ряд позитивных шагов, исходя из своей собственной оценки положения. Он решил прекратить действия фидаев, возобновить переговоры и принять оговорку, предусматривающую возвращение английских войск в зону Суэцкого канала в случае нападения на Турцию, что до сих пор египетской стороной отвергалось.

18 июня Г. А. Насер объявил, что между Египтом, Индонезией и Югославией ведутся переговоры по вопросу о созыве афро-азиатской конференции, а в своем известном выступлении в Шибин-эль-Коме заявил, что «колонизаторы должны взять свою дубинку на плечо и убраться».

25 июня командование британских вооруженных сил в зоне Суэцкого канала перенесло свою штаб-квартиру на Кипр, но в заявлении английского посольства по этому поводу говорилось, что данная мера не означает какой-либо перемены в позиции Великобритании по вопросу о переговорах.

В июле англо-египетские переговоры возобновились. В связи с удалением М. Нагиба египетскую делегацию на переговорах возглавил Гамаль Абдель Насер. Кроме него

в состав ее вошли Абдель Хаким Амер, Абдель Латыф аль-Багдади, Салах Салем и д-р Махмуд Фавзи.

Переговоры прошли быстро: начались они 11 июля, а закончились 27 июля парафированием соглашения. С египетской стороны его парафировал Г. А. Насер, а с британской — военный министр Антони Хэд.

Быстрота, с какой завершились переговоры, свидетельствует о том, что пункты, вызывавшие разногласия, были согласованы еще до заседаний и что оговорку относительно возвращения британских войск в случае нападения на Турцию Г. А. Насер принял с тем, чтобы, покончив с переговорами, овладеть положением внутри страны, где революция пришла в столкновение почти со всеми политическими силами старого Египта.

Что же касается «братьев-мусульман», то они только того и ждали, чтобы обрушиться на нее в подходящий момент. По словам Закарии Мохи ад-Дина, быстрому достижению соглашения содействовало и американское посредничество: Соединенные Штаты стремились разрешить противоречие между англичанами и египтянами и создать благоприятную атмосферу для того, чтобы привязать Египет к колеснице новой политики в регионе.

По-видимому, Г. А. Насер придавал эвакуации английских войск первостепенное значение и по достижении этой цели собирался принять соответствующие меры по защите национальной независимости. Он считал, что эвакуация оккупационных войск расширит возможности для маневрирования и он сможет действовать как считает нужным; что касается включенного в соглашение пункта о Турции, то его он не рассматривал в качестве союзнического обязательства по отношению к Великобритании.

22 июля Гамаль Абдель Насер выступил с публичной речью, в которой заявил: «Мы переживаем сейчас славный момент в истории нашей отчизны и стоим на пороге решающего этапа борьбы нашего народа: с этого момента величайшая цель революции стала действительно претворяться в жизнь».

Однако многочисленные слои народных масс были иного мнения: они считали, что соглашение об эвакуации не полностью выражает их чаяния, является отступлением от их воли и по своему содержанию означает союз с англичанами, подобный заключенному Вафдом в 1936 г. договору, позже им категорически отвергнутому и денонсированному.

Соглашение предусматривало вывод британских войск в течение 20 месяцев со дня его окончательного подписания; договор 1936 г. и все вытекающие из него обязательства утрачивали силу; Суэцкий канал рассматривался как часть Египта, а свобода судоходства по нему гарантировалась Константинопольской конвенцией 1888 г.

Соглашение предусматривало возможность использования некоторых объектов Суэцкой базы и египетских портов английскими войсками в случае вооруженного нападения «со стороны иностранной державы» на страны — члены Лиги арабских стран или Турцию; в случае угрозы нападения предусматривалось немедленное проведение консультаций между Египтом и Великобританией.

В отрезок времени, отделявший окончательное подписание соглашения от парафирования, сложилась оппозиция соглашению вообще и Г. А. Насеру в частности. Первые признаки ее проявились в виде взрыва моста Абу-Султан в зоне Суэцкого канала 2 августа 1954 г., к чему не были причастны офицеры разведки, ответственные за вооруженную борьбу.

В своей книге «Национально-освободительная война» Камаль Рифат по этому поводу пишет, что «перст обвинения указывал на тех, кто не хотел эвакуации иностранных войск из нашей страны... Он указывал на ту группу, которая со времени аннулирования договора 1936 г. не сделала по англичанам ни одного выстрела». При этом Камаль Рифат приводит следующую выдержку из доклада британской разведки: «Показательно, что район, расположенный к северу от Абу-Султана, известен как цитадель «братьев-мусульман», а из достоверных источников время от времени поступают сообщения о том, что в указанном районе имеются склады оружия».

Если данное утверждение верно, то это означает, что «братья-мусульмане» быстро сориентировались и выступили снова, воспользовавшись волной народного недовольства соглашением об эвакуации и общим наступлением на Г. А. Насера, которого тогда изображали как деятеля, проявившего жестокость по отношению к М. Нагибу, политическим лидерам и коммунистам и дискредитировавшего себя соглашением с англичанами. По этому поводу Лакутюр в своей книге «Абдель Насер» замечает: «Подполковник никогда не казался столь изолированным в глазах египетского народа, как в тот день, когда он принес народу соглашение об эвакуации».

2 августа Г. А. Насер выступил с речью, где подверг резкой критике «братьев-мусульман», повторив при этом обвинение о связи аль-Худайби с советником британского посольства по восточным вопросам Эвансом, которое фигурировало в заявлении СРК, опубликованном при роспуске ассоциации «Братья-мусульмане».

Подписание соглашения об эвакуации состоялось 19 октября 1954 г. За Египет его подписали Гамаль Абдель Насер, Абдель Хаким Амер, Абдель Латыф аль-Багдади, Салах Салем и Махмуд Фавзи, а за Англию — государственный министр Антони Наттинг, сэр Ральф Стивенсон и главный военный представитель на переговорах генерал Мэнсон.

В своей книге А. Наттинг упоминает о любопытном случае, который произошел при подписании: когда, ставя свою подпись, А. Наттинг позаимствовал ручку у Г. А. Насера и не вернул ее, Гамаль шутливо заметил: «Думаю, что по этому соглашению вы взяли у меня слишком много, так будьте добры вернуть мне хотя бы мою ручку».

Подписание соглашения едва не стоило Г. А. Насеру жизни. Как уже упоминалось выше, всего лишь через неделю после этого события, во время выступления Г. А. Насера на массовом митинге в Александрии, член ассоциации «Братья-мусульмане» совершил преступную попытку покушения па Насера...

К тому времени, еще в августе 1954 г., английское правительство отменило эмбарго на поставку оружия Египту, наложенное в 1951 г., в период пребывания у власти вафдистского кабинета, сразу же после начала вооруженной борьбы в зоне Суэцкого канала.

Англичане эвакуировали свои лагеря один за другим. 13 июня 1956 г. они оставили свой последний оплот в зоне канала — здание военно-морского штаба в Порт-Саиде, и его приняли представители египетской армии.

Как вспоминает Фатхи Радван, в тот день к нему вдруг заходит Г. А. Насер и спрашивает, когда произошел инцидент в Деншавае [2]. Фатхи Радван ответил, что это произошло 13 июня 1906 г., то есть ровно полвека тому назад. Тогда Г. А. Насер сказал: «Сегодня англичане тайно ушли». По этому случаю Фатхи Радван предложил выйти на улицу и разделить с массами их ликование, вместе с ними петь и танцевать. Г. А. Насер в ответ ему тихо улыбнулся и сказал: «Иди, пой и танцуй один». «Он сказал это так, — замечает Ф. Радван, — как будто достигну-

тый результат был чем-то обыкновенным, не концом, а лишь началом пути».

18 июня 1956 г., в день третьей годовщины со дня провозглашения Египта республикой, Гамаль Абдель Насер поднял над зданием военно-морского штаба в Порт-Саиде египетский флаг. С тех пор эта дата отмечается как День эвакуации.

Таким образом, от колониального присутствия Египет и Судан освободились менее чем через четыре года после выступления 23 июля.

Как пишет Жан Лакутюр, в день подписания соглашения об эвакуации Гамаль Абдель Насер выглядел мрачноватым, и когда Лакутюр спросил его: «А теперь?» — Г. А. Насер ответил: «А теперь нам остается перестроить свою страну». А. Х. Амер в ответ на вопрос, каковы его надежды на усиление египетской армии, ответил так: «Мы не будем покупать танки, мы купим трактора. Они нам полезнее».

Английская оккупация Египта, продолжавшаяся 74 года, кончилась. Англичане пришли, подавив революцию, возглавленную военными, и ушли после того, как их победила революция, которую возглавили также военные.

* * *

Подписание соглашения об эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала явилось не концом единоборства с английским империализмом, а лишь началом новой его фазы: после того как Великобритании вместе с США не удалось убедить новое, военное руководство Египта присоединиться к создававшемуся ими ближневосточному военному блоку, они попытались втянуть в этот блок другие арабские страны.

Самое большее, что удалось навязать Египту по соглашению об эвакуации, — это включить в него упомянутое выше положение, предусматривающее возвращение британских войск в зону Суэцкого канала в случае нападения на арабские страны или Турцию, ставшую членом сколоченного в 1949 г. Северо-атлантического пакта. Г. А. Насер был вынужден принять это положение в целях предупреждения внутренних кризисов, в попытке унять империалистов, которые могли играть на существовавших в Египте противоречиях, а также потому, что он хотел покончить с вопросом об эвакуации и всецело заняться решением проблем строительства нового общества.

Однако то обстоятельство, что на соглашение об эвакуации смотрели недоверчиво, как на своего рода союз, подвергло жизнь Г. А. Насера опасности. Во время визита А. Идена в Египет в феврале 1955 г. Г. А. Насер заметил ему (как об этом пишет Мухаммед Хасанейн Хейкал в своей книге «Абдель Насер и мир»), что из-за этого соглашения у него было много неприятностей, в него даже стреляли...

После того как было совершено покушение на Г. А. Насера, на следующий день утром мы, несколько армейских офицеров, отправились навестить его в рест-хауз Стэнли, на берегу моря... Г. А. Насер принял нас в маленькой гостиной. Лицо его было бледно: ночь он провел почти без сна и поднялся рано, готовясь к встрече посетителей. «„Братья-мусульмане" изображают из себя патриотов, — проговорил он, и глаза его засверкали, — а где они были во время битвы на канале?» И он стал объяснять небольшой группе собравшихся у него офицеров, как он сам понимает соглашение об эвакуации, подчеркнув при этом, что полностью исключает вероятность такого конфликта, который дал бы основание для возвращения английских войск...

Как уже упоминалось, в августе 1954 г. английское правительство сняло запрет на поставки оружия Египту. В ноябре 1954 г., через месяц после подписания соглашения об эвакуации, правительство США в свою очередь предоставило Египту 40 млн. долларов в виде «экономической помощи», а также скидку в размере 20 млн. долларов в качестве «военной помощи» для закупки военного снаряжения. Перед этим в Египте побывали двое представителей Пентагона, прибывших для ведения переговоров о снабжении Египта оружием. Эти два офицера изо всех сил пытались убедить Г. А. Насера и А. Х. Амера, будто подлинный враг арабов — это «мировой коммунизм» и что этого достаточно, чтобы побудить арабов заключить такой союз, который предотвратил бы «опасность советского вторжения». Г. А. Насер на это возразил, что есть разница между «опасностью коммунистического проникновения», что является вопросом безопасности каждой страны в отдельности, и «опасностью советского военного вторжения», которую Египет не чувствует. Он имеет перед собой двух врагов — Великобританию и Израиль.

Посланцы Пентагона были немало удивлены позицией Г. А. Насера. В связи с возможностью создания Г. А. На-

сером арабского фронта, отвергающего западные военные пакты, они, как об этом пишет в своей книге «Игра наций» Майлз Коупленд, заметили: «Он здорово опоздал: мы уже перетянули на свою сторону Ирак, Ливан, Иорданию, Турцию, Иран и Пакистан».

И все же, несмотря на это, американское правительство не теряло надежды привязать Египет к какому-нибудь «оборонительному» союзу, что сохранило бы Суэцкий канал в качестве военной базы. Именно поэтому оно и объявило в ноябре 1954 г. о предоставлении Египту «помощи».

Египетское военное министерство подготовило перечень требуемого оружия и вступило в соответствующую переписку с военным ведомством США. Но прошло несколько месяцев, а вопрос все оставался нерешенным, как говорили, — «изучался». В действительности же в США опасались, что Г. А. Насер использует это оружие против Израиля.

Насколько долго тянулись переговоры о поставках оружия, настолько быстро совершилась передача 3 млн. долларов в качестве подношения главе государства. Как указывает Майлз Коупленд в своей книге «Игра наций», эта сумма была передана офицеру египетской разведки Хасану ат-Тухами в ноябре 1954 г., то есть тогда же, когда Египет получил 40 млн. долларов в виде «помощи». (Между прочим, вернувшись к себе на квартиру и пересчитав полученную сумму, ат-Тухами обнаружил, что в ней не хватает 10 долларов.)

Подобные «подношения» обычно делались некоторым главам государств. Одни из них эти суммы потихоньку принимали, другие с шумом отвергали (например, премьер-министр Сингапура, заявивший, что это — попытка подкупить его), а третьи не брали их себе, а употребляли на пользу обществу, как это сделал Гамаль Абдель Насер, построив на них Каирскую башню, предназначенную для секретной радиосвязи с дипломатическими представительствами Египта за рубежом.

Таким образом, линия, которую правительство США проводило в отношении Г. А. Насера после заключения соглашения об эвакуации, состояла в следующем: в надежде вовлечь его в военные блоки, оно вело вокруг этого непрерывный диалог, пыталось прельстить финансовой «помощью» и предоставлением мнимых льгот на приобретение оружия и принимало меры по укреплению личных

отношений с ним через американцев, способных завоевать его симпатии. С этой целью американский посол Джефферсон Кеффери был заменен Генри Байроудом, который вручил свои верительные грамоты 8 марта 1955 г. Вновь назначенный посол до этого занимал пост заместителя госсекретаря, изучал культуру Древнего Египта. В силу своего возраста и основной профессии — а это был 39-летний бригадный генерал — он мог лучше понять своих коллег — египетских офицеров.

Однако все эти обстоятельства не ослабили решимость Г. А. Насера и членов СРК занять позицию нейтралитета и выступить против военных союзов.

Выстрелы, прозвучавшие на площади Эль-Маншие в Александрии, хотя это был всем ненавистный и всеми осуждаемый акт террора, тем не менее представляли собой голос протеста против союзничества, которое некоторые усматривали в соглашении об эвакуации. Но Гамаль Абдель Насер и не собирался вступать в военные союзы.

Более того, он повел кампанию против тех арабских государств, которых начал притягивать к себе магнит союзов с Западом. Это было новым явлением в египетской политике: до революции Египет отвергал военные союзы, но он отнюдь не выступал против тех арабских государств, которые их рекламировали.

Вообще по вопросу о военных союзах в Египте существовали разные точки зрения. Так, Исмаил Сидки парафировал с Э. Бевином договор о союзе с Великобританией, и переговоры по этому вопросу вместе с ним вел его министр иностранных дел Ибрагим Абдель Хади, впоследствии председатель партии Саад.

Махмуд Фахми Нукраши, находясь в Вашингтоне, выступил с антикоммунистической, антисоветской речью, в которой говорил о том, что Запад-де должен поверить в «демократический Египет» и его «ненависть к коммунизму», и высказал свое согласие с принципом «коллективной безопасности», а это был лозунг, выдвинутый тогда империалистами для сколачивания военных блоков.

В январе 1952 г. генеральный секретарь Лиги арабских государств Абдель Рахман Аззам заявил, что он «готов к союзу с Америкой».

Вафд открыто высказался против продолжения союзнических отношений с Англией. Он требовал сначала осуществить эвакуацию, а вопрос о союзе предлагал рассмотреть потом. Колонизаторы же настаивали на подписании

союзного договора до завершения эвакуации. Именно поэтому и был денонсирован договор 1936 г. и началась вооруженная борьба. Что касается прогрессивных партий, то идею о военных союзах они категорически отвергали.

После выступления 23 июля положение изменилось: египетское военное руководство не только отвергало союзы, но и стало оказывать противодействие военным блокам с участием арабских государств, которые сколачивали империалисты. Тем самым революция вступила в ожесточенную борьбу против империалистических военных союзов и блоков.

Египетское руководство не поддалось соблазну и отвергло предложение Эйзенхауэра снабдить Египет необходимым ему оружием, если он вступит в какой-нибудь «оборонительный» союз с Западом. Это предложение произвело впечатление не столько на военных, сколько на гражданских. Так, например, Али Махир в разгар кризиса между М. Нагибом и членами СРК 25 марта 1954 г. выступил на страницах газеты «Аль-Ахбар» с заявлением о том, что «Египет не может занимать нейтралистскую позицию и должен присоединиться к Западу».

От своей принципиальной позиции военные не отступили и тогда, когда американское оружие стало действительно поступать в ряд стран: в 1954 г., в преддверии создания Багдадского пакта, правительство США заключило соглашения о поставках оружия с Ираком и Пакистаном; 8 сентября в Маниле, на Филиппинах, был сколочен блок СЕАТО, куда наряду с азиатскими государствами — Пакистаном, Филиппинами и Таиландом вошли находящиеся за тысячи километров от этого региона члены НАТО: США, Англия и Франция.

Однако все это не только не ослабило сопротивление Египта, но, напротив, сделало его еще более решительным: на этом поприще Египет стал в авангарде арабских государств.

Во время визита (кстати, единственного) А. Идена в Каир 26 февраля 1955 г. Г. А. Насер изложил ему свою позицию в том же духе, что и А. Даллесу. В ответ на вопрос Идена, в чем заключается секрет нападок на членов хашимитской династии и Нури Саида за их желание вступить в Багдадский пакт, Г. А. Насер заявил, что он не нападает на этих людей лично, но считает, что идея Багдадского пакта ведет к расколу арабского мира и изоляции Египта.

Как пишет А. Наттинг в своей книге «Насер», визит Идена и проведенные им дискуссии изменили психологический настрой, который он, Наттинг, старался создать после подписания соглашения об эвакуации в надежде на плодотворное сотрудничество между двумя государствами в будущем.

Еще летом 1954 г., после парафирования соглашения об эвакуации, Совет революционного командования делегировал Салаха Салема в Ирак с целью выяснения того, насколько соответствуют истине сообщения о намерении Ирака вступить в военный блок. Предполагалось, что этот визит должен был вдохнуть тепло в прохладные отношения между Египтом и Ираком и помочь установить контакт с Нури Саидом после того, как его старый план создания федерации стран «Благодатного полумесяца» в составе Ирака, Трансиордании и Сирии был сдан в архив в связи с образованием в 1945 г. Лиги арабских государств.

Во время переговоров Салах Салем, сдерживая свои бурные эмоции, выразил надежду Египта на то, что вплоть до полной эвакуации британских войск из Египта и всех иностранных войск из остальных арабских стран Ирак не вступит в какой-либо союз с иностранным государством, дабы не дать империалистам проникнуть в ряды арабских государств и разорвать их единство.

В ответ на утверждение Нури Саида, будто Ираку угрожает «коммунизм» и он нуждается в помощи, чтобы противостоять этой угрозе, Салем заметил, что попытки связать арабские страны договорами о союзе с иностранными государствами как раз и заставляют патриотические элементы становиться коммунистами.

Поскольку Нури Саид тогда еще не определил свою окончательную позицию в связи с предложением Англии заключить с ней союз, то, высказав Салему свои опасения по поводу «географической близости Ирака к СССР», он отложил обсуждение с ним этого вопроса. Но при выработке формулировок совместного коммюнике по итогам встречи этот искушенный политик обманул Салема. Кроме того, на пресс-конференции, устроенной во время его визита, в ответ на коварный вопрос, как Египет относится к стремлению некоторых арабских стран к единству, Салем заявил, что если два народа или более хотят объединиться, то Египет ничего против этого не имеет. Такой ответ был истолкован как согласие с планом «Благодатно-

го полумесяца», где Сирии отводилось подчиненное положение по отношению к Ираку.

Поездка Салема произвела тяжелое впечатление на Гамаля Абдель Насера. Будучи не согласен с мнениями, высказанными Салемом, Г. А. Насер довел до сведения иракского посла, что содержащееся в совместном коммюнике заявление о том, что Египет и Ирак будут консультироваться с Великобританией и Соединенными Штатами по вопросу об усилении Арабской лиги, противоречит независимости обоих государств.

Тогда спешно прибывший в Каир Нури Саид заявил Г. А. Насеру, что в деле обороны Ирака он не может полагаться на одни лишь арабские государства, что Пакт коллективной безопасности арабских государств он считает клочком бумаги и рассчитывает только на помощь Великобритании.

До этого Нури Саид приезжал в Каир в 1953 г. и встречался с М. Нагибом, Г. А. Насером и другими членами Совета командования. В тот раз он привез с собой план создания арабских федераций по территориальному признаку (Судан, Египет и Ливия; Ирак, Сирия и Иордания; Тунис, Алжир и Марокко; Саудовская Аравия, Йемен и княжества Персидского залива). Однако египетские руководители не проявили никакого желания обсуждать этот план. Мухаммед Нагиб заявил тогда Нури Саиду, что «до того, как завершится эвакуация из Египта, он не хочет заниматься осуществлением проектов, которые выглядят фантастическими».

На этот раз Нури Саид снова попытался поднять тот же вопрос, но Г. А. Насер заявил ему, что думать об объединении арабских государств друг с другом можно будет лишь тогда, когда они полностью освободятся от колониализма и с их территории эвакуируются оккупационные войска.

Стало очевидным, что между Каиром и Багдадом неизбежно столкновение. Радиостанция «Голос арабов» призывала всех арабов последовать примеру Каира и освободиться от иностранных войск, как это сделал Египет всего лишь через два года после революции 23 июля. Пламенные призывы «Голоса арабов» находили горячий отклик в сердцах народных масс во всех уголках арабской родины.

В попытке отразить это пропагандистское наступление Нури Саид прибегнул к хитрому ходу: на пресс-конферен-

ции, устроенной во время совещания министров иностранных дел арабских государств в Каире, его министр иностранных дел Муса Шабендер заявил, что Ирак не присоединится к турецко-пакистанскому пакту, а вместо этого заключит с Англией соглашение, аналогичное тому, какое заключил с ней Египет с тем, чтобы разрешить британским войскам вернуться в Ирак в случае нападения или угрозы нападения на Иран.

1 января 1955 г. Нури Саид подтвердил слова своего министра иностранных дел в иракском парламенте, но его попытка остановить наступление на Ирак успеха не имела. Всего лишь через пять дней после его выступления в Багдад с большой делегацией прибыл премьер-министр Турции Аднан Мендерес. 12 января 1955 г. было опубликовано совместное ирако-турецкое коммюнике, в котором говорилось, что «между обоими государствами достигнута договоренность о подписании в ближайшее время оборонительного пакта» и что «они надеются, что к ним присоединятся другие государства, разделяющие их образ мыслей».

Для Гамаля Абдель Насера эта декларация явилась подлинным ударом, так как тем самым устанавливалась связь Ирака с НАТО через Турцию, а кроме того, эти два государства стремились втянуть в свой пакт еще и другие арабские страны.

В борьбе против военных союзов начался новый тур. Египет еще больше усилил наступление на них как по пропагандистским, так и политическим каналам.

22 января 1955 г. по инициативе Каира было созвано совещание министров иностранных дел Ирака, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии, Иордании, Йемена и Ливии с целью блокировать Нури Саида, пытавшегося привлечь арабов обещанием, что Турция окажет им помощь в борьбе против Израиля, как это следовало из заявлений Аднана Мендереса. Однако упомянутое совещание не достигло поставленной перед ним цели: министр иностранных дел Сирии Фарис аль-Хури проявлял непоследовательность; Сами ас-Сольх являлся проводником политики известного своей зависимостью от Запада президента Ливана Камиля Шамуна, с которым Аднан Мендерес встречался на обратном пути из Ирака; министр иностранных дел Иордании Тевфик Абу аль-Худа руководствовался интересами хашимитской династии, правившей в обеих странах, и находился под влиянием Глабб-паши [3].

Оказывалось, что представители Пентагона были правы, когда после своей встречи с Г. А. Насером заметили, что США «уже перетянули на свою сторону» Ирак, Ливан и Иорданию... А министр иностранных дел Ирака Фадыль аль-Джамали прямо заявил своим арабским коллегам, участвовавшим в совещании, что Запад даст им оружие «не за прекрасные глаза, а за соглашение с ним», и призвал их к «взаимопониманию» с Западом.

Однако Гамаля Абдель Насера такой оборот дела не обескуражил. Напротив, он с еще большей решительностью развернул кампанию против военных союзов, заклеймив Нури Саида, Камиля Шамуна и Фариса аль-Хури как агентов Запада.

В течение февраля 1955 г. Г. А. Насер принял трех крупных политиков мира — Антони Идена, Иосипа Броз Тито и Джавахарлала Неру. Это были деятели, которые по вопросу о военных союзах думали по-разному.

Как уже упоминалось, во время своей беседы с Г. А. Насером А. Иден тщетно пытался добиться прекращения пропагандистской кампании против Нури Саида и хашимитов.

Встреча с Тито состоялась при возвращении его на родину из поездки в Индию, на борту яхты «Галеб», на Суэцком канале. Это была первая встреча Г. А. Насера с коммунистическим лидером, ставшим впоследствии его личным другом.

Приезд Дж. Неру в Каир явился составной частью его усилий по сплочению афро-азиатских государств накануне Бандунгской конференции. Это был второй его визит в Египет после революции. Во время своего первого визита (1953 г.) большую часть времени он провел в беседах с военными о демократии, планировании и позитивном нейтралитете. 20 мая 1953 г., выступая в синдикате египетских журналистов, он подчеркнул, что «не видит необходимости в существовании военных блоков». Во время своего второго визита, после встречи с Г. А. Насером Дж. Неру заявил: «Победа Египта в битве против военных союзов — это также победа Индии».

24 февраля 1955 г. ирако-турецкий военный договор был подписан. Он явился, так сказать, закваской для Багдадского пакта: в апреле того же года в результате подписания англо-иракского соглашения, заменившего собой договор 1930 г., к нему присоединилась Англия, а вслед за ней, в сентябре, — Пакистан и в октябре — Иран.

Но борьба против империалистических военных союзов продолжалась с еще большей силой. В феврале 1955 г. в Сирии был сформирован кабинет национального единства во главе с Сабри Асали. В марте Салах Салем подписал в Дамаске документ о сотрудничестве в военной, политической и социальной областях с Сирией. При его подписании начальник генерального штаба сирийской армии бригадный генерал Шевкет Шукейр провозгласил здравицу в в честь «объединенной арабской армии».

После этого Салах Салем и новый министр иностранных дел и исполняющий обязанности министра обороны Сирии Халед Азем вместе посетили Иорданию и Саудовскую Аравию и проинформировали их правительства о результатах договоренности между Египтом и Сирией, которая предусматривала:

— неприсоединение к ирако-турецкому пакту;

— создание межарабской организации совместной обороны и экономического сотрудничества;

— создание постоянного объединенного командования;

— проведение контактов с арабскими правительствами в целях созыва конференции арабских государств.

Саудовская Аравия, у которой в то время был резкий конфликт с Англией из-за захвата ею оазиса Бурайми, поддержала эту инициативу. В совместном саудовско-сирийско-египетском коммюнике, подписанном премьер-министром Саудовской Аравии принцем Фейсалом, Халедом Аземом и Салахом Салемом, говорилось, что король Сауд полностью одобряет положения египетско-сирийского заявления и поддерживает идею созыва конференции.

Арабские государства сделали попытку уговорить Ирак отказаться от пакта с Турцией. С этой целью Халед Азем 14 марта прибыл с визитом в Ирак. Однако Фадыль аль-Джамали заявил, что Ирак не отступит от своего договора с Турцией.

Вскоре к тройственному арабскому союзу безоговорочно присоединился Йемен.

Когда давление на Сирию в попытке заставить ее вступить в сколачиваемые империалистами военные блоки приняло форму угрозы прямой вооруженной агрессии со стороны Турции, с решительной поддержкой Сирии выступил Советский Союз в заявлении МИД СССР от 16 апреля 1955 г. «О безопасности на Ближнем и Среднем Востоке».

В этот период Гамаль Абдель Насер готовился к уча-

стию в Бандунгской конференции стран Азии и Африки. Империалистические круги делали все, чтобы помешать ее созыву. Многочисленные силы пытались сорвать и поездку Г. А. Насера на конференцию. Так, Мухаммед Хасанейн Хейкал писал, что он «не испытывает энтузиазма по поводу поездки в Бандунг». Но ничто не могло поколебать решимости Г. А. Насера участвовать в конференции. 9 апреля он вылетел во главе делегации, в состав которой входили: министр национальной ориентации Салах Салем, министр иностранных дел Махмуд Фавзи, подполковник ВВС Али Сабри, назначенный директором кабинета Г. А. Насера, и министр по делам вакфов шейх Ахмед Хасан аль-Бакури. По пути в Индонезию Г. А. Насер посетил Пакистан и Индию, где провел несколько дней. Джавахарлал Неру предоставил ему возможность выступить с речами на 500-тысячном массовом митинге и в индийском парламенте.

Во время этой поездки Г. А. Насер и Салах Салем всюду появлялись в военной форме: среди руководителей молодых независимых государств они были единственными военными. (Волна военных переворотов по этим государствам — участникам Бандунга — тогда еще не прокатилась. Даже в Сирии, где с 1949 г. к тому времени произошло уже четыре военных переворота, президентом был гражданский — Хашим аль-Атаси.)

Г. А. Насер тогда впервые выехал за пределы Египта. Он предстал перед миром как выдающийся деятель, представляющий страну древней культуры, которая играет ведущую роль среди арабских государств, составивших чуть ли не треть участников Конференции. Неру, Сукарно, Чжоу Эньлай и У Ну окружили его всяческим вниманием. Жан Лакутюр в своей книге «Абдель Насер» по этому поводу пишет: «Благодаря заботам Сукарно во время конференции массы встречали Абдель Насера с большим энтузиазмом, чем в Каире и Александрии. Его появление на трибуне, в кулуарах и на улицах вызывало горячий прием. Он и Чжоу Эньлай были героями дня, а между тем по прибытии он был охвачен беспокойством, опасаясь, что ему предпочтут иракцев и турок».

Бандунгская конференция вернула веру освободившихся стран в самих себя, поддержав политику нейтралитета между двумя лагерями, тогда как Даллес объявил нейтрализм «аморальным». Дни работы Конференции, проходившей с 18 по 24 апреля 1955 г., явились важнейшим момен-

том в истории, ибо в эти дни в политике многих государств, и в том числе Египта, произошел большой перелом.

В период работы Конференции проамериканская газета «Аль-Ахбар» подавала материал таким образом, что это вызывало недоумение. Так, в день прибытия Г. А. Насера в Бандунг, 18 апреля, крупным заголовком, напечатанным красной краской во всю ширину первой полосы, она сообщала: «В александрийском поезде обнаружен обезглавленный труп женщины» (?). В день выступления Г. А. Насера в индийском парламенте вверху первой полосы помещался жирный заголовок, также напечатанный красной краской: «Шестеро обвиняемых по делу об убийстве в Шубре оправданы», а под ним два заголовка, набранных одинаковым шрифтом помельче: «Абдель Насер выступил в индийском парламенте» и «Непричастность к убийству мужа сестры убитого Фатмы и его снохи Рагават» (?!).

В своем репортаже из Бандунга, где он в то время находился в качестве специального корреспондента «Аль-Ахбар», Мухаммед Хасанейн Хейкал 25 марта писал о чем угодно, только не о самой Конференции. В другом репортаже, в номере за 27 марта, он писал: «Меня не занимает, что решила Конференция и в каком направлении шла на ней дискуссия: все это — вопросы второстепенные».

Так некоторые органы египетской печати реагировали на участие Г. А. Насера в Конференции, решения которой явились конституцией взаимоотношений между государствами и воплощением принципов мирного сосуществования. (Кстати, комиссию по мирному сосуществованию на Конференции возглавлял Г. А. Насер.)

Если во всех странах, где Г. А. Насер побывал — а по пути на родину он посетил еще и Афганистан — во время этой своей поездки, ему был оказан торжественный прием, то в Каире была сделана попытка сорвать его всенародную встречу, соответствующую успеху Конференции. На время визита Г. А. Насера исполнение обязанностей президента было временно возложено на Гамаля Салема. Когда накануне возвращения Г. А. Насера Абдель Хаким Амер, Закария Мохи ад-Дин, а также Камаль Рифат и Ахмед Лютфи Вакед, бывшие тогда управляющими делами Г. А. Насера, представили программу его всенародной торжественной встречи Гамалю Салему, он этому воспротивился и потребовал, чтобы встреча была обыкновенной. Не согласившись с этим, инициаторы торжественной

встречи провели всю работу по ее организации так, что когда Гамаль Салем прибыл в аэропорт, то подготовленные торжества явились для него неожиданностью.

Помешать торжественной встрече Г. А. Насера пытался не один Гамаль Салем. Как пишет Коупленд, американский посол Генри Байроуд убеждал послов западных стран не встречать Г. А. Насера в аэропорту под тем предлогом, что эта встреча, по его мнению, «должна остаться лишь азиатско-африканской демонстрацией».

Гамаль Абдель Насер возвратился в Каир 2 мая. Его торжественную встречу Жан Лакутюр описывает так:

«И его самого, и людскую массу захлестнула какая-то горячая волна. На площади Ат-Тахрир, где были воздвигнуты арки победы с начертанными на них именами Абдель Насера, Неру и Чжоу Эньлая, мы увидели пробивавшийся сквозь толпы джип, на котором стоя ехал Насер с широкой улыбкой, впервые озарившей его строгое лицо. Вслед за ним устремлялся народ, прежде столь часто сопровождавший кортеж Наххас-паши или Мухаммеда Нагиба. Что же произошло теперь?» И на этот свой вопрос Лакутюр отвечает так: «Дело в том, что началась новая эпоха. За неделю до отъезда подполковника в Азию (а тогда еще не было уверенности, что он поедет туда сам), охранка арестовала и бросила в тюремные застенки десятки коммунистов, но когда Насер решил ехать в Индонезию, он получил от заключенных телеграмму, в которой говорилось: «Да здравствует борец против империализма!»

Отступая от своей прежней позиции, Мухаммед Хасанейн Хейкал на страницах газеты «Аль-Ахбар» писал: «Встреча, оказанная вчера Гамалю Абдель Насеру... еще раз показала мне, что я ошибался, когда не проявлял энтузиазма по поводу поездки Гамаля Абдель Насера и его личного участия в Бандунгской конференции».

Узнав о решении Г. А. Насера ехать в Бандунг, о встрече с ним его попросил автор этих строк *, а по воз-

---

* Это произошло после длительного периода времени, в течение которого я был лишен всякой возможности заниматься политической деятельностью, проживая в глухой провинции, где после мартовского кризиса 1954 г. служил в территориальных войсках и находился под строгим надзором. Кстати, из всех выпускников Штабного колледжа я был единственным, кто служил в упомянутых войсках, состоявших из резервистов и осуществлявших охрану объектов.

вращении из Бандунга письмо ему прислал Халед Мохи ад-Дин. В ноябре 1955 г. Г. А. Насер направил к Халеду гонца, который сообщил ему, что он может вернуться в Египет. (4 декабря 1955 г. Халед Мохи ад-Дин вернулся на родину из-за границы, где находился с апреля 1954 г.)

После Бандунгской конференции позиция Г. А. Насера в деле противодействия военным блокам и утверждения национальной независимости стала еще сильнее и весомее.

В совместном коммюнике, опубликованном после нового визита Дж. Неру в Египет, 12 июля 1955 г., были полностью подтверждены все принципы Бандунга.

Атаки Каира на Багдадский пакт столь изрядно попортили нервы тогдашних правителей Ирака, что вновь назначенный министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд в августе 1955 г. был вынужден довести до сведения египетского посла, что Великобритания воздержится от дальнейших усилий по вовлечению арабских государств в Багдадский пакт, если Египет прекратит свою пропаганду против него. Г. А. Насер очень радовался этой победе.

Тем не менее битва не прекратилась, и британской политике был нанесен еще один чувствительный удар, когда генерала Темплера, прибывшего в Амман в декабре 1955 г. для обсуждения вопроса о вступлении Иордании в Багдадский пакт, народ встретил такой бурей протеста, что это развеяло надежду англичан на присоединение Иордании к Багдадскому пакту.

После этого в Каир прибыл Селвин Ллойд. Во время встречи с Г. А. Насером он подтвердил свое предложение, высказанное египетскому послу, относительно прекращения пропагандистской кампании против Багдадского пакта. При этом он пытался умалить значение миссии Темплера, утверждая, что она была предпринята под давлением турок и иракцев...

В здании совета министров Г. А. Насер принял нас вместе с моим товарищем по александрийской группе «Свободных офицеров» Абдель Хакимом аль-Аасаром сразу же, как только узнал о нашем прибытии. Когда мы вошли, он первый радостно воскликнул:

— Наконец-то ты снова решил прийти к нам!

Я искренне сказал:

— Весь народ одобряет твой шаг, а я один из многих...

Впервые после долгого перерыва мы сидели и разговаривали. Г. А. Насер был очень оживлен и с большой убежденностью говорил о борьбе против военных союзов.

К концу 1955 г. стало очевидным, что попытки империалистов упрочить свои военные союзы на Арабском Востоке потерпели провал. Англия отчаялась втянуть в них Египет. Это сказалось и на Багдадском пакте: он не превратился в военную организацию вроде НАТО, не имел общего военного командования и был лишен такой главной базы, как Суэцкая.

С тех пор как после Бандунга Гамаль Абдель Насер вступил в клуб руководителей государств, влияющих на международную политику, он стал употреблять новую терминологию, которой прежде не было в его лексиконе. Так, в его выступлениях в качестве синонима «социальной справедливости» появилось слово «социализм». 1 июня 1956 г., подтверждая свою приверженность принципу позитивного нейтралитета, он заявил, что «политика Египта ни восточная, ни западная, она служит Египту и великой Арабской родине».

(Те же слова, как упоминалось выше, Юсеф Сыддык произнес в Бени-Суэйфе в 1952 г., но тогда его не поддержали, так как против этого протестовало американское посольство.)

Таким образом, после подписания соглашения об эвакуации и Бандунгской конференции в политике Египта произошло большое изменение. Оно утвердило и углубило смысл нейтрализма и неучастия в военных блоках, сделав их синонимами национальной независимости, за которую народ боролся на протяжении десятков лет. И Гамаль Абдель Насер был вправе гордиться тем, что именно он возглавил эту национальную битву арабов против мирового империализма.

* * *

Советские люди пришли в регион не как завоеватели, они прибыли по приглашению египетских военных, продиктованному патриотическими чувствами.

По убеждению большинства египетских военных, и в первую очередь Г. А. Насера, битву за нейтралитет, за неучастие в военных блоках, равно как и за национальную независимость, можно было выиграть, лишь осуществив две цели: первая — добиться эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала и вторая — оснастить египетскую армию современным вооружением.

Борьба за утверждение принципа позитивного нейтра-

литета, за неучастие в военных союзах после подписания соглашения об эвакуации начала принимать более конкретный характер. Теперь это были уже не просто публичные заявления, как в период переговоров и вооруженной борьбы в зоне канала, а меры, направленные на достижение договоренности с другими арабскими странами с целью изолировать Ирак и нейтрализовать его попытки втянуть в военный пакт еще какое-нибудь арабское государство.

Что касается второй цели — вооружения армии, то для военных это было важнейшей проблемой, что, естественно, вытекало из самой их природы, склада ума и профессиональных интересов и отвечало задаче создания сильной национальной армии, поставленной в шести принципах египетской революции.

Еще в августе 1952 г. М. Нагиб заявлял: «Нам необходимо получить современное оружие у какого-нибудь государства. Я не могу определить, кто именно снабдит нас оружием; если Америка и западные демократии откажутся нам помочь, то совершенно очевидно, что в этом случае мы обратимся к кому-нибудь другому».

Любой офицер египетской армии отдавал себе отчет в том, что ее вооружение устарело и не соответствует современному уровню развития военной техники, достигнутому в результате второй мировой войны, а затем войны в Корее.

Начиная с 1936 г. египетское правительство безуспешно добивалось получения оружия для армии от Англии в соответствии с положениями договора. Программа развития египетской армии с целью сделать ее способной осуществлять защиту Суэцкого канала так и не была выполнена. В предвоенные годы, когда международная обстановка осложнилась, Англия отказывала Египту в оружии под тем предлогом, что она нуждается в нем сама. В годы войны о каких-либо серьезных переговорах по этому вопросу не могло быть и речи, тем более что Англия понимала, что в рядах египетской армии зреют семена национально-освободительного движения. Во время потерпевших провал переговоров Сидки—Бевина в 1946 г. вопрос о вооружении египетской армии даже не ставился. В связи с Палестинской войной Англия наложила эмбарго на поставку оружия Египту, которое было отменено лишь в 1950 г.

Вафдистский кабинет добился согласия английского

правительства включить Египет в список покупателей тяжелого вооружения, в частности реактивных самолетов и танков «Центурион». Немедленно был заключен контракт на поставку 80 танков этого типа, причем 80% их стоимости было уплачено при подписании контракта. Однако в связи с прекращением англо-египетских переговоров правительство Великобритании уведомило правительство Египта, что заказы от НАТО и стран Содружества отодвинут его очередь на получение упомянутых танков. Затем лейбористское правительство отложило выполнение египетского заказа на неопределенный срок.

В период вооруженной борьбы 1951 г. Фуад Сираг ад-Дин, бывший тогда министром внутренних дел, по его словам, приобретал оружие в Верхнем Египте, складывал его в подвале своего дома, а затем переправлял партизанам, действовавшим под его контролем. По его же словам, в то время он связался с посланниками Югославии, Чехословакии и Советского Союза в попытке получить оружие у этих стран якобы для полиции, но они будто бы в этом отказали, чтобы не дать повода для провокации Западу.

После денонсации договора 1936 г. газета «Аль-Иштиракия» открыто призывала к проведению незамедлительных переговоров с государствами Восточной Европы по вопросу о поставке Египту оружия для армии после неудачных попыток купить его у Швеции и государств, подчиненных американскому влиянию.

В связи с обращением Египта в Совет Безопасности и четкой, ясной позицией Советского Союза в поддержку национальной проблемы египетского народа в Египте стали раздаваться призывы к сотрудничеству с Советским Союзом. 8 января 1952 г. докеры Порт-Саида, несмотря на то, что в тот период они проводили забастовку, полностью обслужили советские суда и организовали охрану их экипажей. В период вооруженной борьбы в зоне Суэцкого канала, в начале 1952 г., все патриотические силы единодушно требовали заключить договор о дружбе с Советским Союзом, однако осуществление этого требования было сорвано поджогом Каира.

Придя к власти, военные начали не с того, чего народ достиг на вершине своей борьбы в дореволюционный период, а обратились с просьбой об оружии сперва к англичанам, а потом к американцам, точно так же как в свое время поступил Вафд.

Однако плата за это оказалась слишком дорогой — обя-

зательное участие в «оборонительном» союзе, что было совершенно неприемлемо. Именно такое кабальное условие правительство консерваторов поставило Мухаммеду Нагибу как главнокомандующему вооруженными силами.

Когда Совет командования обратился с просьбой об оружии к Соединенным Штатам, к его удивлению оказалось, что Египет и США уже связаны между собой секретным контрактом на поставку оружия на сумму 5 млн. долларов, заключенным с правительством Али Махира, находившимся у власти после каирского пожара (февраль 1952 г.). Ознакомившись с перечнем этого оружия, военные нашли, что оно годится скорее для полиции, чем для армии: в указанном перечне не было ни танков, ни самолетов, ни пушек. Пожелание членов Совета командования на этот счет американский посол Кеффери обсуждал на первом же ужине, на котором они встретились с ним в доме подполковника Абдель Монейма Амина. После этого, 5 ноября 1952 г., в Каир прибыл заместитель министра обороны США Уильям Фостер. Он встретился с Гамалем Абдель Насером, Абдель Хакимом Амером и Абдель Монеймом Амином, находившимся в хороших отношениях с американским и британским посольствами. В ходе визита заместителя министра обороны США был согласован перечень вооружений для армии общей стоимостью 100 млн. долларов. Фостер предложил направить в Соединенные Штаты специальную приемочную комиссию, и такая комиссия была действительно направлена в составе подполковника ВВС Али Сабри и полковника Хасана аль-Факлави. В течение нескольких месяцев они безрезультатно обивали пороги Пентагона, египетского посольства и военного атташата, хотя на их миссию все смотрели с оптимизмом, а пропаганда изображала дело так, будто все идет своим чередом.

Прибывший в Египет государственный секретарь США Джон Фостер Даллес в связи с создавшейся ситуацией представил М. Нагибу и Г. А. Насеру то оправдание, что новый американский президент Дуайт Эйзенхауэр в силу старого боевого товарищества, как бывший главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе, пошел навстречу настоятельной просьбе Черчилля наложить запрет на поставку оружия Египту, подобно тому как это сделала Великобритания, дабы оно не было обращено против британских солдат в зоне Суэцкого канала.

Тон американцев полностью совпал с тоном англичан: поставки оружия они обусловливали присоединением к военным союзам. Оптимизм военных по поводу возможного прибытия оружия для армии развеялся.

И все же военные не предались отчаянию и сохранили хорошие отношения с американскими руководителями. В сентябре 1953 г. по приглашению военного ведомства США Соединенные Штаты посетил 13-й выпуск Штабного колледжа в количестве 60 офицеров, поступивших туда уже после 23 июля, в числе коих был и автор этих строк. Но оказалось, что мы проделали многие сотни миль лишь для того, чтобы присутствовать на военно-музыкальном представлении, устроенном на одном из стадионов. Возмущенные столь унизительным приемом, офицеры выпуска заявили протест военному атташе Абдель Хамиду Галебу и послу Ахмеду Хусейну. Тогда в программу пребывания были внесены изменения, и в последние дни она включала посещение ряда воинских частей и осмотр новых образцов оружия. В общем, эта поездка ничего не дала.

Тем не менее египетское правительство не отказалось от посылки офицеров в Соединенные Штаты для прохождения практики в войсках с целью приобретения навыков в использовании новых образцов оружия и овладения тактикой, не применявшейся в египетской армии. Кроме того, туда на практику было направлено несколько групп офицеров полиции и разведки.

Факт посылки офицеров в Соединенные Штаты свидетельствует, что имелась надежда на то, что отношения с американцами улучшатся и запрет на поставку оружия Египту будет отменен. Но все получилось как раз наоборот.

Перед лицом отказов и проволочек со стороны США Совет командования не сидел сложа руки, тем более что в то время появились некоторые, правда пока еще ограниченные, признаки интереса к государствам восточного блока.

7 ноября 1952 г. Мухаммед Нагиб и Гамаль Абдель Насер присутствовали на приеме, устроенном в советской миссии в Каире по случаю 35-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В социалистические страны было решено направить делегацию во главе с заместителем военного министра по промышленности Хасаном Рагабом. В ее состав входили:

Ахмед Фуад, министр научных исследований капитан Салах Хидаят (окончивший факультет естественных наук университета, уже будучи офицером), Хасан Наги (впоследствии — председатель административного совета Прядильно-ткацкой корпорации), а также несколько коммерсантов, представлявших частный сектор. Было принято также решение направить другие делегации в арабские страны и государства Западной Европы.

Сообщения об этом газета «Аль-Мысри» 11 августа 1953 г. поместила под следующим крупным заголовком, напечатанным красной краской: «Восточный блок может удовлетворить нужды Египта в оружии».

Будучи средством давления на американцев и англичан в попытке получить оружие у них, упомянутый заголовок в то же время являл собой начало смелого мышления в этом направлении.

Во время встречи Мухаммеда Нагиба с главой миссии Советского Союза в Каире, состоявшейся в декабре 1953 г., М. Нагиб затронул вопрос о возможности предоставления Советским Союзом оружия Египту. Это была первая беседа египетского ответственного лица с советским официальным лицом по данному вопросу. Первая, но не единственная. Кольцо блокады, сомкнувшееся вокруг поставок оружия Египту, заставляло египетское руководство зондировать почву через различные каналы.

В январе 1954 г. глава советской миссии сообщил Мухаммеду Нагибу, что Советский Союз в принципе согласен продать оружие Египту. По словам М. Нагиба, после упомянутой встречи он направил Абдель Хакиму Амеру, как главнокомандующему вооруженными силами, соответствующую записку, в которой просил его подготовить перечень требуемого оружия, и больше к данному вопросу отношения не имел. (Дело происходило в один из труднейших периодов в его взаимоотношениях с членами СРК, закончившийся мартовским кризисом 1954 г.) Если все обстояло именно так, то это значит, что Нагиб стремился получить оружие у Советского Союза в тот момент, который Г. А. Насер считал неподходящим для такого смелого шага, так как это могло привести к столкновению с Англией и США в период, когда соглашение об эвакуации еще не было подписано.

Вскоре после парафирования соглашения, в августе 1954 г., Англия отменила эмбарго на поставку оружия

Египту. Казалось, Египет мог получить необходимое ему вооружение, не вступая в столкновение с империалистическими державами.

В сентябре 1954 г. в Соединенные Штаты была направлена военная делегация во главе с начальником генерального штаба генерал-майором Мухаммедом Ибрагимом. Но ее миссия, так же как и поездка Али Сабри, была безрезультатной.

Вскоре произошло событие, оставившее глубочайший след в политике Египта: 28 февраля 1955 г. Израиль совершил акт агрессии, напав на египетский военный лагерь в секторе Газы, где было убито 38 египетских солдат. Этот инцидент произошел в то время, когда в египетско-израильских отношениях не наблюдалось сильной напряженности, напротив, имелись шансы на взаимопонимание, которыми израильская военщина пренебрегла.

В связи с упомянутым инцидентом Гамаль Абдель Насер нашел, что египетская армия нуждается в срочном перевооружении.

Хотя к тому времени Англия отменила эмбарго на поставку оружия Египту, из заказанных у нее 80 танков «Центурион» Египет получил лишь 32. Кроме того, выяснилось, что Соединенные Штаты отказываются поставить оружие Египту не только с целью заставить его вступить в военные блоки, но и из-за Израиля. Правда, тогда США еще не экспортировали оружие в Израиль, но они в то же время стремились не допустить, чтобы чаша весов арабских государств перевесила чашу Израиля.

В попытке разбить эти оковы Египет направил специальные делегации для закупки оружия в европейские страны. Но Франция выдвинула в качестве условия отказ от поддержки алжирских повстанцев, к тому же она экспортировала оружие в Израиль, заключив с последним соглашение о поставке ему реактивных истребителей типа «Мистэр». Аналогичный контракт Израиль заключил и с Канадой. Что касается египетских военных делегаций, направленных в Швейцарию, Швецию, Италию и Испанию, то они не смогли получить там современное тяжелое вооружение, поскольку производство его в этих странах невелико.

По возвращении Гамаля Абдель Насера и Салаха Салема из Бандунга в мае 1955 г. советский посол[4] уведомил Салаха Салема, что Советский Союз согласен поставить Египту необходимое ему оружие, а также готов ока-

зать ему содействие в строительстве промышленных объектов.

Советское оружие для египетской армии было получено путем заключения в сентябре 1955 г. торгового соглашения между правительствами Египта и Чехословакии. Египет явился первым несоциалистическим государством, получившим оружие у Советского Союза.

Вознамерившись помешать заключению этого торгового соглашения, Даллес буквально накануне его подписания отправил в Египет в качестве своего эмиссара агента ЦРУ Кермета Рузвельта. Однако последнему не удалось уговорить Г. А. Насера отказаться от соглашения *.

О заключении этого соглашения Гамаль Абдель Насер поведал всему миру на открытии фотовыставки вооруженных сил, 27 сентября. «Это торговое соглашение, которое мы подписали без всяких предварительных условий, — заявил он, — не означает начало русского или какого-нибудь другого иностранного влияния, а, наоборот, кладет конец тому длительному влиянию, которое властвовало и господствовало над нами. Египет, независимый Египет, сильный революционный Египет не допустит никакого иностранного влияния в нашей стране».

2 октября, на торжественном выпуске нового отряда офицеров, окончивших Военный колледж, Г. А. Насер заявил: «Инцидент 28 февраля 1955 г., этот преднамеренный акт агрессии, который Совет Безопасности квалифицировал как варварское нападение на ни в чем не повинных солдат, явился для нас поворотным пунктом...»

Даллес не хотел просто так допустить, чтобы с этого поворотного пункта Египет пошел по своему новому пути, и решил направить Г. А. Насеру письменный ультиматум в запечатанном пакете с заместителем государственного секретаря Джорджем Алленом, о чем сообщили американские информационные агентства.

---

* Сведения, приводимые по этому поводу Мухаммедом Хасанейном Хейкалом в его книге «Абдель Насер и мир» и Майлзом Коуплендом в «Игре наций», противоречивы. Первый пишет, что Г. А. Насер решил выбить карты из рук К. Рузвельта, объявив о заключении соглашения до встречи с ним, а второй — что К. Рузвельт встретился с Г. А. Насером до того, как он объявил о заключении торговой сделки, но поскольку она уже свершилась, нашел благоразумным не возражать против нее и пытался убедить Г. А. Насера, что он готов совместными усилиями содействовать достижению длительного мира с израильтянами.

Г. А. Насер был вне себя. Вызвав Кермета Рузвельта, он заявил ему, что, если Аллен осмелится предъявить ультиматум, он велит выставить его за дверь и объявит о разрыве дипломатических отношений с Америкой.

Одновременно Г. А. Насер предпринял ряд решительных шагов. Он довел до сведения самого широкого круга «свободных офицеров», что будет сопротивляться американскому ультиматуму, даже если для этого потребуется вести подпольную вооруженную борьбу. (Сообщая об этом Ахмеду Фуаду, Лютфи Вакеду и автору этих строк, чтобы мы связались с коммунистами, готовясь к народному сопротивлению, он употребил именно слово underground.)

Командованию армии Г. А. Насер предложил провести работу по разъяснению того значения, которое торговое соглашение о приобретении оружия имеет для укрепления национальной независимости страны, повышения ее обороноспособности перед лицом Израиля и отстаивания позитивного нейтралитета. По этому вопросу были прочитаны доклады и проведены беседы во всех воинских частях.

Офицерам разведки, действовавшим в зоне Суэцкого канала, Г. А. Насер дал указание следить за передвижениями английских войск, которые тогда еще не полностью эвакуировали базу, а армейскому командованию — привести войска в боевую готовность.

Как пишет Хейкал в книге «Абдель Насер и мир», действуя по своей собственной инициативе, Байроуд и Кермет Рузвельт связались с Дж. Алленом, находившимся на борту самолета, и просили его по прибытии в Каир воздержаться от заявлений журналистам, а во время личной встречи с ним убедили его не предъявлять письменный ультиматум во избежание взрыва, к которому могла привести сильно накаленная обстановка.

Г. А. Насер все-таки принял Дж. Аллена, который ультиматум не предъявил, а сказал лишь, что Даллес огорчен. «Ну и пусть, — ответил Г. А. Насер, — но ведь нашему народу угрожают». Аллен в последний раз попытался отговорить Г. А. Насера от выполнения заключенного соглашения, обещав, что в случае его аннулирования Соединенные Штаты предоставят Египту оружие, но в ответ на это Г. А. Насер сказал: «Уже поздно».

В самом деле, было уже поздно. Известие о заключении соглашения об оружии народ воспринял с энтузиазмом. Авторитет Гамаля Абдель Насера среди арабов и во

всем третьем мире еще более возрос, а его имя стало символом борьбы с колониализмом.

Достижение соглашения об оружии всего лишь через 160 дней после открытия Бандунгской конференции явилось подтверждением того, что годы подъема продолжаются, оно придало уверенности массам, которые почувствовали, что они — хозяева своей судьбы и способны совершить то, что еще вчера казалось чудом.

Как отмечает Лакутюр в своей книге «Абдель Насер», «официальная пропаганда и левое движение впервые согласовали свои усилия и вызвали среди масс бурную восторженную реакцию».

Действительно, египетские левые горячо приветствовали этот шаг, рассматривая его как поворотный пункт в египетской политике, направленный на практическое осуществление решений Бандунга. Но большинство руководящих деятелей коммунистического движения в Египте находились в тюрьме и оттуда посылали телеграммы с выражением поддержки Гамалю Абдель Насеру.

Сразу же после того как было объявлено о заключении соглашения об оружии, во главе сирийской делегации в Египет прибыл министр иностранных дел Сирии Салах Битар. В результате проведенных переговоров 20 октября 1955 г. между Египтом и Сирией было подписано оборонительное соглашение, по которому агрессия против одного из государств рассматривалась как агрессия и против другого. В ознаменование этого события день 20 октября в Египте был объявлен ежегодным праздником — Днем армии *.

Вооружение, полученное Египтом, было самым современным. Впервые в истории для прохождения необходимой подготовки египетские офицеры стали направляться в Чехословакию и Советский Союз.

В 1958 г. в Египет прибыли советские военные специалисты, которые, работая при высшем командном звене, приняли участие в реорганизации армии.

Дело в том, что военная теория, на которой базировалась египетская армия до сих пор, представляла собой конгломерат самых различных идей, направлений и школ. Со времени начала британской оккупации, то есть с

---

* Через несколько месяцев соглашение о закупке оружия с Советским Союзом заключила Сирия, за ней последовал Афганистан, а потом Йемен.

1882 г., египетская армия в организационном и тактическом отношениях строилась по традиционному английскому образцу. Определенные новшества в области военной теории египетской армией были заимствованы у США, где прошли стажировку многие египетские офицеры (вплоть до командиров рот). Кроме того, некоторые теоретические вопросы, в частности в области тактики, использования ракетной техники и ведения разведки, разрабатывали приглашенные в Египет военные эксперты из ФРГ, служившие в германской армии еще при нацизме.

Поскольку организация войск на всех уровнях — от отделения до дивизии — основана на вооружении, было необходимо провести реорганизацию армии на основе советской военной доктрины, унифицировать уставы и наставления. Именно такая работа и была постепенно проделана.

Египетские военные считают, что лучшим периодом в жизни египетской армии после революции был период ее стабилизации на основе советской военной доктрины и советских воинских уставов.

С прибытием советских военных специалистов, имевших богатый боевой опыт, накопленный в ходе второй мировой войны, в египетских вооруженных силах серьезное внимание стало уделяться боевой подготовке войск, чего ранее египетская армия не знала. Небывало высокого уровня достигли военно-воздушные и военно-морские силы.

Советские люди пришли в нашу страну по приглашению египетских военных не только как военные специалисты. Если египетско-чехословацкое торговое соглашение о продаже Египту оружия явилось событием огромного значения, оказавшим влияние на весь третий мир и изменившим мировое соотношение сил, то приглашение советских людей для участия в строительстве самых великих, вечных сооружений египетского народа новой эпохи, таких, как Высотная Асуанская плотина, положило начало сотрудничеству нового типа в области экономики.

Глава XII

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СУЭЦКОГО КАНАЛА И ТРОЙСТВЕННАЯ АГРЕССИЯ

Отказ американцев и англичан финансировать строительство Высотной плотины * явился для Гамаля Абдель Насера сильным ударом, ибо ее сооружение он рассматривал как одну из ключевых проблем на пути прогресса общества и дальнейшего развития революции.

Было бы неестественно, если бы Г. А. Насер снес этот унизительный удар молча. И он выдвинул идею национализации Суэцкого канала.

Идея эта возникла не вдруг, не как стихийная реакция на отказ от финансирования Высотной плотины, а существовала давно и движением военных вынашивалась с самого начала, не было лишь ясного представления о том, как она будет претворена в действительность.

Уже в первые месяцы после выступления 23 июля при Совете министров было создано Бюро по Суэцкому каналу, которое помещалось в здании бывшего сената. Работавший в нем д-р Мустафа аль-Хафнави слыл большим энтузиастом в области исследований, связанных с Суэцким каналом, и издавал специальный журнал под названием «Канат ас-Сувейс». В августе 1952 г. Г. А. Насер пригласил его выступить с лекцией на открытии культурной программы в Офицерском клубе. Эту лекцию аль-Хафнафи

* До этого момента Г. А. Насер не получал какого-либо другого конкретного предложения о финансировании проекта, о чем было сказано в его интервью газете «Нью-Йорк таймс», опубликованном в «Аль-Гумхурии» 13 апреля 1956 г.: «Если переговоры о западной финансовой помощи по строительству Высотной плотины будут прекращены, Египет совершенно определенно будет вынужден согласиться на советское предложение финансировать этот проект, хотя оно и было сделано в самой общей форме».

прочел в ноябре 1952 г. В ней он призывал к национализации канала. В ноябре 1954 г. республиканским декретом Бюро по Суэцкому каналу было укреплено. Председателем Бюро был назначен д-р Хильми Бахгат Бадави, а членами — д-р Хамид Султан, Мухаммед Али аль-Фатит и Мухсин Шафик. В задачу Бюро входило изучение деятельности компании Суэцкого канала и подготовка исследований, связанных с возможностью ее национализации.

После того как в 1875 г. хедив Исмаил продал английскому правительству за 4 млн. фунтов 176 тыс. акций, которые обошлись Египту в 16 млн. фунтов, а египетский народ погряз в долгах, достигших 100 млн. фунтов, и выплатил проценты по ним на сумму 300 млн. фунтов, никакими капиталами компании Суэцкого канала Египет не владел. В 1949 г. между компанией и египетским правительством было заключено соглашение, по которому Египет получал 7% прибылей; пятеро египтян были введены в административный совет, куда входили 25 англичан и французов.

Когда движение военных попыталось добиться лучших условий, то в обмен на повышение процента прибылей и увеличение числа египтян в составе административного совета компания стала настаивать на продлении срока концессии, который истекал в 1968 г. Компания отказалась увеличить число египетских лоцманов (из 205 используемых ею лоцманов лишь 40 были египтяне), несмотря на то, что нехватка лоцманов составляла 20%.

По указанию Г. А. Насера интерес к делам компании Суэцкого канала проявило Главное мобилизационное управление вооруженных сил (ГМУ), которое послало туда уполномоченных для получения более полных данных по планам учета промышленного потенциала и людских ресурсов, проводившегося на общереспубликанском уровне. В начале 1956 г. в своем ежемесячном журнале «Аль-Хадаф» (его главным редактором был автор этих строк) ГМУ опубликовало серию статей под общим заголовком: «Этот канал — наша собственность».

Во второй половине 1955 г. была получена информация о том, что сведения о доходах, представляемые компанией египетскому правительству, не соответствуют ее фактическим доходам и что своим служащим-египтянам компания выплачивает тайные суммы (иногда до 200 ег. фунтов в месяц).

20 Зак. № 1876

Своим близким друзьям Г. А. Насер иногда как бы вскользь высказывал мысль о национализации канала, чтобы узнать, какова будет их реакция.

Когда в разгар кризиса, связанного с финансированием проекта Высотной плотины, он высказал эту мысль египетскому послу в Вашингтоне Ахмеду Хусейну, тот пришел в ужас и советовал не форсировать ее осуществление.

Во время своего визита в Югославию Г. А. Насер сказал Тито, что он подумывает о возвращении Суэцкого канала египетскому народу, но тогда этот вопрос еще не стоял на повестке дня, чтобы стать предметом конкретного обсуждения.

Таким образом, идея национализации появилась не случайно, она постоянно жила в душе Гамаля Абдель Насера как продолжение призывов, раздававшихся в Египте в предшествующий период, и явилась выражением давних чаяний египтян.

Программа Компартии Египта прямо призывала к национализации Суэцкого канала.

Сразу же после начала вооруженной борьбы в зоне канала с требованием национализации выступил председатель «Социалистической партии» Ахмед Хусейн.

Призыв к национализации компании Суэцкого канала красной нитью проходил через все статьи и выступления д-ра Мустафы аль-Хафнави.

Впоследствии это подтвердил сам Г. А. Насер. В интервью американскому журналу «Лук» 24 июня 1957 г. он заявил: «Мы изучали вопрос о национализации канала, но до принятия решения по нему не дошли. Это вы заставили нас принять решение».

Об отказе финансировать проект плотины Гамаль Абдель Насер узнал 19 июля, а утром 20 июля он уже принял решение о национализации канала. Меры по осуществлению принятого решения он проводил в абсолютной тайне. Он не сообщил об этом даже своему другу Дж. Неру, который находился тогда в Египте в качестве его гостя, но, почувствовав, что все время и все мысли Г. А. Насера заняты навалившимися на него заботами, прервал свой визит и досрочно отбыл на родину. В свою тайну Г. А. Насер не посвятил и Совет министров (как уверял автора этих строк Фатхи Радван). Те, кому Г. А. Насер поручил исполнение своего решения, узнали об этом лишь 24 июля, когда он, пригласив к себе инженера Махмуда Юнеса, своего коллегу по преподавательской

работе в Штабном колледже, открыл ему свой план, и тот горячо поздравил и расцеловал его.

Приняв свое решение, Г. А. Насер немедленно собрал членов Совета революционного командования, хотя Совет к тому времени уже прекратил свое существование в связи с окончанием переходного периода и избранием Г. А. Насера президентом республики (23 июля 1956 г.).

На узком совещании, в котором кроме Гамаля Абдель Насера участвовали Абдель Хаким Амер, Абдель Латыф аль-Багдади и Закария Мохи ад-Дин, А. Х. Амер предложил ограничиться увеличением пошлин. Однако Г. А. Насер разъяснил, что этого не хватит для финансирования Высотной плотины, так как даже вся чистая прибыль компании, составляющая 32 млн. фунтов в год (доход ее составлял 91 млн. фунтов), меньше, чем требуется для осуществления этого грандиозного проекта. На упомянутом совещании А. Х. Амеру было поручено связаться с новым советским послом Е. Д. Киселевым, чтобы выяснить возможность финансирования проекта Высотной плотины Советским Союзом.

Отдельные встречи Г. А. Насер провел также с другими членами СРК, не забыв пригласить и Гамаля Салема и Хасана Ибрагима, которые в то время уже не занимали никакого официального положения в аппарате власти. С решением Г. А. Насера все не колеблясь согласились.

По словам Закарии Мохи ад-Дина, взвесив опасности, которые может повлечь за собой национализация, члены СРК пришли к мнению, что наиболее вероятным является не англо-французское вторжение, а нападение со стороны Израиля.

После встреч с членами СРК Г. А. Насер поручил министру экономики Абдель Монейму аль-Кайсуни подготовить проект закона о национализации. В качестве консультантов к этой работе были привлечены члены Бюро по Суэцкому каналу Мухаммед Али аль-Фатит (его председатель д-р Хильми Бахгат Бадави находился в отъезде за границей), член Госсовета Бадави Хамуда, советник министерства внутренних дел Хасан Нур ад-Дин. Некоторые из них предложили наложить на компанию секвестр за нарушения закона и махинации, но Г. А. Насер настоял на национализации компании.

24 июля Г. А. Насер через полицейского офицера, не знавшего о цели данного ему поручения, вызвал д-ра Мустафу аль-Хафнави, находившегося в своей деревне близ

Александрии, в Каир, куда он был доставлен на военном самолете. В садике своего дома Г. А. Насер сообщил ученому, что он решил осуществить его идею и национализировать канал и попросил его принять участие в подготовке проекта закона о национализации.

За свои исследования о канале аль-Хафнави получил докторскую степень, всю жизнь он мечтал о его национализации и пропагандировал эту идею в своих статьях и лекциях, но даже он от неожиданности растерялся. «Я уже слышу, как над нами гудят вражеские самолеты», — признался он и предложил отсрочить исполнение решения на несколько месяцев, чтобы подготовить общественное мнение. Однако Гамаль Абдель Насер был тверд в своем решении.

По просьбе Г. А. Насера группе незнакомых аль-Хафнави лиц он рассказал историю Суэцкого канала, чтобы они яснее представили себе всю глубину связанной с ним трагедии египетского народа и преисполнились еще большей решимости осуществить задуманный смелый шаг. Рассказ затянулся заполночь. Расставаясь, Г. А. Насер наказал аль-Хафнави ни с кем не иметь никаких контактов, пока он не подготовит проект закона и не принесет его ему на следующий день.

25 июля Мустафа аль-Хафнави встретился с Г. А. Насером в 10 часов вечера в его кабинете в здании СРК. «Эта комната для меня счастливая, — сказал Г. А. Насер. — Здесь я принял решение заключить соглашение об оружии». Просмотрев вместе с аль-Хафнави текст проекта закона и внеся в него ряд поправок, Г. А. Насер сел писать речь, которую он по традиции должен был произнести в Александрии 26 июля — в день выдворения из страны короля Фарука.

На Западе пристально следили за каждым шагом Г. А. Насера, стремясь узнать, чем он ответит на отказ от финансирования строительства плотины. Прогнозы высказывались самые различные, особенно после его речи, в которой он дал гневную отповедь лживым измышлениям американцев по поводу состояния египетской экономики, заявив: «Умрите от злости, но Египет построит Высотную плотину хотя бы ногтями своих сынов!»

Перед выступлением Г. А. Насера на площади Эль-Маншие журналистская братия напоминала пчелиный рой. В предвкушении сенсации представители информационных агентств и органов печати терялись в догадках:

что предпримет Насер? Заключит союз с Советским Союзом? Или разорвет отношения с Соединенными Штатами? Но никто не додумался до истины. Когда информатор французского посольства 23 июля сообщил о возможности национализации Суэцкого канала, это сообщение, как пишет в своей книге Лакутюр, «было воспринято с иронией».

Перед тем как выступить с речью на площади Эль-Маншие, Г. А. Насер довел до сведения членов кабинета, что через несколько минут он объявит о национализации Суэцкого канала. Никто из министров против этого не возразил.

26 июля 1956 г. площадь Эль-Маншие, как всегда, заполнили десятки тысяч человек. Только на этот раз они были настроены не так, как в предшествующие годы. Гамаль Абдель Насер одержал целый ряд побед: потерпел поражение Багдадский пакт, в который из арабских стран вступил один лишь Ирак; египетско-чехословацкое соглашение о поставке Египту вооружения встретило горячую всенародную поддержку; была провозглашена конституция; было освобождено большое число политических заключенных, в том числе часть лиц, осужденных Революционным трибуналом; египетскую землю покинул последний английский солдат.

Речь, которую Гамаль Абдель Насер произнес в тот день, по глубине воздействия на массы, была самой сильной из всех его речей. О решении национализировать канал он объявил не сразу, подготовив к нему слушателей драматическим вступлением. Его речь, затаив дыхание, по радио слушала вся страна. Было условлено, что упоминание в речи имени де Лессепса послужит для группы по осуществлению национализации во главе с инженером Махмудом Юнесом сигналом к началу операции.

Г. А. Насер еще продолжал говорить, когда одна оперативная группа направилась в главную штаб-квартиру компании Суэцкого канала в Гарден-сити, в Каире, другая группа, возглавляемая Махмудом Юнесом, — в ее штаб-квартиру в Исмаилии, а третья заняла все учреждения компании в Порт-Саиде. Операция прошла четко и быстро.

Гамаль Абдель Насер еще не закончил свою речь, а весь Египет, узнав об объявленном решении национализировать канал, уже гремел от рукоплесканий и восторженных возгласов одобрения. Известие об этой важной акции потрясло весь мир.

Национализация канала долгие годы была мечтой, утопией, и вот она стала реальностью. Был создан первый египетский административный совет по управлению Суэцким каналом во главе с д-ром Хильми Бахгат Бадави. В его состав вошли инженер Махмуд Юнес (в качестве заместителя председателя), д-р Мухаммед Ахмед Селим, д-р Мустафа аль-Хафнави и другие.

В тот самый момент, когда Гамаль Абдель Насер произносил свою речь, в Лондоне, на Даунинг-стрит А. Иден давал ужин в честь короля Фейсала и Нури Саида. Весть о национализации канала ему принес один из его личных секретарей, и он сообщил об этом своим гостям. Как пишет А. Иден в своих мемуарах, «им сразу же стало ясно, что это перевернуло все те надежды и планы, о которых мы только что говорили». Они немедленно поняли, что теперь все зависит от того, как сорвать этот смелый вызов Г. А. Насера. Нури Саид, горячившийся больше всех, считал, что по «Абдель Насеру надо ударить», а Иден предрекал, что в деле управления каналом Египет потерпит фиаско.

Сообщение о том, что Г. А. Насер изъял 5 млн. ег. фунтов из авуаров компании Суэцкого канала, помещенных в Османском банке, Иден прокомментировал так: «Человеку с послужным списком Насера не следует позволять садиться нам на голову».

Готовясь к применению силы, 27 июля Иден послал Эйзенхауэру депешу, в которой указывал, что для сдерживания Абдель Насера одного политического и экономического давления может оказаться недостаточно, что необходимо предусмотреть возможность военного вмешательства. В ответ Эйзенхауэр направил в Лондон представителя госдепартамента Роберта Морфи, а вслед за ним туда отправился и Даллес.

Правительство Великобритании направило египетскому правительству официальную ноту протеста, но эта нота была возвращена английскому посольству в Каире. Немедленно началось и экономическое давление на Египет. Англия заморозила стерлинговые текущие счета Египта и наложила секвестр на авуары и имущество компании Суэцкого канала в Лондоне. Кроме того, она наложила запрет на поставку оружия и военных материалов Египту и задержала в английских портах находившиеся там четыре египетских военных корабля. Всего Англия заморозила 112 млн. ф. ст. Следуя ее примеру, США заморозили еги-

петские банковские вклады на сумму 60 млн. долларов.

1 августа состоялось совещание министров иностранных дел Англии, США и Франции, на котором Даллес резюмировал американскую позицию следующим образом:

1) Господство над каналом одного государства без международного контроля нетерпимо.

2) Во избежание осложнений, как в случае с Панамским каналом, за основу для обсуждения должна быть принята конвенция 1888 г. [5]

3) Сила — последнее средство, но Соединенные Штаты не исключают применение силы.

4) Следует мобилизовать мировое общественное мнение в пользу идеи поставить канал под международное управление.

5) Необходимо добиваться, чтобы точку зрения трех держав приняло большинство, по крайней мере в две трети голосов, участников предстоящей конференции морских держав.

2 августа три державы опубликовали заявление, в котором содержалось предложение созвать 16 августа в Лондоне конференцию 24 государств — пользователей каналом *.

Египет и Греция в конференции не участвовали. (Гамаль Абдель Насер отказался поехать на конференцию, несмотря на то что Неру и Тито ему это советовали. Причиной его отказа явилась враждебная кампания, развязанная против него Иденом, который заявил: «Мы ведем битву не с Египтом, а с Насером». В Лондон он направил Али Сабри, который, находясь там, мог встречаться с делегациями и разъяснять позицию Египта. Что касается Греции, то она отказалась участвовать в конференции, будучи связана с Египтом особыми отношениями и интересами.)

Конференция в своем большинстве была явно подчинена западному влиянию. Требуемые две трети голосов составили государства — члены НАТО и СЕАТО. Но в день начала работы конференции, 16 августа, выражая свою

---

* На конференцию были приглашены: Австралия, Дания, Эфиопия, Франция, ФРГ, Иран, Италия, Япония, Голландия, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Португалия, Испания, Швеция, Турция, Англия, Соединенные Штаты, Советский Союз, Индонезия, Цейлон, Индия, Греция и Египет.

поддержку Египту, объявили забастовку 80 миллионов арабов, и А. Иден был прав, отметив в своих мемуарах, что «Суэцкий канал стал каналом арабов».

22 августа конференция закончилась принятием решений, суть которых сводилась к утверждению принципа международного контроля с признанием суверенного права Египта и обеспечения ему справедливого дохода за пользование каналом. Предусматривалось провести переговоры в целях заключения новой конвенции, согласно которой управление каналом было бы поручено совету в составе Египта и нескольких других государств, выбранных державами, подписавшими конвенцию.

Советский Союз, Индия, Индонезия и Цейлон выступили против этого решения, предложив взамен образовать чисто консультативный орган, не имеющий никаких полномочий на управление каналом.

На основе заявления 18 держав в Каир для изложения их точки зрения была направлена миссия во главе с премьер-министром Австралии Р. Мензисом. В ее состав входили министры иностранных дел Ирана, Эфиопии и Швеции, а также представитель США Л. Гендерсон. Как можно заметить, в ней было представлено по одному государству от каждого континента. Миссия прибыла в Каир 2 сентября и, несмотря на все усилия Мензиса, потерпела провал — Г. А. Насер категорически отверг идею международного контроля.

От Совета НАТО Иден добился согласия на отказ от уплаты Египту сборов за проход по каналу. Ежегодно 55% упомянутых сборов приходилось на английские и французские суда, за ними следовали американские, итальянские, голландские, норвежские и западногерманские суда. С этой англо-французской идеей не согласились, однако, Соединенные Штаты: на своей пресс-конференции Даллес заявил, что «Суэцкий канал не представляет собой главный центр внимания Соединенных Штатов». Стало ясно, что в позиции США произошло изменение. Как пишет в своих мемуарах А. Иден, 4 сентября по возвращении с Утиного острова на озере Онтарио, где он проводил уик-энд, Даллес внезапно изменил свою точку зрения и выдвинул идею создания «Ассоциации пользователей Суэцким каналом». Английское и французское правительства пошли навстречу этому предложению.

В Египте популярность Гамаля Абдель Насера необычайно возросла. Такой популярностью не пользовался еще

ни один арабский лидер современности. Г. А. Насер занял твердую позицию перед лицом империалистических угроз и отверг идею «интернационализации» канала, назвав ее заговором.

Египетская администрация Суэцкого канала приложила колоссальные усилия к тому, чтобы обеспечить его нормальное функционирование. А положение создалось сложное. Из 205 лоцманов 60 человек, находившихся в отпусках за границей, отказались возвратиться в Египет. После этого компания еще больше усилила свой нажим на лоцманов. Каждому, кто откажется служить под началом египетской администрации, президент компании Жак-Жорж Пико предложил аванс в размере трехгодичного жалованья, а оставшимся угрожал лишением пенсий. В результате все лоцманы-иностранцы, за исключением 11 греков, покинули работу. Из старых лоцманов остался лишь 51 человек. Но на канал пришли работать советские, югославские, греческие, а также американские лоцманы. Не возымели действия и экономические средства давления на Египет, к которым прибегли Англия и Франция. Хотя английские и французские суда уплачивали установленные сборы в Лондоне, а не египетской администрации, последняя не препятствовала их проходу через канал, дабы не обострять и без того накаленную обстановку.

19 сентября в осуществление американского плана в Лондоне собралась конференция 18 стран — пользователей каналом. На ней было решено передать суэцкий вопрос в Совет Безопасности ООН. При этом империалистические державы рассчитывали, что им удастся протащить такие решения, которые укрепят их позицию. Однако после девятидневной дискуссии Совет Безопасности принял резолюцию, в основу которой были положены шесть принципов, предусматривавшие, чтобы:

— судоходство по каналу было свободным, открытым и без дискриминации;

— уважался суверенитет Египта;

— управление каналом было отделено от политики какого бы то ни было государства;

— сборы за проход по каналу определялись по соглашению между Египтом и пользователями каналом;

— справедливый процент от поступлений отчислялся на улучшение и развитие канала;

— спорные вопросы разрешались через арбитраж.

Резолюция Совета Безопасности явилась победой Египта, который на деле доказал, что он успешно управляет каналом.

Было решено, что 29 октября министры иностранных дел Англии, Франции и Египта встретятся в Женеве для обсуждения вопросов, связанных с претворением в жизнь упомянутых шести принципов. Однако, как оказалось, день 29 октября был тайно запланирован как день начала тройственной агрессии.

Хотя, по оценке Гамаля Абдель Насера, агрессия исключалась *, она не была неожиданностью, о чем свидетельствуют хотя бы следующие факты.

За десять дней до агрессии египетский военный атташе во Франции Сарват Окаша получил план передвижений французских войск и специальным письмом отправил его в Каир с пресс-атташе египетского посольства Абдель Рахманом Садеком, наказав последнему вручить письмо лично Г. А. Насеру.

Военный атташе в Турции Закария аль-Адили Имам (впоследствии посол Египта в Китае и Индии), добыв секретные сведения о сосредоточении войск на Кипре, куда он направил своих агентов-турок сразу же, как только узнал, что в турецкой армии отменены отпуска и объявлена полная боевая готовность, 6 декабря доносил: «Англия и Франция предъявят Египту ультиматум, за ним в середине ноября последует коллективная агрессия во взаимодействии с Израилем». Вслед за этим он отправил второе донесение: «Хотя согласно данным, которыми я располагаю, нападение планируется на середину ноября, внешние признаки свидетельствуют, что оно будет совершено

* Г. А. Насер считал, что успех национализации, контроль Египта над каналом будет закреплен, если в течение месяца не последует интервенции англичан. Об этом он сказал министрам во время встречи с ними перед тем, как объявить о национализации канала 26 июля. Отвечая на вопрос одного из министров, он сказал также, что, по имеющимся у него сведениям, раньше чем через два месяца англичане не нападут, и что он исключает интервенцию Израиля. Через 8 лет в одном из своих интервью Г. А. Насер заявил: «Я исключал возможность того, что англичане пойдут на союз с израильтянами, чтобы силой вернуть себе канал, так как тем самым они ставили под угрозу свои позиции и интересы на Ближнем Востоке... Франция была недовольна Багдадским пактом, к тому же я считал, что французы слишком увязли в Алжире, чтобы начать военные действия против нас... Что касается американцев, то у нас сложилось впечатление, что они вовсе не прибегнут к применению силы».

до конца октября». Египетская военная разведка ответила Закарии аль-Адили Имаму, что он — единственный военный атташе, от которого поступила подобная информация. Чувствуя надвигающуюся угрозу, 19 октября Закария сам вылетел в Каир, во-первых, чтобы сообщить, что израильтяне замышляют убийство Г. А. Насера и для совершения этого акта готовят некоего Хута, и, во-вторых, чтобы подтвердить свою информацию о готовящейся агрессии. Обо всем, что ему было известно, он сообщил Абдель Хакиму Амеру, но от последнего удовлетворительного ответа не услышал. 28 октября, так и не добившись встречи с Г. А. Насером, на чем он настаивал, З. аль-Адили Имам отбыл к месту службы.

Салах Салем по возвращении из Лондона, где он находился во время второй конференции пользователей каналом, совершенно определенно заявил Г. А. Насеру, что агрессия неизбежна.

Нашему послу в Вашингтоне американцы, допустив утечку информации, сообщили, что командующим силами вторжения в Египет назначен генерал Кейтли, который осуществляет боевую подготовку своих войск на Кипре.

Касаясь вопроса о том, как Гамаль Абдель Насер оценивал вероятность агрессии, Мухаммед Хасанейн Хейкал в книге «Абдель Насер и мир» перечисляет 12 пунктов, содержащих различные суждения Г. А. Насера на сей счет, но в целом он считал, что степень этой вероятности обратно пропорциональна времени, то есть что чем больше пройдет времени, тем меньше будет вероятность вторжения... Там же Хейкал отмечает: «Когда были одобрены шесть принципов, президент Абдель Насер решил, что опасность вторжения уменьшилась до 10%, практически же он исключал вероятность вторжения».

Вывод Гамаля Абдель Насера не подтвердился. 29 октября он получил сообщение о том, что израильтяне объявили о переброске на Синай бронетанковой колонны для уничтожения фидаев. В ту же ночь, высадив воздушный десант в районе перевала Матла, они объявили, что их войска приближаются к Суэцкому каналу *.

* План агрессии был окончательно доработан и утвержден на совещании, которое в обстановке строжайшей секретности было проведено в пригороде Парижа городе Севре 22—24 октября. В нем принимали участие Бен-Гурион, Моше Даян, министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд, премьер-министр Франции Ги Молле и министр иностранных дел.

Члены Совета революционного командования, которых собрал Г. А. Насер, восприняли эту акцию лишь как нападение со стороны Израиля. По словам Закарии Мохи ад-Дина, англо-французские приготовления не сбрасывались полностью со счета, но они рассматривались как обманный маневр с целью отвлечения внимания от израильского вторжения. Поэтому, когда израильское вторжение началось, казалось, будто оценка обстановки была правильной.

Тем не менее оборонительный план, разработанный для армии, учитывал вероятность высадки англо-французского десанта в Порт-Саиде или в Александрии, причем скорее в Александрии, как расположенной ближе к политическому центру страны — Каиру, если целью вторжения является ликвидация существующего в стране режима. Причем необходимо отметить, что в то время в Египте еще только происходил процесс перехода от армии, лишенной современного вооружения и построенной на основе не связанных между собой отдельных родов войск, как это было до революции, к армии, оснащенной современным советским оружием, с новой организацией войск и новой военной доктриной.

Египетской армии был отдан приказ овладеть перевалом Матла силами одной бронетанковой бригады и атаковать вторгшегося противника с воздуха. Войска приступили к выполнению поставленной задачи.

На рассвете следующего дня в воздушном пространстве Египта появились английские самолеты-разведчики. Египетские послы в Лондоне (Сами Абу аль-Фатух) и в Париже (Камаль Абдель Наби) были вызваны в министерства иностранных дел Англии и Франции, где им был передан англо-французский ультиматум. В нем Египту и Израилю предлагалось прекратить огонь и отвести свои войска на десять миль от Суэцкого канала; Египту было предъявлено требование разрешить ввод англо-француз-

---

Франции Кристиан Пино. В то время как члены Совета Безопасности назначили день 29 октября датой встречи министров иностранных дел Египта, Франции и Англии в целях мирного урегулирования спорных вопросов, севрское совещание выбрало ту же самую дату для совершения агрессии. Поразительно, что после севрского совещания Бен-Гурион заявил, будто он стремится к миру и хотел бы встретиться с Г. А. Насером в целях урегулирования, тогда как нити заговора были уже окончательно сплетены, как об этом говорил Г. А. Насер в своем интервью 25 апреля 1960 г.

ских сил в Порт-Саид, Исмаилию и Суэц; вышеупомянутые требования предлагалось выполнить не позднее чем через 12 часов, к 6.30 утра 31 октября, в противном случае Англия и Франция угрожали вооруженным вмешательством.

Вооруженная вылазка Израиля и англо-французский ультиматум представляли собой скоординированные действия, предусмотренные заранее разработанным планом вторжения в Египет, имеющим целью свергнуть установившийся в нем режим, который начал осуществлять непредвиденные шаги, пошатнувшие позиции империализма в регионе.

Мысль об агрессии Израиль вынашивал с того самого момента, когда Египет получил советское вооружение. Уже через несколько дней после того, как было объявлено о заключении соглашения о поставке Египту советского оружия и о создании совместного египетско-сирийского военного командования, в октябре 1955 г. Бен-Гурион вызвал к себе Моше Даяна и поручил ему подготовить план войны. При этом он так и сказал: «Египетский режим надо свалить до прибытия русского оружия». В своих мемуарах Моше Даян пишет: «Я встретился с Бен-Гурионом в его номере в гостинице «Ганас», в Иерусалиме. В конце беседы он, как министр обороны, приказал мне быть готовым к оккупации Тиранского пролива с Шарм-аш-Шейхом и Рас-Насрани и островами Тиран и Санафир, чтобы обеспечить свободное судоходство по Акабскому заливу и Красному морю». В декабре 1955 г. план, подготовленный Моше Даяном, был представлен на рассмотрение израильского кабинета министров. Осуществить этот план предполагалось через месяц после Нового года. Однако кабинет министров этот план не утвердил, так как для его осуществления нужен был предлог. Но, как заметил Моше Даян, «за предлогом дело не станет». С тех пор Израиль успел получить самолеты «Мистэр-4», которые Франция производила для НАТО, причем это было сделано с согласия Эйзенхауэра и Даллеса.

Официальный биограф Бен-Гуриона Бен-Зогар пишет: «Когда затем неожиданно разразился суэцкий кризис, он нисколько не изменил планы Израиля, который все равно бы атаковал, но он облегчил нам самое трудное — мы стали иметь оружие, союзников и, конечно, предлог».

Что касается Англии, то она стремилась вернуться в зону Суэцкого канала любой ценой. Это подтверждается

документами, попавшими в руки египетской разведки в 1956 г. В директивах Главного штаба, направленных из Лондона командованию британских войск в зоне канала, предписывалось построить в шести лагерях тайные подземные склады для танков, артиллерийских орудий и другого военного снаряжения, не подлежавшего отправке из зоны при эвакуации оттуда оккупационных войск. В тех же директивах говорилось о необходимости сохранить связи с местной агентурой ввиду возможного возвращения английских войск в зону канала в течение первых шести месяцев после эвакуации *.

В создавшейся обстановке Г. А. Насер решил, что послать египетские войска на Синай значило бы пожертвовать ими, поскольку они оказались бы зажатыми между израильскими войсками с востока и англо-французскими силами, намеревавшимися оккупировать канал и блокировать их с запада.

Еще совсем недавно бывший преподавателем Штабного колледжа и тонко улавливавший настроения народных масс, которые выражали ему безграничную поддержку, Гамаль Абдель Насер счел необходимым отвести армейские части с Синая в зону Суэцкого канала с тем, чтобы они вместе с народом защищали свободу и принадлежащий ему канал. Оборонять Синай, территория которого составляет 1/8 всей территории Египта и для обороны которого не хватило бы имеющихся сил, да еще в условиях пустыни и связанных с этим больших технических трудностей и сложности управления войсками, было бы неразумно.

Абдель Хаким Амер сначала не понял суть мысли Абдель Насера об отводе войск и всю ночь провел в бурных дебатах с ним, что несколько задержало отвод с Синая танков. Новое разногласие между Г. А. Насером и армейским командованием возникло в связи с тем, что последнее считало, что смычка с армией должна произойти в результате отвода войск в густонаселенный район, расположенный к западу от канала, и оно действительно перевело свой командный пункт в Заказик. Однако Г. А. Насер разъяснил армейскому командованию, что оголять,

* Узнав о существовании этих документов, Г. А. Насер прибыл в зону канала и вместе с ответственным офицером разведки ночью спустился в одно из таких подземелий. Там оказались артиллерийские орудия, покрытые густым слоем смазки, и ящики с боеприпасами.

оставлять без защиты канал нельзя, так как это даст агрессорам возможность без труда овладеть зоной канала.

Общий план обороны был утвержден в соответствии с точкой зрения Г. А. Насера. Был разработан также план обороны зоны Суэцкого канала и началась координация действий между вооруженными силами и сформированной Народной армией освобождения, командующим которой еще 9 августа 1956 г. был назначен Камаль ад-Дин Хусейн (его штаб-квартира находилась в городе Исмаилии). Сообщение о том, что операция по отводу войск закончена, Г. А. Насер комментировал так: «Когда я узнал об этом, я сразу же почувствовал, что Египет выиграл битву, сорвав план врага. Если бы решение об отводе задержалось на 24 часа, то все уже было бы кончено».

Перед лицом агрессии члены СРК, которые уже не были связаны между собой организационно, но с которыми Г. А. Насер, как президент республики, постоянно советовался, проявили себя по-разному, особенно когда 31 октября английская авиация подвергла бомбардировке египетские военные аэродромы.

Главнокомандующий вооруженными силами Абдель Хаким Амер, который, как отмечалось выше, по своим деловым качествам не подходил для столь ответственного поста, не проявил должной активности и распорядительности. Хотя в те дни он привлек к работе в своем управлении ряд лучших офицеров Генерального штаба, его указания войскам и планы не соответствовали серьезности обстановки. Командующим вооруженными силами в Порт-Саиде он назначил губернатора Порт-Саида Мухаммеда Рийада, человека сугубо штатского, юриста по образованию. А ближайший помощник А. Х. Амера, командующий ВВС Мухаммед Сидки Махмуд, допустил такое положение, при котором египетские самолеты сделались легкой добычей для авиации врага, так как не были подняты в воздух, а оставались на взлетных полосах, что фактически привело к их уничтожению в один день.

В тот момент, когда британские бомбы сыпались на аэродромы, на радиовещательную станцию в Абу-Заабале и на Порт-Саид, Салах Салем прямо заявил Гамалю Абдель Насеру, что тот, дескать, уже выполнил свою роль, послужил своей стране в меру своих возможностей, а теперь должен пойти и передать себя в руки британскому послу, потому что англичанам, как сказал Иден, нужен лично он. Выслушав эту тираду, Г. А. Насер обернулся к

своим коллегам и спокойно спросил, разделяет ли кто-нибудь из них мнение Салаха. Но таких не оказалось. Впоследствии Салах Салем объяснял этот свой выпад тем, что, не питая никакой надежды на успех сопротивления тройственной агрессии против Египта в условиях, когда вооружение, обучение и реорганизация армии еще не завершились, и стоя перед выбором: Гамаль Абдель Насер или Египет, он выбрал Египет...

Г. А. Насер не стал принимать каких-либо мер в отношении Салаха Салема, который после описанной сцены явился в управление Главного командования вооруженных сил, где между ним и Абдель Латыфом аль-Багдади и Абдель Хакимом Амером состоялся серьезный разговор. Дело кончилось тем, что, облачившись в форму простого вестового и получив от А. Х. Амера приказ отправиться в Суэц и возглавить там народное сопротивление, Салах Салем, даже не заезжая к себе домой, отбыл к месту назначения.

Позже Г. А. Насер отмечал, что из всех членов СРК наибольший энтузиазм и волю к борьбе тогда проявили двое — Абдель Латыф аль-Багдади и Закария Мохи ад-Дин. Вспоминая те дни, аль-Багдади говорил, что на протяжении всего периода агрессии он ни на шаг не отходил от Г. А. Насера, они даже спали в одном кабинете в здании СРК. Что касается Закарии Мохи ад-Дина, то он сосредоточился на решении вопросов, связанных с положением внутри страны и организацией тайного сопротивления.

Гамаль Абдель Насер решил не капитулировать, а сражаться. Об этом он объявил с мимбара мечети Аль-Азхар. Его надтреснутый голос (перед самой агрессией Г. А. Насер заболел гриппом) слышали миллионы арабов. «Я в Каире, — говорил Г. А. Насер, — и я буду сражаться вместе с вами против любого вторжения до последней капли крови... Я останусь в Каире вместе с моими детьми... Мы ни за что не капитулируем, мы построим страну, историю, будущее... и победим!»

Группа деятелей бывших буржуазно-помещичьих партий устроила сборище, на котором было принято решение потребовать от Г. А. Насера отказаться от своего поста, поскольку, мол, агрессия направлена больше против него самого, чем против Египта. Но среди присутствующих не нашлось такого храбреца, который отважился бы предъявить это требование Г. А. Насеру. Тогда встретиться с ним они поручили Сулейману Хафезу. От одного из участ-

ников об этом сборище стало известно египетским органам безопасности, и предполагаемая встреча не состоялась. Сулейман Хафез, Мухаммед Салах ад-Дин, а вместе с ними и некоторые другие политические деятели, вроде Фуада Сираг ад-Дина и Ибрагима Фарага, были арестованы.

В связи с неудавшейся вылазкой меры предосторожности были приняты и в отношении Мухаммеда Нагиба на случай, если бы, одержав победу, агрессоры решили воспользоваться его помощью. С виллы Зейнаб аль-Вакиль, где он содержался под домашним арестом, М. Нагиб был отправлен в Таму (Верхний Египет) и находился там вплоть до вывода войск агрессоров с территории Египта.

Позиция арестованных политических деятелей свидетельствовала о том, что они неверно оценивали новую обстановку в Египте. За период, прошедший со времени ухода со сцены М. Нагиба, Г. А. Насер сумел утвердить себя как национальный лидер и проложить путь к прогрессивному развитию страны. Участие в Бандунгской конференции, заключение соглашения о поставках Египту оружия, возвышение роли арабского национализма, национализация Суэцкого канала — все это снискало Г. А. Насеру доверие масс. Многие египтяне порвали связи со старыми партиями, найдя в его лице революционного выразителя воли миллионов арабов. Поэтому отделить личность Гамаля Абдель Насера от народа было уже невозможно. Империалистическая пропаганда, пытавшаяся тогда представить его в образе диктатора, успеха не имела. В тот период он не был «абсолютным правителем», он был руководителем, ведущим за собой массы по пути подъема.

31 октября был созвано заседание Совета Безопасности, на котором представитель Соединенных Штатов Генри К. Лодж внес проект резолюции об отводе войск Израиля за линию, установленную соглашением о перемирии. Однако Англия и Франция использовали против американского проекта право вето, потому что, как пишет А. Иден, «цель, которую преследовали США, совершая этот ход, заключалась в том, чтобы взять дело в свои руки вместо Франции и Великобритании и сделать обращение, которое мы направили Египту и Израилю, бессмысленным».

Англо-французское вето было наложено и на советский проект резолюции о прекращении огня и выводе из Египта всех оккупационных войск.

Тогда Югославия и Индия выступили с инициативой созыва чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где в то время насчитывалось 80 государств-членов и где возможности добиться осуждения агрессии были более широкими. И действительно, 2 ноября Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, в которой содержалось требование прекратить огонь. Но решения Генеральной Ассамблеи, как известно, носят характер рекомендаций и не являются обязательными для членов ООН.

Создавшаяся ситуация вызвала в арабских странах небывалый взрыв негодования. Когда 2 ноября была разбомблена Каирская радиостанция в Абу-Заабале, из Аммана и Дамаска прозвучали радиопередачи, начинавшиеся словами: «Говорит Каир!» Король Хусейн проинформировал Г. А. Насера, что он готов выступить против Израиля, но, принимая во внимание всю огромность масштаба заговора, Г. А. Насер посоветовал ему не спешить. Иордания и Ирак разорвали дипломатические отношения с Францией, а Саудовская Аравия и Сирия — с Англией и Францией. По указанию начальника 2-го отдела (разведотдела) генштаба сирийской армии полковника Абд аль-Хамида ас-Сарраджа (впоследствии — вице президента ОАР) были взорваны насосные станции нефтепровода «Ирак петролеум компани», что вывело его из строя. 31 октября 1956 г. в Москву в соответствии с ранее достигнутой договоренностью с официальным визитом прибыл президент Сирии Шукри Куатли. В ходе обмена мнениями между ним и руководителями Советского государства были, в частности, затронуты вопросы, касающиеся мер, направленных на то, чтобы положить конец агрессии против Египта.

Египет был преисполнен решимости дать отпор агрессии. Г. А. Насер объявил о том, что отдан приказ о раздаче оружия. «У нас его много, — сказал он, — и мы будем драться за каждую деревню». Обратиться к народу и организовать подпольную борьбу Гамаль Абдель Насер думал еще тогда, когда заместитель госсекретаря США Аллен собирался предъявить ему ультиматум.

Приступая к подготовке тайного сопротивления, ответственный за эту работу Закария Мохи ад-Дин заверил, что в этой национальной битве, не опасаясь за себя, может принять участие любая политическая сила и что меры безопасности будут приняты лишь в отношении некоторых старых политических деятелей, которых, как и Му-

хаммеда Нагиба, империалисты могли бы использовать в качестве своей козырной карты.

За 48 часов было сделано все необходимое для того, чтобы начать тайное сопротивление: подготовлены автомашины с гражданскими номерами и станки для печатания листовок и брошюр, наняты квартиры на вымышленные имена, изготовлены фальшивые удостоверения личности и даже загранпаспорта, созданы тайные склады оружия, запасены радиопередатчики, взрывчатка и взрывные устройства; наконец, выделены лица, которым было поручено создать структуру тайной организации. Такая серьезная подготовка свидетельствовала о решимости бороться и не сдаваться, но, когда агрессоры были вынуждены прекратить огонь, работа по организации этой формы борьбы была свернута.

В самый разгар агрессии Египет обратился ко всем государствам с воззванием, в котором говорилось: «В этот решающий момент Египет обращается за помощью добровольцами, оружием и другими средствами ко всем тем, кто во всех концах мира еще уважает человеческое достоинство и законность в международных отношениях... Народ Египта ведет борьбу за существование и честь, он сражается не только за себя и свою страну, но и за весь цивилизованный мир».

Движение народного сопротивления агрессорам началось с высадкой английского воздушного десанта в Порт-Саиде рано утром 5 ноября. В это движение свой вклад внесли коммунисты, последние из которых вышли на свободу после национализации Суэцкого канала. Из военных, коммунистов и других левых образовались боевые группы*.

В Порт-Саиде из армейских частей были дислоцированы 7-я пехотная бригада и 4-й пехотный батальон, кроме того, там находились части береговой и зенитной артиллерии. После высадки английского воздушного десанта, вследствие деморализации командования в лице полковника Абдель Рахмана Кадри и бригадного генерала Сала-

* В первых рядах борцов сопротивления среди военных находились Камаль Рифат, Хамди Убейд, Мухаммед Абу-Нар, Мухаммед Фаек, Саад Уфра, Мунир Мувафи, Салах За'зу, а среди коммунистов и других левых — Абдель Монейм Шатла, Ахмед ар-Рифаи, Саад Рахми, Юсеф Идрис, Хасан Фуад, Али аш-Шалкани и его жена Нана Салем, Ахмед Аббас Салех, Мухсин Лютфи, Ибрагим Аджудж, Ахмед Мугахед, Абдель Монейм аль-Кассас, Амина Шафик и др.

ха аль-Мауги войска оказались без руководства и рассеялись. Руководитель местного Народного сопротивления майор Гариб аль-Хусейни и командир отрядов Народной армии освобождения майор Абдель Монейм аль-Хадиди, будучи людьми, чуждыми подлинно народного духа, не смогли увлечь за собой массы и бежали из Порт-Саида. В создавшейся ситуации по требованию Хамди Абдо и Мухаммеда Абу-Нара офицер Мунир Мувафи встретился с управляющим кабинетом А. Х. Амера Шамсом Бадраном, инспектировавшим в этот момент Национальную гвардию в Эль-Мансуре, и постарался убедить его, что единственный выход из положения — это разрешить в Порт-Саиде действия коммунистов, которые лучше других знают психологию масс и умеют с ними взаимодействовать. Запросив Каир, Шамс Бадран дал на это согласие.

Однако, по словам Мухаммеда Абу-Нара, за боевыми действиями коммунистов следили сотрудники службы безопасности, хотя сам ее руководитель бежал из города, а полиция сложила оружие, заодно передав англичанам списки с именами коммунистов и «братьев-мусульман», которых те и арестовывали во время комендантского часа.

С самого начала агрессии, как только стало известно о нападении Израиля, население Порт-Саида потребовало оружия. Однако его раздача происходила медленно, с соблюдением формальностей и под контролем службы безопасности, хотя город уже подвергался налетам вражеской авиации. Когда же в районе города высадились вражеские парашютисты и на железнодорожную станцию Порт-Саид прибыл эшелон с оружием и боеприпасами, началась беспорядочная раздача оружия населению.

По словам губернатора Порт-Саида Мухаммеда Рийада, 5 ноября командующий британскими силами потребовал у него сдать город, но, выполняя директиву Закарии Мохи ад-Дина «держаться до конца», он сдать город отказался.

Порт-Саид переживал огромные трудности с продовольствием. Тогда англичане открыли пакгаузы с транзитными грузами и, предоставив жителям брать оттуда что придется, нацелили на них кино- и телекамеры, чтобы потом использовать заснятые кадры в своей пропаганде за границей, в то время как на мостовых города еще не высохла кровь убитых.

В Порт-Саиде с агрессорами сражались силы Народного сопротивления, армейские же части после отхода с Си-

ная боевые действия фактически прекратили. В обороне Исмаилии Камаль ад-Дин Хусейн использовал как армейские части, так и Народную армию освобождения. Построив сильные оборонительные укрепления в Суэце, Салах Салем превратил город в крепость, причем в строительстве укреплений он опирался прежде всего на народные массы.

Если решимость Г. А. Насера бороться пробудила энтузиазм у египетского народа, у всех арабов и свободолюбивых людей всего мира, то безрассудная агрессивная политика Идена и Ги Молле вызвала резкую критику и гневный протест. Особенно бурные демонстрации в Лондоне и Париже состоялись после того, как были получены сообщения о высадке на египетской территории англо-французского десанта. На Трафальгарской площади толпы людей скандировали: «Долой Идена!» В палате общин представители оппозиции клеймили позором гнусную «полицейскую акцию» правительства. Во Франции демонстрации против Ги Молле возглавили коммунисты.

Кольцо вокруг Идена и Ги Молле сжималось все сильнее: осуществление плана агрессии происходило медленнее, чем этого хотелось бы его организаторам; Суэцкий канал был выведен из строя; мировое общественное мнение было на стороне Египта; английский и французский народы гневно осуждали агрессию, развязанную их правительствами. 3 ноября в знак протеста с поста государственного министра Великобритании ушел Антони Наттинг. В оппозицию к Англии и Франции стали по своим собственным соображениям Соединенные Штаты. Мнения стран — членов Британского содружества резко разделились, что угрожало самому его существованию. 4 ноября по инициативе 19 афро-азиатских государств Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой безоговорочно потребовала остановить военные действия.

Однако решающий момент наступил лишь 5 ноября, когда стало очевидно, что все средства политического и юридического давления на агрессоров в рамках ООН уже исчерпаны, и глава Советского правительства направил Идену и Ги Молле предупреждение о том, что оно полно решимости «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке». Соответствующее предупреждение было направлено и Бен-Гуриону.

Советское предупреждение вызвало панику во всем западном мире. Тройственный заговор получил сильнейший отпор.

На следующий день в 9.45 утра кабинет министров Великобритании принял решение прекратить военные действия. Вечером того же дня Иден сообщил в палате общин, что огонь будет прекращен в полночь с 6 на 7 ноября по Гринвичу (то есть в 2 часа ночи по местному времени в Порт-Саиде).

Однако в назначенный срок огонь не прекратился. Англичане продолжали высаживать свои войска и утром, о чем сообщалось в коммюнике Главного командования египетской армии.

Народное сопротивление в Порт-Саиде не утихало. Жители были возмущены тем, что англичане ввели в городе комендантский час с 5 часов вечера до 6 часов утра, захватили многие жилые дома для расквартирования своих войск, выгнав жителей на улицу, а больницы превратили в свои госпитали.

Борьбой народа с оккупантами руководила группа офицеров-патриотов и коммунистов. При этом коммунисты отнюдь не пытались навязать свою гегемонию, как это утверждает в книге «Абдель Насер и мир» М. Х. Хейкал. Они были лишь среди тех, кто первым встал на защиту Порт-Саида и боролся в рядах Народного сопротивления вместе с его жителями. Но несмотря на это, на страницах бюллетеня Народного сопротивления против них была организована травля и они долгое время подвергались преследованиям со стороны полицейских властей *.

---

* Закария Мохи ад-Дин объясняет это тем, что если, мол, какая-либо политическая организация участвует в массовой операции, то она, естественно, старается усилиться за счет привлечения в свои ряды новых людей, создать себе авторитет среди масс, а органы безопасности, также естественно, должны быть в курсе того, что делается в этом отношении. Однако он уверяет, что власти не преследовали ни одного коммуниста за участие в Народном сопротивлении, и не помнит, чтобы в этот период между властями и коммунистами произошло хотя бы одно столкновение.

Но когда в 1959 г. группа коммунистов предстала перед судом по обвинению в том, что они якобы являются «агентами иностранного государства», и защитник Абдель Монейма Шатлы обратился к тринадцати офицерам с просьбой выступить на суде в качестве свидетелей, из них на суд явились лишь двое: Халед Мохи ад-Дин и Ахмед Лютфи Вакед — в прошлом члены армейской секции ХАДЕТУ; что же касается Мухаммеда Абу-Нара, то, по его словам, его вызвал начальник «Отдела по борьбе с коммунизмом» Хасан аль-Мусайлахи и предложил не выступать в качестве свидетеля, то же самое от него потребовал и министр внутренних дел Аббас Радаан.

Народное сопротивление в Порт-Саиде стало славой египетского народа, тогда как вооруженные силы по целому ряду причин не выполнили полностью свой долг. В ходе борьбы Народного сопротивления в Порт-Саиде и под впечатлением той роли, которую сыграли в ней коммунисты, многие младшие офицеры избавились от своей предубежденности к ним, возникшей в результате усиленной антикоммунистической пропаганды.

Когда с уходом интервентов бои в Порт-Саиде окончились и прибывший туда для восстановления разрушенного города Абдель Латыф аль-Багдади издал приказ о сборе находившегося у населения оружия, жители города сдавали его без всякой задержки. При этом их единственным желанием было получить справку, коей удостоверялось, что такой-то участвовал в Народном сопротивлении и честно выполнил свой долг.

Дойдя до города Эль-Каб (южнее Порт-Саида), агрессоры были вынуждены прекратить дальнейшее наступление. Провалу их замыслов в разной степени способствовали следующие факторы:

1) решимость египетского руководства бороться до конца;

2) раздача оружия населению, развертывание Народного сопротивления и принятие мер по организации тайного сопротивления;

3) решительное советское предупреждение агрессорам;

4) позиция США, по своим собственным стратегическим соображениям выступивших против англо-французского плана;

5) всеарабская солидарность в поддержку Египта;

6) резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая огромным большинством, выражающим мировое общественное мнение;

7) все усиливающийся протест против агрессии Англии и Франции со стороны их собственных народов.

Все эти причины, вместе взятые, и положили конец тройственной агрессии.

Агрессорам не удалось свергнуть Гамаля Абдель Насера и ликвидировать режим, установленный в стране в результате выступления 23 июля 1952 г. Наоборот, агрессия привела к отставке самого Идена (в январе 1957 г.) и к падению правительства Ги Молле (в мае 1957 г.).

Хотя Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции от 7 ноября 1956 г. потребовала отвода войск агрессоров, англо-французские войска не торопились уходить с территории Египта. Народное сопротивление оккупантам продолжало действовать, а египетское правительство решило не приступать к расчистке Суэцкого канала и не возобновлять судоходства по нему, пока территорию страны не покинет последний иностранный солдат.

Вывод англо-французских войск начался лишь в первых числах декабря и завершился 22 декабря 1956 г. Египетский флаг вновь взвился над Порт-Саидом, откуда ушли английские войска, и над Порт-Фуадом, покинутым французскими войсками. День 23 декабря был объявлен всенародным праздником — Днем победы; в этот день Г. А. Насер обычно приезжал в Порт-Саид и выступал с речью перед народом.

Итак, англичане и французы ушли. Но Израиль, бросив вызов Организации Объединенных Наций, не собирался уходить с захваченных им территорий: сектора Газы, Рафаха, Шарм-аш-Шейха, островов Тиран и Санафир, а также прибрежной полосы вдоль Акабского залива длиной 220 км и шириной 27 км. Министр иностранных дел Израиля объявила, что израильтяне не уйдут оттуда, не получив гарантий свободы прохода своих судов по Акабскому заливу и неиспользования Египтом сектора Газы в качестве базы против Израиля. Но Египет отверг какие бы то ни было условия вывода израильских войск со своей территории.

Тогда в дело вмешались Соединенные Штаты, которые только и ждали подходящего случая, чтобы проникнуть в регион. Они способствовали ослаблению позиций Англии и Франции, чтобы покончить с их влиянием в регионе. Ради достижения своих целей они оказывали нажим на Израиль, чтобы заставить его вывести свои войска, и на Египет, вынудив его согласиться на пребывание контингента чрезвычайных вооруженных сил ООН в районе Шарм-аш-Шейха, дабы не дать египетским войскам возможности в будущем запереть Акабский залив. Не желая упорствовать и бросать вызов США, ибо такая позиция, по его собственному выражению, была бы «неполитичной», Г. А. Насер, как пишет А. Наттинг, «вынужденно» принял эти условия.

В Газе не прекращались демонстрации населения, которое требовало возвращения египетской администрации,

Израильские войска не знали покоя ни днем, ни ночью.

Перед тем как уйти с Синая, израильтяне разрушили там все — нефтяные скважины, шахты, железнодорожные линии, емкости с питьевой водой, жилые и служебные здания. 14 января 1957 г. их войска ушли из Эль-Ариша, затем из Рафаха и Хан-Юнеса и, наконец, 6 марта — из Газы и 7 марта — из Шарм-аш-Шейха, хотя лишь за день до этого Бен-Гурион заявлял, что «Израиль ни за что не уйдет из Газы и Шарм-аш-Шейха».

В Газу был послан гражданский египетский губернатор, а вместо воинского контингента вместе с ним туда была направлена лишь группа служащих военной полиции.

После произведенной расчистки 29 марта 1957 г. возобновилось судоходство по Суэцкому каналу. Англия и Франция, пытавшиеся бойкотировать движение по каналу, через несколько недель были вынуждены вновь начать пользоваться им, причем канал полностью управлялся египетской администрацией.

С окончанием агрессии 1956 г. практически стало недействительным и соглашение об эвакуации, заключенное в 1954 г. Аннулировав условия этого соглашения, Египет окончательно избавился от подозрения в союзничестве с Великобританией. Тем самым подтвердилась правильность оценки Г. А. Насера и его коллег — членов Совета революционного командования, считавших, что осуществление эвакуации — это основа, отталкиваясь от которой Египет сможет свободно, в соответствии со своей собственной волей проводить свою национальную политику.

Отныне Египет мог снова приступить к воплощению в действительность мысли, высказанной Г. А. Насером в его интервью влиятельному американскому журналу «Форин афферс» до суэцкого кризиса, в феврале 1955 г.: «При нашей политике созидания, которую мы наметили в целях повышения уровня жизни народа, нет места войне».

КОММЕНТАРИИ

Глава I

1. *Мамлюки* (араб.) — белые рабы. Уже в первые века после завоевания арабами Египта гвардейцы египетских султанов превратились в военную аристократию, изолированную от местного населения и пополняемую за счет новых постоянных притоков. Она стала выдвигать из своей среды беев, правивших страной вплоть до турецкого завоевания, а фактически, за исключением отдельных коротких периодов, до конца XVIII — начала XIX в. Система мамлюков была основана на определенном расовом принципе. В качестве мамлюков покупались выходцы не из одного племени или какой-либо страны немусульманского мира, а из огромного ареала, именовавшегося евроазиатской степью (от Кавказа до Балкан и даже Адриатического моря), заселенного племенами и народностями, имевшими сравнительно высокоорганизованную военную систему. Только мамлюкской верхушке разрешалось покупать белых рабов, которые получали свободу, обращались в ислам и проходили специальную военную подготовку. Остальное население, за исключением самого узкого верхнего слоя, могло иметь только чернокожих рабов.

2. Положение феллахов улучшилось, во-первых, в связи с укреплением центральной власти, что оградило их от насилия и грабежей со стороны мамлюкской аристократии и кочевых племен; во-вторых, в результате проведения аграрной реформы 1808—1815 гг., ликвидировавшей ильтизам (откупная система взимания феодального налога).

3. *Ат-Тахтави, Рифаа Рафи* (1801—1873) — один из первых египетских просветителей и ученых нового времени, сыграл выдающуюся роль в развитии египетской арабской литературы, прессы и культуры. Выступал сторонником прогресса во всех областях общественной жизни против традиционных устоев. Он один из первых мусульманских деятелей, ратовавших за женское образование и привлечение женщин к общественной жизни. Написал около 20 произведений, среди них известная книга «Извлечение чистого золота из посещения Парижа».

4. *Имам* — 1) лицо, руководящее коллективной молитвой; 2) сунниты применяют этот термин по отношению к халифам как руководителям своей общины, а также в почетном смысле к наиболее выдающимся теологам ислама; 3) у шиитов потомок Али бну Аби Талеба, четвертого «праведного» халифа, верховный правитель мусульманского мира.

5. По другим данным — 3854 тыс. человек (см.: B. R. Mitchell. International Historical Statistics Africa and Asia. New York, London, 1982, p. 30).

6. Мамлюки, оказывавшие сопротивление реформам Мухаммеда Али, были приглашены 1 марта 1811 г. в каирскую цитадель, где проводился военный парад, после окончания которого они были окружены преданными правителю албанскими отрядами и уничтожены.

7. *Фирман* (перс.) — в некоторых мусульманских странах указ султана, шаха.

8. *Копты* — египтяне-христиане, составляющие 5—8% населения страны.

9. Египет при Саиде и особенно Исмаиле добился полной автономии от Турции в вопросах внутреннего управления. Важным шагом в этом направлении явился фирман (8 июня 1867 г.), в соответствии с которым султан даровал египетскому паше титул хедива (повелитель, сеньор), указывавший на особое положение правителя Египта среди вассалов Порты. Хедив получил право заключать с иностранными державами все виды договоров и соглашений, кроме политических.

10. *Ротшильды* — крупнейшая в XIX в. европейская семейная банкирская фирма, владевшая конторами в Париже, Франкфурте, Лондоне, Вене и Неаполе.

11. *Аль-Афгани, Джемаль ад-Дин* (1839—1897) — основоположник реформизма в исламе и панисламизма; богослов, философ, писатель, публицист, оратор. Невозможно назвать другого общественно-политического деятеля XIX в. из стран мусульманского Востока, который оказал бы столь сильное духовное влияние на освободительное, антиимпериалистическое движение того времени. Вскоре после приезда в Египет в 1871 г. вокруг него образовался кружок, сыгравший выдающуюся роль в распространении движения нахда (возрождение), развитии национального самосознания, идеологической подготовке антиимпериалистического восстания под руководством Ораби-паши. В сентябре 1879 г. был выслан англичанами из Каира в Индию. В период английской оккупации Египта был взят под стражу. Среди его учеников и последователей — крупнейшие деятели нахды и арабского освободительного движения.

12. *Абдо, Мухаммед* (1849—1905) — выдающийся ученик и соратник аль-Афгани, один из крупнейших представителей движения нахда и реформизма в исламе. За участие в восстании Ораби был выслан из Египта и в 1883—1888 гг. жил в Бейруте и Париже. По возвращении в Египет был избран главным муфтием. Выступал поборником «обновления» ислама, его приспособления к развивавшимся буржуазным отношениям.

13.*Бей* — феодальный титул, присваивавшийся сперва султаном, а затем египетскими монархами.

14. *Сердар* — главнокомандующий в Турции и Египте.

15. *Ватанисты* — члены первой политической партии в Египте (Аль-Хизб аль-Ватани — Национальная партия), действовавшей в период антианглийского национально-освободительного движения 1879—1882 гг. во главе с Ораби-пашой. Состояла из офицеров и прогрессивных интеллигентов.

16. Речь идет об аресте Ораби и двух его сподвижников в военном министерстве, где им угрожала расправа. Однако офицеры каирского гарнизона подняли войска на выручку своих лидеров и освободили их.

17. *Блант, Вильфрид Скэвен* — известный английский либеральный деятель, востоковед, журналист и поэт, автор известной книги «Секретная история английской оккупации Египта» (W. B l u n t. Secret History of the English Occupation of Egypt. London, 1907).

18. *Кромер*, лорд (майор Эвелин Беринг) — английский генеральный консул, который в течение 25 лет был неограниченным

правителем Египта. Автор двухтомной книги «Современный Египет» (Cromer. The modern Egypt. London, vol. I—II, 1908), являющейся весьма искусной апологией империалистической политики в Египте.

Глава II

1. Махдистское восстание 1881—1898 гг. в Судане против английских колонизаторов, произвола турецко-египетских властей и местных феодалов. Руководитель восстания — мусульманский проповедник Мухаммед-Ахмед — объявил себя махди (мессией).

2. *Гордон* — английский генерал-губернатор Судана, в 1885 г. был захвачен в плен махдистами.

3. *Мильнер* — лорд, крупный английский колониальный чиновник, автор книги «Англия в Египте» (Milner. England in Egypt. London, 1904).

4. *Уингейт, Реджинальд* — английский генерал, впоследствии английский верховный комиссар в Египте.

5. *Сенусия* — мусульманский религиозно-политический орден, основанный в первой половине XIX в. в Мекке и названный по имени его основателя Мухаммеда ас-Сенуси. Затем центр ордена был переведен в Ливию. Сенуситы боролись как против турецкого господства, так и западных колонизаторов. В настоящее время сенусия распространена в Ливии, Алжире, Нигере, Чаде и некоторых других странах Центральной Африки.

6. Национальная партия (называлась так же, как и упоминаемая выше партия, основанная А. Ораби) была сформирована в 1907 г. известным просветителем, публицистом и политическим деятелем, лидером освободительного движения Мустафой Кямилем. После его смерти партию возглавил Мухаммед Фарид. Вплоть до восстания 1919 г. была основной оппозиционной силой, выступавшей против британского господства.

7. *Алленби* — генерал, английский верховный комиссар, заменивший вскоре после начала восстания 1919 г. Уингейта.

Глава III

1. Партия либералов-конституционалистов образовалась в октябре 1922 г. в результате выхода из партии Вафд группы крупных земельных владельцев и компрадоров, выступавших за сотрудничество и компромиссы с Великобританией.

2. *Мустафа Наххас* (1879—1965) — выдающийся деятель освободительного движения Египта. После смерти Заглула в 1927 г. и вплоть до роспуска Вафда в 1953 г. был ее бессменным лидером.

3. *Роммель, Эрвин* — немецкий генерал-фельдмаршал, с февраля 1941 г. командующий немецкими экспедиционными войсками в Северной Африке, с сентября 1941 г. — 1-м африканским танковым корпусом.

4. Начальник уезда (марказа).

5. Провинция ат-Тахрир была создана решением правительства Египетской республики в апреле 1953 г. в западной части дельты Нила между каналом Нубарийя и дорогой, проходившей по

пустыне. Предполагалось освоить сперва 610 тыс. федд. земли, а впоследствии довести эту площадь до 2200 тыс. федд. Этот план осуществлен лишь частично.

6. Офицеры армии, расписываясь в почетной книге Абдинского дворца, как бы косвенно выражали свою лояльность «королю и отечеству». В данном случае это был лишь предлог для встречи с Хасанейном.

Глава IV

1. Речь идет о мелкобуржуазной профашистской партии «Молодой Египет» («Мыср аль-Фатат»), основанной в 30-е годы адвокатом Ахмедом Хусейном.

2. Ассоциация «Братья-мусульмане» была основана в 1929 г. школьным учителем Хасаном аль-Банной. В 30-е годы центр ассоциации был переведен в Каир и она превратилась в мощную и влиятельную религиозно-политическую организацию, игравшую важную роль в послевоенной истории Египта.

3. В буржуазной западной и арабской литературе вплоть до 70-х годов превалировала точка зрения, что после разгрома Египетской коммунистической партии в 1924 г. коммунистическое движение практически было парализовано. Однако исследования египетского ученого Рифата Саида, проведенные в 60—70-е годы, свидетельствуют о том, что, загнанная в глубокое подполье, партия не прекращала своей деятельности и продолжала действовать, изменив формы и методы борьбы в соответствии с новыми, более сложными условиями (см.: Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира. М., 1979, с. 222).

4. *Аль-Ораби, Хосни* — один из пионеров социалистического, а затем коммунистического движения в Египте. Принимал активное участие в основании Социалистической партии Египта (1921 г.), Египетской федерации рабочих (1921 г.). В 1922 г. после переименования Социалистической партии Египта в Египетскую коммунистическую партию (ЕКП) аль-Ораби стал председателем партии. В марте 1924 г. в числе шести руководителей ЕКП был арестован.

Глава V

1. *Вейцман, Хаим* — один из лидеров сионизма, в мае 1948 г. был избран первым президентом Израиля.

2. Отряды добровольцев из различных арабских стран — членов Лиги арабских государств.

3. *Мухаммед Нагиб* — генерал (с 1948 г.). После революции 23 июля 1952 г. встал во главе Совета революционного командования (СРК) и был провозглашен верховным главнокомандующим египетской армии. После образования республики (1953 г.) стал первым президентом.

4. *Эйлат* — в настоящее время израильский порт в заливе Акаба, неподалеку от иорданского порта Акаба.

5. *Хагана* — подпольная военизированная организация, созданная в начале 20-х годов сионистами в качестве отрядов самообо-

роны еврейских поселений, позднее — для расширения сионистской колонизации посредством террора и шантажа.

6. *«Иргун цваи леуми»* — сионистская экстремистская организация, созданная в 1935 г.

Глава VI

1. Учитывая огромное экономическое и стратегическое значение Египта, Великобритания предпринимала в тот период усилия с целью привлечь его к участию в агрессивных империалистических планах, направленных против СССР и освободительного движения арабских народов.

2. В сентябре 1953 г. был образован Революционный трибунал для проведения процессов над политическими деятелями монархического режима, которые имели связи с иностранными государствами. В данном случае речь идет об одном из процессов, проведенных трибуналом в 1953—1954 гг.

Глава VII

1. Речь идет о проекте договора четырех государств— Англии, США, Франции и Турции — о так называемом средневосточном командовании, который безуспешно пытались навязать Египту в октябре 1951 г.

2. *Марей, Мустафа* — депутат парламента, известный тем, что в мае 1950 г. подал в палату шейхов (сенат) запрос по вопросу, связанному со злоупотреблениями короля в период Палестинской войны (1948—1949 гг.).

3. Однофамилец лидера партии «Мыср аль-Фатат», занимал пост министра социальных дел с января 1950 г. по август 1951 г.

Глава VIII

1. Речь идет о деталях общего плана, разработанного под руководством Насера.

Глава IX

1. В соответствии с версией Мухаммеда Нагиба, к 22 июля Совет командования (СК) состоял из десяти человек (включая его самого), а остальные четыре члена были введены в состав СК накануне революции 23 июля 1952 г. (M. Neguib. Egypt's Destiny. London, 1955, p. 110—112).

Глава X

1. *Шукри, Ибрагим* — в 1978 г. основал Социалистическую партию труда (СПТ), создание которой поддержал Садат для сохранения «демократического фасада» режима и создания «честной»

оппозиции. Однако СПТ вскоре превратилась в действенную оппозиционную силу и выступила с острой критикой антинационального и антиарабского курса президента Садата.

2. *Аль-Барави, Рашид* — крупный египетский экономист прогрессивного направления, автор многих работ по экономике Египта, некоторые из которых были переведены на иностранные языки; на русском языке издана книга: Аль-Барави Рашид и Улойш Мухаммед Хамза. Экономическое разввитие Египта в новое время. М., 1954 г.

3. 13 ноября 1918 г. Саад Заглул вместе с двумя соратниками встретился с английским верховным комиссаром в Каире в надежде получить у него разрешение на выезд в Лондон для представления египетских требований английскому правительству. Отказ верховного комиссара удовлетворить требования Заглула вызвал всеобщее негодование и протесты по всей стране и послужил сигналом к началу антиимпериалистического восстания. Впоследствии этот день ежегодно отмечался как День национальной борьбы.

Глава XI

1. Англо-египетский конфликт по вопросу о выводе английских войск из Египта и Судана и о будущем Судана обсуждался в Совете Безопасности в августе—сентябре 1947 г. по просьбе египетского правительства, законные требования которого поддержали лишь СССР, ПНР и Сирия. Совет Безопасности так и не принял никакого решения, и рассмотрение египетского вопроса было отложено на неопределенное время.

2. 13 июня 1906 г. несколько английских офицеров, охотившихся в деревне Деншавай на голубей, своим бесцеремонным поведением спровоцировали столкновение с египетскими крестьянами, которые обезоружили англичан. В связи с этим инцидентом Специальный трибунал приговорил четырех крестьян к повешению. Их казнь вызвала взрыв всеобщего негодования и послужила сигналом к подъему освбодительной борьбы в Египте.

3. *Глабб-паша* — английский офицер, с 1930 г. ему переданы права эмира восточных областей Трансиордании. С 1933 г. — управляющий бедуинскими кочевыми племенами. Для подавления антиколониальных выступлений создал специальную жандармерию «Стража пустыни». Позже командовал Арабским легионом — вооруженными силами страны. Являлся английским диктатором Иордании, выслан из страны в марте 1956 г. по требованию народных масс в период подъема антиимпериалистического движения.

4. В марте 1954 г. правительства СССР и Египта решили преобразовать свои миссии в Каире и Москве в посольства.

5. Речь идет о Константинопольской конвенции 1888 г. об обеспечении свободного плавания по Суэцкому каналу, заключенной между Австро-Венгрией, Великобританией, Германией, Испанией, Италией, Нидерландами, Россией, Турцией и Францией.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Хамруш

РЕВОЛЮЦИЯ 23 ИЮЛЯ 1952 г. В ЕГИПТЕ

ИБ № 12814

Редакторы *Ю. Д. Рыжков, О. Ф. Тихомиров*
Художник *В. В. Кулешов*
Художественный редактор *И. М. Чернышева*
Технические редакторы *В. П. Шиц, Г. В. Лазарева*
Корректор *Т. А. Шустина*

Сдано в набор 28.12.83. Подписано в печать 03.05.84. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типогр. № 1. Гарнитура об.-новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,64. Уч.-изд. л. 18,91. Тираж 9000 экз. Заказ № 1876. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 38889

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105, Москва, Нагатинская ул., 1.